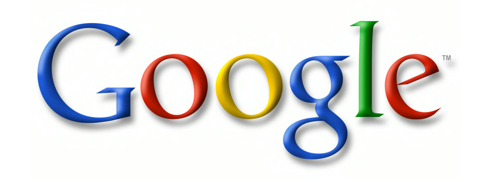
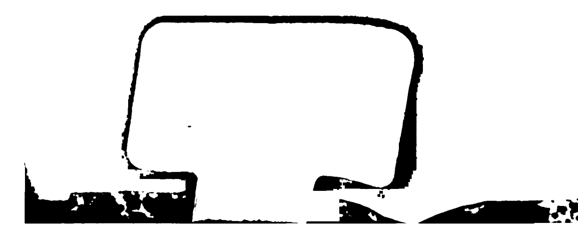

Google

Русскія

Драматическія произведенія

1672—1725 годовъ.

КЪ 200-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ РУССКАГО ТЕАТРА

собраны и объяснены

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ,

профессоромъ московскаго университета.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1874.

ИЗДАНІЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

РУССКІЯ
ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ
1672—1725 ГОДОВЪ.

КЪ 200-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ РУССКАГО ТЕАТРА

СОБРАНЫ И ОБЪЯСНЕНЫ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ,

ПРОФЕССОРОМЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.
1874.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
въ С.-Петербургѣ, по Мойкѣ, № 5.

III.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII-ВѢКА.

I.

УЖАСНАЯ ИЗМѢНА

СЛАСТОЛЮБИВАГО ЖИТІЯ

съ

ПРИСКОРБНЫМЪ И НИЩЕТНЫМЪ,

ВЪ ЕВАНГЕЛЬСКОМЪ ПИРОЛЮБЦѢ И ЛАЗАРѢ ИЗОБРАЖЕННАЯ, НЫНѢ ЖЕ ПРИ ЗАПУСТНЫХЪ ПИРОВАНІЯХЪ ДѢЙСТВІЕМЪ БЛАГОРОДНЫХЪ ВЕЛИКОРОССІЙСКИХЪ МЛАДЕНЦОВЪ ВЪ НОВОСІЯЮЩИХЪ СЛАВЯНО-ЛАТИНСКИХЪ АѲИНАХЪ, ВЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ И БОГОСПОСАЕМОМЪ ГРАДѢ МОСКВѢ ЯВЛЕННАЯ ЛѢТА 1701 ГОДУ НОЕМБРІА « » ДНЯ.

АНТИПРОЛОГЪ.

Всего дѣйствія вещь и событіе іероглифически, образнѣ, является.

ПРОЛОГЪ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Является Сластолюбіе, на седмоглавной зміи въ міръ входящее, еже, отъ міра любезнѣ пріятое, прельщеніемъ Любве земныя и чашею сластей богомерзкихъ многихъ напаяетъ, имъже и духъ евангельскаго пиролюбца сопричтеся.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Пиролюбецъ, Сластолюбіемъ прельщенный, является въ свѣтлой одеждѣ, емуже Любовь земная трапезу и пиръ укра-

*

шаетъ; тѣмъ онъ удовольствованъ и, стклянымъ плясаніемъ домовыхъ отроковъ утѣшенъ, усыпаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Спящу пиролюбцу, является Іовъ многоболѣзненный на гноищи, увѣщевая его о прелести міра и страстей; но той, сномъ паче же жестосердіемъ отягченъ, ничто же отвѣщаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Пиролюбцу съ прочими други своими веселящуся, приходитъ нищій и алчный Лазарь, прося насытитися отъ трапезы его; но, ничто же пріемъ, издалеча на гноищи полагается. Пиролюбецъ же, насыщенъ брашномъ, пріемлетъ потѣхи ради лукъ: умѣривъ стрѣлою въ сердце, и обрѣтаетъ внутрь подобное себѣ лице, во огни геенскомъ мучимое, и мало нѣчто усумнѣвается и печалуетъ; но, Любовію земною потѣшенъ, сабельнымъ ликованіемъ скорбь разбиваетъ и радостенъ отходитъ во упокоеніе свое.

Хоръ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Являются лица: Милости божія, Помощь божія и Надежда, лежащаго скорбнаго Лазаря утѣшающіи и чашею небесною укрѣпляющіи.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Сѣдшу лицу Суда божія, Воздаяніе и Истина на судъ, Милость божія со ангеломъ хранителемъ приводятъ духа Лазарева, носяще книгу житія своего; обрѣтенный же праведенъ, жизни вѣчной предается. Пиролюбцова же духа Совѣсти и Грѣху на судъ влекущимъ и множество грѣховъ являющимъ, Гнѣвъ божій отмщенія нань проситъ; тѣмъ же осужденъ, Смерти предается, ангелу хранителю издалеча рыдающу.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Лазарь, ангелы посѣщенный и утѣшаемый, духа Богу предаетъ, егоже душу ангелъ хранитель въ небо относитъ, прочимъ ангеломъ поющимъ.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Ангелъ съ небесе сходитъ, имѣяй ключъ бездны, яряся зѣло на пиролюбца, и отверзаетъ студенецъ геенскій, отъ негоже вопль, дымъ и пламень огненный исходитъ.

Хоръ.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Смерть уготованный пиръ премѣняетъ; чаши же ядомъ смертоноснымъ смѣсивши, укрывается. Пришедши же на обычное пированіе со многими другими, пиролюбецъ, яростенъ о премѣнѣ брашенъ, вкусивъ, не вѣдый, смертоносныя чаши, изнемогаетъ; положенъ же на одрѣ, демонскими видѣніи устрашаемый, умираетъ злѣ, егоже душу Смерть во адъ относитъ.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Является душа пиролюбцева, стязающися съ тѣломъ о винѣ погибели своея. Имъже тако препирающимся, приходитъ Смерть и, тѣло со одра на землю низвергши, душу во адъ похищаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 11.

Отмщеніе божіе мертвое тѣло пиролюбца велитъ пожерти земли, еже она, громомъ свыше пораженна, творитъ.

ЯВЛЕНІЕ 12.

Является Лазарева душа на лонѣ Авраама во свѣтлости; является и пиролюбецъ въ мукахъ геенскихъ; прося же помощи отъ него и не обрѣтая, горцѣ рыдаетъ.

ЭПИЛОГЪ.

Церковь святая православная, зѣло скорбя о погибели пиролюбца и тому подобныхъ, врачество сицевымъ ядомъ смертоноснымъ уязвленнымъ—постъ святый подаетъ и дѣйствіе заключаетъ.

II.

СТРАШНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ВТОРАГО ПРИШЕСТВІЯ ГОСПОДНЯ НА ЗЕМЛЮ,

ПРИ ДЕРЖАВѢ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО САМОДЕРЖАВНѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА, ВСЕЯ ВЕЛИКІЯ, И МАЛЫЯ, И БѢЛЫЯ РОССІИ САМОДЕРЖЦА, ДѢЙСТВІЕМЬ БЛАГОРОДНѢЙШИХЪ ОТРОКОВЪ ВЕЛИКОРОССІЙСКИХЪ ВЪ ЕГО ЦАРСКАГО ПРЕСВѢТЛАГО ВЕЛИЧЕСТВА СЛАВЕНО-РОССІЙСКИХЪ АѲИНАХЪ ВЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ И БОГОСПАСАЕМОМЪ ВЕЛИКОМЪ ГРАДѢ МОСКВѢ ЯВЛЕННОЕ 1702 ГОДУ ФЕВРАЛЯ ВЪ 4 ДЕНЬ.

ПРОЛОГЪ, ИЛИ ПРЕДСЛОВІЕ.

Является Церковь православная со своими други, сирѣчь Добродѣтельми, зѣло жалѣя о умноженіи беззаконій въ мірѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Является Міръ съ своими други, сирѣчь Грѣхами смертными, хваляся о владѣніи своемъ и повелѣвая Грѣхомъ, да людей въ его удержатъ послушаніи, еже обѣщаютъ.

Хоръ, сирѣчь ликъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Является Честь божія, жалѣя о умаленіи своемъ въ мірѣ; тоже Всемогущество, Судъ и Истина, утверждающе Честь божію, обличающе же умноженіе беззаконій и обѣщающе первое многими напастьми и бѣдами плѣнити землю, по семъ

истиннымъ судомъ божіимъ праведныя убо оправдати, грѣшныя же осудити.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Является Милосердіе божіе, еще жалѣя о грядущей погибели Міра; но Отмщеніе божіе конечнѣ погибель тому обѣщаетъ и Милосердіе отъ земли взяти увѣщаетъ.

Хоръ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Спящу Навуходоносору съ совѣтники своими, является тѣло превеліе, знаменающее четыре царствія, прежде втораго пришествія господня имущія быти, и окончанія ихъ; о егоже видѣніи предивномъ царь, воспрянувъ отъ сна, зѣло ужасается и повелѣваетъ рабомъ взыскати волхвовъ премудрыхъ; но, отъ сихъ не увѣдѣвъ тайны, повелѣваетъ всѣхъ воиномъ избити. Сіи, повелѣнное сотворше, обрѣтаютъ Даніила, иже всю тайну цареви откры, тѣмъ же благодарно отъ него пріятый и присѣденіемъ почтенный, царя къ похвалѣ Высочайшаго Бога приведе. Также является Ярость геенская, яряся зѣло на весь Міръ, паденія ради столпа.

Хоръ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Являются пированія, лики, купли и прочая дѣющіи; таже внезапныя Смерти со своими орудіи, ярящіяся зѣло на пирующія и прочія, яже внезапу погубляютъ и надъ убіенными ликуютъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Является Самоволіе съ Гордынею, люди отъ послушанія короля своего разрѣшающе и сердце къ несогласію разжигающе. Тіи же, воспрянувше, Геніуша польскаго, въ сенатъ при-

шедшаго, не слушаютъ и между собою препираются и сеймъ, или совѣтъ, аще и славою о нашествіи окрестныхъ народовъ увѣрены, теряютъ.

Посредствіе.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Является Королевство польское, укоряющее сенаторовъ лядскихъ о погибели многихъ странъ, ради самовольнаго и гордыннаго несогласія и распри междоусобныя. Имъ же на пособствіе Литвѣ по несогласномъ совѣтѣ отшедшимъ, является торжествующій Марсъ роксолянскій, носящъ взятая Ляхомъ оружія, до негоже Фортуна и Побѣда пришедше, знаменія побѣды тому вручаютъ и трофеумъ, или столпъ торжественный, россійскому орлу, вмѣсто гнѣзда, украшаютъ, до негоже орелъ со оружіемъ огненнымъ слетѣвъ, громко находящіе Ляхи поражаетъ.

Посредствіе.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Пророку Даніилу во снѣ являются четыре звѣріи, изъ огненнаго моря исходящіи, имъже геенскіе виды даютъ знаменіе яростей; отъ нихъже лютѣйшій звѣрь—имѣя на главѣ роговъ десять, и единонадесяту рогу возносящуся, три преднія отпадаютъ. Сего за умерщвленіе незлобивыхъ Ветхій деньми съ неба перунами поражаетъ; Отмщеніе же божіе конечнѣ тогожде убиваетъ и, прочіимъ звѣремъ запретивше, отходитъ. По семъ Даніилъ, ангеломъ возбужденный, видѣніе тое извѣщаетъ и толкуетъ.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Является на небеси Ветхій деньми, дая власть Сынови, да судитъ Мірови. Сему послѣдуютъ пять мудрыхъ со свѣтильни-

ки украшенными; прочіимъ же пяти коснящимъ, дверь затворяется.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Являются различнаго вида людіе, гладомъ умирающіи. По семъ же является Гнѣвъ, претя Мірови вящшими бѣдами его погубити.

ЯБЛЕНІЕ 11.

Являются четыренадесять царіе со многими вои, брань между собою творяще. По семъ первѣйшему съ десятью своими царями побѣдившу три себѣ противные цари и на престолѣ по трудахъ упокоившуся, Вражда сердце запаляетъ на убіеніе пророковъ, яже за обличеніе свое убивши, убіенныхъ же воиновъ воскресивши, самъ со всѣми съ небесъ мечемъ и громами поражается. Таже приходитъ Сила божія и, воскресивши пророки, на небо возводитъ. Наконецъ является Міръ отчаянный и самъ себе мечемъ убиваетъ.

ЯВЛЕНІЕ 12.

Здѣ, Ареопагиту отъ видѣнія измѣны солнца и луны возвѣщающу близь второе пришествіе Сына божія, звѣзды съ небесъ низпадаютъ.

Хоръ.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Является Премудрость божія на дузѣ съ крестомъ и иніи съ Нимъ, держащіи книги отверсты и прочія знаменія страстей. Трубамъ же гласящимъ, ангели мертвыхъ возбуждаютъ и, Церкви предходящей, на судъ приводятъ. И тако праведницы, оправданы, на небо отходятъ; грѣшницы же, осуждены, въ геенну отсылаются и огнемъ горяще являются.

ЭПИЛОГЪ.

Церковь торжествующая со всѣми лицы благодарствуетъ слышателемъ и, представляя воспоминаніе послѣднихъ, дѣйствіе заключаетъ на честь и похвалу Богу во Троицѣ единому, отъ всѣхъ лицъ созданныхъ, видимыхъ и невидимыхъ славимому въ безконечные вѣки. Аминь.

III.

ЦАРСТВО МІРА,

ИДОЛОСЛУЖЕНІЕМЪ ПРЕЖДЕ РАЗОРЕННОЕ

И ПРОПОВѢДІЮ СВЯТАГО ВЕРХОВНАГО АПОСТОЛА ПЕТРА, АНГЕЛА ПРЕСВѢТЛѢЙШАГО И ВЕЛИКОДЕРЖАВНѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НАШЕГО, ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА АЛЕКСІЕВИЧА, ВСЕЯ ВЕЛИКІЯ, И МАЛЫЯ, И БѢЛЫЯ РОССІИ САМОДЕРЖЦА, ПАКИ ВОЗСТАВЛЕННОЕ, ВЪ ДЕНЬ ЖЕ ЕГО ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДѢЙСТВІЕМЪ БЛАГОРОДНЫХЪ ВЕЛИКОРОССІЙСКИХЪ ОТРОКОВЪ ВЪ ЕГО ЦАРСКАГО ПРЕСВѢТЛАГО ВЕЛИЧЕСТВА СЛАВЕНО-ЛАТИНСКИХЪ ѲИНАХЪ, ВЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ И БОГОСПАСАЕМОМЪ ВЕЛИКОМЪ ГРАДѢ МОСКВѢ ПРОСЛАВЛЕННОЕ 1702 ЛѢТА.

ПРОЛОГЪ, ИЛИ ПРЕДСЛОВІЕ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Міръ съ четырми частьми своими, радуяся и благодаря Бога о области и славѣ своей, Любовію земною къ идолослуженію прельщенный, тѣмъ и скипетра царскаго хитростнѣ лишенный, плѣницами связуется.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Гнѣвъ божій и Правда Міръ свазанный на смерть осуждаютъ; но, Благодатію и Долготерпѣніемъ божіимъ укротими, казнь на время отлагаютъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Идолослуженіе съ Любовію земною Европу, Асію, Африку и Америку въ свою область претягаютъ, но Истиною возбраняются.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Благочестіе и Рыданіе, видящи Міръ плѣненный и умноженія кумировъ на земли, зѣло со жалостнымъ пѣніемъ плачутся; но отъ небесъ, обѣщаніемъ разрѣшенія Міра и разоренія идоловъ, во утѣшительномъ пѣніи, ослабу въ жалости пріемше, отходятъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Симона и Андрея, вскрай моря мрежи своя пошивающія, Любовь небесная, мимоходя, въ слѣдъ себѣ взываетъ; они же, оставльше вся, въ слѣдъ ея идутъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Идолослуженіе и жерцевъ, приносящихъ ѳиміанъ идоломъ громи устрашаютъ; приносящихъ же агнца, прилетѣвъ, вранъ великій восхищаетъ. Тіи же, усумнѣвшеся и бывшее разно разсуждающе, Аполлина вопрошаютъ, что имать быти сіе. Имъ же разореніе свое Христомъ и апостолы идолъ прорицаетъ.

Хоръ, или ликъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Любовь небесная Симона, исповѣдавша Христа Сына быти божія, Петромъ нарицаетъ; по трикратномъ же любви еже къ себѣ извѣщеніи паству мысленнаго стада и знаменія апостольства тому вручаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Идолослуженіе, Любовь земная и Жестокосердіе іудейское совѣщаютъ брань творити на апостолы отъ всѣхъ странъ; но Смотрѣніемъ божіимъ постыждены и прогонимы бываютъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Корнилія, сотника, молящася ангелъ увѣщаетъ, да призоветъ Симона, нарицаемаго Петра, отъ Іопійска града и творитъ имъ повелѣнная; по негоже, призвавъ рабовъ, Корнилій посылаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Петру святому молящуся и алчущу, отверзается небо, отъ негоже низходитъ плащаница, исполненная всякихъ животныхъ, со гласомъ, еже заклати и ясти я Петру. Сей же взявшейся паки на небо, Петра сумнящася, пришедше, посланники Корниліевы взыти къ господину умоляютъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Петръ святый Корнилія со всѣми домашними его увѣряетъ, на нихъже Духъ святый въ видѣніи голубинѣ низходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Жестосердіе іудейское, о обращеніи Корниліа и съ прочими жалѣя, наущаетъ Ирода на Петра святаго и прочія апостолы. Сей же, Іакова мечемъ усѣкнувъ, Петра святаго въ темницу сажаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Ангелъ спяща Петра святаго отъ узъ свобождаетъ и изъ темницы изводитъ, благодаряща Бога. Ему же, отшедшу ангелу, Любовь небесная явльшаяся и въ предлежащемъ подвизѣ укрѣпляющая, въ иныя страны, потомъ же въ Римъ отъити повелѣваетъ.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Любовь земная, увидѣвши, яко Петръ святый избѣжа рукъ ея, зѣло ярится. Увидѣвши же отъ гласовъ, яко даже до Риму

пріити намѣреніе имѣетъ, призвавши Коварства, сѣти на пути прекинаютъ; но сію Любовь небесная терзаетъ.

Хоръ, или ликъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Неронъ, Идолослуженіемъ на престолъ римскій возведенный, радуется о славѣ и области своей; Идолослуженіемъ же въ злочестіи укрѣпляемъ, съ торжествомъ отходитъ въ капища, жертву приносити богомъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Сатири лѣсные, отъ гласовъ трубъ торжествующаго Нерона возбужденныи, изъ лѣсовъ исходятъ и по обычаю своему пляшутъ, радующеся о поставленіи Нероновѣ на кесарство, въ службѣ ихъ ревнивымъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Входящу Петру въ Римъ, идолы и капища падаютъ; приходяще же Неронъ съ Идолослуженіемъ приносити жертвы и видяще ихъ разореніе, усумнѣвается. Идолослуженіе убо, помянувши словеса Аполлина, яко отъ христіанъ сіе бысть, царя увѣщаетъ; онъ же, недоумѣваяся, отходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Отъ скорби унывающу и спящу Нерону, сердце излетѣвшее и по воздуху носящееся, Любовь земная на сердце возженное уловленно Ярости подаетъ; она же сіе огнемъ своимъ запаляетъ и на пагубу святаго Петра поощряетъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Неронъ, воспрянувъ, сердце въ себѣ, гнѣвомъ лютѣ горящее, ощущаетъ; но, кто разори идолы, не вѣдя, Симона волхва призываетъ, отъ негоже разореніе, бывшее пришествіемъ Петра, уразумѣвъ, зѣло лютѣ Яростію разжизается. Волхвомъ же утѣшаемый, яко волшебствомъ своимъ или уморитъ, или превратитъ Петра, взыскати повелѣваетъ; самъ же, яростію зѣло горящъ и боля сердцемъ, въ вертоградъ на время, пользы ради, отходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Петръ святый, присутствующу Нерону и множеству Римлянъ, Симона словесы и чудесы побѣждаетъ и перуномъ, отъ небесъ спадшимъ, убиваетъ. Егоже ради кесарь, зѣло разъярився, святаго Петра въ темницу посадити повелѣваетъ; самъ же волхву, на погребеніе носиму, послѣдуетъ. Но демоны, тѣло восхитивше, во адъ относятъ, Римляномъ страха ради избѣгшимъ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Святаго Петра ангелъ отъ узъ свобождаетъ; егоже зрящи уходяща, Любовь небесная съ крестомъ срѣтаетъ и, яко паки страдати въ Римъ идетъ, увѣщаетъ. Онъ же, усумнѣвся и वземъ крестъ, отъ нея паки въ Римъ возвращается.

ЯВЛЕНІЕ 8

Является Петръ святый, на крестѣ распятый; егоже узрѣвши, Церковь святая православная о смерти его рыдаетъ; дщерьми же сіонскими утѣшена, съ креста снятое апостола тѣло въ гробѣ полагаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Является Петръ святый въ славѣ небесной, пріемля отъ девяти Блаженствъ одѣяніе брачно и дарованія, Христомъ

обѣщанная, имиже украшенъ на престолѣ суда посажденъ бываетъ.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Геніушъ Петра святаго Идолослуженіе и Міръ на судилище Милости и Суда, Прáвды и Мира приводитъ: власть же судомъ надъ обоими пріятъ,—Идолослуженіе убо, съ царскаго украшенія обнаженно, въ геенну изгонитъ, Міръ же, въ царскія одежды украшенъ, на камени твердаго исповѣданія, аки на престолѣ царскомъ, посаждаетъ

ЕПИЛОГЪ, ИЛИ НАДСЛОВІЕ.

Геніушъ Петра, святаго апостола, Благочестіе и Міръ православный тезоименитому камени, Его царскому пресвѣтлому Величеству, всея Россіи самодержцу, яко единому между монархи благочестія и православія поборнику и расширителю, похвальная анаграммата изъ имени Его царскаго пресвѣтлаго Величества слагаетъ и дѣйствіе желаніемъ многолѣтныя и благополучныя Его царскому пресвѣтлому Величеству державы, на вся же враги торжественныя побѣды заключаетъ.

IV.

ТОРЖЕСТВО МІРА ПРАВОСЛАВНАГО.

ВЕРХОВНѢЙШИМЪ БЛАГОЧЕСТІЯ ПОБОРНИКОМЪ, ПЕТРОМЪ СВЯТЫМЪ АПОСТОЛОМЪ НА ЧЕТВЕРОУГОЛЬНОМЪ КАМЕНИ ИСТИННЫЯ ВѢРЫ РАЗОРЕНІЕМЪ ИДОЛОСЛУЖЕНІЯ УТВЕРЖДЕННОЕ, ТРУДЫ ЖЕ И БЛАГОПОЛУЧІЕМЪ КАМЕНИ ТЕЗОИМЕНИТА, НЕПРЕОДОЛѢННАГО МОНАРХА И НЕУСЫПАЮЩАГО ВЪ БРАНѢХЪ ГОСПОДНИХЪ ВОИНА, ПРЕСВѢТЛѢЙШАГО И ВЕЛИКОДЕРЖАВНѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НАШЕГО ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА АЛЕКСІЕВИЧА, ВСЕЯ ВЕЛИКІЯ И МАЛЫЯ И БѢЛЫЯ РОССІИ САМОДЕРЖЦА, РАЗШИРЯЕМОЕ ДѢЙСТВІЕМЪ ВѢРНѢЙШИХЪ ПОДДАННЫХЪ И НИЖАЙШИХЪ РАБОВЪ, СЛАВЕНОЛАТІНСКИХЪ АѲИНЪ. БЛАГОРОДНЫХЪ ВЕЛИКОРОСІЙСКИХЪ ОТРОКОВЪ, НА ДЕНЬ АНГЕЛА ЕГО ЦАРСКАГО ПРЕСВѢТЛАГО ВЕЛИЧЕСТВА УСТРОЕННОЕ, ПО ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЖЕ ЕГО ОТЪ БРАНИ ВОЗВРАЩЕНІИ, ВЪ ДЕНЬ ПОКЛОНЕНІЯ ЧЕСТНЫМЪ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПЕТРА ВЕРИГАМЪ, ЯВЛЕННОЕ ВЪ БОГОСПАСАЕМОМЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ ВЕЛИКОМЪ ГРАДѢ МОСКВѢ ЛѢТА ГОСПОДНЯ 1703.

ПРОЛОГЪ

дѣйствія вещь изъявляетъ.

ДѢЙСТВІЕ 1.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Міръ, радуяся съ четырьми частьми своими и благодаря Бога о области и славѣ своей, Любовію же земною ко идолослуженію прельщенный, тѣмъ вѣнца и скипетра царскаго лишенный, пленицами связуется.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Идолослуженіе и Злочестіе, Любовію земною пособствующею, Европу, Асію, Афріку, Америку въ свою область объемлютъ, но Истиною возбраняются.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Благочестіе и власть Міра, жалостнымъ пѣніемъ о паденіи міра и умноженіи идоловъ рыдаютъ; но, отъ небесъ во утѣшительномъ пѣніи отраду пріемше, съ благодареніемъ и упованіемъ отходятъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Симона и Андреа, вскрай моря мрежи своя пошивающыя Любовь небесная, мимоходя, въ слѣдъ себе призываетъ; они же, оставльше вся, вслѣдъ ея идутъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Идолослуженія и жерцевъ, приносящихъ ѳиміамъ идоломъ, громы устрашаютъ, приносящимъ же ангца прилетѣвъ вранъ великій восхищаетъ, тіи же, усумнѣвшеся и бывшее разно разсуждающе, Аполлина вопрошаютъ, что имать быти сіе; имъ же разореніе свое Христомъ и апостолами идолъ прорицаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Любовь небесная Симона, исповѣдавша Христа быти Сына божія, Петромъ нарицаетъ, по трикратномъ же любве еже къ себѣ извѣщеніи, паству мысленнаго ста̀да и знаменія апостольства тому вручаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Міръ, стенящъ въ узахъ Идолослуженія и Злочестія, Генѣушъ Петра святаго утѣшаетъ и масличный сучецъ во знаменіе избавленія даръствуетъ.

*

ЯВЛЕНІЕ 8.

Идолослуженіе и Злочестіе, воспомянувше словеса Аполлина, паче же сущцемъ, Мірови даннымъ, увѣрившеся, совѣтомъ Любве земныя, Жестосердіе іудейское въ согласіе пріемше, на брань противо апостоломъ и Благочестію устремляются, но Смотрѣніемъ божіимъ посрамляются.

ДѢЙСТВІЕ 2.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Іерусалимъ, хотящъ ветхозаконныя жертвы въ день праздника приносити, Петръ святый къ вѣрѣ христовой и поклоненію крестному приводитъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Жестосердіе іудейское, о обращеніи Іерусалима сѣтуя, наущаетъ Ирода на Петра святаго и прочыя апостолы, иже, Іакова мечемъ усѣкнувъ, Петра святаго въ темницу посаждаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Ангелъ Петра святаго отъ узъ свобождаетъ и изводитъ, емуже Любовь небесная въ иныя страны, потомъ же въ Римъ отъити повелѣваетъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Неронъ, Идолослуженіемъ на престолъ римскій возведенный и Злочестіемъ своимъ укрѣпляемый, торжествуетъ въ гласѣ пѣнія и трубъ, имиже сатыри, сирѣчь лѣсные люди,

мужески возбуждени, отъ лѣсовъ изшедше, пляшутъ по обычаю; ими же Неронъ утѣшенъ исходитъ стопы ихъ видѣти и честь воздати.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Входящу Петру святому въ Римъ, идолы сокрушаются. Возвращаяся же Неронъ въ градъ и, падшыя идолы узрѣвъ и усумнѣвся, возвращается и на уготованномъ мѣстѣ, всѣмъ отшедшымъ, сѣдъ, въ недоумѣніи усыпаетъ; ему же сердце излетаетъ, еже хотящи Любовь земная, пришедши, огнемъ ярости на Петра святаго возжещи, но внутрь не обрѣтши, на воздусѣ зря носящееся сердце свое, огнемъ горящее, уловлено Ярости, еже возжещи, предаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Неронъ, воспрянувъ, совѣтомъ велможъ Симона волхва призываетъ; волхвъ же, хотя при кесари Петра побѣдити словесы и чудесы, самъ побѣжденъ и силою крестною съ небесъ пораженъ бываетъ; Неронъ же Петра святаго распяти повелѣваетъ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Является Генѣушъ Петра святаго съ крестомъ въ небо, пріемля отъ блаженствъ одѣяніе брачно и дарованія, Христомъ обѣщанная, имиже украшенъ на престолѣ суда посаждается.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Генѣушъ Петра святаго Идолослуженіе и Міръ на судищи Милости, Суда, Правды и Мира приводитъ: власть же судомъ пріемъ надъ обоими, Идолослуженіе убо, съ царскаго украшенія обнаженно, въ геенну изгонитъ, Міръ же, въ царскія одежды украшенъ, на камени твердаго исповѣданія, аки на престолѣ царскомъ, посаждаетъ и крестъ, царемъ побѣду, въ защищеніе вручаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Благочестіе торжествуетъ о умноженіи своемъ въ свобожденномъ мірѣ и разореніи идолъ, на ихъже мѣстахъ святыя иконы поставляетъ.

ДѢЙСТВІЕ 3.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Злочестіе, жалѣя о погибели Идолослуженія и умноженіи Благочестія, вжигаетъ двѣ кометы, луну таврикійскую, льва шведскаго, еже вредити Православіе; но Благочестіе, подъ крилома орла великороссійскаго невреждено, Марсу россійскому даетъ крестъ и мечь, еже Православія борителя побѣждати.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Марсъ россійскій, пріемъ мечь и крестъ отъ Благочестія, съ собранными полки своими по военномъ обычномъ чину, на брань господню ополчается.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Злочестіе, услышавшо готовость на брань Марса россійскаго, адскую силу созываетъ и полки своя, оружіемъ, отъ адскаго Вулкана окованнымъ, вооруживше, на брань устремляется.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Генѣушу россійскаго Марса, на брань идущаго, къ Богу о пособіи молитву приносящу, является крестъ отъ свѣтлыхъ звѣздъ на небѣ съ надписаніемъ: *въ семъ знаменіи побѣдиши;* сила же божія въ видѣніи голубинѣ финикъ, знаменіе побѣды, свыше ему приноситъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Злочестіе полки своя чиновнѣ располагаетъ, на нихъже Марсъ роксоланскій со вои нашедъ, по многой брани злочестивыя въ бѣгство приводитъ и достизати бѣгущихъ устремляется, воиномъ догнанныя убивающымъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Фортуна Генѣуша Марса россійскаго вѣнчаетъ, брати городы противныхъ и знаменія ихъ злочестія связаны съ вождами своими подъ ноги ея стелетъ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Беллона войское возбуждаетъ Александра и Помпеія великихъ, извѣствующи имъ, яко паки ожиша въ Марсѣ роксоланстѣмъ, иже ихъ храбрости торжествъ и величества есть наслѣдникъ, въ знаменіе, оружія и прочая орудія военная, отъ враговъ отъятая, разоренныя же грады и развалены изъявляя, удивившееся убо крѣпости и благополучію его, тропеа, пирамиды и прочая торжественная знаменія отъ тѣхъ же составляютъ.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Мужество и Фортуна Генѣуша Марса роксоланскаго на торжественномъ возѣ, впрягше льва и змію, знаменія побѣжденныхъ, до Капитоліа, торжествующихъ храма, провождаютъ, предъидущимъ Славѣ съ Торжествомъ, Александромъ и Помпеіемъ путь уготовляющимъ; посаждену же тому на престолѣ славы россійскія, воины мултянскимъ ликомъ торжество умножаютъ.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Часъ на знаменіяхъ торжественныхъ нѣкая надписанія Его царскому пресвѣтлому величеству, большія побѣды провѣщаю-

щія, полагаетъ и борителемъ Благочестія послѣдній часъ вы бываетъ.

ЭПИЛОГЪ.

Благочестіе, Генѣушъ Петра святаго и Міръ православный, тезоименитому камени, Его царскому пресвѣтлому величеству, всея Россіи самодержцу, яко единому между монархи, Благочестія и Православія поборнику и разширителю, на злочестивыя же яко грому отъ десницы божія грозному ратнику, похвальная анаграммата изъ имене Его царскаго пресвѣтлаго величества слагаетъ и дѣйствіе желаніемъ многолѣтствія и благополучныя Его царскому пресвѣтлому величеству на враги побѣды заключаетъ.

V.

РЕВНОСТЬ ПРАВОСЛАВІЯ,

ДРЕВЛЕ ЧРЕЗЪ ПРЕЗѢЛЬНАГО РЕВНИТЕЛЯ И НЕПОБѢДИМАГО ВОЖДА ИЗРАИЛЬТЕСКАГО ІИСУСА НАВІНА ПРООБРАЗОВАННАЯ, НЫНѢ ЖЕ ВЪ РАВНЫХЪ ПРЕХРАБРЫХЪ РЕВНИТЕЛЯХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ИСТИННО ЗРИМАЯ, ПРИ БЛАГОПОЛУЧНОЙ ДЕРЖАВѢ ПРЕСВѢТЛѢЙШАГО, БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО АВГУСТѢЙШАГО ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА АЛЕКСІЕВИЧА, ВСЕЯ ВЕЛИКІЯ, И МАЛЫЯ И БѢЛЫЯ РОССІИ САМОДЕРЖЦА, СВОИМИ ЯВЛЕНІЯМИ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТѢХЪ ВЪ УЧИЛИЩАХЪ ЕГО ЦАРСКОГО ПРЕСВѢТЛАГО ВЕЛИЧЕСТВА ЧРЕЗЪ БЛАГОРОДНЫХЪ ОТРОКОВЪ ВЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ ГРАДѢ МОСКВѢ, ВКРАТЦѢ ИЗОБРАЖЕННАЯ ЛѢТА ОТЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 1704 ГОДА, МѢСЯЦА ФЕѴРУАРІА ВЪ • • ДЕНЬ.

СУНОПСИСЪ ДѢЙСТВІЯ.

Начало и основаніе дѣйствія сего отъ писанія божественнаго,—идѣже прехрабрый и непобѣдимый воинъ Іисусъ Навінъ обрѣтается, иже презѣльныя ради ревности, поношающія и стужающія людемъ божіимъ враги побѣждаше, грады ихъ искорени и разори, пять царей аморрейскихъ при удержаніи солнечномъ дне единаго уби, пособствующу ему въ семъ Богу, и тако спасе Ізраиля и прослави, о чесомъ чтемъ въ книгахъ Іисуса Навіна, наипаче въ главѣ III и VII вкратцѣ,—своими явленьми на три части разположеное.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

АНТІПРОЛОГЪ

все дѣйствіе символически изобразуетъ сице:

Являются три Благодати, несуще въ рукахъ своихъ вѣтви

масличныя и вѣнцы на главахъ своихъ съ прочіими цвѣты, имиже путь грядущему на престолъ побѣдоносный, православному Марсу устилаютъ и отходятъ. Но, зрящи сія, Фортуна иновѣрныхъ возбуждаетъ Беллону сопротивныя части, да сія вѣнцы восхититъ, и сама на престолѣ сядетъ; егдаже тщится сіе сотворити, внезапу исходитъ Мужество православнаго Марса съ трема Благодатьми, Беллону убо иновѣрныхъ вонъ изгоняетъ, Фортуну же во плѣнъ беретъ, возложивши ей на выи плѣницы; по семъ три Благодати возводятъ Мужество на престолъ побѣдоносный и возлагаютъ на главу вѣнецъ; давше ему въ десницу скипетръ, отходятъ.

ПРОЛОГЪ

всѣхъ слышателей въ дѣйствѣ проситъ о внимательномъ слышаніи.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Марсъ исходитъ со знаменіемъ православнымъ, вѣщая вѣрное сотворити послушаніе своему монарху, такожде и Беллона иновѣрныхъ со знаменіемъ, обѣщаяся тому пособствовати, егоже знаменіемъ величается, и прю между собою сотворше, Беллона сопротивныхъ собираетъ себѣ единомысленныхъ, вѣщая даже и ада возбудити противу правовѣрныхъ, Марсъ же православный глаголетъ: «азъ на силу Сего уповаю, иже ада испроверже и сопротивныхъ сотре силу.»

ЯВЛЕНІЕ 2.

Зловѣріе хвалится, яко во всѣхъ концѣхъ земли почитаемо есть и, да болію честь имать, созываетъ на совѣтъ трехъ адскихъ Богинь, яже, пришедше, совѣтуютъ Зловѣрію, яко благо есть призывати къ себѣ Злочестіе, ибо оттуду велія сотворятся брани между благочестивыми, егда многихъ къ себѣ привлекут

ЯВЛЕНІЕ 3.

Четыри части свѣта, явльшеся, хвалятся, яко вся имѣютъ сокровища и имѣнія многа, но не видятъ, кому за сія имѣютъ честь воздати и отъ чіихъ рукъ вся сія пріяша; къ нимъ же пришедъ Злочестіе глаголетъ, яко вся сія воспріяша отъ рукъ боговъ земныхъ и совѣтуетъ, да имъ всегда честь воздаютъ и всегда оныхъ почитаютъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Исходитъ Благочестіе со трема Благодатми, сѣтуя, яко Зловѣріе четыре части свѣта къ поклоненію своему приведе, и се Надежда внезапу является, вѣщая, яко четыре части свѣта, пришедше, вопрошаютъ вину сѣтованія; отвѣщаетъ имъ Благочестіе: «того ради яко отъ нихъ почитаемо есть Зловѣріе»; совѣтуетъ имъ, да отъ Зловѣрія отступятъ, поклонятся же создавшему вся, который совѣтъ Благочестія четыре части свѣта пріемлютъ, Зловѣрія же отрицаются.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Злочестіе со Зловѣріемъ, разжегшеся яростію веліею на Благочестіе того ради, яко четыре части свѣта призва въ познаніе истинныя вѣры, созываетъ трехъ адскихъ богинь, Злобу, Зависть, Убійство, повелѣвая имъ, да возбудятъ иновѣрныхъ противу Благочестія и велію брань сотворятъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Злоба отдается до инопротивныхъ Беллоны, прося, да ей пособствуетъ во всемъ и да велію сотворитъ брань и гоненіе на благочестивыхъ, того ради, яко Марсъ православный изначала ея плѣни Фортуну, на которую Брань сердце ей огнемъ запаляетъ.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Благодарствуетъ Благочестіе Вышняго силу, хваляся, что отъ четырехъ частей свѣта почитаемо есть, но внезапу отъ убійства иновѣрныхъ Беллоны возстаетъ на него гоненіе.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Церковь воюющая проситъ отъ Вышняго помощи, гоненія ради на своя сопротивныя; о чесомъ слыша, Зловѣріе, разжегшися яростію, прю съ нею творитъ, яко болію честь имать нежели Зловѣріе, того ради призываетъ Злочестія, еже пришедше изводитъ льва свирѣпа, знаменіе Белонны иновѣрныхъ, ряящася и хотяща поглотити воюющую Церковь. Но во-первыхъ прогоняются молніями съ небесъ; по семъ паки, егда вторицею устремляется на Церковь божію, исходитъ Мужество православнаго Марса и уязвляетъ льва въ позорище всѣхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Иновѣрныхъ Беллона, зѣло распалившися яростію на Церковь воюющую и на Благочестіе, яко Мужество православнаго Марса уязви знаменіе ея льва, повелѣваетъ своимъ единомысленникомъ гонити Церковь божію и Благочестіе.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Церковь съ Благочестіемъ сѣтуютъ, яко врази имъ стужаютъ, се внезапу исходитъ ревнитель хвалы божія, прехрабрый и непобѣдимый воинъ Іисусъ Навінъ, прося вины сѣтованія, и, уразумѣвъ вину, обѣщается имъ въ томъ пособити божіею помощію и врагомъ воздати месть.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Іисусъ Навінъ, ревнуя о Церкви божіи и Благочестіи, проситъ отъ небесъ помощи и егда, падъ на землю, возноситъ руцѣ, се на небеси является ему Слово Божіе, имѣя во устѣхъ своихъ мечь обоюдный и окрестъ себе свѣтлости, егоже давъ Іисусу Навину, глаголетъ: «За благочестіе и церковь дерзай, азъ есмь съ тобою.»

ЯВЛЕНІЕ 4.

Благочестивыхъ Церкве божія ревнителей Іисусъ Навінъ собираетъ, Марса и Мужество, такожде и прочія полки, да брань сотворятъ со Беллоною иновѣрныхъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Обоихъ странъ брань, Іисуса Навіна со Беллоною иновѣрныхъ, яже, зрящи крѣпкую силу аще и немногу благочестивыхъ, яко не мощно ея одолѣти, страха ради убѣгаетъ во градъ, и твердо заключается, отвсюду кустодіею укрѣпившися, гдѣ со своими вои веселится и всякія творитъ безчинія; Іисусъ же Навінъ отходитъ со своими вои.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Въ градѣ заключеномъ съ Беллоною иновѣрныхъ является Вавѵлонъ на звѣри седмоглавномъ, созывающь на пиръ всѣхъ сластолюбцевъ земныхъ и чашею беззаконія напаяетъ отъ руку своею пришедшія къ ней вся Грѣхи седмь смертныя во первыхъ піанство, гордость, обжирство, лакомство, зависть, гнѣвъ и лѣнивство.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Іисусъ Навінъ, слыша сицево безчиніе и беззаконіе во градѣ, повелѣваетъ уповати воиномъ ни на лукъ, ни на оружіе но на силу божію; токмо да священницы кіботъ завѣта божія

понесутъ окрестъ стѣнъ градскихъ и велегласно вострубятъ, еже сотворше все воинство, абіе огнь, съ небесе спадъ, градъ зазже и стѣны градскія разсыпашася, изъ негоже мало нѣчто спасеся отъ иновѣрныхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Торжествуетъ въ небѣ Церковь благочестивая со ангельскими лики, славя крѣпость десницы Вышняго, что ея враги яко Содомляновъ огнемъ зазже и градскія стѣны разруши, изъ негоже избѣгоша немнози.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Убійство вѣщаетъ, яко остася отъ разореннаго града и хощетъ месть воздати благочестивымъ, того ради призываетъ къ себѣ единомысленниковъ и умножаетъ третію брань, еже противу благочестивыхъ; но явльшаяся Слава вѣщаетъ Убійству, яко иновѣрныя третицею не избѣжатъ отъ руку благочестивыхъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Собираетъ Беллона иновѣрныхъ своихъ единомысленниковъ ко умноженію брани, къ нейже пришедшая Фортуна обѣщается ей пособити, Убійство такожде многое кровопролитіе сотворити надъ благочестивыми, каковымъ ихъ дружествомъ и силою сущи Беллона возвеличена, третицею приуготовляется на брань.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Іисусъ Навінъ, Марсъ и Мужество правовѣрныхъ совѣтуютъ, како бы лучше еще прославити Благочестіе и Церковь божію утвердити; но, понеже немощно, точію аще сотворятъ брань

и убіютъ невѣрныхъ, того ради повелѣваютъ оружія на брань творити.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Вѣкъ желѣзный является, повелѣвая вся сосуды престрояти ко брани; млатобійцы творятъ оружіе на брань противу иновѣрныхъ съ пѣніемъ, ихъ дѣлу приличнымъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Миръ отъ вражіихъ полковъ является, моля покоя у благочестивыхъ, но Мужество православнаго Марса съ совѣтомъ прочихъ посылаетъ мечь обоюдный купно съ сучцемъ масличнымъ, въ знаменіе мира или брани.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Беллона иновѣрныхъ о брани соизволи паче, нежели о мирѣ, того ради обоихъ странъ полки приуготовляются ко брани, но иновѣрныхъ больши сила и число зрится, неже благочестивыхъ. По устроенію же иновѣрныхъ являются между ими Смерти, прознаменующе имъ послѣднюю кончину, и исчезаютъ. По семъ велія брань между обоими странами; но божіею помощію благочестивые, егда зрятъ иновѣрныхъ число многое убіенныхъ, а мало что оставльшихся, померцающу солнцу, Іисусъ Навінъ заходящу солнцу вспять возвратитися повелѣваетъ, глаголя: «Стани, солнце, противу врагомъ». И возвратися вспять солнце, дондеже скончашася вси, прочіи же въ плѣнъ взяти быша. По семъ Іисусъ Навінъ благодарствуетъ десницѣ Вышняго, яко прославися въ крѣпости.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Знаменіе торжественное, отъ вражіихъ главъ со обоихъ странъ составленное; здѣ три Благодати просити будутъ Іисуса Навіна на торжественный престолъ, емуже путь уготовятъ, устланый цвѣтами и вѣнцами.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Іисусъ Навінъ Марса православнаго, Мужество по побѣдѣ съ прочіими на пиръ созываетъ; но въ первыхъ повелѣваетъ быти прежде половленію звѣрей, отъ нихъже восхитивъ нѣкихъ, во снѣдь велитъ пріуготовати.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Пиръ велій со интермедіами и ликованіемъ.

ЯВЛЕНІЕ 11.

Побѣда торжествуетъ, яко своя враги искорени, абіе четыре части свѣта въ православіи утверждаетъ быти, аще же второе когда бы дерзнули врази православію стужати, сицевую погибель обѣщается имъ сотворити, яковую прежде.

ЯВЛЕНІЕ 12.

Церковь воюющая со тремя Благодатьми благодарствуетъ давшему побѣду господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ. Такожде Церковь, въ небѣ торжествующая ангельскими лики благодарствуетъ ревнителемъ хвалы божія, величая ихъ непобѣдимую крѣпость.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Россія на торжественной колесницѣ является, такожде съ нею Церковь воюющая съ прочими прикрѣпкими православными воины, Іисусомъ Навінымъ, Марсомъ и Мужествомъ, плѣненою возимая иновѣрныхъ Беллоною и Фортуною. И се отъ небесъ внезапу явльшаяся Благодать даетъ Россіи вѣнцы единою десницею, другою же ключи вручаетъ. Сія, восприявши, вѣнцами вѣнчаетъ прехрабрыхъ воиновъ главы, Іисуса Навіна, Марса и Мужества православнаго, ключы же отдаетъ воюющей Церкви, ихъже воспріявши, велегласно глашаетъ, хваляся

предъ предстоящими, яко ни единъ ей отъ враговъ стужати возможетъ, ибо на камени крѣпцѣ утверждена есть, ей же по словеси господню и врата адова во вѣки преодолѣти не возмогутъ.

ЕПІЛОГЪ

благодарствуетъ слышателемъ за внимательное слышаніе, такожде прощенія проситъ за вся въ дѣйствѣ прегрѣшенія.

VI.

СЦИПІО АФРИКА́НЪ,

ВОЖДЬ РИМСКІИ,

и

ПОГУБЛЕНІЕ СОФОНИЗБЫ, КОРОЛЕВЫ НУМИДІЙСКІЯ.

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

РИМЛЯНЕ:

Сципіо африканскій, римскій полководецъ.

Лелій, его возлюбленникъ.

Эрсилъ, издѣвочный слуга.

Офицеры римскіе.

Солдаты римскіе.

АРАВЫ:

Масиниза, изгнанный король.

Сифаксъ, нумидійскій король.

Софонизба, его супруга.

Вермина, Иерба — два сына софонизбины.

Мисипса, Гимилько — князи.

Богудесъ, солнечный и лунный священникъ статъ арапскихъ.

ДѢЙСТВІЕ 1.

СѢНЬ 1.

СИФАКСЪ ВЪ ЖЕЛѢЗАХЪ.

СИФАКСЪ.

Заключи, Полифеме, око твое, о страже кругу земному! и претвори свѣтлый полдень въ черное затмѣніе, дабы самое приключеніе не увидѣло свое немилосердіе, еже свое пристрашное сосланіе (часто паденіе) надъ мною содѣваетъ. А вы, неправдивые боги! чего ради вамъ смертные олтари зиждутъ, вамъ честь и услуженіе воздаютъ? И вы не меньше того ничего своей жестокости не убавляете, однако и.... Вы, правдивые боги! простите бѣснованіе бѣснующаго: имѣете бо вы правду и волю насъ казати.

СѢНЬ 2.

ЭРСИЛЪ, СИФАКСЪ.

ЭРСИЛЪ.

Тако, тако! Права и воля наказаша тя, человѣче, чернаго діавола племя! Теперь токмо то узналъ. Кто тебѣ велѣлъ твоимъ чернымъ свинячьимъ рыломъ бѣлую, подобіемъ алабастру, Софонизбу лобзати? Потерпи мало; вскорѣ увѣдаешь, что мой господинъ впредь съ тобою зачнетъ! Рци мнѣ ты, черный черливный купецъ: какъ тебѣ показываются изрядныя заручені? О како избранно ему онѣ пристали, такому черному господину! Имѣютъ бо такой же цвѣтъ и, чаю, единъ твоихъ черныхъ золотарей ихъ ковалъ.

СИФАКСЪ.

Доколѣ, о небо, на меня пушкаешь, яко уродливый меня поноситъ?

*

ЭРСИЛЪ.

Что говоришь? Меня уродливымъ называешь? То есть превеликое безчестіе и противъ моего высокороднаго титла и герба! Не знаешь ты, черной трубочистъ, что въ нынѣшнихъ дняхъ учинилось, когда своимъ храбрымъ мечемъ со всѣмъ нарядомъ въ высокій рыцерскій чинъ поставленъ? И впредь то не учини: я бо ти покажу грамоты своего благородства.

(Оказываетъ ему всякія юродивыя письма; на то Сципіо со многими людьми пришелъ.)

СѢНЬ 3.

СЦИПІО, МАСИНИЗА, ЛЕЛІУСЪ, НАЧАЛЬНЫЕ ЛЮДИ.

СЦИПІО.

О горделиве Сифаксъ! ужели тебя порабощеніе на иныя мышли приводитъ? Говори ли мнѣ, какое безуміе тебя осязало, что ты союзъ съ Римляномъ уничижилъ и оставилъ.

СИФАКСЪ.

О Сципіо! Тако всегда счастіе играетъ. Счастливая звѣзда, яже днесь на тя сіяетъ, вчерась на меня свѣтила. Разумѣй: сила и приключіе двѣ сестры суть и такожде не можешь ты себя счастливымъ назвати до конца своего, яко и азъ.

СЦИПІО.

Ты гордливе! Еще тя безчестіе не усмирило. Знатно, оковы и желѣзы тя не удавили?

СИФАКСЪ.

Верба, древо, всегда вѣтромъ подымается, хотя ю хощетъ внизъ погнути.

СЦИПІО.

Добро! Посадите его въ ту тюрьму и питайте его унывнымъ хлѣбомъ. Вы же, мои избранные дружія, всею силою приступимъ къ городу и потщимся, дабы у насъ Софонизба не ушла.

МАСИНИЗА.

Великій Сципіо! уже тако мы обступили, яко невозможно изъ нашихъ рукъ уйти.

СЦИПІО.

Дѣломъ, мой драгоцѣнный Масиниза, твоей дружбѣ весьма намъ надлежитъ благодарствовать. Когда сія римская суперница и врагъ нашъ тріумфъ и входъ въ Римъ учнетъ умножить, тогда тебѣ, Масинизѣ, безопаснѣе будетъ въ мирѣ и въ покоѣ государство свое владѣти.

МАСИНИЗА (*собою говоря тихо*).

Радостнѣе Масиниза умретъ, нежели [1]) Софонизбу въ римскій тріумфъ отдастъ. Тако есть, о избранный друже: пока Аздрубалова порода здѣсь будетъ царствовати, тогда римскіе союзники будутъ утѣснены; сего ради надлежитъ, дабы никто Сифаксова дому у насъ утекъ.

ЛЕЛІУСЪ.

Сифаксово паденіе королеву начнетъ во время Сципія милости предати, явно бо есть, яко ни откуду помощеніе ожидати.

---

[1]) Въ рукописи: *небые*.

СЦИПІО.

Правда, не откуды ей знать, что Сифаксъ въ нашихъ рукахъ. Она паче начается, что онъ въ тѣсненіи убитъ или отъ лошадей попранъ.

МАСИНИЗА.

Вскорѣ можно ей вѣдомость дать, что онъ въ рукахъ. Изволишь послать двухъ плѣненныхъ Мурянъ: тѣ его сказываютъ, что онъ живъ и во оковахъ и въ желѣзахъ сидитъ.

СѢНЬ 4.

эрсилъ *(собою тихо говоря).*

ЭРСИЛЪ.

Не стыдно ли, что пси разумнѣе людей? Естьли(бъ) люди умѣли носми, яко пси, нюхать, то бъ онѣ и узнали, что изъ города люди пришли и для того въ городъ не почто послать. Я поиду и изыщу.

СЦИПІО.

Что, Ерсиле, твориши? Что собою говоришь и что новыхъ вѣстей приносишь?

ЭРСИЛЪ.

Добрѣ я разумѣлъ, что сіи люди мало мя почитаютъ. Я отъ царственнаго дѣла разсуждаю, а они у меня спрашиваютъ, какихъ новыхъ вѣстей я ему скажу. Мой господинъ Сципіо! бѣлая та голубка, которая въ той большой голубятнѣ заключена, высылаетъ [1]) къ тебѣ двухъ черныхъ вороновъ, иже желаютъ съ тобою говорить.

СЦИПІО.

Я мню, что ты, Ерсиле, вчерашней хмѣль не проспалъ, для того безъ толку говоришь.

---

[1]) Въ рук.: *вышмая.*

ЭРСИЛЪ.

Га! га! Тако надобно подобными украшенными рѣчьми, реторице говорить, дабы не всякъ разумѣлъ. А теперь вижу я: говорить мнѣ надлежитъ прямымъ такимъ языкомъ. Прислала королева Софонисба двухъ пословъ къ тебѣ, иже желаютъ очей твоихъ видѣти.

СЦИПІО.

Добрѣ. Мой драгоцѣнный Масиниза! Мы съ другомъ нашимъ Леліемъ отступимъ; сотвори послами Софонизбовыми тебѣ, гдѣ есть.

МАСИНИЗА.

Устремимся въ благополучіи и въ прибыль римскій народъ искати.

ЭРСИЛЪ.

Лучше есть то, что сіи чернявые дѣло свое сами доносятъ.

МАСИНИЗА.

Древняя сіяющая Масинизы любовь едина до Софонизбы, отмщеніе противъ Сифакса, премѣненіе и вельми непостояніе во истинно счастіе, великая дружба Сципіонова сердце мое въ непрестанной непокои держатъ и неизвѣстность кончины человѣческихъ дѣлъ суть непрестанное смятеніе мое по се время сладкія душевной покои. Но вижу пословъ, ко мнѣ грядущихъ, потщуся силою или лестію ихъ выспросить.

СѢНЬ 5.

ГИМИЛЬКО, МИЦИПСА, МУРЯНЕ И МАСИНИЗА.

МАСИНИЗА.

Кто стоитъ? Гимилько! Хощетъ ли Цирта у насъ милости просить и намъ сдатися?

ГИМИЛЬКО.

Не чаю того, великій княже, что съ нами хотите издѣватися. Вѣдаете вы сами, яко съ нашей стороны еще ничего погибель; но мы пришли у великаго Сципіона просити о размѣнѣ.

МАСПНИЗА.

Что говоришь: ничего у васъ не погибель? Флота ваша не жупеломъ ли утомленна? И войска Аздрубалева не разоренна ли? И что осталося, то мои руки погубили; огнь въ городѣ Картагинѣ засыпался. Учитеся во время разумнымъ быти и совѣтуйте, инако бо и младенецъ во утробѣ не пощадится.

ГИМИЛЬКО.

Звонъ рожный устрашаетъ токмо заецовъ, а левъ тому смѣется. И могутъ ли морскія волны каменной горѣ вредить?

МАСИНИЗА.

Нынѣ ли ваше дерзновеніе и храбрость умножилися, когда вы послѣдняго бою въ городъ ухоронились? Время Софонизбѣ милость просить, понеже уже Сифаксъ римскія желѣза носитъ.

МИЦИИСА.

Добро вѣруемъ, что онъ тогда будетъ окованъ, когда онъ всю Африку противъ Римлянъ, яко огнемъ, запалитъ.

МАСИНИЗА.

Прибѣгите въ тотъ часъ, приведите заключеннаго Сифакса на смиреніе гордости ихъ.

СѢНЬ 6.

СИФАКСЪ (*въ оковахъ*).

МАСИНИЗА.

Видишь ли сего? Сей ли всю Африку возбудитъ и Цирту свободитъ?

СИФАКСЪ.

Паденіе и возстаніе всѣмъ смертнымъ людемъ общее есть.

ГИМИЛЬКО И МИЦИПСА.

О небо! нашъ король окованъ есть, иже до сего корону носилъ на главѣ!

МАСИНИЗА.

Такія короны, которыя онъ у Масинизы силою завладѣлъ.

ГИМИЛЬКО И МИЦИПСА.

Поклонимся королю нашему къ ногамъ.

МАСИНИЗА.

Кто поклонится порабощенному?

МИЦИПСА.

О боги! до чего насъ рокъ доведетъ!

МАСИНИЗА.

Конечно разореніе ваше пришло, аще вскорѣ цитерскія ворота отворите.

ГИМИЛЬКО.

О безчестіе!

МИЦИПСА.

О бѣда!

СИФАКСЪ.

О отчаяніе!

МАСИНИЗА.

О любовь!

ВСИ МУРЯНЕ.

О рокъ! Что, скажи, сотворить хощешь?

МАСИНИЗА.

Друже мой! Миципса понуждаетъ мя въ вѣрности съ собою говорить. Сифакса отведите въ тюрьму, а вы отступите мало. На какое основаніе нынѣ Софонизба надѣятися хощетъ? Мой Миципса! угодися и сдайся съ городомъ въ руцѣ наши, тогда будешь мнѣ, яко око мое.

МИЦИПСА.

Твоя цнотость не похощетъ мя измѣнникомъ быть.

МАСИНИЗА.

Тотъ измѣнникъ, который отечество свое въ миру постановитъ и извлечетъ? Не разумнѣе ли, иже ухвaтя доску, и тою къ берегу приплыветъ, неже отъ всякаго помоганія отлучится?

МИЦИПСА.

Надлежитъ господину своему вѣрну быть до смерти.

МАСИНИЗА.

Рабъ свободенъ сталъ, когда господинъ его порабощенъ.

МИЦИПСА.

Измѣнники всегда на земли гнусные.

МАСИНИЗА.

Того отъ насъ не чай. Ты Сифакса дѣлъ не знаешь. Разсуди, колико разъ онъ Римляномъ измѣнилъ! Коликихъ князей онъ прельстилъ! И такою измѣною онъ меня съ своего престола скинулъ.

МИЦИПСА.

О жестокое пребываніе, когда вѣрность, честь, страхъ и надежда въ дни души боруютъ!

МАСИНИЗА.

Солнцу разума надлежитъ такій туманъ отнимати. Намѣрися, кому ты склоненъ.

МИЦИПСА.

Добрѣ клянуся тебѣ, что Цирта еще сегодня тебѣ въ руцѣ будетъ.

МАСИНИЗА.

О разумное намѣреніе! А какимъ подобіемъ то зачинать хощешь?

МИЦИПСА.

Здѣсь Гимилькона задержите, и завтра вели къ городу на томъ мѣстѣ, гдѣ я знакъ выставлю, приступъ учинить,—и Масиниза увидитъ, что я обѣщаніе мое исполню. А я между сими въ городъ поиду и Софонизбѣ Сифаксово плѣненіе возвѣщу.

МАСИНИЗА.

Понеже я въ вѣрности твоей обнадеженъ, мнѣ токмо подобаетъ тебѣ сердца моего крайное намѣреніе открыти, того ради извѣстно тебѣ да будетъ, мой высокопочтенный Миципса: прекрасную Софонизбу невозможно было мнѣ никакимъ спосо-

бомъ и подобіемъ изъ возлюбленнаго сердца моего изгнати, хотя я всѣмъ тщаніемъ трудился. Послѣ того она за Сифакса вышла. Память ея забвенію предати—о, праздное упованіе! Поболѣе я изъ сердца моего искалъ ю источити, поближе она душѣ моей лежала. А понеже нынѣ Сифаксъ плѣненъ, вкупѣ отъ царства своего и отъ супруги своей отлученъ, и тѣмъ мое нынѣ упованіе паки изъ пепела просіяетъ ея получити. На тебя токмо, о вѣрный друже, всю надежду мою полагаю; сего ради хощешь ли ты еле живому Масинизѣ паки новую жизнь подать, и ты такъ дѣйствуй, дабы Софонизба моя зѣло желаемая добычь чрезъ то обложеніе стала.

МИЦИПСА.

О Масиниза! Какъ тяжкія мнѣ статьи предлагаешь, чѣмъ пріятельства твоего получити! Но да будетъ, какъ будетъ! Обнадеживаю тебя, великій князь, что прежде кругъ земный, неже моя вѣрность къ тебѣ повратится.

АРІА.

МАСИНИЗА.

1.

Надежда утѣшаетъ мя;
Когда грозитъ уклониться,
То явится
Твоя радость внутренна.
Надежда утѣшаетъ мя.

2.

Упованія лишная,
Вся бо уже погубленна.
Игра
Ищетъ мою кончину:
Упованья лишная.

ДѢЙСТВО 2.

СѢНЬ 1.

ЭОЛУСЪ, БОГЪ ВѢТРЕНЫЙ.

АРІЯ.

1.

Вейте, распущенны вѣтры!
Ваша старость моя утѣха.
Вашъ шумъ
И тяжкой ломъ
Тѣшатъ Эола кругомъ.

2.

Шумите, зли волнія!
Моя радость—ваша тѣха,
Смерть бо ваша
И истлѣнья
Умирающая—весела.

СѢНЬ 2.

ЭРСИЛЪ.

Явно пристрашно то показалося, како разумно мои предки и прародители сотворили, что съ Марсомъ никакую дружбу завели. Дивно, предивно тутъ явится; не вѣдаю, кто поваръ или кто ключникъ, я вельми домогался; алкати не учился, но желудокъ мой лучше желаетъ въ цѣлый годъ жити въ полненной поварнѣ, неже одиной сутки пребыти въ таборахъ, въ которыхъ лишеніе есть всякихъ запасовъ. Я же принялъ добрый солдатскій обычай; и еслибъ временемъ украдкою не промышлялъ, то бы многіе гладомъ померли. И гдѣ невозможно добыть праведнымъ промысломъ, то надлежитъ кривымъ вымысломъ добыть. И то мы называемъ великою трудностію и домо-

ганіемъ. Когда помяну послѣднюю то все тѣло мое трепещетъ, яко мерлушкій хвостъ. Колико много добычей нечаемо себѣ получили! Но кая издѣвная тварь приходитъ? Какіе смѣшные тѣ черные котельники въ своихъ земляхъ чады имѣютъ! Зрите, какой омороκъ сюда приходитъ! *(Видитъ облезана).* А кто бы имѣлъ на сто или на двѣсти рублевъ смѣлости въ сердцѣ своемъ! Увы! какъ онъ гортань свой раздвигаетъ! Аки хочетъ мя проглотити. Теперь я въ страху обрѣтаюся, въ какомъ никогда не бывалъ, и сердце мое сицэ тяжело, аки изъ ѳрондона хочетъ выскочить. Тутъ стой или умри: будетъ побѣгу, то онъ на меня поѣдетъ; того ради надлежитъ какъ мнѣ отъ него отдѣлатися. *(Говоритъ смѣло и вѣрные поступки, дондеже его поимаетъ).* О престрашное чудо! сей мужъ вовсе косматый! Потщуся плѣнника моего за караулъ отдать, надѣюся бо много денегъ за него взять. Знать, что онъ большой, понеже избранный станъ имѣетъ.

СѢНЬ 3.

СОФОНИЗБА, ІЕРВА, БОГУДЕСЪ.

СОФОНИЗБА.

Вы, защитители Африки! Вы, непостоянные боги! чѣмъ вамъ виновны? На олтаряхъ вашихъ не всегда ли лучшій и драгоцѣнный ѳиміанъ курили? Мой Сифаксъ не усердно ли васъ прославилъ, и Софонизба предъ вашими ногами прилежно молилася? Однако вы вашу ярость не перемѣнили и мою несчастливую погоду отъ насъ не отвратили: одна бо несчастливая погода чуть миновалася, а другая находитъ. О превеликая бѣда! Мой Сифаксъ въ другой разъ побѣжденъ, и нынѣ ничего не осталося, на чемъ уповати; но принуждены римскіе порабощенные быти.

БОГУДЕСЪ.

Милостивая королевна! до времени нечего сумнятися.

СОФОНИЗБА.

Наше отчаяніе не до времене зачалося: пока бо какая надежда явилася, мы терпѣли; но когда все потибло мы, разумѣемъ нынѣ, что боги уши свои заложили.

БОГУДЕСЪ.

О великая княгиня! тако скоро ваша дерзость вдругъ отпала, и великое почитаніе, еже къ богомъ имѣли, утонуло! Образумѣтися, дабы гнѣвъ нашихъ великихъ боговъ на васъ не умножился!

СОФОНИЗБА.

Правду глаголешь, любимый мой Богудесъ! Превеликая моя печаль сію нетерпѣливую рѣчь проговорить принудила. Отпустите мнѣ, о безсмертные боги, что я ваше управленіе, еже на насъ смертныхъ имѣсте, хулила! Руцѣ мои вамъ всегда ѳүміанъ понесутъ, и сердце мое и въ большихъ моихъ бѣдахъ васъ почитать будетъ.

СѢНЬ 4.

ВЕРМИНА, СОФОНИЗБА.

ВЕРМИНА.

О блаженное намѣреніе! Нынѣ небо нашу печаль повратитъ въ радость.

СОФОНИЗБА.

О небесные! О сыне мой!

ВЕРМИНА.

Я ихъ святость вѣчно почитать буду и для знаку полагаю мечь свой, очерmленный кровію римскою, подъ ихъ ногами.

СОФОНИЗБА.

Чадо мое! Боги милость нашу услышали и тебя живаго мнѣ видѣти допустили. Поиди ко мнѣ, да тя лобжу. Но како кровію окропленъ!

ВЕРМИНА.

Тутъ есть часть непріятельскихъ кровь и еже изъ нашего тѣла вытекло.

СОФОНИЗБА.

Гдѣ же король остался? Для чего съ тобою не повратился?

ВЕРМИНА.

Боги вельми ожесточилися, яко едва мочно было непріятеля отъ нашихъ разлучити, хотя цвѣтъ между ими вельми различенъ; а побѣжденіе на обѣ стороны висѣло, дондеже наше войско побѣжало, и я едва спасся; а небо нашего королевства отца, чаю, сохранило.

СОФОНИЗБА.

О великая бѣда! о приключеніе! до чего твои побои насъ доведутъ? По се время еще моя счастливая звѣзда сіяла, нынѣ вовсе погибла. Сердце въ тѣлѣ моемъ дрожитъ, сила истекаетъ и ничто осталося, токмо за Сифаксомъ моимъ въ слѣдъ итти въ Елизейскихъ поляхъ, сердце бо мое мнѣ сказываетъ, яко полъ души моей между язвенныхъ, унывно пораженна, лежитъ.

БОГУДЕСЪ.

Укрѣпляйся, милостивная королевна! Укрѣпи болѣзнь свою: время и счастіе все перемѣнитъ.

СОФОНИЗБА.

Противная перемѣна, непостоянна тако, на мя паче мѣры пала. Се идетъ Миципса. Что скажетъ: жить ли мнѣ, или умрети?

СѢНЬ 5.

МИЦИПСА, СОФОНИЗБА.

МИЦИПСА.

Великая королевна! я въ превеликомъ смятеніи; не вѣдаю, что говорить.

СОФОНИЗБА.

Мой Миципса! или ты стыдишься твое приключеніе о послѣдствѣ сказати? Или зліи роки связываютъ языкъ твой? Я тя надеживаю, что Софонизба толико дерзости и смѣльства имѣетъ, яко ей громовые удары противно несчастіе можетъ принести.

МИЦИПСА.

Печаль моя о васъ, милостивая королева, тако сердце мое утѣснила, яко одно слово задерживаетъ другое и не даетъ устамъ моимъ на воздухъ проглаголить.

СОФОНИЗБА.

Ты мучишь и тѣснишь душу мою. Сего ради говори, да услышу, есть ли еще упованіе, или отчаяніе намъ укажетъ путь къ смерти.

МИЦИПСА.

О дабы не могъ открыти! Вѣдомо же тебѣ да будетъ, о королева, что король нашъ пропалъ.

СОФОНИЗБА.

Умре же онъ?

МИЦИПСА

Ни. Въ бѣдахъ и въ ковахъ.

СОФОНИЗБА.

О небо! что я слышу!

ВЕРМИНА.

О сосланіе! како ты мя опечалишь!

БОГУДЕСЪ.

О бѣда! какъ ты мя устрашаешь!

СОФОНИЗБА.

Разскажи мнѣ.

МИЦИПСА.

Трепещу, когда то поминаю. Чуть пришелъ въ таборъ, и Сципіо велѣлъ меня къ себѣ привесть. И тогда онъ съ Масинизой говорилъ и, когда мы пришли въ его палатку, и они отсталися, не вѣдаю, для чего. Тогда Масиниза, по многому между нами разговору, мнѣ короля нашего въ оковахъ показа и тѣми грозами, аще бы въ три дни городъ Цирту не дадимъ, и весь городъ въ нырище превратить хощетъ и,—что страшнѣе,—да Сифаксова глава королевы жестость уклонитъ, того ради Гимилькона у себя держали.

СОФОНИЗБА.

Проклятіи свирѣпіи звѣри! О діавольскій Масиниза! сице ты съ королями поступаешь? Како ты смѣешь, противъ правъ всѣхъ народовъ, моихъ пословъ порабощати?

БОГУДЕСЪ.

Бога непочитатель держитъ правительства человѣческаго въ юродство.

МИЦИПСА.

Сего ради надлежитъ во время устремитися и уконечной погибели уйти.

СОФОНИЗБА.

Послѣдуй со мною; увидимъ, что приговоримъ.

СѢНЬ 6.

эрсилъ *(съ облезянкою своею поетъ).*

ЭРСИЛЪ.

Что красно, что ново, тому ничтоже подобно! Что диво, что чудо, видѣти пріидите, искатели, все осмотрите; пріидите нынѣ вельми радостны, чтобъ желанье ваше исполнили и мнѣ усердно поволили.

Добро! вельми хорошо! Нынѣ одержимъ, что я долго искалъ, сирѣчь нынѣ сокровенную вещь получилъ и чаю малымъ временемъ зѣло богатымъ быти и притомъ всегда гуляти вельми любо. И сверхъ того мнѣ случится непрестанно праздновати. Плѣненникъ мой у меня въ короткое время выучился; я и не догадался, что чады черныхъ людей такъ великій разумъ имѣютъ: Подожди, я хочу плѣнника моего немного обучить. Скажи мнѣ, ты здѣшный житель, въ сей чужой землѣ гдѣ ядятъ солдатомъ вши? (*Чешется шею*). То хорошо. Какъ дѣвицы дѣлаютъ, когда ихъ блохи укусаютъ? (*Чешетъ колѣно*). Подалѣе, получше увидимъ. Что ты еще умѣешь? Какъ солдаты оружіемъ своимъ поидутъ? (*Покажетъ то.*) Еще одного: какъ собаки черезъ посохъ скачутъ? (*Покажетъ то*). Вельми хорошо. Будешь еще

*

впредь добрый человѣкъ.... (*Увидитъ Масинизу и за собою облезяну ухоронитъ*).

МАСИНИЗА.

Что сдѣлаешь, Эрсилъ? Гдѣ ты взялъ изрядный тотъ звѣрь?

ЭРСИЛЪ.

Что мнѣ отвѣчати, не вѣдаю. Гдѣ мнѣ плѣнника моего ухоронити? И безъ сумнѣнія объ немъ проситъ, а какъ я не добровольно дамъ, силою отъ меня возьметъ, понеже зглядъ его хорошъ, королю полюбится. И еще опасаюся, что не онъ отъ его племени. Однако то добро, что говорить не знаетъ; не вѣдаю, чего ради, молодъ ли онъ еще или нѣмъ родился.

Ни, никакъ, никакою мѣрою; ни, никакъ. (*Облезяну ухоронитъ.*)

МАСИНИЗА.

Я однако облезяну вижу.

ЭРСИЛЪ.

Да вѣрую, когда онъ въ зеркало видитъ.

МАСИНИЗА.

Скажи мнѣ, кто его такъ научилъ.

ЭРСИЛЪ.

Что наученіе? Что облезяна?

МАСИНИЗА.

Чаю, Эрсилъ, что ты боишься, чтобъ я тебѣ облезяну отнялъ.

ЭРСИЛЪ.

Вѣрую, приматели моея чести, что тѣ черные люди вси уворожити умѣютъ. Кто ему сказалъ? Да, господине мой, о томъ опасаюся.

МАСИНИЗА.

Какъ, Эрсилъ? Плохо ты на меня упованіе имѣешь.

ЭРСИЛЪ.

Га! га! Не дивися, господине Масиниза! Извѣстно по старой присловицѣ (что никому повѣрить); вытолкованіе самъ изволишь разумѣть.

МАСИНИЗА.

Не опасайся; я его отъ тебя не возьму и сверхъ того еще тебѣ такова подарить хочу. *(Отъидетъ).*

ЭРСИЛЪ.

Да! да! Что они не говорятъ, чаю, когда онъ почитанія не имѣлъ къ моей высокой персонѣ, вѣрую, что онъ у меня выпросилъ плѣнника моего. Однако какъ я еще другая имѣлъ, и то не худо. Ахъ! ахъ! Какого я тамъ вижу пареня, приходящаго? Безъ сумнѣнія онъ не житель сея страны, потому онъ не черный.

СѢНЬ 7.

ІЭРБА, ЭРСИЛЪ.

ІЭРБА.

О немилосердое приключеніе! куда ты меня привело? Видится, яко все противъ насъ смутилося погибель нашу помогати. Я сію страну почести Критъ... (*Увидитъ Эрсила*). Вы, въ

которыхъ рукѣ я нынѣ попадаю!... Однако здѣсь надобно притворитися.

ЭРСИЛЪ.

Ты, бѣдный маленькой парнишка! Не опасаешься ли ты здѣсь однимъ ходить?

IЭРБА.

Не у меня ли шпага на бокѣ?

ЭРСИЛЪ *(смѣется)*.

Га! га! чтобъ тебѣ лисiи хвосты на бокѣ висѣли, чаю, что ты тѣмъ такъ многихъ людей прокололъ бы, яко шпагою твоею учинилъ.

IЭРБА.

Какъ? смѣешь ли мене обезчестити?

ЭРСИЛЪ.

Вотъ ты, болтунъ муравный! ты, недорослый корень! знаешь ты, какая вещь безчестiе; а штаны долой, такъ зачалъ бы плакать.

IЭРБА.

Молчи, или....

ЭРСИЛЪ.

Что хощешь мнѣ дѣлать?

IЭРБА.

Такого дурака шпагою сквозь ребра проколоть, или тебѣ стрѣлу подарить.

ЭРСИЛЪ.

Я во вѣки не вѣрую, что отецъ твой или мати такъ глупы были и тебѣ желѣзную шпагу привѣсили. Самъ разсуди: когда

шпагу вынялъ, и тебѣ собака попалася, или въ перстъ себѣ рѣзалъ, или....

ІЭРБА.

Что чаешь ли, что я могу больше твоего буйства слышать? Вотъ... (*Шпагу обнажитъ*).

ЭРСИЛЪ.

Государь! государь! Помощь! помощь.

(*Бѣжитъ оттуда*).

ІЭРБА.

Утружденіе позоветъ удеса мои къ покою. Здѣсь я мало лягу. Но что я вижу при берегу подвигатися? Вотъ великій звѣрь есть; храбрость мою на него отвѣдать буду.

(*Крокодилъ идетъ, коего онъ застрѣлитъ*).

Тебя мышца моя низложила. Однако, какъ кажется, здѣсь не опасно пребывати. Возвращаюся тому пути, откуду я заблудился.

ДѢЙСТВО 3.

СѢНЬ 1.

СОФОНИЗВА, ВЕРМИНА, ІЭРБА, БОГУДЕСЪ, НАЧАЛЬНИКИ АРАБСКІЕ.

СОФОНИЗБА.

О вы, мои чады! Храбрость, юже вы отъ праотецъ вашихъ наслѣдствовали, сердце мое утѣшаетъ, что вы то доброхотнѣ и приняли, о чемъ мы сюды пришли. Понеже спасеніе государства нашего и крайняя нужда то призываетъ, чтобъ я единаго отъ васъ обоихъ,—о горькая болѣзнь!—богомъ нашимъ въ жертву приносила, чѣмъ зачати ихъ гнѣвъ противъ насъ умолити,—чего ради оразумьтеся, мои любимыи чады: кто отъ васъ посмѣлѣе дерзновеніе имѣетъ умрети?

ВЕРМИНА.

Старая присловица за меня говоритъ, государыня матушка, что мнѣ подобаетъ умрети, понеже мой братъ еще молодъ и можно быть, чтобъ ему, его малолѣтства ради, смерть гнусна показалася.

ІЭРБА.

Какъ мнѣ довелося право мое отдати? Никакою мѣрою, моя государыня матушка! Мое право посильнѣе брата моего, потому онъ постарѣе. Какъ можно ему умрети, иже государства нашего утвержденье есть?

ВЕРМИНА.

Ни, ни! Мнѣ право, яко старшему, пристоитъ.

СОФОНИЗБА.

О чады мои! не спорывайтеся. Какъ вы душу мою уклоняете и какъ сердце мое утѣсняется, что я одному отъ васъ своими устнами смертный судъ возвѣщу!

БОГУДЕСЪ.

Милостивая королева! прошу нижайшій, чтобъ никакое время не опустилося, понеже малѣйшее замедленіе намъ бѣду умножить можетъ.

СОФОНИЗБА.

Мой вѣрный Богудесъ! благодарствую вашему попеченію, но вы сами услышите, какъ мнѣ тяжело намѣреніе учинить, кому отъ сыновъ моихъ умрети.

БОГУДЕСЪ.

Надобно жребій метать.

СОФОНИЗБА.

Добро; пишите ерлички и увидимъ, кого боги жребіемъ выбираютъ. (*Жребій метаютъ*). Жребій на Іэрбу падетъ.

ІЭРБА.

Вотъ я и выигралъ.

СОФОНИЗБА.

О постоянное сердце! О неустрашимая душа! Кто сумнѣватися будетъ, чтобъ храбрость прародителей дѣтемъ не пристала? А къ тому мнѣ то пособитъ токмо сердце мое поболѣе увязати. О несчастливая мать! (*Плачетъ*).

БОГУДЕСЪ.

Милостивая государыня! упокойся и подумай, что принца своего безсмертнымъ богомъ поврученешь и что онъ сею смертію богомъ сподобляется.

СОФОНИЗБА.

Добро, мой Богудесъ! Соверши чинъ твой: сердце мое постояніемъ одолѣть буду.

БОГУДЕСЪ.

Не устрашайся, мой принцъ!

ІЭРБА.

Сдѣлайте со мною, какъ вамъ полюбится.

БОГУДЕСЪ.

АРІЯ.

У васъ, звѣздъ, есть ли
Милосердіе?

Дайте мнѣ знати.

Будетъ миновати,
Печаль душевная.
У васъ, звѣздъ, есть ли
Милосеріе?

СѢНЬ 2.

СИФАКСЪ, СОФОНИЗВА, ВЕРМИНА, ІЭРБА, БОГУДЕСЪ.

СИФАКСЪ.

Какъ? Кое ли объявленіе? Перестань, Богудесъ! Нынѣ ли ваше безсуиленіе такъ велико стало, что Іэрбы кровь вамъ въ жертву будетъ? Кажется, что небо его еще въ нумидійское защищеніе сохранило. При такой нуждѣ подобаетъ богомъ иныхъ кровь приносити. Нѣтъ ли въ царствѣ никакой плѣнникъ, кого можемъ богомъ нашимъ отдати?

СОФОНИЗБА.

Снитъ ми ся или бдю? Той ли мой Сифаксъ или приказокъ его?

СИФАКСЪ.

Чаю, Софонизба, что еще Сифакса твоего узнаешь.

СОФОНИЗБА.

Пріиди ты, спаситель сына моего! Въ рукахъ твоихъ сердце мое заключи.

ВЕРМИНА.

Чѣмъ радость мою оказую, что я отца моего паки обняти могу?

СИФАКСЪ.

Ты ли, сыне мой? И какимъ ли приключіемъ сія одежда на тебѣ есть?

ВЕРМИНА.

Нужда, иже никакому закону подданна, меня научила въ сію одежду богомъ за васъ молитися.

ІЭРБА.

Какъ! Возможно ли моему нѣжному сердцу такого веселія принять?

СИФАКСЪ.

Боги со бдѣніемъ всегда сохраняютъ храбрыхъ князе кровь.

СОФОНИЗБА.

Но скажи мнѣ, вѣрное мое сердце: како ты изъ темницый куда тебя злополученіе привело, такъ счастливо вышелъ?

СИФАКСЪ.

Обрѣтается ли въ семъ свѣтѣ такой крѣпкій замокъ, чтобъ не возможно было златымъ ключемъ отворить?

СОФОНИЗБА.

О счастливое время, еже мою печаль въ радость и въ утѣшеніе перемѣнитъ!

СЫНЪ 3.

БОГУДЕСЪ, ДВА РИМСКІЕ ПЛѢННИКА.

СИФАКСЪ.

Вотъ такъ истинно, мой Богудесъ! Благоговѣніе и почитаніе къ богомъ никогда подобаетъ оставити, и ихъ въ жертву приноси. *(Отъидутъ).*

БОГУДЕСЪ.

Я уже вѣдаю должность мою исполнити. *(Раздѣваетъ.)* (*Плѣнникамъ*). Къ упованію нашихъ прогнѣванныхъ боговъ ты на солнечный олтарь, а ты на лунный олтарь въ жертву положенъ будешь. *(Положитъ его на солнечномъ олтарѣ и въ горло ему зарѣжетъ).*

АРІЯ.

1.

Прекрасное солнце!
Кротко насъ призри
И незаколенныхъ,
Но паче поспѣши
Къ нашей молитвѣ,
Прекрасное солнце!

(Другаго положитъ на лунный олтарь).

2.

Блѣдни лунны лучи!
Помогайте насъ
И не дайте пасти
Подъ римскую власть,
И отъ римска ига,
Блѣдни лунны лучи;
Помогайте насъ!

СѢНЬ 3.

СЦИПІО, МАСИНИЗА, ЛЕЛІЙ, МИЦИПСА, КУСМА, НАЧАЛЬНИЦЫ РИМСКІИ И СОЛДАТЫ.

СЦИПІО.

Такъ дѣломъ вы вѣрные дружія. Такъ подобаетъ наша римская держава расширятися! Такъ подобаетъ гордыхъ на-

дутыхъ непріятелей растлити! Морская ихъ сила разсыпана; поля ихъ съ мертвыми наполненны; городы и крѣпости имъ отняты будутъ и ихъ величаніе такимъ обычаемъ подкоренно, и еще память ихъ отъ земли истребится.

СИФАКСЪ.

Чесо ради узнавай, что боги правдивые и тебя правдою... называютъ, понеже ты римскій союзъ токмо жены ради безстудно покинулъ и уничижилъ. Но мое почтеніе, Масиниза: мы тебѣ со вѣрными твоими дружіями много обвязанны, потому твое разумное доношеніе намъ причину дало къ сей побѣдѣ.

МАСИНИЗА.

Храбрый Сципіонъ! кто мышцу твою и крѣпость силы твоей знаетъ, ему образъ Еркулевый объявится, чего ради не диво, что все тебѣ уступается и тебѣ поддается. Предбудущіе послѣдніе славу твою восхвалятъ, и время тебя вѣчной памяти конечно повручаетъ.

СЦИПІО.

Ты говоришь, яко мой пріятель, того ради не диво, что ты мою суетную славу такъ вознесеть. Но да мы нынѣ не замедлимъ ко исполненію побѣды нашей подобающее уготованіе учинить, чего ради самонужное, что мы нечаемо и вскорѣ къ городу приступаемъ, того ради подобаетъ Лелію съ тремя полками крѣпость къ сдачѣ понудить; я услугованіе мое исполнити буду.

МАСИНИЗА.

Вѣрую, что Миципса вготовленіе учинитъ, чтобъ мы безъ великой пропажи крѣпости одержали.

СѢНЬ 4.

ЭРСИЛЪ, СЦИПІО, ЛЕЛІУСЪ, МАСИНИЗА.

ЭРСИЛЪ.

Ахъ! помогайте, пособите (ради) всѣхъ боговъ и богинь.

СЦИПІО.

Что жь тебѣ вредитъ, Эрсилъ? Чего ради такъ устрашенъ? Что тебѣ есть? Кто тебѣ худо сдѣлалъ?

ЭРСИЛЪ.

Кто мнѣ худо сдѣлалъ? Никто.

СЦИПІО.

Чего ради такъ потѣешь [1]) ли ты?

ЭРСИЛЪ.

Ахъ, господине! Какъ бы ты увидѣлъ, какой пристрашный огненный знакъ, позоръ въ воздусѣ объявился, чаю, что ты бъ былъ въ такомъ утѣсненіи, яко азъ.

СЦИПІО.

Надъ собою ругаешься.

ЭРСИЛЪ.

Хорошо надъ собою ругатися! Какъ мнѣ не повѣришь, самъ пошелъ и посмотри.

СЦИПІО.

Добрѣ; поиди съ Леліемъ и ему покажи.

[1]) *Потѣсненъ?*

ЭРСИЛЪ.

Да когда я безъ ума былъ! Никакъ нѣтъ! Нѣтъ! Кто хощетъ видѣти, ему можно вѣдати; я тамъ ничего не потерялъ, и Леліусъ самъ глаза имѣетъ, чѣмъ видѣть.

СЦИПІО.

Ты прямой торопливый человѣкъ. Посмотримъ, что тамъ есть. Пойди, Леліе, и смотри, что тамъ есть.

ЛЕЛІУСЪ.

По твоему указу, великій Сципіо. А скажи мнѣ, на которомъ мѣстѣ увидѣлъ.

ЭРСИЛЪ.

На которомъ мѣстѣ? То дивной вопросъ. Я здѣсь чужой человѣкъ: какъ можно меня спрашивать, на которомъ мѣстѣ?

ЛЕЛІУСЪ.

Однако знаешь: надъ нашимъ ли обозомъ или надъ крѣпостію.

ЭРСИЛЪ.

Для чего прежде не спрашивалъ? Надъ крѣпостію.

ЛЕЛІУСЪ.

Добро, поиду смотрѣть, какой ли позоръ.

ЭРСИЛЪ.

Да! Да! поиди; чаю, что ты половина страха умрешь, когда увидишь.

СЦИПІО.

Вельми желаю видѣть, что тамъ есть, будетъ ли Эрсилъ прямо увидѣлъ.

МАСИНИЗА.

Вѣрую, что прошлой ночи Эрсилъ видалъ и нынѣ чаетъ такъ въ дѣлѣ быти.

СѢНЬ 5.

ЛЕЛІЙ, МАСИНИЗА, СЦИПІО, ЭРСИЛЪ.

ЛЕЛІЙ.

Великій Сципіо! есть за крѣпостію знакъ, аки горящій (и) увидѣти; а какъ я глазамъ моимъ повѣрую, на томъ же мѣстѣ, гдѣ я въ послѣднемъ осмотрѣніи обрѣлъ, что стѣна не крѣпка.

МАСИНИЗА.

Той же знакъ есть, что Миципса намъ дати обѣщалъ.

СЦИПІО.

Добро; не замедлимъ.

МАСИНИЗА.

Я съ войсками своими, драгоцѣнный Сципіо, на томъ же мѣстѣ, гдѣ знакъ выставленъ, приступныя лѣстницы приложу и къ приступу начинаніе учинимъ.

СЦИПІО.

Сдѣлай, какъ тебѣ годно видится, мой Лелій! Стой ты въ готовности, дабы ты въ нужномъ случаѣ могъ Масинизѣ помощь подать, а я большому войску повелѣвать буду, чтобъ непріятелю выручка какая не пришла. *(Отъидутъ).*

ЭРСИЛЪ.

Кто такого воровства догадался? Я того огненнаго знаку такъ ужасался, чтобъ мнѣ скоро грыжа пришла на лѣвомъ куб-

лукѣ праваго боку. Нынѣ вездѣ знатно чаю, что измѣнникъ то нарокомъ сдѣлалъ. Да! да! такъ она пропала бѣдная королева, когда при себѣ такихъ вѣрныхъ бояръ имѣетъ. Издалече уже шумъ услышу; время, чтобъ я ушелъ.

СѢНЬ 6.

СОФОНИЗВА, СИФАКСЪ, ІЕРБА, ГИМИЛЬКО.

СОФОНИЗБА.

И нынѣ,—о бѣда!—и крѣпость въ непріятельскія руцѣ впала!

СИФАКСЪ.

Истинно такъ; нынѣ кажется, что приключіе насъ вовсе погубити намѣрилося.

ІЕРБА.

Скажи мнѣ, какъ мы такъ скоро нашъ крѣпкій городъ потеряли?

ГИМИЛЬКО.

Измѣнничество Мицитсы крѣпость Масинизѣ вручило, когда онъ насъ обнадеживалъ вскорѣ съ непріятели нашими помиритися.

СОФОНИЗБА.

Проклятая собака! Того ради мы тебя такъ въ чести держали, чтобъ ты наипаче насъ въ бѣду привелъ?

ГИМИЛЬКО.

Когда нынѣ солдаты, страху исполненны, съ надежды къ скорому помиренію стражи свои покинули и еще сверхъ того иные въ непріятельское войско посмѣлися, Мицитса, случая того увидя, отворилъ градскія ворота приходящимъ непріяте-

лемъ. А когда я увидѣлъ, что все пропало, принужденъ вамъ учиненное возвѣстить.

СИФАКСЪ.

Кажется, что злополученіе уже намъ яму уготовило, въ нейже наши несчастливыя тѣлеса угружены будутъ.

СОФОНИЗВА.

О тяжко счастопаденіе!

СИФАКСЪ.

О горькой громовой ударъ!

ІЕРБА.

О бѣда непремѣнна!

СИФАКСЪ.

Нынѣ кормильцо пропало; подобаетъ намъ доску ухватить, чтобъ изъ погибели спаслися. О дабы утвержденіе нумидійское содражилося! Ахъ, Іерба! Какъ я о тебѣ, сыне мой, оскорбленъ! Ахъ! какъ тяжкіи тебѣ будутъ римскія нестерпимыя узы!

ІЕРБА.

Кто можетъ, драгоцѣнный государь и отче, злополученію способъ приносити и кто можетъ приключаю свою ярость удерживати? Потерпимъ постоянно, что боги надъ нами учинятъ или что боги намъ сошлютъ.

СѢНЬ 7.

МАСИНИЗА, СИФАКСЪ, МИЦИПСА, ССФОНИЗВА, ІЕРБА.

МАСИНИЗА.

Обрѣтаемъ мы здѣсь бывшаго Сифакса съ своею зміиною невѣстою; въ сей клѣткѣ скоро заключите ихъ всѣхъ въ желѣзахъ.

СИФАКСЪ.

О Масиниза! зри на мое злополученіе и подумай, что счастіе и несчастіе всѣмъ смертнымъ обще, и что милосердіе паче свирѣпства высокіе умы украшаетъ. Клятвопреступство тебя погубитъ: иже богомъ клятву и присягу рушаетъ, недостоинъ, чтобы отъ человѣкъ милосердія получилъ.

МАСИНИЗА.

Вскорѣ заключите ему руцѣ и нози въ крѣпкихъ оковахъ. Собственный твой примѣръ тебя научитъ, что боги правдивые....... въ тебѣ владѣетъ; чего ради праведно, что ты нынѣ наказанъ будешь.

СИФАКСЪ.

Надъ тобою еще до времени божественное отмщеніе будетъ. Ты той же змій, иже всю Африку проглотилъ и ихъ вольность подъ римскимъ ярмомъ положилъ, волчицу въ нѣдрѣ твоемъ держишь. Но я уповаю, что тебя конечно пожретъ.

МИЦИПСА.

Не подобаетъ плѣнникамъ съ побѣдители такъ смѣло говорить.

СИФАКСЪ.

Вредитъ ли тебѣ, измѣнникъ, правда такъ скоро твое лицемѣрное ухо?

МИЦИПСА.

Ты самъ, яко трость, вѣтромъ колебленъ.

СИФАКСЪ.

Однако никогда не отворилъ ворота Африки чужимъ людемъ.

МАСИНИЗА.

Что пользуетъ, что мы здѣсь слова и время потеряемъ? Вскорѣ закуйте его и заключите его въ темницѣ.

СИФАКСЪ.

Душа моя свободна будетъ. Вотще мнѣ твои ужи и оковы. (*Отъидетъ*).

МАСИНИЗА.

Мицинса! вели вскорѣ крѣпость обложить, чтобъ никто не ушелъ; особно ищите королеву и Іербу, дабы не убѣжали: понеже она причину дала сей бѣдѣ, праведно, что она того ради наказаніе терпитъ.

СОФОНИЗБА (*въ ноги падши*).

Пресвѣтлѣйшій княже! державный ратоборецъ! рабыня твоя тебѣ въ ноги падаетъ и у тебя милости проситъ.

МАСИНИЗА.

Тая ли рабыня, яже шлемъ и панцырь носитъ?

СОФОНИЗБА.

Дѣломъ такъ. Азъ есмь, яже богомъ и человѣкомъ такъ ненавистная Софонизба—игрушка фортуны и цѣль, на которую всѣ злополученія погоды попадаютъ. За часъ королева была, а нынѣ твоя служебница: понеже мнѣ нынѣ несчастіе всего упованія отринуло, допусти, о пресвѣтлѣйшій княже, мой разбитый корабль къ воротамъ твоего милосердія приставать. Я не прошу о государствѣ моемъ и меньши того о житіи моемъ, никакою мѣрою: горесть печальнаго житія мнѣ гнусна сице, что я только умрети желаю.

МАСИНИЗА.

Ставай (подымися), прекрасная королева! Не надобно здѣсь свои нѣжныя колѣна поклонити. Скажи мнѣ, что васъ утѣсняетъ и что вашу драгоцѣнну душу оскорбляетъ?

СОФОНИЗБА.

Ахъ, вы бози! можно ли мнѣ души моей болѣзнь, яже меня утѣсняетъ, возвѣстить? Ахъ! державнѣйшій княже! римскія оковы сердце мое оскорбляютъ и душу мою мучатъ. И могутъ ли мои слезы сердце твое къ милосердію подвигати? Ахъ! зри на сына моего, иже съ тобою отъ единой породы, и свободи насъ отъ сихъ волковъ, ихъже порабощеніе. . . .

МИЦИПСА.

Пресвѣтлѣйшая Софонизба! вытри слезы отъ твоихъ красныхъ очію. Здѣ сердце и рука, яже, ей, клянется при сіяющей солнечной и предъ нашими защитительными боги, что я вашему прошенію поволю и еще сверхъ того ее вовсе оборонить хощу.

СОФОНИЗБА.

Вы, боги! какое облегченіе чувствуетъ сердце мое! О державнѣйшій! какія благодарныя пѣсни подобаетъ устамъ моимъ тебѣ вознести! Мое съ печали блѣдное лицо, мои отъ дыханія утружденныя перси, мои отъ слезъ омраченныя очи не могутъ тебѣ за сію великую милость довольно благодарствовати.

ІЕРБА.

Великій Масиниза! Предъ ногами твоими здѣсь лежу и обязуюся во вѣки тебѣ порабощеннымъ быти. Свободи насъ отъ римскихъ оковъ или, какъ то не возможно, вели намъ однако въ свободности умрети.

МАСИНИЗА.

Ставай, благородный [1]) принцъ! О! какъ возможно отъ прозябенія преимущество сего поколѣнія увидѣть! Пресвѣтлѣйшая! открой ваше небесное лице. Возьмите королеву съ принцомъ своимъ и поведите ее въ мой храмъ, какъ я вамъ прежде показалъ, и радѣйте обще, чтобъ зла никакова ей учинилося. (*Отъидутъ*).

МАСИНИЗА.

Ахъ и паки ахъ! Азъ есмь ли побѣдитель или побѣжденъ? Тигръ иногда ловца убіетъ, а безсильная серна противъ того смерти не уйдетъ. Но Софонизба меня въ оковахъ заключитъ. Азъ побѣдилъ, а она побѣдительный вѣнецъ носитъ. Я владѣю въ ея крѣпости, а она сердце мое владѣетъ. *(Въ помышленіи)*. Вы, мои вѣрныя мышли, совѣтуйте мнѣ. Ахъ! Какъ великое печалованіе сердце мое обняло! Да, удалося или нѣтъ, я Софонизбу любить стану, и хотя бы Троя еще единова, сея Елены ради, изгорѣлася, Римъ хоть прогнѣванъ, скиптръ мой хотя поколебался, милость Сципіонова хотя бъ въ ненависть повратилася,— однако Софонизба Масинизы любимая будетъ.

ДѢЙСТВО 4.

СѢНЬ I.

СИФАКСЪ *(въ заключеніи)*.

СИФАКСЪ.

Еще вамъ о боги, недовольно, что я государство свое потерялъ, и сверхъ того нумидійская вѣнчанная глава въ семъ темномъ заключеніи погибаетъ? Вы, смертные! научитеся отъ

---

[1]) Въ рук: *благодарный*.

меня: иже васъ на скиптра тростномъ жезлѣ утвердится, тогда часто бываетъ, иже днесь въ желѣзахъ, вчерась Крезусъ былъ. Не Сифаксъ ли звѣзда былъ въ Африкѣ? А нынѣ угашенна свѣча. Не азъ ли былъ корона въ землѣ? а нынѣ рабъ есмь и еще окованъ невольникъ. Чего ради, Сифаксъ, уготовися! Единое токмо проколеніе тебя отъ всея бѣды свободитъ Пріиди, хладное желѣзо! *(Самъ ся хочетъ проколоть).*

СѢНЬ 2.

СОФОНИЗБА, СИФАКСЪ.

СОФОНИЗБА.

Перестань, Сифаксъ!

СИФАКСЪ.

Какъ и мнѣ умереть запрещаютъ?

СОФОНИЗБА.

Не бѣсися и свирѣпствуй противъ самаго себя.

СИФАКСЪ.

О какъ бы я цвѣтъ юности моей смерти приносилъ, такъ я въ животѣ моемъ многимъ досаднымъ перемѣніемъ не поданъ былъ!

СОФОНИЗБА.

Иже въ злополучіи нетерпѣливъ и предъ тяжкими громовыми удары отчаянный, никогда бѣды уйти можетъ.

СИФАКСЪ.

Мнѣ ли еще больше въ поношеніи и вседневно въ новой печали жити?

СОФОНИЗБА.

Солнце, еже подъ темными громовыми облаки ухоронится, по бывшему ненастію свѣтлѣе паки приходитъ.

СИФАКСЪ.

Упованія моего солнце (сіяніе) такъ глубоко въ пропасти зашло, что невозможно паки восходить.

СОФОНИЗБА.

А какъ тебѣ радости твоей солнце изнова просвѣтило, не хотѣлъ ли ты того ради веселымъ быть?

СИФАКСЪ.

Отъ кого мнѣ радости моей сіянія ждать?

СОФОНИЗБА.

Отъ меня.

СИФАКСЪ.

О лживый свѣтъ! Отдай мнѣ ножъ мой и не сотвори, чтобъ я отъ моего желаннаго покоя помѣшкался.

СОФОНИЗБА.

Увы! не знаетъ ли Сифаксъ больше свою возлюбленную Софонизбу?

СИФАКСЪ.

О вы, боги!

СОФОНИЗБА.

Да солнце твое лучами своими просвѣтитъ сію темную тюрьму!

СИФАКСЪ.

Какъ? Призракъ ли меня наругаетъ или дремлю бдящими очи?

СОФОНИЗБА.

Никакъ, княже мой. Попеченіе спасенія моего приводитъ меня въ сію темницу.

СИФАКСЪ.

Приходитъ ли Софонизбы духъ въ сію темную пещеру?

СОФОНИЗБА.

Никакъ; азъ сама есть и иду тебя свободить.

СИФАКСЪ.

Ахъ! Софонизбы гласъ слышу и мужа вижу. Какъ ты ли сердце мое, римскимъ солдатомъ сталъ?

СОФОНИЗБА.

Любовь по подобію хамелеона звѣря всѣхъ цвѣтовъ принимаетъ.

СИФАКСЪ.

А какая мнѣ польза будетъ отъ твоихъ моего ради бѣдъ?

СОФОНИЗБА.

Не замедли, потому стражи тебя прилежно стерегутъ.

СИФАКСЪ.

Какъ! меня хочешь свободить и сама себя симъ проклятымъ змѣемъ предаешь?

СОФОНИЗБА.

Вскорѣ убѣжи, и я себѣ уже знаю способно убѣженіе.

СИФАКСЪ.

А кто мнѣ оковы отомкнетъ?

СОФОНИЗБА.

У Софонизбы уже ключь есть.

СИФАКСЪ.

Могутъ ли чувства моя сію вѣрность испытати? Нѣтъ! Нѣтъ, Софонизба! Наипаче хощу, чтобъ палачики многія тысячи мечей на меня повострили. Лучше хотѣлъ, чтобъ меня огнемъ и всякимъ мученіемъ уморили; лучше хотѣлъ больши муки, неже Регулусъ терпѣть, нежели моею свободою тебя въ заключеніе привесть.

СОФОНИЗБА.

Сокровище мое не можетъ перемѣнитися.

СИФАКСЪ.

А я лучше умрети хотѣлъ.

СОФОНИЗБА.

Ахъ, сердце мое! Меня въ оковахъ заключи, тѣмъ ты свобожень будешь.

СИФАКСЪ.

Ахъ! что душу мою утѣсняетъ и какая печаль сердце мое оскорбляетъ твоимъ намѣреніемъ!

СОФОНИЗБА.

Поиди безъ страху, никто тебя вопроситъ, куда поидешь: понеже ты знаешь по римски говорить, можешь безопасно уйти.

СИФАКСЪ.

Дабы небо вѣрности твоей благодареніе воздало! И къ тому тебя въ послѣдной разъ лобжу. *(Отъидетъ).*

СОФОНИЗБА *(одна).*

Да боги тебя провожали и да всемогущее небо тебя сохранило! Сіе отчаянное и сумнительное намѣреніе: будетъ ли Сифаксъ въ защищеніи или ты не вкупѣ съ нимъ погибнешь? Понеже конецъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ неизвѣстный и сумнительный есть, ахъ! какъ душа моя отъ многихъ кручинъ мученна будетъ! Изгоненіе съ государства моего, римскія ужи и порабощеніе еще неизвѣстное, опаство супруга моего, пропажа дѣтей моихъ и особно любовь Масинизы удавятъ душу мою. Мнѣ ли любить Масинизу? Какъ возмогла бъ я за то Сифаксу отвѣтъ дати? потому само небо тѣхъ казнитъ и ненавидитъ, иже вскорѣ вѣрности забываютъ, скоро они того, скоро инаго обнимаютъ. Какое мнѣ подобаетъ противъ него отреченіе имѣти, понеже я подъ нимъ плѣненна, а онъ надъ мною владѣетъ; того ради скоро лишайся мученія и уготовися къ смерти.

СѢНЬ 8.

МАСИНИЗА, СОФОНИЗВА.

МАСИНИЗА.

Что заметается еще Сифаксъ въ семъ темномъ заключеніи? Что онъ съ собою споровается? Измѣнникъ! Время уже, что твое власти желательство окаяннаго духа изметаетъ, и что мой

мечь твои проклятыя внутрія изъ тѣла твоего исторгнетъ. Скажи ты, клятвопреступникъ: чего ради ты меня измѣною съ государства отгонилъ? Скоро ты заключенную твою мзду отъ моихъ рукъ принимаешь!

СОФОНИЗБА.

Да, Масиниза! Ты власть имѣешь меня злобы моей ради наказати, того ради исполни твое отмщеніе.

МАСИНИЗА.

Га! га! отчаянный! раздражаешь ли ты меня еще къ отмщенію.

СОФОНИЗБА.

Кто утружденъ, утѣшеніе свое ищетъ въ покоѣ, и злоключенный довольность свою ищетъ въ смерти.

МАСИНИЗА.

Понеже ты самъ себѣ судилъ; вотъ тебѣ проколъ.

СОФОНИЗБА.

Проколи сія груди.

МАСИНИЗА.

О небо! азъ устрашаюся.

СОФОНИЗБА.

Какъ? Тебѣ, Масиниза, шпага спадываетъ! Исполни твое намѣреніе.

МАСИНИЗА.

Сифаксъ ли въ женщину перемѣнился? Подобаетъ мнѣ сіе диво особнѣ разсмотрѣти.

СОФОНИЗБА.

Не изволишь ли меня зѣло вожделѣнной смерти предати?

МАСИНИЗА.

О вы боги! Чего ради, я не безсумляюся, чего ради Сифаксъ, Софонизбою сталъ?

СОФОНИЗБА.

Того ради [1]), великій князь, еже бъ тебѣ въ ноги пасть.

МАСИНИЗА.

А какъ она отъ людей въ оковахъ заключенна? Азъ клянуся при адской рѣкѣ Стиксѣ, что жупелъ и огнь имъ возмездье за то будетъ.

СОФОНИЗБА.

Нѣтъ! нѣтъ! Не твои люди, но моя вѣрность меня здѣсь оковала.

МАСИНИЗА.

Твоя вѣрность, говоришь ты? Открой мнѣ, прекрасная Софонизба, какъ сюды пришла.

СОФОНИЗБА.

Какая ли руда не растопится съ огня горящія любве? Вѣрность къ моему Сифаксу меня въ сію тюрьму привела, и я его по перемѣненію одежды нашей изъ заключенія свободила.

МАСИНИЗА.

А она велѣла себя отъ него въ желѣзахъ заключитися.

СОФОНИЗБА.

Дѣломъ такъ. Понеже я нынѣ токмо желаю при тебѣ умрети, ахъ! не замедли, но вскорѣ проколи меня. Окропи сія гру-

[1]) Въ рукописи: *она де*.

ди кровію и меня за Сифакса въ жертву возьми. Знаю, что мое противъ тебя учиненное преступленіе казни достойно есть, того ради поволи той, яже дыхаючи тебѣ въ ноги падетъ, отъ твоихъ рукъ и не отъ нѣкоего крови желательнаго Римлянина рукъ смерть приняти.

МАСИНИЗА.

О твердая вѣрность по алмазову подобію! О примѣръ непремѣнный! Нынѣ басня о Тизбѣ истинна объявится. Добродѣтель превыситъ твою изрядную красоту. Какъ, Масиниза? еще допустишь, что сія богиня тебѣ предъ ногами лежитъ? Разруши Андромеды желѣзо и открой ей, что Софонизба Масинизѣ единое его просвѣщеніе есть.

СОФОНИЗБА.

Не оскверни уста твоя, великій Масиниза, моею суетною хвалою.

МАСИНИЗА.

Сіяніе добродѣтели твоей и облистающее молніе красоты твоей сердце мое запалили, чего ради, о прекрасная Софонизба, разрѣши тѣ узы, чѣмъ твоя красота меня связала.

СОФОНИЗБА.

Не помрачи твою славу въ такой темной пещерѣ. Первыя пристрастія нѣкотораго возлюбящаго—не облаки, но токмо надыманъ прахъ, иже солнце разума скоро отгоняти можетъ. Оразумѣйся: можетъ быть, когда изъ сея темноты выходишь, то свѣтлыми очи увидишь.

МАСИНИЗА.

Нѣтъ! нѣтъ! Пламень мой время и разумъ раздути станутъ; азъ въ началѣ бо сію огню противился, но вотще. Я очи мои силою отъ нея отвратити хотѣлъ, но извѣдалъ, что они

по орлїеву подобїю всегда на ихъ солнце воззрѣли. Безъ нея я мертвъ, понеже она едина сердце мое есть, чего ради, о прекрасная, тебѣ въ ноги падаю, изреченїе животу моему или смерти изъ ея возлюбленныхъ устъ услышать.

СОФОНИЗБА.

Мой князь! мой защититель! мое сердце такожде отъ такого пламени разгорится; а небо запрещаетъ сей огнь, свѣтильнику елей отнимаетъ и огнь громовымъ дождемъ угаситъ.

МАСИНИЗА.

О какой свирѣпый можетъ небо и звѣзды такъ обвинить?

СОФОНИЗБА.

Очи мои токмо на Сифакса правленны будутъ!

МАСИНИЗА.

Убѣгшїй Сифаксъ тебѣ пропалъ.

СОФОНИЗБА.

Хотя онъ пропалъ, однако я его супруга; не буду. . . .

МАСИНИЗА.

Не Стратоница ли при живущемъ Селевкїи въ супружество понята?

СОФОНИЗБА.

Селевкїй самъ ее сыну своему далъ.

МАСИНИЗА.

Не Аздрубалъ ли меня тебѣ въ жениха далъ?

СОФОНИЗБА.

А Картаго меня ему, а не тебѣ супругою выбрала.

МАСИНИЗА.

Какъ можетъ Картаго родителей намѣреніе перемѣнить?

СОФОНИЗБА.

Всегда подобаетъ отечества пользу своей собинной представить.

МАСИНИЗА.

Право воинское разлучаетъ тебя отъ Сифакса и мнѣ тебя вручаетъ.

СОФОНИЗБА.

Хочешь ли ты, моего пріятельства ради, все твое благополученіе потеряти?

МАСИНИЗА.

Истиннолюбитель не опасается, хоть иные надъ тому криво глядятъ.

СОФОНИЗБА.

Онъ знаетъ, князь мой, коль жестокъ Римъ судомъ своимъ.

МАСИНИЗА.

Кто Риму власть далъ намъ въ любви законъ предписати?

СОФОНИЗБА.

Сципіо хочетъ меня, аки плѣнника, съ собою вести.

МАСИНИЗА.

Не Масиниза ли вкупѣ съ Сципіономъ Цирту взялъ?

СОФОНИЗБА.

Превеликіе князи нынѣ,--о бѣда!--римскіе служители стали.

МАСИНИЗА.

Я римскій союзникъ, а не ихъ же рабъ.

СОФОНИЗБА.

А они всегда жати хотятъ, гдѣ они не сѣяли.

МАСИНИЗА.

Дондеже мнѣ кровь въ жилахъ будетъ, то надъ Софонизбою не учинится.

СОФОНИЗБА.

Опасаюся, что твоя любовь мнѣ смерть уготовитъ.

МАСИНИЗА.

Прежде хочу союзъ съ Римлянами, нежели вѣрность съ Софонизбою разрушить.

СОФОНИЗБА.

Нынѣ, защититель мой, не могу тебѣ больше противитися. Пламени, горящіе во мнѣ, не могутъ болѣ утаитися: я придала сердце мое во обитаніе Масинизово.

СѢНЬ 4.

ЭРСИЛЪ, МАСИНИЗА, СОФОНИЗБА.

ЭРСИЛЪ.

Да! да! ты, бѣдный Сифаксъ, при живущей женѣ вдовецъ сталъ.

МАСИНИЗА.

О небо! какая радость!

СОФОНИЗБА.

О вы, звѣзды! какое удовольство! *(Другъ друга обнимаютъ).*

ЭРСИЛЪ.

О вы, Бахусовы братія и пріятели! какая жажда!

МАСИНИЗА.

Вели мнѣ отъ твоихъ устъ утѣшеніе....

СОФОНИЗБА.

Вели моей душѣ въ тебѣ обитати.

ЭРСИЛЪ.

Ахъ! подайте мнѣ большой стаканъ, или я безъ сумнѣнія скоро умру.

МАСИНИЗА.

Добро, моя драгоцѣнная Софонизба! Я тебѣ государство твое съ моимъ сердцемъ отдамъ и, дабы увидѣла, коль вельми душа моя тебя желаетъ, и сегодня я тебя въ супружество возьму, потому, когда ты Масинизова супруга, Римъ больше на тебя притязанія не имѣетъ. *(Отъидетъ).*

ЭРСИЛЪ.

Добро; поидите и понимайте въ супружество и всею радостію свадьбу совершите. А я вѣрую, что сахаръ напослѣдокъ не безъ перца будетъ. А Масиниза? Не сбѣсился ли онъ? Какъ мой господинъ браниться станетъ, когда онъ услышитъ, что сіи оба такъ скорый мирный договоръ межь собою учинили! Но онъ истинно намѣрился Софонизбу въ Римъ въ тріумфъ свой вести. А что мнѣ съ ними дѣла есть? Я пойду искать, гдѣ мнѣ питія добыть. Я чуть вѣрую, что Танталусъ такую

горящую печенку въ своемъ тѣлѣ имѣлъ, яко у меня есть, а въ которы желѣзо свое разжигаетъ, гдѣ уголія всегда надобно палить.

ДѢЙСТВО 5.

СѢНЬ 1.

МАСИНИЗА.

АРІЯ 1.

Любовь, любовь приносили
  Жаръ и ѳиміанъ.
Престань ты прельщати
  И вовсе блазнити,
  Ты бо мя
Ничѣмъ утѣшаешь.
Любовь, любовь приносили
  Жаръ и ѳиміанъ.

2.

О любвы! даждь мнѣ тебѣ
  Ладунь приносити,
Трепотъ отгони ты
  И не дай упованію
  Отлучиться,
  Но дай всему спѣти.
О любвы! даждь мнѣ тебѣ
  Ладунь приносити.

СѢНЬ 2.

МИЦИПСА, МАСИНИЗА.

МИЦИПСА.

Не хочетъ ли Ваше Величество отъ предложеннаго своего намѣренія отстати?

МАСИНИЗА.

Единова памѣрено, и еще сегодня хочу въ супружество Софонизбу поняти.

МИЦИПСА.

Зѣло скорое намѣреніе не часто удастся.

МАСИНИЗА.

И какой бѣды здѣсь опасатися? И на каномъ ли камени можетъ упованія моего корабль разбитися?

МИЦИПСА.

Великій княже! воззри на Сифаксово злополученіе.

МАСИНИЗА.

Онъ того ради правдою палъ, понеже онъ своими гордыми крылами высоко полетѣлъ.

МИЦИПСА.

Не Софонизба ли она его къ тому раздражила?

МАСИНИЗА.

То токмо догаданія.

МИЦИПСА.

Я узрю ю, яко грозную комиту ко злополученію.

МАСИНИЗА.

Какъ не очеремленѣетъ лице твое за такую престрашную злобу?

МИЦИПСА.

Прости мнѣ, великій княже! Любовь моя къ тебѣ научить меня такъ смѣло говорить.

МАСИНИЗА.

Возвѣсти мнѣ, какое она зло сотворила?

МИЦИПСА.

Что она Сифакса переговорила союзъ и присягу разрушити.

МАСИНИЗА.

И комаръ ищетъ на непріятеля своего отмстити.

МИЦИПСА.

Опасаюся, что она Масинизу такимъ прошеніемъ докучати будетъ.

МАСИНИЗА.

Вотще опасаешься: знаю, колико подобаетъ женѣ поволить.

МИЦИПСА.

Какъ ли то намѣреніе отъ Сципіона принято будетъ?

МАСИНИЗА.

Какъ? Подобаетъ ли мнѣ, аки нумидійскій праведный король, крило свое отдать и мнѣ въ женитвѣ законъ предписать велѣть?

МИЦИПСА.

Та женитва не равна.

МАСИНИЗА.

Какъ мнѣ то разумѣти?

МИЦИПСА.

Понеже ты римскій союзникъ, а она природная непріятельница.

МАСИНИЗА.

Симъ супружествомъ непріятельство въ пріятельство перемѣнится.

МИЦИПСА.

Однако она на Римъ отмстити всегда помышляетъ.

МАСИНИЗА.

Вотще, Миципса, что мы и слова, и время потеряемъ: невозможно мнѣ сердце мое ей увлечати. Какъ хочетъ, такъ будетъ. Софонизба еще сего вечеру моя супруга будетъ. *(Отъидетъ).*

МИЦИПСА.

Какъ сильная есть любовь и какъ тяжко ей противитися! И какъ еще мы въ наше великое несчастіе устремимся, покажется намъ удовольство. Ахъ! бѣдный Масиниза и еще бѣднѣе королева! Какъ? Сіе ли ускореніе приведетъ намъ обоимъ великую печаль? Инаго не будетъ, неже Софонизбы великая погибель.

СЪНЬ 8.

СЦИПІО, ЛЕЛІУСЪ.

СЦИПІО.

Украшеніе и угодность сего города возвеселитъ досадныя мои мысли. Приходи, мой друже, и наслаждаемся стѣни сихъ изрядныхъ древесъ противъ солнечнаго жару.

ЛЕЛІУСЪ.

Драгоцѣнный Сципіо! я не могу то разумѣть, чего ради ты въ нѣкоторые дни такъ кручинишься. Скажи мнѣ, драгоцѣнный друже: что же ли есть, что сердце твое смутитъ?

СЦИПІО.

Вѣрность твоя достойна, что я ничего тебѣ замолчу. Масиниза въ долго время намъ не объявился и, какъ я нечаемо свѣдалъ, онъ намѣрился Софонизбу супругою себѣ взять.

СЬНЬ 4.

эрсилъ, сципіо.

ЭРСИЛЪ

Га! га! такъ подобаетъ большимй стаканами куликатися то есть напитися. Я чаю, что никто отъ гостей, яко азъ, такъ храбро держался: однимъ предлагалъ кружки, а въ другомъ полведра пилъ. Такъ надобно хорошо гоститься.

СЦИПІО.

Что то есть Эрсилъ, что ты говоришь напитися и женитися?

ЭРСИЛЪ.

Ахъ! какой я дуракъ! Какъ я тѣ слова не говорилъ! Нѣтъ, господине мой, я о вещехъ не говорю, которыя въ правдѣ, но прошлой ночи мнѣ то грезилося.

СЦИПІО.

Какъ? хочешь ли ты меня глухимъ учинить? Скажи мнѣ въ тотъ часъ правду: гдѣ ты былъ и гдѣ ты напился? Или я уже способъ обрящу отъ тебя увѣдать.

ЭРСИЛЪ.

Нынѣ все пропало, господине мой! Ты уже знаешь, я чаялъ,—потому женихъ вашъ пріятель,—и тебѣ быть тамъ, того ради я пришелъ вамъ служить.

СЦИПІО.

А какая тамъ свадьба?

ЭРСИЛЪ.

А какъ я туды пришелъ и васъ не обрѣлъ, хотѣлъ я и за васъ одну часть пить.

СЦИПІО.

Я не говорю о питіи, но прошу: кто женихъ былъ и кто невѣста была?

ЭРСИЛЪ.

Колико я могу памятовать, человѣки больши.

СЦИПІО.

Скажи мнѣ скоро и меня не задержи твоимъ издѣваніемъ или я тебя инако научу.

ЭРСИЛЪ.

Такъ въ правду ли, господине, то не вѣдаешь?

СЦИПІО.

Какъ я увѣдалъ, такъ тебя бъ не спрашивалъ.

ЭРСИЛЪ.

То ино дѣло; то тебѣ довелося прежде сказать. Я чаялъ, понеже ты такую дружбу съ королемъ держалъ, что ты ему дружкой сталъ и отъ Софонизбы слово взялъ.

СЦИПІО.

Возможно ли, о боги, что нынѣ Масиниза такъ безумнымъ сталъ, такое неуслышанно дѣло совершати!

ЭРСИЛЪ.

Господине! чаю, что ты разумъ твой у жидовина заложилъ. То ли неуслышанно дѣло? Оба ли не мужикъ и обѣ ли не женщина? Но онъ одинъ мужъ, и она одна жена. Чего ради да будетъ разсужденіе: неуслышанно ли дѣло или нѣтъ?

СЦИПІО.

Молчи твоимъ издѣваніемъ. Пріиди, Леліе; намъ подобаетъ размышляти, какой совѣтъ въ томъ дѣлѣ будетъ, чтобъ Масинизу свободили. (*Отъидутъ*).

ЭРСИЛЪ.

Я, б.....инъ сынъ, какъ я прежде того не догадался! О! какая дурна игрушка будетъ, какъ я молчалъ бы! Ахъ! какое ли хороше пированіе я росказаніемъ моимъ потерялъ! Но какъ мнѣ глаза не кривые, вотъ Сифаксъ идетъ. Ахъ ты, бѣдный человѣкъ! Что жь ли онъ думаетъ, что жена его при немъ живущемъ за инова мужа вышла? (*Отъидетъ*).

СѢНЬ 5.

СИФАКСЪ СЪ СТРАЖАМИ.

СИФАКСЪ.

Прогнѣванная Фортуна! вставай, вставай! Нынѣ время, что меня конечно погибаешь: ярость твою умножила и послѣднюю твою злобу мнѣ показала, что нынѣ ничего не осталося. Но что я мою отчаянную душу ко аду посылаю? Но, Сифаксъ, и паче доволенъ еси Масинизы поступокъ съ непостоянною Софонизбою, понеже она ему свѣща будетъ, еюже весь домъ разгорится. Но какое мнѣ бѣдному утѣшеніе? Хотя Масиниза погибнетъ, однако онъ при мнѣ живущемъ супруги моей упо-

треблялъ. О Софонизба! о непостоянная Софонизба! Не ты ли была мое спасеніе? Не я ли тебя паче, какъ Либія солнце, почиталъ? Не ты ли единое сіяніе очамъ моимъ? Не лице ли твое—мое утѣшеніе, и ты едина мое прохлажденіе? И чтобъ я вкратцѣ сказалъ, ты была моя богиня, коей сердце мое въ храмъ посвящено. А нынѣ она надъ мною ругается и непріятеля моего непрестанно лобызаетъ и посмѣятельными очи оковы мои воззритъ; ни во чтоже меня почитая, непріятеля моего непрестанно лицемѣріемъ ласкаетъ. Однакоже увы тому, иже въ нея сѣти падеть,—однакоже вредитъ. Когда бъ я токмо ея мнѣ учиненно клятвопреступленіе наказанно увидѣлъ, такъ римскія оковы, хоть зѣло тяжки, радостно носить буду.

СЪНЬ 6.

СОФОНИЗБА.

СОФОНИЗБА.

Счастливая Софонизба, яже римскихъ тяжкихъ оковъ счастливымъ супружествомъ уклонилася когда Масиниза тебя, аки богиню, почитаетъ. Однако, ахъ! память моего прежде сего возлюбленнаго Сифакса единое есть, еже сладкій мой покой препинаетъ. Однако тотъ его совѣтъ былъ, чтобъ всякъ надѣялъ конечной погибели сохранитися; того ради я принуждена изъ многихъ дѣлъ само лучшее выбирати.

СЪНЬ 7.

ЭРСИЛЪ.

ЭРСИЛЪ.

Га! га! тутъ стоитъ короля невинная прекрасная жена. Надобно мнѣ повидаться съ нею. Гмъ! гмъ! *(Отрыгаетъ).* Чтожь ли? сказать ли ей по латински или по цесарски? Къ моему несчастію какъ я нынѣ не могу передумать красную какую высо-

кую рѣчь. Однако я стану орацію мою править какъ мнѣ возможно. Пресвѣтлѣйшая и дивнѣйшая! преизряднѣйшая отъ всѣхъ прекрасныхъ! превосходительнѣйшая всѣхъ изрядныхъ! непобѣдимѣйшая храбростію (хотѣлъ сказать чистоту!) преестественное совершенство всѣхъ добродѣтелей, еяже нижайшій рабъ желаетъ вамъ безсмертнаго благополученія.

СОФОНИЗБА.

Какъ Эрсилъ? Я чаяла, что я у тебя въ великой милости была, а нынѣ инако вижу, понеже мнѣ такъ скоро смерти желаешь.

ЭРСИЛЪ.

Никакъ! Соблюди, Боже, чтобъ я то учинилъ.

СОФОНИЗБА.

Тѣмъ я тебя уличу, потому ты мнѣ безсмертное благополученіе желалъ: того невозможно намъ въ семъ житіи, но въ томъ свѣтѣ получити.

ЭРСИЛЪ.

Кто догадался, чтобъ во зломнѣніе приняли такую изрядную рѣчь? Но что говорить? Не обрѣтается на вселенной лукавнѣй звѣрь, нежели жена. Никакъ то не мое мнѣніе, я только желалъ, что ты коль долго жива, дабы ты всегда счастлива была.

СОФОНИЗБА.

То иное дѣло, Эрсилъ. Поиди и вслѣдъ за мною иди, потому мнѣ съ тобою однымъ говоритъ надобно. (*Отъидетъ.*)

ЭРСИЛЪ.

Ахъ! вельми радостно: она хощетъ за меня красную дѣвицу выдать.

СѢНЬ 8.

МАСИНИЗА.

МАСИНИЗА.

Мое досадное и многою печалію оскорбленное и утѣсненно сердце утружденное мое тѣло въ темный гробъ погружаетъ. Однако не подобаетъ печальной крунинѣ зѣло прилежатися; чего ради во умѣ взялъ мусикіею утѣшатися добро. Велите нашимъ мусикантомъ, чтобъ нашу сонную арію играли. Увижу, есть ли покой потерянную силу мнѣ возвратитъ. *(Играютъ арію).*

АРІЯ 1.

Морѳей! закрой мои очи
И даждь мнѣ долго спати,
Печаль забывати,
Дай мнѣ сладкіи сни.
Морѳей! закрой мои очи.

2.

Морѳей! усипай меня,
Трудной душѣ дай уснути
И вовсе покой имѣти.
(Усипаетъ).

(*А ему во снѣ Софонизба объявится, какъ смерть поведетъ и любовь ее.*)Увы и сонъ надъ мною ругаетъ и спящій мученъ буду. О какій страшный сонъ меня мучилъ! Ахъ, Софонизба! Какій страхъ утѣсняетъ сердце мое! Но здѣсь пріидетъ Сципіо; душа моя! укрѣпися и печаль твою утаи.

СѢНЬ 9.

СЦИПІО *(единъ).*

Какъ, драгоцѣнне Масинизе? Для чего такъ единъ, и для чего ваше величество отчуждается отъ насъ? И я проклинаю

тѣ часы, когда мнѣ безъ тебя жить. Но скажи мнѣ, гдѣ Софонизба? И она Риму граду въ добычь будетъ. Ахъ! чего ради блѣдѣешь и устрашаешь ли ся, и ужасъ лице твое перемѣнитъ, и такъ молчишь?

МАСИНИЗА.

Ахъ, Сципіо!

СЦИПІО.

Что жь ли, друже мой?

МАСИНИЗА.

Ахъ! я не могу говорить.

СЦИПІО.

Во снѣ ли видишь? Укрѣпи сердце и душу свою.

МАСИНИЗА.

Софонизбу ли въ Римъ поведутъ?

СЦИПІО.

Да; и то еще сегодня.

МАСИНИЗА.

Животъ мой исчезаетъ и сердце мое разрушается.

СЦИПІО.

Какъ! Сердце ли его нашей непріятельницѣ прилѣпилося?

МАСИНИЗА.

Да; съ нею хочу скончатися.

СЦИПІО.

Такъ ты, Масиниза, любишь ли ее?

МАСИНИЗА.

Токмо Софонизба может живот мой содержать.

СЦИПІО.

Как, Масиниза? Она ли нынѣ —сердце твое, яже третіяго дня твоя злѣйшая непріятельница? Разсуди, что ея ради Сифакс государство и вольность свою потерял. Жаль мнѣ и зѣло болѣзную о тебѣ, друже мой! Однако не уничтожай моего совѣту, понеже ты прежде сего вѣрности моей свѣдал, и от того времени, как мы межь себя дружбу учинили, я всегда прилежался воздержанію неподобающей любве. И то мое сокровище и того благороднѣе почитаю иже над плотскими похотьми владѣет, неже того, иже два Сифакса одолѣл. Сам Геркулес не больше храбрости и мужества показал, что он побѣдил многих богатырев, львов и многоглавную змію гидру, неже что он от распутія плотских похотѣній уклонился. Сифаксово государство и скиптр поразил, и паучинка тебя в полон возмет! Положи на вѣсках разума твоего скверная похоти, увидишь, что одна горсть чести ста тысячь похотей перевѣсит. Скажи мнѣ, мой высокопочтенне Масиниза! Вѣдал ли ты, что я единова женщину лобызах? А Луцію, зѣло прекрасную невѣсту, ни руками осязал или нечистым зрѣніем не воззрѣл. Против ея красоты Софонизба будто стѣнь.

МАСИНИЗА.

Кто может тебѣ, великій работорец, сподоблятися?

СЦИПІО.

Ах! человѣк есмь, яко и вы; однако притом владѣю над похотями моими.

МАСИНИЗА.

Ты отъ боговъ ихъ породы и отъ Юпитера его племени.

СЦИПІО.

Онъ только отъ боговъ, кого цнотость украшаетъ.

МАСИНИЗА.

Азъ въ Ливіи родился, гдѣ зной съ человѣками родится. У насъ горитъ солнце и любовь зимою крѣпчае, неже у васъ сѣверныхъ лѣтомъ.

СЦИПІО.

Преобразуй себѣ храбраго Аннибала, дабы его примѣръ тебѣ въ зеркало былъ: онъ у горячести холоденъ и у пламени ледъ былъ.

МАСИНИЗА.

Онъ ли изъ Африки былъ и къ любви холоденъ?

СЦИПІО.

Холоденъ, но разуменъ. Не вели тебѣ отъ него осрамитися, кому ты храбростію подобенъ. Ты знаешь, друже мой, что Римъ предъ всѣми своими соединенники въ плѣненіи преимущество имѣетъ, и нынѣ тебѣ извѣстно, что еще сегодня Сифакса и Софонизбу въ Римъ пошлютъ,—и то послѣднее намѣреніе.

МАСИНИЗА.

Ахъ, Сципіо! Дѣломъ такъ я погрѣшился и стыдъ лице мое очермлѣетъ. Чего ради, великій Сципіо, надъ Масинизою твоимъ сотвори, что самъ изволишь. А кто совѣтуетъ мнѣ въ семъ дѣлѣ, понеже я рукою и устами Софонизбѣ обѣщалъ, чтобъ не пустить ее въ чужи руки?

СЦИПІО.

Что, Масиниза? Еже ты безумомъ зачиналъ, можешь ты разумомъ твоимъ управляти; понеже твоею храбростію часто великихъ непріятелей побилъ, того ради ты самъ мудръ, самъ тебѣ совѣтуй. (*Отъидетъ*).

МАСИНИЗА.

Ахъ! такъ подобаетъ Софонизбѣ подъ яриомъ римскихъ оковъ дыхати. О жестокъ поступокъ! О жестокое, но неизбѣжное несчастіе! Какъ можешь ли ты нынѣ твою крѣпость, присягу держать? О бѣдный Масиниза! Но еще бѣднѣ Софонизба. Какъ я могу то отрицати, чтобъ я не лучше Римъ себѣ непріятелемъ учинилъ, неже что я тебѣ клятвопреступникъ буду? Однако что то тебѣ пособитъ? Понеже оба подъ властію римскою живемъ, нынѣ изъ двухъ злобивыхъ вещей подобаетъ самолучшее выбирати. Прежде хощу Софонизбу смерти, неже римскому свирѣпству предати.

СѢНЬ 10.

ЭРСИЛЪ, МАСИНИЗА.

МАСИНИЗА.

Вотъ, Эрсилъ, благовременно пріидешь. Приди въ мой храмъ и вели тебѣ стекло дать и сулійку ренского принеси. Здѣсь тебѣ ключи къ моему ларцу: тамъ печатную бумагу найдешь, ту принеси, а при смерти не роспечатуй.

ЭРСИЛЪ.

Что мнѣ дѣла есть съ бумагою? Однако сулейку можно ли мнѣ распечатывать?

МАСИНИЗА.

Добро; вскорѣ пошелъ! Ахъ! сердце во мнѣ кольцаетъ и какую тяжкую борьбу чувствую между разумомъ и любовiю въ души моей. Но вижу уже Ерсила приходящаго. *(Эрсилъ, приходя, мѣритъ, есть ли стаканъ еще въ сулейкѣ: потому онъ чаетъ, все выпилъ).*

СѢНЬ 11.

ЭРСИЛЪ, МАСИНИЗА.

ЭРСИЛЪ.

Есть ли путь еще такъ далекiй былъ и сулейка еще такъ такъ велика была, такъ я до копѣйки все выпилъ и королю ничего не принесъ.

МАСИНИЗА.

Какъ, Эрсилъ? Чаю, что ты выпорожнишь сулейку, прежде ты пришелъ.

ЭРСИЛЪ.

Путь далекiй былъ и великое похотѣнiе увидѣть, каково ренское, хорошо ли оно.

МАСИНИЗА.

Ничего, налей мнѣ стаканъ и подай мнѣ печатную бумагу.

(Отдастъ ему стаканъ и бумагу).

ЭРСИЛЪ *(наливаетъ).*

То я гораздо догадался: какъ я еще единова пилъ, такъ я порозную сулейку принесъ бы.

МАСИНИЗА.

Вотъ, Эрсилъ, отнеси сіе питіе супругѣ моей и скажи ей, что я ея пріятель и супругъ пребываю, и мое раздвоенное обѣщаніе мнѣ изъ памяти не вышло. А понеже супружество наше отъ сильнѣйшихъ рукъ и отъ самаго неба разрѣшено будетъ, такъ я хочу ей данное мое слово держать и ее живую въ римскую власть не подать.

ЭРСИЛЪ.

Ахъ, бѣдная королева! Умретъ ли она съ того?

МАСИНИЗА.

Поиди и соверши, что тебѣ велѣно; но молчи. (*Отъидетъ*).

СѢНЬ 12.

СОФОНИЗБА, МИЦИПСА, НАЧАЛЬНИКИ АРАБСКІЕ.

СОФОНИЗБА.

Миципса! не видалъ ли ты супруга моего?

МИЦИПСА.

Милостивая моя королева! Чаю, что онъ нынѣ у полеваго воеводы зѣло управляетъ, еже ваше величество извѣстно.

СОФОНИЗБА.

Ахъ, Миципса! тяжкій сонъ сердце мое устрашилъ.

МИЦИПСА.

О чемъ, милостивая королева, опасатися, понеже король, своего спасенія презирая, о васъ радѣетъ?

СОФОНИЗБА.

Ахъ! я не вѣдаю, какая печаль душу мою утѣсняетъ.

СѢНЬ 13.

эрсилъ *(носитъ стаканъ на плечахъ).*

ЭРСИЛЪ.

Ахъ! чтобъ пропалъ бы сей стаканъ! Мнѣ смѣлости нѣтъ предъ собою нести бездѣльный порошокъ, что король въ немъ смѣшалъ: можно быть, что на дно еще не пался, или чтобъ проходимую силу имѣлъ, и я въ молодыхъ лѣтѣхъ моихъ умеръ бы. Ахъ! какъ потомъ можно на семъ свѣтѣ быти, когда такой почтенный человѣкъ изъ сего свѣта скончался? Вотъ здѣсь стоитъ королева. Король меня съ грамотою сюды прислалъ; мнѣ подобаетъ ли ей обѣ вручить? Чаю, что у королевы мышей много, чѣмъ нынѣ ихъ отравить хочетъ. Милостивая государыня! король вамъ грамоту послалъ и еще стаканъ.

СОФОНИЗБА.

Какъ? что? кто? Ахъ! я устрашаюся, и сердце мое въ тѣлѣ воздвигается. Что жь есть въ стаканѣ?

ЭРСИЛЪ.

О! при смерти не предложи ко рту. Прочь! Постановися, или умрешь.

СОФОНИЗБА.

Добро; оставайтеся, распечатую и прочту грамоту.

(Она прочтетъ грамоту).

«Ахъ! какъ я прослезуся о римскихъ жестокихъ нравѣхъ, которыхъ тебе ради, о сердце мое, невозможно умолити. Грозный Сципіо супружество и право разрушаетъ, говоря, что моя

Софонизба Римляномъ порабощенна есть и подобаетъ ей Риму и ему, его тріумфу, краша ести. Ахъ! подумай, какъ сіе сердце мое воздвигаетъ. Душа моя болѣзнуетъ, понеже вси мои труды и радѣніе не могутъ тебя помогати, и послѣдняя кровавая капля не можетъ тебя отъ свирѣпыхъ львовъ и отъ лютыхъ свободити. И тебѣ, о драгоцѣнное сокровище, азъ обѣщалъ отраву смерти подати.» Добро не имѣетъ ли Масиниза болѣ послать Софонизбѣ своей, нежели сей стаканъ отравный? О простой подарокъ новаго супруга! Слыши, Эрсилъ: поиди да скажи Масинизѣ, что я подареніе его съ радостію приняла, понеже онъ лучшего подарить не имѣетъ. Я наипаче желала, чтобъ онъ свадьбою нашею такъ не поспѣшилъ, потому мнѣ уже яма къ смерти моей прекопанна была. Но возвѣсти ему, что смерть мнѣ во жизнь, но любовь къ нему не угаснетъ.

СѢНЬ 14.

ІЕРВА, СОФОНИЗВА.

СОФОНИЗБА.

Ахъ, чадо мое! ты благовременно пріидешь. Приходи, дабы я тебя въ послѣдній разъ обняла, понеже злополученіе тебѣ зѣло противилося отнимати тебѣ мать твою.

ІЕРБА.

Какъ, государыня матушка? Какъ ли мнѣ того разумѣти?

СОФОНИЗБА.

Масиниза мнѣ стаканъ съ отравою прислалъ.

О! то будетъ насъ отъ всякой бѣды свободити.

СОФОНИЗБА.

Хочешь ли ты со мною умрети?

IЕРБА.

Кто опасается умрети, когда злополученiе непрестанно новыми громовыми удары на насъ побиваетъ?

СОФОНИЗБА.

Добро; раздѣемся, дабы неустрашимымъ сердцемъ умерли.

(Оба піютъ).

Добро такъ: кто дерзновенно умретъ, смѣется непріятелемъ, злополученію и времени, перемѣняя покой славою, печалію и суетностію. Ахъ, сыне мой! вели мнѣ тебѣ послѣдное лобызаніе подать и на тебя умирающее матерное сердце расширяти. Очи отемнѣютъ... свѣтъ ихъ помрачаетъ... уды холоднѣютъ...

IЕРБА.

Обнимай меня, государыня матушка, чтобъ здѣсь при неразлученными тѣлами и души по смерти неразлученны были.

(Умрутъ).

СѢНЬ 15

МАСИНИЗА.

МАСИНИЗА *(осмотривъ мертвыхъ).*

О жестокій поступокъ! О неслышанно приключіе! Ахъ, драгоцѣнна Софонизба! Ты моего ради умерла. Можешь ли ты, о Масиниза, безъ страху смотрѣть? Ни, ни. О, немилосердый тигръ! Понеже ты міру (свѣту) солнце отнялъ, и тебе нынѣ подобаетъ свѣту недостойнымъ почитати. Подожди, о драгоцѣнна душа! Масиниза будетъ съ тобою на Харона кораблѣ плы-

ти; и, потому онъ въ животѣ недостоинъ былъ всегда у тебя пребывать, хочетъ онъ по смерти всегда съ тобою содружество имѣти. Для чего замедлишь?

СѢНЬ 16.

СЦИПІО, ЛЕЛІЙ, СИФАКСЪ, МИЦИПСА, ГИМИЛЬКО, ЭРСИЛЪ, АРАВСКІЕ И РИМСКІЕ НАЧАЛЬНИКИ.

СЦИПІО.

Перестань; нынѣ вовсе ты безумнымъ сталъ.

МАСИНИЗА.

Помогай, небо! Кто помѣшкаетъ такъ праведную смерть исполнити?

СЦИПІО.

Какъ отчаяніе тебе ослѣпитъ! Вскорѣ издерите ему изъ рукъ шпаги и отведите отсюды, Софонизбы останку.

МАСИНИЗА.

Нынѣ мнѣ умереть отказываютъ.

СЦИПІО.

Тому надобно отказати, кто не знаетъ, что онъ сдѣлаетъ.

МАСИНИЗА.

Я гораздо знаю, что я сдѣлаю. Мое злодѣяніе больше, неже просто смерти достойно.

СЦИПІО.

Открой намъ, кому ты такъ зѣло прегрѣшилъ.

МАСИНИЗА.

Моею отравою здѣсь моя Софонизба и сынъ ея мертвы лежатъ.

СЦИПІО.

Она мало еще за ея винность терпѣла, понеже ей вольно пить и не пить.

МАСИНИЗА.

Она не мнѣ, но я ей повиненъ.

СЦИПІО.

Римъ и небо власть тебѣ дали ей казнити.

МАСИНИЗА.

Но боги отъ меня, преступленія моего ради, отмщенія ищутъ.

СЦИПІО.

Самого себя убить—то богомъ ненавистно. Кто на себя насильствуетъ, той природѣ и праву вредитъ. Не допусти, чтобъ пропажа нѣкія нечистой жены тебя къ тому привела, самого себя убить; но и добраго совѣтованія послыши и возбодрися. Храброе твое сердце прежде время твое буйство объявляетъ: самъ злѣйшій твой врагъ Сифаксъ тебя любитъ. Разсуди нынѣ смерти ея достойна объ ней совѣтовати, понеже она единаго дня два мужа въ супружество поняти намѣрилася.

МАСИНИЗА.

Я нынѣ, великій Сципіо, прилежаюся забыть ее; но только прошу, чтобъ не останку въ Римъ повезли.

ЭРСИЛЪ.

Тотъ человѣкъ—прямой дуракъ. Многи желали бы, что живую ихъ жену въ Персилванію повезли, а онъ мертвую свою Римляномъ не отдастъ.

СЦИПІО.

Ты..... того, еже Римъ тебѣ можетъ отказати, понеже на нынѣшнихъ побѣдительныхъ праздкованіяхъ необыкновенно съ мертвыми величатися. И какою честію ты изволишь ее погребати, тебѣ вольно. Чего ради, Масиниза, можешь научитися, что храбрость и цнотость даже до звѣздъ возлетаетъ, и что Римъ храбрымъ и мужественнымъ ратоборцемъ мзду свою воздастъ. О мой Лелій! тебѣ велѣно съ полоняниками въ Римъ поспѣшить, покамѣсть мы Картаго до основанія опустошити велимъ.

ЛЕЛІУСЪ.

Дабы боги Римъ и тебя побѣдою вѣнчали! На котораго Римъ, совѣтъ, войско и граждане утверждаются, и тому еще по моему свидѣтельству приключится, еже небо давно намѣряло, что Картаго разорена будетъ.

СЦИПІО.

Масиниза! Римъ всегда союзникамъ почитаетъ и чрезъ меня Сифаксово государство тебѣ вручается: принимай корону и скиптръ, и ты впредь Римляномъ вѣрнымъ пріятелемъ бытн утрудись.

ВСИ.

Да Римъ, и Сципіо, и Масиниза виватъ!

VII.

ПРИНЦЪ ПИКЕЛЬ-ГЯРИНГЪ, [1])

или

ЖОДЕЛЕТЪ.

КОМЕДІЯ

САМЫЙ СВОЙ ТЮРЬМОВЫЙ ЗАКЛЮЧНИКЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ПЕРСОНЫ.

1) Король.
2) Фридерихъ.
3) Изабелла, королевская принценна.
4) Лаура, принценна изъ Салерно.
5) Генрихъ.
6) Инфантъ.
7) Альфонсусъ.
8) Октавіанъ.
9) Шанше.
10) Пашкалъ.

---

[1]) Скоморохъ—Принцъ Пикель-Гярингъ.

ДѢЙСТВО 1.

Позорище есть въ дубравѣ лѣсу.

СѢНЬ 1.

ФРИДЕРИХЪ *(въ простыхъ платьяхъ)* И ОКТАВІАНЪ.

ФРИДЕРИХЪ.

Полно есть, Октавіанъ, что меня увѣщеваешь презрѣнною сею одеждою высокій мой родъ закрыти, и не говори больше ни о какомъ притвореніи: когда нѣкоторый князь глубоко унижается, что онъ чинъ свой помрачаетъ, и то истинно много. И ты меня нынѣ только дли обдержанія живота моего къ тому привелъ, чтобъ никто въ сей одеждѣ принца сициліанскаго не узналъ, и самъ ты чуть любовію обнятаго Фридериха въ семъ лѣсу перемѣнною одеждою не узналъ бы, если то не твоимъ разумнымъ вымышленіемъ учинено.

ОКТАВІАНЪ.

Милостивый государь! сія притворная одежда бѣду отвратити можетъ, что вамъ безъ всякаго сумнѣнія мочно быть; однако гораздо не найдетеся, потому князи не могутъ долго (скрыти свое величество), чѣмъ ихъ небо означило, которое вельми сіяетъ и ихъ обличаетъ. Дабы вы бѣды могли убѣжати, покиньте сіе мѣсто, которое вамъ убіеніемъ принца изъ Салерно ненавистно. Вы чрезъ сіе дѣло сей землѣ крѣпчайшее утвержденіе отняли.

ФРИДЕРИХЪ.

Что уже пособить учиненное? И я вѣдаю, что сіе дѣло великое и изрядное шурмованіе было, и что король надо мною отмщенія своего ищетъ. Октавіанъ! и тебѣ извѣстно, коль крѣпко сердце мое принцессѣ прилѣпляется. Сія разженная

любовь сотвори, будто я сестриной немилости и отца отмщенія не опасаюся, понеже я и самъ безъ всякаго устрашенія обое самъ могу разсудить.

ОКТАВІАНЪ.

Разсуди, милостивый государь, для чего вы въ такую бѣду животъ свой приводите.

ФРИДЕРИХЪ.

Честь закажетъ мнѣ опасатися; принцессы ради, подобаетъ мнѣ все терпѣти. Для того, что она моей постоянной и крайней любве обнадеживанна будетъ, того ради межь нами да владѣетъ любовь и фортуна! А ты вотще боишися. Кто меня когда на семъ мѣстѣ видалъ? Не..... я ли оружія, и перья, одежда, по чемъ меня мочно узнати? Я въ семъ лѣсу брожу только любве ради, которою я къ принценнѣ прилѣпился. Хотя я и погибну, токмо не могу лучшую жертву, неже жизнь мою, любви приносити.

ОКТАВІАНЪ.

А что же ваше намѣреніе?

ФРИДЕРИХЪ.

Все въ простой одеждѣ въ ближней деревнѣ хочу пребывати. Для того, что конь мой подо мною внезапу палъ, того ради принужденъ въ ближней странѣ удержатися; а ты между тѣмъ поѣзжай въ Неаполи и довѣдайся, что̀ тамъ дѣлается, и искусно провѣдай, нѣтъ ли принценнѣ какой печали.

ОКТАВІАНЪ.

Милостивый государь! я шумъ слышу. Дабы не напали на васъ какіе люди!

ФРИДЕРИХЪ.

Истинно такъ, я нѣкоего приходящаго слышу близко, уже и приходятъ… Пошли лучше въ тайномъ мѣстѣ намѣреніе наше зачати.

(*Отъидутъ*).

СѢНЬ 2.

ПАШКАЛЪ, ЖОДЕЛЕТЪ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Будетъ здѣсь не были двѣ дикія утки, то дамъ себя кнутомъ выбить.

ПАШКАЛЪ.

Дуракъ! сія животная всегда на водахъ охотна жить, неже на земли.

ЖОДЕЛЕТЪ.

И конечно лисицы были, дуракъ! А ты не чаешь, что я искусенъ къ большой охотѣ?

ПАШКАЛЪ.

Не очень: ты узнаваешь людей за лисицы.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Онѣ были; тебя чаяли быти охотникомъ, а меня рабомъ; того ради онѣ такъ скоро въ норы свои поползли.

ПАШКАЛЪ.

Когда ты видалъ лисицъ въ кафтанныхъ станѣхъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Диковинно; недавно читалъ я книжицу прозваніемъ Рамазка лисенокъ и видѣлъ въ ней, какъ лисицы похаживаютъ въ

нарядныхъ кружевныхъ платьяхъ и въ желтыхъ ферезеяхъ. А я хотя нарочито по новой модѣ одѣтъ хожу, однако стыжуся, какъ я ихъ помяну.

ПАШКАЛЪ.

Будетъ ты сію книжицу читалъ, то знатно, что много въ ней добра нашелъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Лучшее написано въ прѐдрѣчіяхъ. Я бы ея никогда не читалъ, да для того, что моя книга не полна, въ началѣ пять листовъ изъ нея выдрано, то вѣдаю, будто Рамазка лисенокъ возлюбилъ оногда калбасъ, великимъ желаніемъ хотѣлъ устомъ своимъ съ ними переговорить и объявилъ любовь желудка своего сею возмущенною грамотою.

ПАШКАЛЪ.

Желаю я вѣдати писаніе той грамоты.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Колико мнѣ вѣдомо, то я тебѣ возвѣщу. Сице зачати: «Прости меня, моя неприродная красота возлюбленнаго моего желудка, что я ваше неописанное изрядство качества вашего краснымъ зрѣніемъ глубокихъ моихъ мыслей замараю: желаніе утробъ моихъ призрѣніемъ вашего пригожества збѣсилось и не утаится, дондеже тобою насытится. Сего ради уклони милостивое слово глупящему моему желудку и утѣшите его вашимъ прихожденіемъ. Что воздати вашему приходу? Замокъ гортани моей не токмо отворю, не со всѣмъ потрохомъ въ глубокое море утробы моей пропущу».

ПАШКАЛЪ.

Будетъ по симъ словамъ не дался уговоръ, то знатно, она крупеная или кровавая кишка можетъ назватися.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Мнѣ все равно, хотя крупеная, хотя кровавая кишка бывала. Я бы желалъ у нихъ быть и поклонъ свой отправить.

ПАШКАЛЪ.

Пойдемъ, дуракъ, много бо преславнаго дѣйства не увидимъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Прежде было намъ изъ щетинъ свиныхъ ставить и то не забыть; сію бо ночь я побранился съ мужикомъ.

ПАШКАЛЪ.

Съ какимъ мужикомъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Прямо с......нъ сынъ: во снѣ бо онъ звалъ меня къ себѣ въ карету, потомъ побѣжалъ черезъ пень и колоду и послѣдокъ выкинулъ меня въ ровъ.

ПАШКАЛЪ.

Братецъ! сонъ есть сонъ: нечего на него глядѣть.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я на него разсердился и ударилъ его по щекѣ. *(Ударяетъ Пашкала по щекѣ).*

ПАШКАЛЪ.

Братецъ! что дѣлаешь?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Сіи суть сни; нечего на нихъ глядѣть.

ПАШКАЛЪ.

Пойдемъ поскорѣе, дуракъ, дабы намъ не опоздать.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Помню, азъ готовъ. Погляди, что я здѣсь обрѣтаю.

ПАШКАЛЪ.

Покинь, дуракъ: видишь, платье, которое тебѣ не годится.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Пособи токмо ты мнѣ надѣть; а буде первая пугвица упадетъ, то тебѣ за работу будетъ.

ПАШКАЛЪ.

Добро, безумный дуракъ: я тебѣ пособлю.

ИЗАБЕЛЛА.

Престрашное дѣло! нынѣ всю радость сего міра отпущу.

ЛАВРА.

Правда есть, когда подумаемъ, яко никакое похотѣніе, которое мертвеннымъ любо есть, яже не въ тотъ часъ возлюбитъ печаль. Намъ подобаетъ тѣмъ довольнымъ быти.

ИЗАБЕЛЛА.

Увы! кто бы чаялъ, что сіе пост ленное дѣйство такой унывной конецъ обрѣсти!

(Чрезъ позорище театра ходитъ Пашкалъ, Жоделетъ въ Фридериковыхъ платьяхъ, во оружіи).

ЖОДЕЛЕТЪ.

Пашкалъ! Не изрядны ли сіи двѣ рѣзныя штуки и прекрасныя лица прошли? Не угомонные ли, небесные тюфяки были,

на нихъ отдыхати? Пойдемъ отчасти за ними, дабы намъ ихъ благоуханный духъ видѣть.

ПАШКАЛЪ.

Поди, поди, Жоделетъ, за ними! Того они тебѣ не запретятъ. Чаешь ты ихъ простыми людьми быти? Они благородныя лицы, которыя насъ, бездѣльниковъ, чрезъ плечо не призрятъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Будто мы бездѣльники и негодники? Аще я съ ними единожды поговорю, то ты увидишь издивленіе, какихъ голубей я между ими пущу.

ПАШКАЛЪ.

Знатно, что имъ...... пыли понюхали, потому что одна носъ свой затыкаетъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Конечно, братецъ, онѣ на насъ оглядываются; поставь имъ поклонъ.

ПАШКАЛЪ.

Чаю, по тебя пришлютъ и позовутъ тя на дружелюбную бесѣду?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Помѣшкайте, дѣвицы красныя! Помѣшкайте, изрядныя куклы! Скоро мы къ вамъ будемъ.

ПАШКАЛЪ.

Оставь ихъ; давай симъ людемъ покой, ты бо ихъ не знаешь.

ЖОДЕЛЕТЪ.

А для того, что я ихъ не знаю, того ради я впредь съ ними знаться хотѣлъ.

ПАШКАЛЪ.

Онѣ изъ рѣчей твоихъ примѣчали, что ты дуракъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Охъ, братецъ! Ты еще не знаешь, какой я изрядной человѣкъ, и какъ я только единымъ словомъ могу женскому полу сердце изъ нихъ отняти.

ПАШКАЛЪ.

Я бы радъ то увидѣлъ, какъ ты съ женскимъ поломъ держатися будешь.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Для примѣру, ты дѣвица была, и я тебя здѣсь обрѣлъ.

ПАШКАЛЪ.

А что ты хотѣлъ говорить?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Первы хотѣлъ тебѣ крестнымъ поклономъ абшитъ, добрый день сказати и къ тебѣ послѣдующимъ подобіемъ говорити: «Шамаданъ моихъ возлюбленныхъ мыслей! непобѣдимая корчма любительной пряжки! твои стрѣльные пищали огневыхъ глазъ твоихъ черезъ многоличную стрѣльбу сѣмо и овамо чернь тѣлесную замутили и лучше изъ нихъ замденнымъ доброкъ прострѣлена, а знатная моя часть вовсе запалена. Увы! не загородите къ сердцу приступнымъ прогономъ благорѣчей моей путь и переправу; но пропустите ихъ чрезъ калитку

ушей вашихъ въ караулъ сердца вашего. Обнадеживаю васъ, моя маленькая поросенка: сколь скоро вы моихъ бѣдныхъ шулятокъ поможете, то духъ мой послѣднюю дирочку сыщетъ и кожу обнажитъ».

ПАШКАЛЪ.

Ты дивныхъ вещей смѣшаешь. Я воръ: какъ я вѣдаю, что тебѣ къ тому отвѣщати?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Молчи, молчи, моя избранная Маргарита! Сокъ твоихъ ангельскихъ рѣчей проступаетъ мозгъ и кости: хотя мое и рыцарское сердце было отъ стали и желѣза, однако въ тотъ часъ умягчило, яко масло, въ кой часъ возлюбленное мѣсячное сіяніе твоихъ изъясныхъ очей на меня нападетъ.

ПАШКАЛЪ.

Престань, Жоделетъ! Инако вовсе дуракомъ быть.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Еще единое: «Моя благоуханная козочка! открыйте свои червленныя картельныя губы на меня вашего возлюбшаго ишака, на мою породу; пріидите и уставите мирной уговоръ: иной бо барабанщикъ мыслей моихъ ударитъ всполохъ, и я принужденъ буду къ вашей крѣпости приступить, и лѣстницы и туры къ вашему сердцу прикладывать». Что тебѣ мнится, Пашкалъ? Не всѣ ли сердцапроходительныя рѣчи суть? Цѣлъ ли ты? Овогда лучше между возлюбленныхъ людей въ книжицѣ Прекрасная Магдалыне. . . .

ПАШКАЛЪ.

Стою въ томъ изрядно; мнѣ полюбилася она такъ и вѣчно; но жаль, яко не могъ едино слово отъ того разумѣть.

ЖОДЕЛЕТЪ.

И то безъ розмыслу, мой друже! Однако изъ тѣхъ можешь разумѣти, какую часть у женскаго полу я имѣю и коль высокія мои басни и непремѣнно пригожество отъ него почитается.

ПАШКАЛЪ.

Отъ того скоро можетъ знати, что ты добрѣ глубоко въ заячье сало вступилъ. Я чаю, что ты себя чаешь, будто ты изрядный молодецъ? И если ты столькожь въ Неаполи побудешь, сколько въ Гаэтѣ былъ, парсуну твою дурацкую по улицамъ станутъ продавать.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что говоришь про Гажету? Ты вѣдай, что мои земляки живутъ, которые всѣ меня гораздо знаютъ.

ПАШКАЛЪ.

Конечно, довольно и говорилъ. Когда въ Гажетѣ по улицѣ идешь, то всякъ на тебя пальцомъ указываетъ: это де дуракъ а кто де дурака сдѣлаетъ, не заказано.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Аще тя на круговую марманную моею высокою и честною породою обвожу и тебѣ большую книгу моего родословія покажу, въ ней бы ты увидѣлъ какой отецъ мой.

ПАШКАЛЪ.

Молчи; мы тебя и безъ родословной книги знаемъ, что всегда ты, Жоделетъ, въ дурачествѣ пребываешь.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ты чаешь, что я коростливый кузнечишко? Еслибъ меня природная кротость, а жеребца ярость не воздержала, я бы

тебѣ природную свою печать поднесъ, чтобъ ты ей удивился. Вѣдаешь ли ты, что я есмь маркграфъ?

ПАШКАЛЪ.

Вѣдаю, что мужики тебя сродникомъ называютъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Смотри ты на меня: какiе высокiе люди со мною говорятъ, особливо женской полъ.

ПАШКАЛЪ

Когда тебѣ говорятъ: хоронися, с . . . . ы сынъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ты не разумѣешь дѣвичьи издѣвочныя слова. Надобно ихъ слова всегда противно толковати. Когда они скажутъ: черно тогда хотятъ бѣлаго; когда скажутъ: кратко, то хотятъ долго; а «мало», то хотятъ большое. Буде кого назовутъ дуракомъ, то разумѣютъ господиномъ быти. Если скажутъ: отпусти отъ меня и дай мнѣ покой, то они ближе къ себѣ желаютъ.

ПАШКАЛЪ.

Кто твоимъ словамъ повѣритъ? Прямой ты дуракъ. Знатно, ты подъ песочнымъ мѣсяцомъ родился.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Подъ которою планетою я на свѣтъ вышелъ? Я родился подъ лѣвымъ близнецомъ и недавно сталъ въ руку смотрѣть и сказывать себѣ, что въ краткихъ дняхъ престрашный человѣкъ буду.

ПАШКАЛЪ.

А я чаялъ, что при твоемъ рожденiи меркурскiй волъ сто-

ялъ и того ради вскорѣ жь себѣ честь въ дурацкой игрѣ обрѣсти.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Закрой ротъ твой и не называй меня въ такихъ изрядныхъ платьяхъ дуракомъ. Въ иное время тебѣ будетъ тяжко противъ меня отвѣтъ давать.

ПАШКАЛЪ.

Поди, дуракъ! Мы либо баснями твоими дѣйства отбудемъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Сіе я чуть не забылъ и мнѣ надобно тамъ быть. Копіе мое вельми трясется; я смѣлостію своею честь своимъ втыканіемъ получу.

ПАШКАЛЪ.

Ну скорѣе! Отложи сіе платье и надѣнь свое и не держи меня далѣ; принужденъ я поспѣшить.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Буде не хощешь ждати, побѣги; а мы, господа великіе, ступаемъ по своей воли, чтобъ намъ дорога не скучилась.

ПАШКАЛЪ.

Изрядно можешь ты въ краденыхъ платьяхъ хвалитися.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что ты говоришь—краденыя? Я ихъ не укралъ, нашелъ, и тако мнѣ годилося, будто по мнѣ дѣлано. Гляди на меня теперь: не подобенъ ли я рыцарю Георгію, который змію закололъ? А въ дѣйствѣ пройду чужимъ рыцаремъ и назовуся рыцаремъ съ завороженнымъ оружіемъ.

ПАШКАЛЪ.

И ты по чародѣйству помышляешь, нечаемо сіи вещи я ихъ нашелъ въ сей дубровѣ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Конечно, наворожено, что такое платье на древахъ не ростетъ. Вижу бо, что хозяинъ на мнѣ платье признаваетъ, и я то могу разумѣть, если онъ меня въ платьѣ поимаетъ, то я отъ него скоро къ высокимъ и честнымъ мѣстамъ по лѣстницѣ возведенъ буду.

ПАШКАЛЪ.

Тако у насъ татей возвышаютъ всегда. Если тебя въ сей одеждѣ поимаютъ, то за палачемъ на лѣстницу высоко ступать будешь и на всѣхъ смотрѣть станешь высокимъ взоромъ; сего ради послушай мя: отложи платье, откуду взялъ, или я отъиду и оставлю тебя одного.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Дѣлай, что хощешь; мнѣ немного надлежитъ, особливо для того: нынѣ я почтенный рыцарь сталъ. Чаешь ли ты, что я съ тобою буду брататися? Либо ты будешь хлопецъ, или щитоносецъ мой?

ПАШКАЛЪ.

Въ правду ли, что ты сіе платье у себя хощешь держать?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Не на всякъ день таланъ такой случится. Я Богу благодарствую, что въ семъ году мнѣ такъ посчастилось, что рыцарскихъ становъ и сію державную полосу отнимати не дамъ: хотя всѣхъ копіемъ прободу.

ПАШКАЛЪ.

И я прощуся. Лучше я одинъ на дѣйство пойду, нежель съ тобою: въ бѣдѣ буду я, о закладъ бьюся: если они придутъ, то тебя путемъ высѣкутъ.

(Отходитъ).

ЖОДЕЛЕТЪ.

Мнѣ истинно никакой угодности не показали, а сверхъ того такого высокаго кавалера не пристойно дубинками подчивать. Нынѣ жь я одинъ. Если на меня какой страхъ припадетъ, то можетъ сіе платье быти господина сего, есть ли нѣкто добрый пріятель пургацію пріялъ или сливный сокъ черезъ мѣру испилъ и зачалъ дѣйствовати, раскинулъ платье и на сторону пошелъ. А буде кто меня о томъ спроситъ, и я и не знаю, что мнѣ отвѣщать. А прежде говорилъ я, что завраженіе и платье мнѣ досталось наворожено: извѣстно ль вѣруетъ онъ, или я и самъ о томъ сумнѣваюсь? А помышляю я, что мнѣ и самому на себѣ побои понести, буде я и самъ себѣ не могу угодность учинить. Велика есть въ семъ случаѣ бѣда, когда кавалеръ нѣкій добре вооруженный, и въ немъ сердца нѣтъ. Однако увидимъ. Подобаетъ мнѣ отвѣтъ дати, чтобъ мнѣ не стыдно было: самъ о себѣ нѣкоторыя искусныя прошенія предложу. А онъ, чаю, спроситъ у меня: «Какъ тебя зовутъ?» Надобно мнѣ отвѣщать: «Кавалеръ Жоделетъ, моя возлюбленная мадамъ». Вопросъ: «Не то ли изрядное кавалерское оружіе». Отвѣтъ: «То увидите, возлюбленніи облезянки». Вопросъ: «Скажи мнѣ: какъ шпагою владѣешь?» «Азъ воръ есмь; какъ доведется». Вопросъ: «Откуда тебѣ платіе досталось»? Отвѣтъ: «одинъ с..лъ, и я въ тѣ поры унесъ, для того я и самъ не смѣю сказать, себя опасая, чтобъ меня кнутомъ высѣкли. Господинъ послѣдующій! знаешь ли ты къ тому отвѣщати? Я симъ наслѣдіемъ обдержавъ». Вопросъ: «Кто сіе платье дѣлалъ?» От-

вѣтъ: «Сидоръ да Карпъ въ Крыму сію манеру вымышляли». Вопросъ»: Стоятъ ли они многихъ денегъ?» Отвѣтъ: «Я то не почитаю, я храбрый кавалеръ». Вопросъ: «Часто ли ихъ носишь?» Отвѣтъ: «То ты дуралей, все просишь». Вопросъ: «Не прогнѣвайся, мой пріятель, я на схожденіе пойду». Отвѣтъ: «Истинно тамъ ренского да пива испію». Вопросъ: «Откуды ты пришелъ?» Отвѣтъ: «Отъ Рудолфіи нечаемо, такъ такъ голодно». Добрѣ отвѣщалъ; я самъ себѣ такой надежды не имѣлъ, нынѣ жь увижу, кто у меня станетъ платье отъимать. Я всѣхъ къ тому приведу, что меня о прощеніи умоляти будутъ. А! фу діаволъ! какихъ тамъ дурныхъ людей вижу? Они на меня глядатъ, будто палачи. Нынѣ зачинаются вопросы, а я все забылъ. А кто сіе время былъ дома, тотъ честно и учтиво лисію язвину скоро увѣдалъ, и я было во двѣ недѣлѣ не хотѣлъ никуда вылазать. Теперь мнѣ лучше кажется, чтобъ я за симъ деревомъ укрылся.

СѢНЬ 4.

ГЕНРИКЪ СЪ СВОИМИ СОЛДАТЫ, ЖОДЕЛЕТЪ.

ГЕНРИКЪ.

Возмужайтеся вы, солдаты! Онъ недалеко, потому что мы его мертваго коня обрѣли. Онъ, чаю, здѣсь въ близости ухоронился. Подумайте, какое намъ воздаяніе будетъ, какъ его поимаемъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Да! да! Они ужь говорятъ, что меня хотятъ поимать. О! въ какихъ я узкихъ и бѣды исполненныхъ станѣхъ нынѣ обрѣтаюсь.

ГЕНРИКЪ.

Вѣдаю я: если мы его поимаемъ, то великое королю услугованіе сотворимъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

О! увы! нынѣ все пропало! Слышу, что король къ сторонѣ ходилъ и платье все покинулъ.

ГЕНРИКЪ.

Надобно намъ самимъ оберегатися: кой принца Рудольѳа одолѣлъ, истинно намъ боятися надобно; сей левъ въ цѣпяхъ скоро оковатися не дастъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

О дурачество! Что я устрашился? Онѣ чаютъ, что будто льва какого хотятъ поимати; а мнѣ кажется, что за мною бѣды нѣтъ.

ГЕНРИКЪ.

Ну! ну! я въ первыхъ нападу на него, а вы мнѣ послѣдуйте А какой шумъ я за симъ деревомъ слышу?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ахъ! что я за осиною ухоронился? Я мало трепещу и все дерево трясется.

ГЕНРИКЪ.

Остерегайтеся, чтобъ никто не ушелъ. Кто тамъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

То удивительной вопросъ. Я ко многимъ вопросамъ уготовился, и къ тому я слова не могу отвѣщать.

ГЕНРИКЪ.

Я говорю: кто тамъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Однако чаю, что тяжкій вопросъ, потому что онъ въ другой разъ спрашиваетъ. А.... нѣтъ ничего, я вамъ особый отвѣтъ дамъ общимъ дѣломъ; сего вопросу тренещу, толькожь мнѣ не доведется всякому дураку на всякое слово отвѣщать.

ГЕНРИКЪ.

Стойте, братіе! Тайну открыти надобѣ: нѣкто за деревомъ укрылся и намъ отвѣту не даетъ, и я велю палить на него.

ЖОДЕЛЕТЪ.

То было изрядное дѣло, что мнѣ дырку въ станѣхъ за 5 алтынъ палили. Увы мнѣ! Какъ тѣ солдаты станутъ меня дубинками потчивать? Нынѣ ужь я принужденъ вылазить. И называется: пей или умри; сего ради я великимъ сердцемъ возмужаюся, будто большой хлѣбъ (?), и меня почитаютъ храбрымъ какимъ мужемъ. *(Приступаетъ съ обнаженнымъ мечемъ).* Назадъ вы, б....ны дѣти! или я обрублю, яко тѣлесны діаволъ, с...вы сынъ. Кто хочетъ ко мнѣ приближатися, я его въ пирожныя части изрублю! Мнѣ кажется, что они ужь меня боятся. Постой! постой! Еще я вамъ скажу. Васъ хотя сто тысячъ милліонъ, всѣ вы б....ны отойдите отъ меня, или я изъ васъ одного скрозь тѣло и душу прободу.

ГЕНРИКЪ.

Увидимъ, какъ его хотя лестію прельстимъ. Онъ тотъ, кого мы ищемъ: то намъ платье и оружіе извѣстно. Государь мой! мы не тѣ люди, что ты насъ боишися и намъ зѣло грозишь.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что? я ихъ устрашилъ? Гораздо пособитъ, кто бы маленько побожитися умѣлъ. О вы, свирѣпіи звѣріе! я божуся, что при

порохѣ, при селитрѣ и при всѣхъ элементахъ: кто шпагу въ ожны не вложитъ, того я во мгновеніи ока до смерти убью.

ГЕНРИКЪ.

Мы о томъ больше (не) сумнѣвались, потому что ты намъ храбро объявился. Мы послушаемъ твоей милости, потому что намъ съ тобою битися намѣренія не было; наипаче должни тебя противъ всѣхъ непріятелей обороняти.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я думалъ, что вы меня поимать хотѣли. Однако скажите мнѣ: во умѣ у васъ не было ль, чтобъ меня батогами помазать?

ГЕНРИХЪ.

Сего у насъ во умѣ никогда не бывало.

ЖОДЕЛЕТЪ.

И я також дуракъ, что я такъ на васъ осердился.

ГЕНРИХЪ.

Мы о томъ чрезъ мѣру дивовались.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Инако никто мнѣ можетъ противитися. Я единожды надъ сѣнію моею разгнѣвался и два часа съ нею бился. А нынѣ не бойтеся меня больши. Никто васъ не тронетъ уже, храброе мое сердце успокоилося. Перво надобно, чтобъ другъ друга узнати, прежде его въ пріятели пріяти. *(Шпагу въ ножны вложитъ).*

ГЕНРИКЪ *(паки шпагу вынимаетъ).*

Ты еще прямо насъ не узналъ; отдай намъ шпагу.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что? что? или мы не добрые пріятели?

ГЕНРИХЪ.

Скоро отъ него оружіе возьмите. *(Солдаты у него шпагу отнимаютъ).*

ЖОДЕЛЕТЪ.

Постой! постой! Вы мнѣ кудрей моихъ не раздерите.

ГЕНРИХЪ.

Гдѣ оружіе? Его по королевскому указу отдай намъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

О, б....нъ сынъ! То ли есть честно битися?

ГЕНРИКЪ.

Что съ нами еще хочешь бранитися?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Какъ я сильную свою шпагу имѣлъ въ рукѣ, я пуще того, прежде шататися хотѣлъ.

ГЕНРИХЪ.

Али ты намъ запрещаешь? Ты теперь нашъ полоняникъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Жарта, что вы меня раздражаете. Мы добрые пріятели. Чаете вы, что издѣванія не разумѣю? Знаю, что вы притвореніе чините, будто вы мои непріятели.

ГЕНРИКЪ.

Мы безъ издѣвки говоримъ, и въ тотъ часъ узнаешь, что тебѣ будетъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Мнѣ ли говорити для чего такъ кого я разгнѣвалъ? Дайте мнѣ покой. Или вы со мною хощете спороватися? Я нынѣ къ тому охоты не имѣю.

ГЕНРИКЪ.

Такое злодѣйство не можетъ безъ наказанія быти.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Если я вѣдалъ или чаялъ, что нѣкто платье покинулъ, потому что ему на пути тяжело было нести...

ГЕНРИКЪ.

Ты гораздо чаялъ, что тебя на семъ мѣстѣ невозможно обрѣсти.

ЖОДЕЛЕТЪ.

И я чаялъ, что никто не зналъ и не вѣдалъ, гдѣ я дѣлся.

ГЕНРИКЪ.

Мертвый конь тебя предалъ намъ, слѣдъ твой намъ указалъ, что тебя недалеко отсюду можно обрѣсти.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Мертвый тотъ конь такъ особливо на меня глядѣлъ, когда я платіе взялъ. Ахъ ты, невѣрный живодерный скотъ, раздутое стерво! хотѣлъ я, чтобъ ты ослѣпился на оба глаза! Недостоинъ ты, чтобъ былъ добрый человѣкъ впредь на тебѣ сидѣлъ.

ГЕНРИКЪ.

Поиди поскорѣе; теперь мы тебя въ лучшее заключеніе посадимъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что вы мнѣ хощете дѣлать? Отпустите меня. Чаете вы, что я сіи ѳлюндры много почитаю? Возьмите ихъ къ себѣ; мнѣ ужь и безъ того довольно.

ГЕНРИКЪ.

Тѣмъ и совершилося! Скоро, скоро совершайте.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я радъ вамъ ихъ отдать; постойте немного.

ГЕНРИКЪ.

Не надобно мнѣ благодарить. Скоро! скоро!

(Отъидутъ).

ДѢЙСТВО 2.

СѢНЬ 1.

КОРОЛЬ, ИЗАБЕЛЛА, ЛАУРА, ОКТАВІАНЪ, САНШЕ, СТАТЪ.

КОРОЛЬ.

Упокойся, моя дщерь! Мы уже добрыхъ вѣстей приняли и чаемъ убойца скорѣе добыти, потому что слугу его поимали: отъ него все можемъ довѣдаться. Намъ бо извѣстно, сколь вы по премногу убіеннаго принца возлюбили, и мы его безъ вашей бытности къ себѣ не пустили, развѣ онъ вамъ лучше, неже намъ, господина своего злодѣяніе разскажетъ. А ты приступай

и опасайся величества королевского, коего прельстить нельзя. Хочешь бѣды твоея убѣгати, скажи намъ правду и намъ не утай: кто измѣнникъ, иже убіеніемъ принца посмѣлъ престолъ мой осквернити? Открой намъ его злобное намѣреніе. Обнадеживаемъ тебя, что мы тебѣ большую милость, неже мы должны, показати будемъ.

ОКТАВІАНЪ.

Милостивѣйшій государь и король! Когда злополученіе злодѣяніе его есть, стою въ томъ, что вашего величества гнѣвъ до меня праведенъ есть, хотя только сіе славное дѣйство и шурмованія смотреніе меня на семъ мѣстѣ, а злополученіе въ службу незнаемаго привело.

КОРОЛЬ.

Лицемѣріе нынѣ не пособитъ. Начаешь ты, что мы тебя пытать велимъ, когда намъ правду не скажешь?

САНШЕ.

Вельможнѣйшій король! Сія грамота намъ объявитъ, правду ли онъ говоритъ, или нѣтъ.

(Королю грамоту даетъ).

ОКТАВІАНЪ.

О нечаянное злополученіе! Какъ онъ взялъ здѣсь сіи письма?

САНШЕ.

Онъ хотѣлъ сіе письмо въ Гаету отослать, и на пути грамоту переняли.

КОРОЛЬ.

О небо! Какъ смущенно есть сердце мое! «Инфанта сициліанскаго какое письмо? *(Грамоту четъ).* Вашей милости симъ

возвѣщенно, что Рудольѳъ на схожденіи убитъ. Нынѣ я въ великой печали и уповаю, что ваша милость не замедлите брата своего свободить. Прости. Ѳридерихъ». О неслыханное злополученіе! Не полно ли, что Рудольѳъ на схожденіи убитъ? И Фридерихъ нынѣ, убоецъ что ли, Фридерихъ ли въ нашей землѣ! Сіе злополученіе съ неугасающимъ безчестіемъ совокуплено. Ну, ну! Уже несчастіе да играетъ съ нами, какъ хочетъ! Хотя мы совсѣмъ пропали, однако подобаетъ, что его кровію вину возплатимъ.

ОКТАВІАНЪ.

Потому я вижу, что мое молчаніе принцу сициліанскому больше не пособитъ, и я говорю, милостивѣйшій государь: что Рудольѳъ убитъ, то наипаче фортунѣ, неже Ѳридериговой храбрости приписати.

КОРОЛЬ.

Фортунѣ такое предложенное убивство никакою мѣрою приписано можетъ быти. Что иной нѣкой прощеніе одержалъ, а непріятелю такую главную вину невозможно простить. Подай, о праведное небо, чтобъ онъ намъ въ руки попался! Мы уже знаемъ, что съ нимъ дѣлать.

СѢНЬ 2.

ГЕНРИКЪ И ПРЕЖНІЕ.

ГЕНРИКЪ.

Милостивѣйшій государь король! Праведное небо вашему величеству убійцу вручило.

КОРОЛЬ.

Однако вы его могли взяти?

ГЕНРИХЪ.

Ваше величество тотчасъ увидѣть можешь: приведутъ его.

ИЗАБЕЛЛА.

О, громовыя слова внутреннее сердца моего подвигаютъ!

ГЕНРИКЪ.

Потомъ я провѣдалъ, куды онъ поволи, такъ я съ нѣсколько солдаты за нимъ гонялъ по дубровѣ; близко здѣсь у замка мертвой его конь обрѣли и скоро послѣ того мы его увидѣли. А то его не устрашило, хотя нашихъ три противъ одного было, и такъ храбро держался, что онъ лучше умереть хотѣлъ, нежели въ полонъ даться. Конечно мы его лестію одолѣли; я причиною пріятельства отнялъ у него шпагу.

КОРОЛЬ.

О непремѣнное благополученіе, еже намъ непріятеля нашего вручило! Неаполь нынѣ можетъ ся счастливымъ почитати, что принца сициліанскаго въ земли своей содержитъ.

ГЕНРИХЪ.

Кого? Принца сициліанскаго?

КОРОЛЬ.

Той,—иже руку свою злодѣяніемъ осквернилъ.

ГЕНРИХЪ.

Истинно храброе его дѣйство, чѣмъ намъ противился, вы, какой его родъ родъ, объявляетъ. Милостивѣйшій государь и король! смѣшно что нибудь у него обрѣтается: сколь скоро мы его поимали, онъ лесть лестію воздавать хотѣлъ, будто мы

его за инаго взяли, и изъ рѣчей его объявляется, будто съ ума сбрелъ.

КОРОЛЬ.

Чаетъ ли онъ тѣмъ насъ прельстить? Самъ ся прельститъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Прошу покорнѣйше, чтобъ меня отсюды отпустили, понеже кто любимаго своего теряетъ, не можетъ того убойца безъ чувствъ новыхъ печалей увидѣть и терпѣти. *(Она отходитъ за Лаврою).*

СѢНЬ 3.

ЖОДЕЛЕТЪ, *(отъ солдатовъ приведенъ)*, КОРОЛЬ, ГЕНРИХЪ, ОКТАВІАНЪ, САНШЕ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Сіе ли то нырище, гдѣ мнѣ свистать учиться? Мѣсто мнѣ добро покажется, если мнѣ пить да ѣсть скоро дадутъ. Вотъ добродѣйны господа, я давно васъ не видалъ: что вы дѣлаете? Вы ли у кавалера, чрево упражняющаго, платья отняли, что васъ здѣсь посадили? Велико отъ нихъ грубство, что честнаго кавалера, будто б.... на сына, съ улицы ведутъ. О! желѣзныя подвязки зѣло мнѣ гнетутъ: вы виноватыя, что мнѣ или мозоли, или короста на лѣвомъ колѣнѣ ростетъ. Постойте вы, варварскіе воинскіе проглотители! Будетъ еще такое пріятное время, что вы ко мнѣ придете и о ясной погодѣ станете бить челомъ. Я такъ съ вами бѣжалъ, что чуть изъ меня и духъ вонъ не вышелъ. Давайте скоро стулья: на дорогѣ изъ Гаеты не стоялъ, а усталъ, такъ нынѣ сдѣлайте, что я вамъ велю. Воръ я буду, буде я впредь дамъ поймать себя.

КОРОЛЬ.

Отложите притвореніе вельми гордливо. Непріятель! вотще ты утаиваешься; мы уже гораздо тебя знаемъ.

ОДЕЛЕТЪ.

Знаешь ли ты меня, то хорошо. У меня денегъ мало, такъ мнѣ полтину повѣришь: надобно намъ сегодня въ контру играть.

КОРОЛЬ.

Гордливой! мы уже станемъ съ тобою такую игрушку играть, что тебѣ не будетъ любо.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Мнѣ все равно, и я съ вами играю: мнѣ два алтына даромъ изъ сердца не выросли.

ГЕНРИХЪ.

Ваше величество изволишь нынѣ видѣть, каковъ онъ.

ОКТАВІАНЪ.

О-небо! утверди мое упованіе!

ЖОДЕЛЕТЪ.

Возьмите желѣзную спальную шапку прочь: тяжела она мнѣ и сіе ожерелье очень крѣпко склѣено, чуть плечь мнѣ не отдавило. *(Шлемъ отложитъ и ожерелье).* Давайте мнѣ сѣсть выслушайте, что сегодня далеко ѣхать.

КОРОЛЬ.

Принцъ! узнавайтеся лучше воздать вашему величеству честь, дабы страхъ васъ къ тому не привелъ того же отрицатися. Защищайте имя ваше къ досадѣ всею вашею силою.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я не воровалъ и не укралъ, и когда нужда позоветъ, я то въ печальномъ календарѣ покажу.

КОРОЛЬ.

То къ дѣлу не приходитъ, но наипаче вашъ высокій родъ въ безчестье поставитъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что ли мой родъ? Я говорю о мнѣ и о моемъ родословіи разумѣю; говорите и меня не безчестите. Я матери своей краснѣйшій сынъ. Чаете ли вы, что я изъ навозу вырытъ? За какова меня почитаете?

КОРОЛЬ.

Все такое притвореніе нынѣ уже не надобно. Чаете вы, что мы принца сициліанскаго не знаемъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Мнѣ даромъ, хотя вы его знаете или не знаете.

КОРОЛЬ.

Перестань тому имени безчестіе чинить. Не полно ли, что васъ Фридернгомъ называютъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Мнѣ даромъ, хоть меня Фридеригомъ или Кервишомъ, Шаткою или Меткою называютъ: зовутъ меня Жоделетомъ по тещѣ моей.

ОКТАВІАНЪ.

Мнѣ надобно лестію своею дурачество его утвердить. О государь мой! принцъ мой! я счастливымъ тебя почиталъ бы, какъ мнѣ получилося на иномъ мѣстѣ, а не здѣсь ноги ваши поцѣловать.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что же? Дуракъ ли ты? Что дѣлаешь?

ОКТАВІАНЪ.

Я цѣлую вашему высочеству покорнѣйше ноги.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Смотри, что ротъ тебѣ скареденъ не будетъ: я въ г...о ступилъ.

ОКТАВІАНЪ.

Какъ такъ внезапу вашему высочеству такое злополученіе приключилось?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Злополученіе не великое: я къ вечеру башмаки велю вычистить; то благополученіе мое, что я носомъ туды не попался.

ОКТАВІАНЪ.

Нынѣ подобаетъ все съ терпѣніемъ понести, принцъ мой, государь мой!

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что ты балагуришь: «принцъ мой, государь твой»?

ОКТАВІАНЪ.

Да, милостивѣйшій государь! я за великую честь почитаю вамъ услугованіе мое показать [1]).

ЖОДЕЛЕТЪ.

Къ тому ль годятся сіи бездѣльные кумплементы? Я не люблю такихъ церемоній. Дюжину колбасъ да кружку пива лучше мнѣ пристоитъ, неже сихъ титлъ.

ОКТАВІАНЪ.

Ваше высочество преже честь свою хранилъ и высокія славы желалъ, сколь долго я вамъ служилъ.

[1]) Въ рукоп.: *хочу показать*.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Такъ ты ли мнѣ прежде служилъ? Мнѣ Повіанъ даромъ. Чаю, что онъ прямой дуралей. Я тебя прошу, когда ты слуга мой былъ?

ОКТАВІАНЪ.

Фридерихъ истинно храбрый! Милостивѣйшій государь! *(А тайно съ королемъ говоритъ).*

ЖОДЕЛЕТЪ.

Нынѣ мнѣ мошну свою стеречь надобно: онѣ ужь межь собою шепчутъ. Не чаете ли вы, что я не примѣчаю вашего вымышленія непригожа? Довелось было вамъ съ гостьми повидаться и ихъ почествовать; а нынѣ не вѣдаю, хотятъ ли меня предать или продать.

ГЕНРИХЪ.

А, милостивѣйшій государь! *(Тайно съ королемъ говоритъ).*

ЖОДЕЛЕТЪ.

Вотъ другой воръ. Да не тотъ ли, который у меня сильную мою шпагу отнялъ? Какъ бы ты былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ я тебя хотѣлъ, я бы изрубилъ тебя въ мелкія пирожныя части.

КОРОЛЬ.

Посадите его въ заключеніе, дондеже дурачество покинетъ.

ОКТАВІАНЪ.

Принцъ! не притворяйтесь больше.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Или глаза перемѣнилъ, или горохъ ѣлъ и скрозь щелуху гороховую глядишь? Хорошо бъ было тебѣ къ свиновному ма-

стеру пошелъ и онъ тебѣ глазъ вылѣчилъ, прежде о мнѣ и о моихъ товарыщахъ разсуждаешь.

КОРОЛЬ.

Знаешь ли ты, на которомъ мѣстѣ, или гдѣ ты нынѣ пребываешь?

ЖОДЕЛЕТЪ.

То вы лучше мене знаете, потому что ты прежде меня здѣсь.

ГЕНРИХЪ.

Ты, полоняникъ! говори разумнѣе.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Такъ это ль тюрьма и ты ль тюрьмовый сторожъ?

КОРОЛЬ.

Разсудите, при комъ ты нынѣ стоишь.

ЖОДЕЛЕТЪ.

При комъ? Только при васъ.

КОРОЛЬ.

Такъ устрашайся.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Для чего? Думаешь ты, что я портной ученичишка? Для чего самъ не устрашаешься? И ты при мнѣ, такъ и я при тебѣ стою.

ГЕНРИХЪ.

Однако вамъ извѣстно, что король съ вами говоритъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Тотъ ли король г.... отекъ? Не осудите меня, добрые пріятели! Чаете, что король иного возрѣнія не имѣетъ, нежели этотъ рубцовъ проглотитель?

КОРОЛЬ.

Смотрите, какъ онъ безстыдно еще посмѣетъ надъ нами ругаться.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я бы желалъ, чтобъ я нынѣ у короля былъ. Нынѣ онъ у шурмованія присутствуетъ; и я тамъ хотѣлъ бы копье свое отвѣдать.

КОРОЛЬ.

Ты тотъ, что такое рыцарское шурмованіе вѣчнымъ поношеніемъ осквернилъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Чаю, что вы думаете, что я дуракъ. Мощно ль вамъ чѣмъ нибудь меня обличить въ томъ? Я не виноватъ; и вы сами дѣлали, я еще ничего не вѣдаю ни о рыцарскомъ шурмованіи, ни о поношеніи говорить.

ГЕНРИХЪ.

Смотрите на оружье [1]) ваше, которое на васъ свидѣтельствуетъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Истинно мой сильный мечь! Потакаю, что онъ кровожелателенъ; однако еще всѣ живутъ, которыхъ я симъ мечемъ убилъ. Нынѣ вижу, како вамъ пригожія мои платья полюбилися [2]) и вы не знаете, какимъ вымышленіемъ ихъ мнѣ отнять,

[1]) Въ рук. *ружье.*
[2]) Въ рук: *мое платье полюбилося.*

и сказали, что мнѣ поношеніе. Вамъ не о поношеніи, но о платьяхъ дѣло есть. Чаю, что я догадался.

ГЕНРИХЪ.

То вамъ не довлѣетъ изъ руки королевской свободитися.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Вы сами бездѣльники. Я уже давно вѣдаю, что вы мошенники: смотрите, что васъ однажды обличу, а и палачъ вамъ изрядную висѣлицу дѣлаетъ.

КОРОЛЬ.

Принцъ! мы скажемъ тебѣ: покинь такія скаредныя рѣчи.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Вы сказываете, что я принцъ; однакожъ хочете платье у меня отнять. То пригоже, когда я принцъ, по улицамъ нагой бродилъ, такъ всякъ зналъ о моей принценской отчинѣ говорить.

ГЕНРИХЪ.

Разсудите вашъ принценской родъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что я маркграфъ, то я могу припомянути, что мать моя корчебница была, а бабушка на торгу иголки продавала, а прабабушка торгумета въ супружество имѣла; а про принца я не вѣдаю.

КОРОЛЬ.

Что ли еще не престанешь надъ нами ругатися, скоро въ дѣлѣ наше прогнѣваніе увидишь.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ну! ну! упокоитеся! Зѣло ли вамъ нужно, что я принцъ, и нынѣ принцомъ быть хочу. Я будто шаръ венцеръ (контра): игра можетъ отъ меня дѣлать, что хотятъ.

КОРОЛЬ.

Ни, ни. Пребывайте вы въ вашемъ непщеваніи, всея вашей лести употребляйте; время уже объявитъ. Между тѣмъ сей замокъ ему въ заключеніе будетъ. Поидите и скажите принценесѣ Лаурѣ, что я его ей во остереганіе вручаю, однако чтобъ она его по чину своему княжески держала.

(Отъидутъ съ Саншемъ и съ королевскимъ статомъ).

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я самъ не вѣдаю, что мнѣ думать. Одинъ меня принцомъ зоветъ, другой высокимъ родомъ, третей поношеніемъ, четвертый высочествомъ. Или я дуракъ, или тѣ люди не умные.

ГЕНРИХЪ.

О благородный принцъ!

ЖОДЕЛЕТЪ.

Чтобъ ты до сытости принцовалъ! Кто тебѣ сказалъ, что я принцъ?

ГЕНРИХЪ.

Что уже явственно, нельзя утаить; а кто мало только вашего дѣйства примѣчаетъ, васъ за иного оприче принца не почитаетъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я во вѣки такое дѣло не слыхалъ! Говорю: я самого себя узнать забылъ; и такъ бываетъ, когда часто въ цыркаль не

глядишь. Однако я хватаю сзади и спереди, а не вѣдаю, откуль ко мнѣ принценское мясо пришло.

ОКТАВІАНЪ.

Вашего высочества непремѣнный разумъ въ семъ притвореніи довольно объявится.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Правда такъ. Разума-бъ ради давно могъ принцомъ быть. Добро; какъ нынѣ такъ надобно быти, да будетъ такъ. Бываетъ иногда, что человѣкъ самъ не знаетъ, какой онъ, или впредь какой будетъ.

ГЕНРИХЪ.

Подай, небо, чтобъ онъ разумъ свой получилъ!

ЖОДЕЛЕТЪ.

Нынѣ я истинно принцъ: когда 7 чувствъ моихъ чрезъ разсужденіе мыслей моихъ въ карету разума моего впрягаю и все обстояніе въ умѣ разсмотряю, самъ потакаю, что я человѣкъ великаго достоинства и никто отъ васъ мнѣ подобенъ.

ГЕНРИХЪ.

Сего ради не сумнѣваемъ, вашего высочества великій разумъ сіе злополученіе у королевскаго величества отвратити имать и послѣ того нашей вѣрности достойно воздавать.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Да, прежде всѣхъ ты добраго возмездія достоинъ, потому я въ дубровѣ твоимъ бездѣльнымъ кричаньемъ: «кто тамъ?» великимъ страхомъ ужасался, и сверхъ того мнѣ лестью державную мою шпагу отнялъ. Скажу тебѣ принценскими моими верхними и нижними ружьями, что тебя и товарыщовъ твоихъ всѣхъ велю повѣсить.

ГЕНРИХЪ.

Ахъ, пресвѣтлый принцъ! что онѣ нашу погибель безъ винности искали.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что не принцъ ли палачеву власть имѣетъ? То противъ всего корпусу юрисъ! Еще я скажу вамъ: всѣхъ я васъ велю перевѣшать, когда такой принцъ, яко азъ, хощу повелѣвати.

ГЕНРИХЪ.

Злодѣемъ такая изда воздается, милостивый государь! Такое свирѣпство намъ тако жь досады возбуждаетъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

То истинно, что вамъ гораздо досадно. Можетъ быть, что проходъ желудка вашего утѣснился? Вотъ я вамъ милость покажу, обезглавить велю: мнѣ равно и повѣсить, и обезглавить.

ОКТАВІАНЪ.

Милостивѣйшій государь! удерживайте честь чину вашего, понеже принцъ нѣкій благодѣяніемъ и милостію великую славу получаетъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Паки ты съ преизрядными твоими словами пришелъ! Скажи ты мнѣ, какъ меня знаешь? Гдѣ ты прежде сего меня видалъ?

ОКТАВІАНЪ.

Ваше величество и честь изволитъ вѣдать, что я съ двадцать лѣтъ слишкомъ при вашей свѣтлости въ службѣ пребываю.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я только девятнадцати лѣтъ, а ты истинно старый слуга и старѣе всѣхъ въ моемъ дворѣ; только ты лѣты старѣе меня. Скажи мнѣ, въ какомъ чину ты у меня служилъ.

ТАВІАНЪ.

Въ началѣ я у вашего величества былъ секретаріусъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Аль ты тотъ человѣкъ, который единожды въ секретъ упалъ (въ заходъ)?

ОКТАВІАНЪ.

Послѣ того меня пожаловали титломъ дворецкагȏ и совѣтника.

ЖОДЕЛЕТЪ.

О томъ я не дивлюся, что ты совѣтникомъ сталъ, потому: какъ ты скоро догадался, что я принцъ какой. И ты ли совѣтникъ?

ОКТАВІАНЪ.

Конечно вашего величества мнѣ животъ врученъ, и нынѣ я вѣрный вашъ дворецкій

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ты ли мой дворецкой? Здравствуй, господинъ дворецкій! Пожалую я тебя преизряднымъ окладомъ, чтобъ тебѣ было чѣмъ и выше дворечества честь выслужить.

ОКТАВІАНЪ.

Никому такой чести нѣтъ, какъ мнѣ нынѣ приключилась.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Какимъ доводомъ объявишь, что ты мой дворецкой былъ?

ОКТАВІАНЪ.

Изволишь ли, милостивѣйшій государь, напамятовать, какъ на охотѣ свирѣпая дикая свинья вамъ бы животъ вашъ отняла, еслибъ вашему величеству въ помощь не пришелъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Возможно ль, господине дворецкой, тако быти и дикой свиньѣ животъ мой у мене поглотити?

ОКТАВІАНЪ.

Ваше величество въ бѣдѣ, отъ великаго страху, хотѣлъ себя предать смрадну калу.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Или ты дикаго вепря убилъ, чтобъ она меня не съѣла?

ОКТАВІАНЪ.

Своею мышцею единою я животъ вашъ сохранилъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

То изрядно хорошо, что ты добрый человѣкъ; едина свинья токмо напрасно мнѣ дѣлала, что за мною гонилась. Какъ она мнѣ попадется, то я еще и душу ея къ аду пошлю. Скажи мнѣ, господине дворецкой: гдѣ сей страшный и печальный изрядный случай съ дикою боровицею прилучился?

ОКТАВІАНЪ.

Въ ближней дубровѣ, милостивѣйшій государь, когда ваше величество на ловитвѣ были.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я сильной охотникъ ко всему, а пуще за свиньями. Тепере я узналъ, что я ежа въ петлѣ поймалъ.

ОКТАВІАНЪ.

Еще знаетъ ли ваше величество, что король, вашъ государь отецъ.....

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что король ли мой отецъ, то я вѣдаю изрядно или и вѣрю тому; однако правда можетъ быти мой таланъ, что я королевскій сынъ и въ тотъ часъ бы велѣлъ сдѣлать бархатные штаны. А какъ меня зовутъ?

ОКТАВІАНЪ.

Фридерихъ, милостивый государь!

ЖОДЕЛЕТЪ.

Фридеригомъ? Да! да! Полно! Царнишка прежде меня тѣмъ именемъ назвали. А такъ меня зовутъ Фредерихъ, принцъ?

ОКТАВІАНЪ.

Принцъ сициліанской.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Такъ, такъ, сициліанской. Великая бѣда есть: я чуть имя мое съ принценскимъ величествомъ не забылъ. Господинъ дворецкой! а какъ тебя зовутъ?

ОКТАВІАНЪ.

Всегда меня обыкновенно называть Октавіаномъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Повіаномъ? То скаредное имя. Я лучше тебя хотѣлъ назвать облезяною, неже Повіаномъ.

ГЕНРИХЪ.

Милостивый государь! повольте мнѣ королевское повелѣніе исполнить. Подобаетъ вамъ со мною въ заключеніе итти.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что? Король ли то повелѣлъ?

ГЕНРИХЪ.

Да, король. Сумнѣваетесь, что онъ не король?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Мнѣ даромъ, хоть король или его мать: я никого не слушаюсь. Сверхъ того король велѣлъ, чтобъ меня въ теплую горницу отвели и до сыта накормили?

ГЕНРИХЪ.

То намъ всѣмъ вѣдомо.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Когда меня потчивать хотятъ, въ томъ изрядная память. Слушай, господинъ дворецкой! Сегодня надобно намъ межь себя пить довольно, чтобъ про здравіе дикой свиньи до пьяна напиться. Поскорѣе столъ уготовьте; я нынѣ пить хочу; брюхо мое порозже, будто волынка. *(Отрыгаетъ.)* То я скажу, что голодъ сокрушаетъ желудокъ мой; я слышу, какъ онъ о помощи кричитъ.

ГЕНРИХЪ.

Принципеса Лаура знаетъ все уготовленіе учинить; однако пристойно, что мы ей о вашемъ пришествіи скажемъ, дабы васъ достойно приняла.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Истинно такъ. Сего ради поиди тотчасъ и бѣги, сколько можешь, и скажи ей, чтобъ она солонину и двѣ дюжины колбасъ изготовила. Выполощите стаканы и скляницы, чтобъ она табаку укрошила. Пойдемъ, мы единожды аще и повеселимся.

ГЕНРИХЪ.

Я поспѣшать буду; послѣдуйте мнѣ, а онѣ васъ проводятъ къ ней. *(Отходятъ).*

ЖОДЕЛЕТЪ.

Изрядно такъ добро; я тотчасъ буду; вели, чтобъ она меня встрѣтила и мушкетъ на караулъ держала, дабы меня яко принца сициліанскаго приняла. Солдаты! пріидите до меня и объявите хорома и скажите мнѣ, гдѣ заходъ: когда я въ вечеру напьюся и не знаю, гдѣ мнѣ вы.... ся, такъ бѣда великая будетъ моимъ принценскимъ штанамъ. Пошли смотрѣть, какая горница, которую намъ даютъ: достойна ли она нашему принценскому высочеству? Мы ее надѣнемъ и скинемъ, и пойдемъ, чтобъ намъ чествованіе учинили. *(Отходятъ).*

СѢНЬ 4.

ФРИДЕРИХЪ.

Какими мѣрами можемъ вашему благодѣянію воздать?

ЛАУРА.

Мнѣ самая честь въ вашемъ благоподаяніи.

ФРИДЕРИХЪ.

Я чужестранца бы вельми очествовалъ.

ЛАУРА.

Будетъ такъ; вы будете……

СѢНЬ 5.

ГЕНРИХЪ.

Милостивая государыня! сотри слезы. Небо уже воздыханіе ея воспріяло; она печалится о братѣ своемъ. Мнѣ велѣно ей объявить, како благородную кровь свою можетъ отмстить.

ФРИДЕРИХЪ.

Можно ли, что меня узнала?

ЛАУРА.

А кто ли убоецъ?

ГЕНРИХЪ.

Никто, опричь Фридериха, милостивѣйшая государыня!

ФРИДЕРИХЪ.

О печальное прибѣжище, еже я искалъ!

ЛАУРА.

Кто Фридерихъ?

ГЕНРИХЪ.

Да принцъ сициліанскій.

ЛАУРА.

Или тотъ же непріятель обще также и мой сталъ?

ГЕНРИХЪ.

Всякъ дивится, и король уже уготовился братнее убійство отмстить.

ФРИДЕРИХЪ.

Смутное время постояннымъ сердцемъ посмотримъ: развѣ они только имя мое знаютъ, а не знаютъ, гдѣ пребываю?

ЛАУРА.

Никакое благополучіе есть. И ты, добрый чужеземецъ! о чемъ такъ печаленъ еси? Не хочешь ты радости моей причастникъ быти?

ФРИДЕРИХЪ.

При радости ваша есть сердечная любовь.

ГЕНРИХЪ.

Милостивая государыня! кто есть губернаторъ въ семъ замкѣ? Ему надлежитъ все....

ФРИДЕРИХЪ.

О все! послѣднія громогласныя слова *все* упованіе мое низвергаютъ. Конечно узнали!

ГЕНРИХЪ.

Прошу, покажите его.

ФРИДЕРИХЪ.

Я вамъ нынѣ объявлюся. Не надобно искати его; губернаторъ отъ сего замка зѣло имѣетъ великое сердце, чтобъ ухоронился: вотъ здѣсь онъ.

ГЕНРИХЪ.

Всѣмъ извѣстно, что мнѣ повѣщено....

*

ФРИДЕРИХЪ.

Объявляютъ Фредериха, то нѣтъ ничего; потому вы знаете, кто я. Такъ учините, что вамъ велѣно, а я также свое дѣло исправлю.

ГЕНРИХЪ.

То изрядно; такъ скоро ты рѣчи мои переговариваешь, что и мнѣ выговорить не дашь.

ФРИДЕРИХЪ.

Скажи мнѣ, не меня ль ищешь?

ЛАУРА.

Дабы королевскаго указу послушали....

ГЕНРИХЪ.

Хотя Фредерикъ ушелъ, однако небо мнѣ великую честь показало, что я такого похвальнаго кавалера въ заключеніе привелъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Безъ многаго кровопролитія невозможно такова князя поимати.

ГЕНРИХЪ.

Того ради я въ семъ случаѣ наипаче лестію, нежели силою употреблялъ.

ЛАУРА.

Что? или Фридерихъ пойманъ?

ГЕНРИХЪ.

Да, пойманъ, милостивая государыня! Въ сей зеленой дубровѣ вооруженнаго обрѣлъ, и особливою лестію его поимали.

ФРИДЕРИХЪ.

О дивное премѣненіе! Что я слышу?

ГЕНРИХЪ.

Король мнѣ повелѣлъ вашей свѣтлости возвѣстить: его величество повелѣло вамъ увеселять и остерегать, и сей замокъ да будетъ ему въ заключеніе. И для того и губернатору надлежитъ его добре стеречь.

ЛАУРА.

Леонгаредъ! ты узнаешь свою должность.

ФРИДЕРИХЪ.

Обнадеживаюсь моея вѣрности....

ГЕНРИХЪ.

Губернаторъ истинно гораздо къ тому пристоитъ: не должно бъ его опасатись, что онъ милосердія ради отпуститъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Прошу, милостивѣйшая государыня, такъ изрядно хощу я Фридериха устерегать, яко себе, и внутреннее и сердце его, и помышленіе испытать хощу.

ЛАУРА.

Я тотчасъ королевскому величеству возвѣщу.

ГЕНРИХЪ.

Милостивѣйшая государыня! вотъ онъ уже идетъ.

СѢНЬ 6.

ЖОДЕЛЕТЪ, ОКТАВІАНЪ, СОЛДАТЫ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Къ одной! Къ одной! Мушкетъ на караулъ! Великій государь идетъ. Нынѣ вы стоите, яко обезьянки, и на меня глядите: вы во вѣки принца не видали! Не мочно ли вамъ на меня смотрѣть и изъ пищали покорныя службы вашея стрѣлять? Вотъ, вотъ, мой миленькой умной червочикъ! И ты ли, господинъ дворецкой здѣсь?

ОКТАВІАНЪ.

Что изволите, ваша пресвѣтлость?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Она ли принцепеса, и какъ ее зовутъ?

ОКТАВІАНЪ.

Принцепеса Лаура, милостивѣйшій государь!

ЖОДЕЛЕТЪ.

Она ли Лаура дѣвица? Скажи мнѣ, моя кармазинная поповская шапка, сей ли гонецъ мое повелѣніе исполнилъ: ты ли табакъ крошила? стаканы чисты ли выполосканы и жаренина скоро ли поспѣетъ, чтобъ мы во время ужинали и послѣ бы спать оба легли? Сегодня я не могу долго сидѣть....

ЛАУРА.

Какъ? Мнѣ ли возможно такой укоръ терпѣть по такой великой винѣ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что? Или кто вамъ чего противнаго учинилъ, моя лапушка? Кто таковъ воръ? Кто вамъ досадилъ? Я божусь, при моей

принценской чести, я въ игновеніи ока его велю на высокую висѣлицу повѣсить. Упокойся, дѣвица Лаура, вымысловъ моихъ возлюбленныхъ мысль! Прекрасныя твои очи ретивое мое сердце обвеселили, и не сумняюсь, чтобъ вы надъ всѣми милосердіе являли и въ теплую горницу любви вашея меня заперли, дабы комары и мухи вашихъ любезныхъ дыханій не истребляли.

ЛАУРА.

Ты еще смѣешь мнѣ досаждать, и злодѣйное твое сердце еще любовію надъ сестрою ругатись? Ты брата убилъ; подожди теперь всю твою ненависть надо мною; посмѣхатись твоего злодѣйства воля твоя: ты отъ нашего праведнаго отмщенія никогда не уйдешь.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Вы чужихъ незнающихъ гостей лучше принимаете ѣсть, звѣрь невѣжливой! Не чаете ли вы, что я ѣдунъ великій или коновалъ или ядъ умѣю блевать? Тотъ воръ, кто меня обличаетъ.

ЛАУРА.

Мы въ правду вѣжливыхъ отъ васъ словъ ожидали.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Тое невѣжество ль, когда наше принценское величество васъ владѣтельницею надъ нашими воинскими штанами учини? А сколько честныхъ блохъ я изъ нихъ выловилъ!

ЛАУРА.

Не говорите вы намъ такихъ непристойныхъ словъ, или только вы больше намъ такими словами досаждаете и себя въ стыдъ приводите.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Никакъ нѣтъ, моя любезнѣйшая и прекрасная дѣвица! Я смѣю съ вами говорить, потому что у меня изо рту не воняетъ: я на всякій день въ зубахъ колупаю, чтобъ они чисты были и цынга не одолѣла; для того и жареные ососы ко мнѣ пріѣзжаютъ, потому что у меня въ зубахъ чисто.

ЛАУРА.

Кто смѣлъ бы такія мнѣ слова говорить? Что ты меня теперь изъ ума бранишь? Знатно, у тебя умъ прочь отшелъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Когда умъ мой къ вамъ пришелъ отъ меня, и вы съ нимъ поговорите, пожалуете, и добрый день ему скажите, чтобъ онъ назадъ ко мнѣ возвратился.

ЛАУРА.

Я немного больше съ нимъ говорить стану.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Такъ то изрядно хорошо. Истинно такъ можетъ быти, что намъ въ зазоръ поставятъ, а мы въ тѣ поры хотя глазомъ помигаемъ. Слышишь ли, возлюбленная дѣвица? Ты истинно преизрядная и пригожая, потому что какъ я сперва только въ твоемъ честномъ углу съ наймомъ посидѣлъ, и я на всякій вечеръ, когда ты спать ляжешь, окошки закрывалъ и придверникъ чисто выметалъ.

ЛАУРА.

О униженный и безстудный человѣкъ!

ЖОДЕЛЕТЪ.

О преизрядная дѣвица! чаешь ли, что я вас стыжусь? Я никакими мѣрами васъ стыжусь и отъ васъ ничего не опасаюсь. Если бы вамъ сердце львово, а мнѣ борзой собаки, и вы знаете и сами, сколь рады борзыя собаки на охотѣ за такими звѣрьми гонятись...

ЛАУРА.

Такъ истинно, что ты невѣжливый и безумный человѣкъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Не говори мнѣ такихъ шпынскихъ словъ. Я за такія твои шпынскія слова на носу твоемъ великой чертежъ пресвѣтлый сдѣлаю. (.......) [1]

ЛАУРА.

Вонъ ты, свирѣпый! Ты самая злоба. За такую варварскую облуду гнушаюсь.

ЖОДЕЛЕТЪ.

То изрядное почитаніе къ нашему величеству! Помышляете о блудѣ, сирѣчь призракъ (привидѣніе). Я во вѣки не могъ слышать о страшныхъ дусѣхъ и меньши того меня самого таковымъ подобіемъ! Истинно, дѣвка, какъ ты узнала, какой я человѣкъ, такъ инова ты со мною говорила бъ! Здѣсь сіи суть честные люди; онѣ родственную мою грамоту сзади и спереди переглянули и свидѣтели княжескаго моего величества. Присягаете вы, высокопочтенніи кумы,—и меня лучше, какъ я самъ, узнаете,—и скажите, какой я человѣкъ. (.......)

---

[1]) Этотъ знакъ показываетъ, что въ рукописи на соотвѣтствующихъ мѣстахъ пропуски или промежутки между монологами, оставленные пустыми.

ГЕНРИХЪ.

Что, пресвѣтлый князь?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Послушай, дѣвица Лаура, какая мнѣ честь довлѣетъ!

ЛАУРА.

Ты ли князь?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Да, азъ князь и могу вамъ о томъ грамоту и свидѣтельство дати.

ЛАУРА.

Вотще хвастаешься твоего роду: слова твои и дѣло иного показуютъ. Ни, ни! ты не князь.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Или въ пьянѣ упились, или во снѣ говорите! Что я князь, то я вамъ честно и учтиво покажу. Господинъ Повіанъ! господинъ дворецкой мой! какъ единою на ловитвѣ учинилось? Не я ли въ одинъ разъ боровицею шурмовался, и ты помогалъ? Знаешь ли ты, какъ единою король, мой государь и отецъ, какъ случилось въ тое время, я пропамятовался. Говори: не правда ли?

ЛАУРА.

Какъ мнѣ фортуна такъ вельми противная! Не могу больше его прибытія терпѣть. Губернаторъ! возьмите его за караулъ и посадите его въ мѣсто годное. Я не могу больше у него задержатись. *(Отходитъ).*

ГЕНРИХЪ.

Тотчасъ, милостивая государыня! Господинъ губернаторъ! поволите, чтобъ заключеніе его было свободно; почитайте его по достоинству, однако прилежно караулъ держите.

ФРИДЕРИХЪ.

И дабы лучше его опасались, такъ велите, чтобъ тѣ его солдаты стерегли.

ГЕНРИХЪ.

Добро. *(Къ солдатамъ говоритъ).* Оставайтесь тамъ и берегите его крѣпко. *(Отъидетъ.)*

ЖОДЕЛЕТЪ.

Скажите мнѣ, губернаторъ: есть ли у васъ въ сей гостинницѣ добрагó ренского? Мнѣ кажется, что не худо, чтобъ мы на оселкѣ языка нашего отвѣдали, годится ли оно.

ФРИДЕРИХЪ.

Милостивѣйшій государь! я тотчасъ велю принести.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Тотъ добрый хозяинъ уготовитъ хорошенько; я впредь къ тебѣ буду, если постеля добрая.

ФРИДЕРИХЪ.

Мы вашему высочеству взыщемъ доброе ложе.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Зѣло добро, хозяинъ! Я все буду платить. Пойду и перво хощу желудокъ мой удоволить, а послѣ того княжеское мое высочество въ чемоданъ бога Морфея вкласть хочу и въ . . . . . . ѣхать. Господа! желаю вамъ добрую ночь; завтра увидимся на завтраканьѣ. *(Отъидутъ).*

ФРИДЕРИХЪ.

Оле, караульщики! послѣдуйте принцу.

(Солдаты отъидутъ.)

ОКТАВІАНЪ.

Ослѣпленъ ли я, или тотъ милостивый государь?..

ФРИДЕРИХЪ.

А! какое то смятеніе! Октавіанъ! или и тебя также въ полонъ взяли?

ОКТАВІАНЪ.

Изъ ревности моей учинилось, что инфантъ, то есть наслѣдникъ вашего величества, къ государю, брату твоему, письмо послалъ и то по указу вашего величества, когда я васъ единаго въ лѣсу оставилъ, а мнѣ не усчастилось, потому мой посыльщикъ меня предалъ.

ФРИДЕРИХЪ.

А какой то дуракъ, кого вмѣсто меня поималъ?

ОКТАВІАНЪ.

Дурачество его всѣхъ обманетъ: вашей пресвѣтлости оружіе, наряжаніе и одежда то учинили, что его вмѣсто вашего величества взяли. Сколь скоро я то увидѣлъ, такъ я еще ихъ въ прельщеніи своемъ утвердилъ къ жизни вашея спасенію и его принцомъ назвалъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Онъ поволилъ ли ту принять честь?

ОКТАВІАНЪ.

Я персону мою дѣйствовалъ такъ, что король всю его грубость и буйство за притворенную прелесть принялъ и простаго человѣка къ тому привели: уже и онъ нынѣ вѣритъ, что онъ такой человѣкъ, еже ему во вѣки быти невозможно. А, милостивый государь, на которомъ мѣстѣ изволишь пребывати?

ФРИДЕРИХЪ.

Я потрудился, сколько возможно было, безопасное прибѣжище искати, и ты видишь, что я то у мой непріятельницы обрѣлъ; и ты видишь, удивительнѣе: даютъ меня мнѣ самому стеречь. А скажи мнѣ: что принципеса о мнѣ говоритъ?

ОКТАВІАНЪ.

Потому я ее только при королѣ увидѣлъ, и случаю не было съ нею говорить.

ФРИДЕРИХЪ.

Безъ сумнѣнія желаетъ, чтобъ я отсюды былъ далече?

ОКТАВІАНЪ.

Когда ей возвѣщено, что васъ въ полонъ взяли, кручиною такъ обнята, что она внезапу въ камеру свою пошла, о безчастіи твоемъ вяще прослезиться.

ФРИДЕРИХЪ.

Она лживаго нашего принца не видала?

ОКТАВІАНЪ.

Никакъ: она еще ничего не знаетъ о такомъ удивительномъ случаѣ. О томъ я самъ чуть могу разумѣти.

ФРИДЕРИХЪ.

Ахъ! какое твердое упованіе обвеселитъ любовь мою, когда я ей прельщеніе отъиму! А вотъ она сюды приходитъ.

СѢНЬ 7.

Тѣ же, ИЗАБЕЛЛА.

ИЗАБЕЛЛА.

А какъ? или бдю, или снитъ ми ся? Ты ли принцъ мой? О счастливое привидѣніе, что тебе сюды привело!

ФРИДЕРИХЪ.

Любовь, яже зѣло сердце мое обвязала, пу̀ть мнѣ показала, послѣ того я Рудольфа убилъ.

ИЗАБЕЛЛА.

А ты ли здѣсь незнаемый пребываешь?

ФРИДЕРИХЪ.

Понеже принципеса Лаура меня не знаетъ, и потому того дурака, кого въ моей латѣ поимали, еще за меня почитаютъ,— никто [1]) на меня смотритъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Однако я нѣкоего вижу, сюды приходящаго.

СѢНЬ 8.

ЖОДЕЛЕТЪ, КАРАУЛЬЩИКИ, ЛАУРА.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Вотъ добрые господа! Здѣсь ли обрѣтаемъ васъ у женщинъ? И ты, господинъ губернаторъ, то ли есть меня крѣпко стеречь? Собаки на васъ надобѣ и не честнаго человѣка вручать.

ФРИДЕРИХЪ.

Для чего такъ кручиноватъ, милостивый государь?

ЖОДЕЛЕТЪ.

«Для чего такъ кручиноватъ, милостивый государь?» Я злополученія ради самого себе не знаю.

[1]) Въ рук.: *нѣкто*.

ФРИДЕРИХЪ.

Не достойное ли услугованіе показали вашему величеству?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Такъ скареднѣ [1]) думаете вы, что я хотѣлъ, чтобы меня въ горницу украшенія ради посадили? И мнѣ ѣсть не даютъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Ваше величество! изволи мало потерпѣть; скоро время будетъ кушать.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ни, ни! вы уже единою милость у меня проиграли, и семъ я васъ обѣихъ отпущу.

ФРИДЕРИХЪ *(тихо говоритъ)*.

Прошу, пресвѣтлѣйшая принципеса, что изволишь чрезъ униженіе ваше его въ мечтаніи своемъ утвердити и ко большей любви раздражити.

ЛАУРА.

Пресвѣтлѣйшій принцъ! добродѣтели ваши... (. . . . .)

ЖОДЕЛЕТЪ.

Истинно такъ, я непремѣнный человѣкъ... (. . . . .)

ЛАУРА.

Такому храброму принцу (. . . . .)

ЖОДЕЛЕТЪ.

О ты надземное планетъ влагалище! (. . . . .)

---

[1]) Въ рук.: *среднѣ*.

ЛАУРА.

Ваши рѣчи меня особнымъ (. . . . .)

ЖОДЕЛЕТЪ.

Молчите, молчите и меня (. . . . .)

ЛАУРА.

Возвѣщаю, что (. . . . .)

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что жь? Кто посмѣлъ? (. . . . .)

ЛАУРА.

Ваши очи пресвѣтлѣйшiи (. . . . .)

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что жь мои очи такъ мучительны? (. . . . .)

ЛАУРА.

Вамъ и мнѣ больше.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Оставайтесь еще мало.

ЛАУРА.

Въ другой разъ я рада останусь.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Вотъ, кто прочь поидетъ, кощунство! (. . . . .)

ЛАУРА.

Разсудите, въ какую бѣду я (. . . . .)

ЖОДЕЛЕТЪ

А когда не хощешь остатися (.........)

ФРИДЕРИХЪ.

Какъ, пресвѣтлѣйшій принцъ? Какова вамъ принципеса показалась? Она очень пригожа.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Плюнь на то.

ФРИДЕРИХЪ.

Развѣ ея возлюбленное бесѣдованіе васъ одержало?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Бесѣдованіе ея не худо (.........)

ФРИДЕРИХЪ.

А какъ я о закладъ битися хотѣлъ, ваше высочество зѣло въ любви былъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Можетъ быть.

ФРИДЕРИХЪ.

Королевское ли наряженіе или чрезъ мѣру изрядная одежда вамъ зѣло полюбились?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ими ми вѣру (.....)

ФРИДЕРИХЪ.

Однако я желаю слышать, что вашему высочеству у принципесы полюбилось.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ты не видалъ (.......)

ФРИДЕРИХЪ.

Такъ ваше величество обыкло, что всегда у женщинъ на зубы смотритъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Такъ водится. (.....)

ФРИДЕРИХЪ.

Какъ мнѣ кажется, та принципеса гораздо вамъ пристойна.

ЖОДЕЛЕТЪ.

То я давно догадался. А скажи мнѣ, господинъ губернаторъ: сдѣлаютъ ли милостивые господа, какъ иные люди, когда они къ дѣвкамъ ходятъ, или у нихъ особное что нибудь есть? Я все по старому обычаю поступаю и тихонько проважусь, потому у женщинъ лишняго подниманья зачать не надобѣ.

ФРИДЕРИХЪ.

Ваше величество не токмо въ благонравіи, но и въ возлюбленіи у всѣхъ дѣвицъ честныхъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Думаешь ли ты, какъ бы я ей показалъ потентатскую мою полосу, отказала ли бы она?

ФРИДЕРИХЪ.

Вашу любовь будетъ она за честь почитать.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Честь туды, честь сюды; безъ того мнѣ чести довольно. То дворецкой здѣсь будто честный человѣкъ, онъ можетъ сказа-

ти, какая честь мнѣ боровицею попалась. А ты прямо меня не разумѣешь, господинъ губернаторъ! Я чаю, мнѣ непристойно, чтобъ я и принципеса Лаура поближе съѣжжались и супружествомъ присягались.

ФРИДЕРИХЪ.

Въ семъ случаѣ подобаетъ вашему величеству по достоинству поступати, чтобъ онъ принципесу себѣ въ супружницу чрезъ посла отъ короля просилъ и, то бъ поскорѣе получилъ, ему помиреніе предлагали.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Какому помиренію быть? Есть ли война между нами?

ФРИДЕРИХЪ.

Истинно такъ; а то ли вашему величеству невѣдомо?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я воръ, какъ о томъ слова не знаю.

ФРИДЕРИХЪ.

Ваша мышца весь Неаполь устрашаетъ и много крови проливаетъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

То единою; право я мало зѣло кровожелателенъ.

ФРИДЕРИХЪ.

О томъ, милостивый государь, не сумнѣваемся.

ЖОДЕЛЕТЪ.

И король меня пуще палача боится?

ФРИДЕРИХЪ.

Ему причина есть васъ боятись для того, что вы его любимаго друга убили.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Королевской любимой другъ? Убитъ ли онъ, и кто его убилъ?..

ФРИДЕРИХЪ.

Никто, опричь васъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что ты меня такою злобою обличаешь не во время? (.......)

ФРИДЕРИХЪ.

Утишайте вашъ гнѣвъ. Убитый своея ради винности умре для того, что онъ смѣлъ съ вами битись: славою его побѣдили, и тѣмъ ваша храбрость наипаче прославилась.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Если то разумомъ учинено, такъ я то истинно учинилъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Однако сей случай государству зѣло вредительный; потомъ вы принципесу любите (.....)

ЖОДЕЛЕТЪ.

Да будетъ миръ (.......)

ФРИДЕРИХЪ.

Принципеса Лаура (.....)

ЖОДЕЛЕТЪ.

Да, да! да будетъ такъ, я совсѣмъ намѣрился (. . . . .)

ФРИДЕРИХЪ.

Вельми великая та мнѣ честь (. . . . .)

ЖОДЕЛЕТЪ.

Пошли, пошли, господинъ посолъ! (. . . . . .)

ФРИДЕРИХЪ.

Я чаялъ, что ваше величество прежде изволитъ кушать.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Добро, пошли. (. . . . .)

ДѢЙСТВО 3.

СѢНЬ 1.

ФРИДЕРИХЪ.

Какимъ дивнымъ обычаемъ поступаемъ (. . . . .) [1])

СѢНЬ 2.

ОКТАВІАНЪ, ЖОДЕЛЕТЪ, ЛАУРА.

ЖОДЕЛЕТЪ *(зубы колупаетъ)*.

Говоритъ къ караульщикомъ (. . . . . . .)

ОКТАВІАНЪ.

(. . . . .)

---

[1]) Въ рукописи особенно значительный пропускъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Нынѣ обѣдъ скончался, и тотъ поросенокъ, который изъ пирога выглядывалъ, мнѣ такъ укусенъ былъ (.........)

ФРИДЕРИХЪ.

Пожалуй, государыня, поласкайте ему еще и обѣщайте ему вашу взаимную любовь.

ЛАУРА.

Какъ я могла отъ смѣху удержатися?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Мадаме! прости мнѣ княжескую грубость, что я васъ пріятельски (*между тѣмъ отрыгаетъ онъ*) поздравляю.

ЛАУРА.

Истинно въ долгое время никто меня пріятельски не поздравлялъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

То чрезъ парентезинъ (вмѣщеніе) говорено. Не удивляйтеся, королевна моя, надъ моею пріятельскою рѣчью, потому сіе поздравленіе просвѣщено было, и мнѣ обычно поздравленіе мое такою вѣжливостью ошивать.

ЛАУРА.

А какъ ваше величество въ сію ночь опочивалъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Такъ по середнему. У хозяина перинъ хорошихъ было. Какъ я домой поѣду, всѣхъ моихъ извощиковъ къ нему пошлю ночевать.

ЛАУРА.

Государь принцъ! чѣмъ ты во снѣ утѣшился, или какой изрядной сонъ видѣлъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Да, да! нынѣ же памятую, чтобъ тебя..... ненастіе како или страшный изрядный сонъ, какъ его не пропамятовалъ. Увидимъ, какой ли онъ принцъ Повельфлейшъ! Никакъ о изрядномъ заходѣ... а ты тутъ же ли была? Какой ли сонъ? Да, да! Нынѣ памятую: мнѣ снилося, будто блоха сидѣла на вашемъ большомъ пальцѣ и съ единымъ клопомъ дралася и хотѣла въ ваше спальное мѣсто убѣжати и уже угодную щель къ своей крѣпости одержала. Такъ мнѣ досадна та безстыдная блоха, что я гонялъ за нею, и такой щелчокъ по носу далъ, что ей видѣніе и слышаніе перестало; и хотѣлъ ее убить да для того, что она мнѣ била челомъ, чтобъ я ея молодыхъ лѣтъ пощадилъ, и она сверхъ того близнецъ и горбата и немощна была, такъ въ путь свой ее пустилъ. Скажите мнѣ: не тотъ ли страшливый и утѣшный сонъ? И о томъ мочно разсужденія много положить.

ЛАУРА.

Въ правдѣ я сама въ томъ утѣшаюся, потому слышу, что и я тамо же была.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Истинно и ты тутъ же была; потому я съ воровскою блохою такъ храбро держался и ей такъ разумно переправу отнялъ. Вы мнѣ обѣщали ваше сердце, легко, и печенку и все подобающее подъ моемъ владѣніи поддатися.

ЛАУРА.

Ваше величество еще не завтракалъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я зѣло упитался, что княжескій тукъ (жиръ) мнѣ толщиною перста въ высоту ростетъ. А скажи мнѣ, ослица моя, какъ вамъ полюбится сія зубочистка. Мнѣ кажется, что красиво и изрядно.

ЛАУРА.

Истинно драгоцѣнной работы.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Того ради я васъ тѣмъ чищаломъ (тою зубочисткою) подарую.

ЛАУРА.

Тотъ даръ мнѣ зѣло великъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Но какою мѣрою держите за себя? Я даю вамъ власть приданаго. Я радъ хотѣлъ вамъ перстень подарить, а̀ въ шурмованіи и нахожденіяхъ вси съ перстовъ сняты. Сверхъ того простымъ очень перстнемъ подарить, а зубочистка лучше, пристойнѣе на приданое и впредь можетъ межь собою въ зубахъ выпихать.

ЛАУРА.

Покоряюся установленія вашего величества разуму, дабы примиреніе одержати.

ЖОДЕЛЕТЪ.

То правда, я зѣло къ примиренію склоненъ. Хотя я въ явныхъ войнахъ отъ всякаго за бога Марценны пасынокъ[1]) почитаюся; однакожь мнѣ всегда охоты нѣтъ битися и не всегда полезно, развѣ когда особно приключитися съ нера-

[1]) Въ рукописи: *пасенокъ*.

зуиными грубыми діаволы ратовати, которые прямо не умѣютъ мечемъ владѣти и рубятъ глупо. Того ради я въ началѣ сіе желѣзное ожерелье и желѣзную спальную шапку покидалъ. Ни, ни! я лучше люблю съ добрыми пріятельми у дѣвокъ сидѣть и съ ними бесѣдованіе держать. А что же на королевскомъ дворѣ о послѣ говорятъ?

ЛАУРА.

Что онъ государя своего ради учинилъ, то не мочно довольно хвалить.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ну! ну! За ту службу достоинъ онъ пріяти совершенное издовоздаяніе. Господинъ дворецкой!

ОКТАВІАНЪ.

Милостивѣйшій государь!

ЖОДЕЛЕТЪ.

Потому я вижу, что такихъ добрыхъ служителей около себя имѣю, которые мнѣ вѣрно услугованіе свое показали, и я васъ, господина дворецкаго и господина посла, великой чести приведу.

ОКТАВІАНЪ.

Что до нынѣшняго времени учинено, должность моя была вашему величеству служить.

ФРИДЕРИХЪ.

Чаю, вашему величеству причины нѣтъ вѣрную мою службу хулить.

ЖОДЕЛЕТЪ

Того ради я вамъ господину дворецкому честнымъ чиномъ подарую. Ты впредь мой будешь щитоносецъ.

ОКТАВІАНЪ.

Я симъ доволенъ, милостивый государь, что я въ долгое время у вашего величества дворецкой былъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Чину щитоносца приходовъ много есть, и щитоносецъ скоро главу свою при непріятелѣ можетъ защитить, неже тотъ, которой безъ щита. И васъ господина посла, потому ты дѣло мое у дѣвицы доброй совершилъ, пожалую тебя камарнира чиномъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Я никогда такой великой милости добыть не чаялъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Вы, господинъ щитоносецъ и по достоинству господинъ дворецкой, скажите: сколь великъ окладъ былъ камарниру?

ОКТАВІАНЪ.

Ваше величество у себя уже то дѣло разсудилъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ну, ну! я вамъ платить буду, будто честный человѣкъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Честь вашему высочеству служить, а мнѣ платежъ зѣло доволенъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Вы увидите сами, какими честными людьми я васъ поставлю. Я хвалиться не хощу, или вамъ брюхо словами исполнити. Обнадеживайте, еслибъ мой казначей здѣсь былъ, то бъ я вамъ тотчасъ на кружку пива алтынъ подарилъ. Скажи мнѣ,

сахарная моя, нѣтъ ли на моемъ дворѣ добрыхъ людей? Не тотъ ли учтивый и честный посолъ?

ЛАУРА.

Никто лучше къ тому пристойный или вашему высочеству больше вѣрности показати могъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Милостивая государыня! всякому вѣдомо, сколь высоко Фридерихъ ея добродѣтель почитаетъ, и высочайшая его радость есть ея ради все злополученіе терпѣти и всякому несчастію предатися.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Да, и то такъ истинно, яко уже въ правдѣ учинено.

ЛАУРА.

Такую честную любовь достойно воздати, я Фридериху сердца моего внутреннѣйшее помышленіе открою, сирѣчь всю бѣду съ нимъ буду терпѣть и вѣрность мою раздѣлить.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Молчите, молчите вы, маленькая золотая ворожея: словами вашими уже меня наворожила, что я нынѣ больше ничего не вѣдаю, на которой сторонѣ мнѣ въ карманъ хватить.

ФРИДЕРИХЪ.

Фридерикъ ужь чуть ушкамъ своимъ вѣритъ, для того что они такія сердцемъ утѣшительныя словеса услышали, которыя его такимъ веселіемъ исполняли, что онъ самаго себе не знаетъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Такъ! такъ! щекотитъ мнѣ, будто я на щетинѣ хожу; сердце у мене такъ подымается. Боюся, что сердоболіе на меня не припадетъ.

ФРИДЕРИХЪ.

А вонъ истого видитъ принцена.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Молчи, господинъ посолъ! Къ сторонѣ поступайте. Поразинулъ ты ужь зубовъ моихъ; я самъ хощу съ нею говорить.

ФРИДЕРИХЪ.

Я желалъ бы только, что я Фридерикъ. . . . .

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ола, господинъ посолъ! Что то будетъ? Не знаешь ли ты когда я говорю, тебѣ надобно молчати?

ФРИДЕРИХЪ.

Ахъ, милостивая государыня!

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ахъ, ты б . . . . . ъ сынъ! Молчи! Чаешь ты, что будто я дуракъ стою и твое бездѣльное бесѣдованіе слушаю.

ФРИДЕРИХЪ.

Милостивый государь! истинно за васъ говорю.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ни, ни. Не надобно тебѣ у дѣвицъ за меня говорить: и онъ за меня также иное хотѣлъ дѣлать.

ФРИДЕРИХЪ.

Единымъ словомъ, государыня принцена: я—Фридерихъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что же Фридерикъ? Что ты Фридерикомъ сталъ? Во вѣки и въ три дни ты дуракъ. Я безъ тебя ужь знаю, что меня Фридерикомъ зовутъ. Молчи, Фридерикъ, прежде я у тебя ротъ заткну.

ФРИДЕРИХЪ.

Государыня принцеа! кто счастливѣе Фридериха?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Паки Фридерикъ? Чтобъ ротъ тебя съ Фридерикомъ взялъ! Ты меня своимъ кощунствомъ дуракомъ ставишь.

ФРИДЕРИХЪ.

Я возвѣщаю принценнѣ вашу любовь и о томъ я вамъ неправду учиню?

ЖОДЕЛЕТЪ.

А я того не хощу. Хотя тебѣ на меня и досадно, что я ее ненавижу, только впредь больше отъ тебя объ ней слышать не хочу; того ради не говори больше о томъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Ея изрядные нравы и непремѣнная красота.....

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ни! никакою мѣрою! все гнило и живо; что ты говоришь? Она непригожа, деревеньщина, гадка, дурна, крива, горбата, очи ея текутъ и великій носъ имѣетъ и сверхъ щель е(й) лищняя есть. Однако не нудите меня, предбудущая любовь, государыня королевна, хотя я которое слово и лишнее говорю. Пожалуйте, не подосадуйте: я такъ было молвть себѣ худа не чаялъ. Я молвилъ въ сердцахъ для того, что безчинный

посолъ меня разсердилъ, такъ что у меня штаны и кафтанъ трепещутъ такъ, яко осинный листъ. Онъ ужъ давно комарный свой чинъ принялъ. Междо тѣмъ помиримся; а ты государыня, живи и умри—чемоданъ возлюбленныхъ моихъ мыслей!

СѢНЬ 3.

ГЕНРИХЪ И ПРЕЖНІЕ.

ГЕНРИХЪ.

Милостивая государыня принценна! Король желаетъ съ вами повидатися.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что? Даромъ король! Вели только подождать: не видишь ты, что нынѣ мы договоръ нужный о нашей свадьбѣ держимъ?

ЛАУРА.

Прошу милости у вашего высочества: я его королевскаго величества желаю указъ слышать.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Никакими мѣрами. Нынѣ хощемъ о нашемъ дѣлѣ совершенно говорити господину послу; вамъ паки поволено у принценны за меня слово держати, потому въ бытности сего дворецкаго человѣка хощу мое высочество показать.

ГЕНРИХЪ.

Притвореніе долго пребывало. Принцъ! хочешь ли намъ войну довести, такъ смотри на свою главу.

ЛАУРА.

Какова злополученія мы опасаемся, Генрихъ?

ГЕНРИХЪ.

О томъ король хощетъ съ вашею пресвѣтлостію говорити; однако вотще то тайно держать: непріятель Гажету городъ силою взялъ и нашихъ людей зѣло устрашилъ.

ЛАУРА.

Такое нечаемое злополученіе возрадуетъ мою поспѣшную помощь; я ускоряю отъ короля увѣдать, какъ дѣло миновалось. (*Она съ Юліей отъидетъ*).

ФРИДЕРИХЪ.

Смотри, Октавіанъ, какъ все по желанію учинено.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Здѣсь стою я дуракъ и не могу свое любезное бесѣдованіе съ невѣстою окончати. Фу! что нынѣ война стала, когда я хотѣлъ свататься? Я говорю, что непріятель, какой ни будь, есть онъ прямой б . . . . нъ сынъ, потому что онъ меня на дняхъ свадьбы моея безчестить хочетъ.

ГЕНРИХЪ.

Вотще тако притворяешь. Не знаешь ли сициліанскихъ людей? Вѣдаешь ли, что ваши подданные на насъ напали?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Кто? Мои подданные? Воры, б . . . . . ы дѣти! что они хотятъ?

ГЕНРИХЪ.

Они хотятъ уставленный миръ разрушить.

ЖОДЕЛЕТЪ.

За то ихъ взялъ, да я всѣхъ велю повѣсить.

ГЕНРИХЪ.

Хощете ли вы миръ, и король васъ изъ заключенія свободитъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я зѣло не желаю домой ѣхать, мнѣ и здѣсь утѣшенія довольно: и пить, и ѣсть на всякъ день даютъ. Я радъ буду въ вѣчномъ заключеніи сидѣть.

ГЕНРИХЪ.

Едино слово, принцъ, я вамъ скажу: соверши то дѣло, или вашу кровь за убіенную кровь проливать будутъ. Ты ли возбудилъ бурную погоду, такъ доведется вашей главѣ то исполнить. Сіе сказываю вамъ о имя королевское.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что моя глава? Я воръ, еслибъ я больше принцомъ былъ! Яко такъ поступается, ни! ни! чтобъ вы увѣдали, что я бъ больше принца былъ.

ГЕНРИХЪ.

Что жь больше принца? Покиньте сіе говорить лучше: уничижаете свой высокій чинъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Да, я и въ тѣ поры принцъ, когда пить и ѣсть предо мною есть; а когда хотятъ голову отсѣчь, благодарствую за временную честь.

ФРИДЕРИХЪ.

Милостивый государь! Когда вы опасаетесь королевскаго гнѣву, посылайте Октавіана къ начальникамъ войска вашего.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что теперь войско и не войско? И воинскихъ людей я не имѣю [1]) и не вѣрю, что я такъ многихъ людей соберу.

ГЕНРИХЪ.

Надобно намъ намѣреніе ваше объявить; намъ инаго посредства нѣтъ теперь: ваша глава или миръ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ахъ, миръ! миръ! Я с . . . на бездѣльную войну. Мнѣ охоты нѣтъ битися; когда я о убіеніи или изрубленіи услышу, въ тотъ часъ меня воши и ѣдятъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Сію войну скончайте. Подите къ начальникомъ войска вашего: пришествіе ваше [2]) къ благому кпремирію утихнетъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Увижу, что тѣ бездѣльницы хотятъ дѣлать. Подите.

ГЕНРИХЪ.

Пріидите и пріимите королевскій указъ и свободную грамоту. (*Отъидутъ*).

ДѢЙСТВО 5.

СѢНЬ 1.

ФРИДЕРИХЪ, ОКТАВІАНЪ.

ФРИДЕРИХЪ.

Твое цѣломудріе, Октавіанъ, любви моей много добра показало.

---

[1]) Въ рук: *смпю.*

[2]) Въ рук: *все.*

ОКТАВІАНЪ.

Потому мнѣ ваша нужда извѣстна была, такъ я и прилежалъ все помоганіе къ миру учинити. Въ Гаетѣ все тихо и мирно, и наши люди готовы городъ отдать.

ФРИДЕРИХЪ.

Не сумнѣваю, что они тебя съ великою радостію приняли?

ОКТАВІАНЪ.

Намѣрены[1]) по королевскому прошенію посольство къ нему править; а мню, что господинъ инфантъ, вашего высочества братъ, самъ посолъ будетъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Кто? мой братъ самъ?

ОКТАВІАНЪ.

Онъ одинъ хочетъ честь имѣти, чтобъ вашему высочеству служить.

ФРИДЕРИХЪ.

Можетъ ли оно быти, что глава войска, а безъ аманата, въ такую бѣду пошелъ?

ОКТАВІАНЪ.

Хотя бъ его и узнали, однако Гацетта въ его власти, и той аманатъ доволенъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Какъ онъ такъ скоро о моемъ злополученіи вѣдомость принялъ?

---

[1]) Въ рук: *намерехія*.

ОКТАВІАНЪ.

Тому я и самъ дивлюся.

ФРИДЕРИХЪ.

Тебѣ будто вѣдомости о томъ нѣтъ?

ОКТАВІАНЪ.

Я не посмѣлъ о томъ просить, потому королевскіе люди накрѣпко меня стерегли.

ФРИДЕРИХЪ.

И братъ мой не знаетъ, что удивительно мнѣ случилося,— фортуна меня на семъ замкѣ поставила самого себе стеречь?

ОКТАВІАНЪ.

О томъ онъ ничего не знаетъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Во ожиданіи твоего пришествія я зѣло тщился, чтобъ дурака снова къ любви раздражить и тѣмъ всю бѣду отъ насъ отвратить; и онъ въ томъ отвержденъ, что онъ прямой князь и въ томъ упованіи пребываетъ еще.

ОКТАВІАНЪ.

Пусть его упованіе; однако вамъ фортуна объявится.

ФРИДЕРИХЪ.

Скажи мнѣ, Октавіанъ: видалъ ли ты принценну Изабеллу?

ОКТАВІАНЪ.

Такъ, милостивый государь, я не токмо ее видалъ, но и говорилъ съ нею.

ФРИДЕРИХЪ.

Какое упованіе сердцу моему даешь?

ОКТАВІАНЪ.

Такое, что она принца Фридерика до смерти постоянно намѣрилася любить.

ФРИДЕРИХЪ.

О, слова, исполненна удовольствіемъ! А я вижу короля приходящаго; пойдемъ къ сторонѣ.

СѢНЬ 2.

ГЕНРИХЪ, КОРОЛЬ, САНШІЕ.

ГЕНРИХЪ.

Державнѣйшій государь и король! посолъ сициліанской пріѣхалъ и аудіенціи у васъ проситъ.

КОРОЛЬ.

Его пришествіе дѣло объявить будетъ. Подите, Саншіе, и принимайте его; мы здѣсь ждемъ. Виждь, Генрикъ, какъ намъ случится все противно: и нынѣшній посолъ все начинаніе отвержетъ: онъ-де инфантъ сициліанскій, иже незнаемо сюда пріѣхалъ, дабы Гацетту лестію въ свою власть одержалъ, какъ нынѣ учинено, а сверхъ того нашей чести безчестное супружество удерживали: мы чаяли Изабеллу за Фридерика выдать, а все вотще, потому сердце ея только инфанту склонено.

ГЕНРИХЪ.

Правда такъ, милостивой государь! Такіе удивительные случаи смутятъ человѣка. А что можетъ непріятель больше

учинить, потому Фридерикъ мирное составленіе, вашего величества волю, сочинитъ?

КОРОЛЬ.

Извѣстно вамъ, что упованіе мое пріятно и благополучно. Если бъ не былъ такій великій стыдъ, что дщерь нашу за такого дурака выдали, въ немъже ни мало добраго объявится къ королевской мысли,—и намъ то во вѣки показалося. Вы знаете, что мы въ началѣ отъ его дурачества (о его) рожденіи сумнѣвались и того ради ему пристойный отвѣтъ дали, дабы мы истинно про него провѣдали, прямой ли онъ принцъ.

ГЕНРИХЪ.

Бѣда его устрашила, а учиненный миръ его къ разуму своему доведетъ.

КОРОЛЬ.

Какое злополученіе человѣка утѣснило, однако жъ, безъ злобы не можно разума своего отрицатися и добродѣтель никогда не можно забыть. Уже посолъ пріидетъ. Прежде отъ него услышимъ, то совершенно что нибудь установимъ.

СѢНЬ 6.

ЭДУАРДЪ, САНШЕ И ПРЕЖНІЕ.

ЭДУАРДЪ.

Милостивый государь и король! чаю, вашему величеству извѣстна причина моего пришествія: принцъ Фридерикъ вамъ миръ чрезъ меня объявляетъ.

КОРОЛЬ.

Не можно чрезъ наипаче славнаго посла миръ объявить, неже чрезъ инфанта сициліанскаго. Того ради, принцъ, оставите притвореніе: вси уже васъ знаютъ.

ЭДУАРДЪ.

Ежели меня здѣсь и узнали, я то себѣ за честь почитаю, потому та честь мнѣ доведется, хотя бъ здѣсь народное право надо мною разрушилось. Я честь княжескаго чину паче почитаю, нежель ея отрицался.

КОРОЛЬ.

О высокородныя мысли пресвѣтлыя души истинныя!

ЭДУАРДЪ.

Прямая добродѣтель никакого притворенія не допустить.

КОРОЛЬ.

Ахъ! и чтобы Фридерикъ такое жь свидѣтельство подалъ!

ЭДУАРДЪ.

И то свидѣтельство довольно его высокоумнаго сердца, что онъ себѣ учиненное безчестіе забыти можетъ и вамъ миръ объявляетъ и еще такого времени, что онъ власть имѣетъ, по своей воли можетъ отмстить.

КОРОЛЬ.

Генрикъ! приведите принца сюды. Мы рады ему простить, чѣмъ онъ намъ досадилъ, и такіе случаи паче небу, неже ему самому, припишемъ. А что онъ высокаго своего роду, изъ страху особой бѣды, безчестно отрицался и, напраснаго страха ради, добродѣтель свою къ сторонѣ отложилъ, то не хвально потому онъ чинъ свой безчеститъ: имя Фредерикъ только ему славно, и въ сей бытности состоитъ, что мы у него принца искали, не могли обрѣсти.

ЭДУАРДЪ.

Или прямо истинно его добродѣтель еще не знаютъ, или вашъ умъ противнымъ склоненіемъ объятый: хотя Фридерикъ и злополучный, онъ инако не можетъ, нежель высокодушнымъ и добродѣтельнымъ, объявиться.

КОРОЛЬ.

Понеже добродѣтели сила неизреченная есть, и мы оную добродѣтель въ злѣйшихъ нашихъ непріятелехъ почитаемъ, такое наказанія достойное притвореніе никогда нещевати, когда мы сами не видали. Высокая слава хвальныхъ его дѣлъ такъ сердце наше обняла, что мы не безъ ужасенія воззрѣть на него могли, какой ему страхъ такую недостойную боязливость привелъ.

ЭДУАРДЪ.

Если онъ безчестнымъ страхомъ себе отрицался, я, животъ смерти представляя, истинно скажу, что такой Фридерикъ никогда мой братъ былъ, паче Сицилія славная, что ея королевскій родъ оскверненную кровь потерпѣлъ.

СѢНЬ 4.

ГЕНРИХЪ, ЖОДЕЛЕТЪ И ПРЕЖНІЕ.

ГЕНРИХЪ *(къ Жоделету говоритъ).*

Здѣсь можетъ ваше высочество съ братомъ инфантомъ устное бесѣдованіе держать.

ЖОДЕЛЕТЪ.

А гдѣ тотъ дикой звѣрь? То я не вѣдалъ, что елефанта въ братіяхъ имѣю.

ГЕНРИХЪ.

Инфантъ только его прибытности желаетъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

А кто онъ таковъ великъ? У него горбатый носъ, можно его чѣмъ нибудь набить.

КОРОЛЬ[1]).

И дабы имъ непротивно было, отъидемъ: развѣ онъ дурачество свое покинетъ, когда онъ одинъ съ вами будетъ? Отступите отсюды и велите имъ однымъ быти, а вы намъ послѣдуйте.

(*Отъидетъ со своими*).

ЭДУАРДЪ.

Какая ли дивная вещь? Король призоветъ принца сюды, и самъ нынѣ отходитъ!

ЖОДЕЛЕТЪ.

Слыши, добрый пріятель! Ты ли елефантъ сициліанскій? Отъ васъ разумно и пристойно, что вы съ нашимъ принценскимъ высочествомъ познаватися желаете. Приходите и поцѣлуйте мнѣ скоро правой каблукъ отъ лѣвыхъ башмакъ, потому что что руку цѣловать вамъ еще не пристоитъ.

ЭДУАРДЪ.

Оле! что сіе будетъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Вы скоро мнѣ царству учините вашею войною. Они хотѣли мнѣ всегда уши и главу отсѣчь, и то мнѣ истинно страшное издѣваніе было, когда я мою желѣзную спаянную шапку не могъ больше надѣть. Однако я все прощу вамъ. Пріидите и помиритесь со мною, а послѣ того изъ стакана будемъ межъ собою вынить.

[1]) Въ рукописи пропущено имя говорящаго.

ЭДУАРДЪ.

О небо! что сіе будетъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что ты такъ стоишь тамъ и домишляешь? Чаю, что ты человѣкъ, изъ ума бродишь. Ты такъ кисло глядишь, будто замерзлая камбала. Хорошенько сдѣлай, или я воръ буду, какъ я не тебѣ все пріятельство и братство откажу.

ЭДУАРДЪ.

Что сіе думаютъ надъ моимъ посольствомъ, и ругаются, и высокое мое дѣло за жарту почитаютъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что же? аль я скоморохъ? Я вижу, мѣсто того, что мнѣ руки поцѣловали бы, вамъ полюбится надо мною ругатися. Я совѣтую вамъ, воздайте мнѣ достойную честь, или я вамъ щелчокъ по носу дамъ.

ЭДУАРДЪ.

Знаешь ли ты, я кто таковъ, что такъ со мною смѣешь говорить?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ты грубой неточеной болванъ, а я Фридерихъ.

ЭДУАРДЪ.

Что за Фридерихъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Смотрите: облезянка какъ выглядитъ! какъ онъ о моемъ имени дивится! Божуся, какъ ты не братъ мой былъ, на позоръ я тебя поставилъ.

ЭДУАРДЪ.

Что? Ты братъ мой?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Да я королевской сынъ. А кто скажетъ, будто я отца не имѣлъ, лжетъ, будто воръ.

ЭДУАРДЪ.

Такова прельщенія я здѣсь не чаялъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Не говори такъ много: нынѣ принценское высочество хвастанія много не терпитъ.

ЭДУАРДЪ.

А ты принцомъ сказываешься?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я сказываюся честію: азъ есмь принцъ Фридерихъ.

ЭДУАРДЪ.

А ты какой принцъ? Изъ котораго роду ты произшелъ еси?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Изъ котораго роду? Что я по роду не прошу, побѣги и иныхъ распрашивай, которые лучше меня и тебя знаютъ.

ЭДУАРДЪ.

То мнѣ дивно покажется.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Какъ я зачалъ тебѣ разсказать о дикой боровицѣ, такъ тебѣ дивиться будетъ и пятьсотъ тысящь..... Какъ человѣкъ тотъ выглядитъ, когда о дикой боровицѣ говорю!

ЭДУАРДЪ.

Можетъ быть, и больше тебя дурака обрѣсти.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что ты меня дуракомъ называешь? Да ты братъ мой! Оле, слуги! Караулъ! Гдѣ вы?

СѢНЬ 5.

(КОРОЛЬ, ЛАУРА, ФРИДЕРИХЪ, САНШЕ, ГЕНРИХЪ), ОКТАВІАНЪ, КАРАУЛЪ И ПРЕЖНІЕ.

ЭДУАРДЪ.

Добро, что ваше величество пришелъ: такъ мы можемъ отъ прельщенія возвратитися.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Какъ я то не домышлялъ, что ты плоть и кровь моя! Я тебя велѣлъ (бы) въ поварню повести.

КОРОЛЬ.

Принцъ Эдуардъ! что вамъ кажется?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ахъ! не говорите съ нимъ: онъ прямый глупый тинтякъ, который не знаетъ съ честными людьми сходиться. Прочь и вонъ его! Онъ на нашемъ дворѣ не годится.

ЭДУАРДЪ.

Намѣрилися надо мною ругатися? . . .

ЖОДЕЛЕТЪ.

Я говорю: ротъ держи. Уже мнѣ уши болятъ отъ твоего бездѣльнаго росказу. Здравствуй, господинъ тесть! Здравствуй, господинъ посолъ! Здравствуй, господинъ дворецкой! Что добро скажете о дикой боровицѣ? Есть ли вамъ грамота отъ нея? Тому человѣку надобѣ подъ носомъ тереть: онъ хочетъ родственную мою грамоту переглядѣть. А вотъ моя агница! кросичка моя и будущій милый ушной червь! Здравствуй, здравствуй! Ахъ! вы не вѣрите, какъ сей елефантъ меня осердилъ! А нынѣ, какъ я васъ вижу, паки упокоился.

КОРОЛЬ.

По такому опытанію, принцъ, почитаете и вы Фридериха достойнымъ жениться на принценнѣ? Мы сосвидѣтельствуемъ при высокомъ небѣ: если бы его добродѣтель сходна была съ его высокимъ родомъ, мы съ радостію славнымъ сговоромъ долго пребывающую войну хотѣли скончать.

ЭДУАРДЪ.

Какъ я вижу, другъ другова не разумѣетъ. А принцъ какое ли общеніе имѣетъ съ тѣмъ дуракомъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Вонъ поведите елефанта: онъ противно разуму говоритъ.

КОРОЛЬ.

Не тотъ ли Фридерихъ?

ЭДУАРДЪ.

Что онъ за Фридерихъ?!

ЖОДЕЛЕТЪ.

Той азъ есмь. Молчи во время, или я паки о дикой боровицѣ говорю.

ЭДУАРДЪ.

Онъ никакою мѣрою братъ мой.

ЖОДЕЛЕТЪ.

О ты, безчинный пожиратель! можешь ли отрицаться, что я братъ твой! Изъ ш....въ можешь понюхать, что мы близные сродники.

ЭДУАРДЪ.

Какъ можно такого дурака и злодѣя за Фридериха почитати? Онъ только свое дурачество оказуетъ, И вы его въ томъ еще укрѣпляете!

КОРОЛЬ.

А мы въ началѣ его и сами за то почитали. Какова ли другаго Фридерика въ нашей области имѣемъ?

ЭДУАРДЪ.

Для чего вы его таите? Я нынѣ его видѣлъ.

КОРОЛЬ.

А гдѣ?

ЭДУАРДЪ.

Здѣсь на томъ мѣстѣ.

КОРОЛЬ.

Мы сказуемъ, что вы, принцъ, прельщены.

ЭДУАРДЪ.

О милостивый государь и король! я вижу его. Прошу, вели мнѣ обнимать его. (*Обнимаетъ его.*)

ЖОДЕЛЕТЪ.

Что же? подобаетъ безбѣдняшку—бѣднаго человѣка и вошнаго губернатора принцу представити.

ФРИДЕРИХЪ.

Милостивѣйшій государь и король! то называется въ долгое время родъ мой предъ вашимъ величествомъ очи утаить. Вотъ здѣсь прямой Фридерихъ! И разсудите преступленіе его наказати или любовь его нагородити.

КОРОЛЬ.

Можетъ ли быти, что вы Фридерихъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Никакъ не можетъ быти, потому лучше исторія о дикой боровицѣ—дѣло слово памятное и солнце сіяющее. И вы, господинъ посолъ, покиньте тѣхъ церемоній: вы знаете, сколь долго вы у меня служили.

ФРИДЕРИХЪ.

Я посольствомъ моимъ свидѣтельствую, гдѣ онъ за меня говорилъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

За то вамъ Кинтурусъ со своими трезубными навозными вилки благодарствуетъ. Какъ я бы увѣдалъ, что ты мнѣ стучки учинилъ, и дурно сотворилъ бы, какъ я тебя посломъ выбралъ.

КОРОЛЬ.

Вы ли Фридерихъ? Удивительный случай!

ЖОДЕЛЕТЪ.

Чортъ! Я думаю, какъ дѣло совершится, принценское мое высочество до земли повалится и изъ пепела искать будутъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Я то могу разсудить, что смерть принца Рудольфа упованію моему противится. Обвинитъ меня того ради нѣтъ... вашего величества: я противъ того иного отрицанія не знаю, нéже любовь, что я къ принценнѣ обвязанъ. И не могъ тернѣть его великую гордость: потому онъ приложился, что никто опричь его достоинъ былъ принценну получити; любовь моя къ тому мене поволила, того ради его злополученіе мнѣ побѣду утвердитъ. И сверхъ того въ своемъ упованіи пребывалъ въ милости королевской; понеже и небо ко мнѣ уклонилося, отъ вашего величества возмездія побѣды моея жду или главу мою подамъ въ примиреніе пролитыя крови,

ЖОДЕЛЕТЪ.

Такія слова принценскому моему высочеству истинну погибель доведутъ.

КОРОЛЬ.

Никакъ, мой высокородный принцъ! Въ правду, что мы крови его отмстити искали, сколь долго мы въ томъ прельщеніи были, что Фридерихъ принценны не достоинъ. Ваше усобство намъ не противно, потому намъ нынѣ очи открыты. Я вамъ принценну предамъ въ залогъ вѣковѣчнаго мира.

ФРИДЕРИХЪ.

Милостивѣйшій государь и король! Зѣло великая ваша милость; однако покорнѣйше прошу, что ваше величество изво-

лилъ указать, чтобъ я въ таковъ высокомъ дѣлѣ и принценну волю увѣдалъ.

КОРОЛЬ.

Вижу, что ея любовь вашей не противится, и между вами взаимная любовь возстанетъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Милостивѣйшій государь и отецъ!...

КОРОЛЬ.

Молчите. Мы уже знаемъ ваше прероженіе, что принца отъ сердца зѣло любите, и вы то безъ румяности лица вашего будете поволить. А ты, дуракъ, княземъ сказался: кто ты таковъ еси?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Самъ не вѣдаю, что или какой я человѣкъ. Однако господинъ дворецкой то вамъ скажетъ: все о мнѣ и дикой боровицѣ знаетъ.

ОКТАВІАНЪ.

Послѣ того прямой принцъ объявился, тебя не надобно больше.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Вижу, что худо мнѣ поступается. Хотѣлъ бы, чтобъ я у брата моего Пашкала дома былъ, и мы хотѣли на кабакъ итти.

КОРОЛЬ.

Скажи коротко: ты кто таковъ?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Единымъ словомъ: ничего.

КОРОЛЬ.

А ты принцомъ сказался.

ЖОДЕЛЕТЪ.

А что больше хотябъ и донынѣ принцомъ былъ, такъ никто отъ меня того ради воромъ учиненъ.

КОРОЛЬ.

Однако сія одежда объявитъ, что ты дѣло вымышленное во умѣ взялъ.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Виксъ кредо (чуть вѣрую). Сію одежду нѣкто въ лѣсу покинулъ, а самъ сталъ изъ носу возгри сморкать; а я въ т время на себя надѣлъ, дабы онъ увидѣлъ, хорошо ль ко мнѣ кафтанъ присталъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Истинно такъ; тотъ же кафтанъ, который я въ лѣсу бросилъ, и онъ, безъ сумнѣнія, нашелъ и по своему дурачеству принцомъ сказался.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Ты ли тотъ человѣкъ, кому въ лѣсу бѣгунка попала? И когда вы с...ь поидете, то и платье съ себя сбросите, такъ на годъ вамъ кафтановъ много надобѣ.

КОРОЛЬ.

Что онъ меня самого посмѣлъ прельстить?

ЖОДЕЛЕТЪ.

Воръ меня въ томъ обличаетъ, и недоброй человѣкъ воромъ меня называетъ. Вси люди ваши знаютъ, что я въ началѣ оказался; однако за неволю меня понудили принцомъ быти,

и конечно я тѣмъ доволенъ, потому что мнѣ изобильно пить да ѣсть давали.

ФРИДЕРИХЪ.

Пошелъ! Тебѣ бѣды въ томъ никакой не будетъ; впредь у меня на дворѣ живи. И вамъ, братъ мой, благодарствовати, потому что чрезъ васъ фортуна моя на вышнемъ степени поставила.

ЭДУАРДЪ.

Сіе благодареніе наградитъ мою простую службу.

ФРИДЕРИХЪ.

Желалъ бы я, чтобы Изабеллу въ супругу одержать.

КОРОЛЬ.

Паки умѣйте ее единого брата за другаго дати.

ЭДУАРДЪ.

Такъ я зѣло счастливъ.

КОРОЛЬ.

Она вамъ достойна.

ФРИДЕРИХЪ.

Сіе могло мирный союзъ крѣпче утвердить. Господинъ братъ! позвольте къ тому.

ЭДУАРДЪ.

Моя братская любовь вамъ довольно извѣстна, а вы знаете, что Сицилія надъ мною владѣетъ.

ФРИДЕРИХЪ.

Намъ то гораздо извѣстно, что безъ королевскаго соизволенія нельзя быти. Мы того ради все подобающее уготованіе

учинимъ. Между тѣмъ желаемъ, чтобъ всякъ, сколь возможно, все надобное веселіе объявлялъ. Нынѣ Неаполь миръ одержалъ; Марсъ и его свирѣпое войско далече отстоятъ. Сицилія отъ насъ пріятельство приняла, понеже ея солнце нынѣ въ нашемъ государствѣ восходитъ [1]).

ЭДУАРДЪ.

Въ началѣ воспалися [2]) сія грудь отъ гнѣву, и хотѣли отмстить тому, кто мой родственный братъ былъ. Нынѣ пламень отъ сердца моего возгорится и сей изрядный образъ въ добычь приняти.

ЖОДЕЛЕТЪ.

Нынѣ лежитъ мое почитаніе въ глубочайшемъ навозѣ. Жаль мнѣ пригожая одежда! Жаль мнѣ дикая боровица! Получилъ бы Лауру въ жену. Хотѣлъ я въ сію нощь принцъ—гарлекиномъ назватися!

---

[1]) Въ рукописи: *возводитъ*.

[2]) Въ рукописи: *воспаленія*.

VIII.

ЧЕСТНЫЙ ИЗМѢННИКЪ,

или

ФРИДЕРИКО ФОНЪ-ПОПЛЕИ

и

АЛОИЗІЯ, СУПРУГА ЕГО.

КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Арцугъ Фридерико Фонъ-Поплей.
Алоизія, супруга его.
Фидальбо, его вѣрный капитанъ.
Маркизъ Альфонзо.
Родериго.
Предисловіе.
Духъ маркизовъ.
Купидо.
Лентуло, веселый музыкантъ.
Два солдата.
Четыре машкаратчиковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ДУХЪ МАРКИЗОВЪ, *отъ Купида связанъ.* **АЛОИЗІЯ** *спящая.*

Попущеніе! Ахъ! куда азъ несенъ буду?

Хочетъ твое свирѣпство столь весело мя принудить, что тя [1]), которая мя небомъ сотворила, я имѣю ко адской невѣрности привесть. Нѣтъ! нѣтъ! не удастся тебѣ! Опровергнусь самъ въ темной могилы нощь.

Попущеніе! Ахъ куда азъ несенъ буду?

Не хощу смерти на встрѣчу скочити, и то отъ тебя самой ни во что почтено бысть; а я несчастливое паденіе отбыть не могу, которое меня отъ васъ разлучити тщится.

Попущеніе! Ахъ! куда азъ несенъ буду?

ПѢСНЬ.

1.

Скажи мнѣ, сердце мое: хощеши ли поддатися? Нѣтъ! ты стоишь крѣпко, аки камень. Мнѣ ли въ порабощеніи вѣчномъ жити? Мнѣ ли исчезнуть и за стѣнью ходити, которая никогда связатись не поволитъ? Скажи, сердце мое: хощеши ли поддатись? Нѣтъ! ты стоишь твердо, аки камень.

2.

Хотя ты теперь речешь опускатись, нѣтъ! ты боишься плѣненія! Мнѣ ли предъ усты, яко розамъ, гнутись? Мнѣ ли предъ лицемъ, яко лилеямъ, мигать, которая легче нежели солома? Хотя ты теперь речешь, хочешь опуститися; нѣтъ! ты боишься плѣненія!

---

[1]) Въ рукописи: *ты.*

ДѢЙСТВО 1.

СѢНЬ 1.

АРЦУГЪ, АЛОИЗІЯ.

АРЦУГЪ.

Удовольствованія полное время, когда мы веселость весны безъ препятія и овощь любви безъ зазрѣнія употребляти могли. Пріиди, любовь моя! Поволь чрезъ смотрѣніе нашихъ цвѣтовъ очеса и, чрезъ изрядное воненіе, чувствованія нашего наполнить. Зри, любимая моя, красоту сего сереборишнаго цвѣта. Я пойду и любви вашей сорву.

АЛОИЗІЯ.

Нѣтъ! сокровище мое. Помните: то рука моя, которая багрецовой цвѣтъ возлюбила, оторвать имѣетъ.

АРЦУГЪ.

Подумай себѣ, сердце мое, чтобъ ты пурпуръ сероборишнаго цвѣта пурпуромъ крови не окропила.

АЛОИЗІЯ.

Также побѣдити возможно будетъ, потому что шанецъ терновый кругомъ себя имѣетъ.

АРЦУГЪ.

Того ради вящее опасеніе, а побѣда сумнительнѣе есть, потому что онъ безъ поврежденія прекрасныхъ вашихъ рукъ зѣло тяжко содержатись будетъ.

АЛОИЗІЯ.

Знакъ побѣды, которая надъ краснымъ сереборишнымъ цвѣтомъ торжествуетъ, токмо шляхетной госпожѣ пристоитъ.

АРЦУГЪ.

Какъ? Но егда рану воспріиметъ отъ терновія?

АЛОИЗІЯ.

Несмотря на нѣколикое колотіе терновое, мнѣ бъ только сереборіиновой цвѣтъ получить.

АРЦУГЪ.

Проклятъ буди тотъ сереборинной цвѣтъ, отъ котораго ты таковымъ подобіемъ ранена будешь!

АЛОИЗІЯ.

Благословенъ тотъ сереборинный цвѣтъ, который таковымъ подобіемъ побѣжденъ бысть.

АРЦУГЪ.

То бъ назвать тотъ шиповничей цвѣтъ — драгою цѣною купленъ.

АЛОИЗІЯ.

Понеже говорятъ, что серебренный цвѣтъ начало свое имѣетъ отъ капельки крови, то и храбрственно побѣжденъ быть имѣетъ.

АРЦУГЪ.

Добро; азъ, яко на приступѣ искусный солдатъ, хощу самихъ тѣхъ воиновъ весело побѣдить ихъ. *(Упалъ въ обморокъ.)*

АЛОИЗІЯ.

Какъ? Что вамъ приключилось, сокровище мое? Кликните спальниковъ и хлопцовъ; нѣтъ ли кого здѣсь?

СѢНЬ 2.

ВСѢ.

АРЦУГЪ.

О! какъ мнѣ учинилось!

АЛОИЗІЯ.

Любовь ваша изволилъ напасть на изрядный серебреный цвѣтъ; но единая капелька крове васъ устрашила и на землю опровергла.

АРЦУГЪ.

Вѣрный любитель всегда есть пужливъ.

АЛОИЗІЯ.

Но ревнительный любитель никогда унываетъ.

РОДЕРИГО.

Не возлюбленный любитель есть отчаянный.

ЛЕНТУЛО.

И всѣ такіе любители суть дураки.

АРЦУГЪ.

Испуженъ есмь, понеже вамъ подарилъ.

АЛОИЗІЯ.

Мужественна есть, что я возлюблю.

РОДЕРИГО.

Во отчаяніи есмь, потому что я безъ обнадеживанія люблю.

ЛЕНТУЛО.

Разуменъ есмь я, зане такихъ дураческихъ дѣлъ не почитаю.

АРЦУГЪ.

Вѣрность моя къ вамъ есть не отмѣнительная.

АЛОИЗІЯ.

Любовь моя есть къ вамъ вѣчная.

РОДЕРИГО.

Жаръ мой къ вамъ естѣ нестерпимый.

ЛЕНТУЛО.

А ваша дурость есть неописуемая.

АРЦУГЪ.

Я есмь рабъ вашъ.

АЛОИЗІЯ.

А я ваша рабыня.

РОДЕРИГО.

А я смерти есмь порабощенный.

ЛЕНТУЛО.

Подожди немного: плотники скоро сдѣлаютъ зеркальныя рамки изъ трехъ бревенъ.

АЛОИЗІЯ.

Изволишь ты итти, любовь моя?

АРЦУГЪ.

Какъ вы изволите, сокровище мое.

(Отходятъ).

ЛЕНТУЛО.

Кто во все время житія своего таковыя дѣла слышалъ? Одинъ до смерти въ любви, что госпожа [1]) его устами благолюбивыя дураческія дѣла во очеса его плюнетъ. А другой вовсе дуракъ, зане отъ сомнѣнія умереть хощетъ. Я ни во что почитаю любви бездѣліе: убо оно заячьею дробью пострѣлено есть. *(Отходитъ.)*

СѢНЬ 3.

МАРКИЗЪ, ФИДАЛЬБО.

МАРКИЗЪ.

Еликожды вздыхаю, еликожды жалуюсь, вѣрный мой Фидальбо, того причиною есть любовь. И даже до смерти печальныя мои мысли еще меня напослѣдокъ въ черный гробъ кинутъ.

ФИДАЛЬБО.

Милостивѣйшій государь! объявите мнѣ причину печали вашей, авось еще способъ сыщется, которымъ бы вамъ пособствовать возможно было.

МАРКИЗЪ.

Мой Фидальбо! Вѣрность твоя благодостойна есть, чтобъ я тайность сердца моего объявилъ. И такъ слушай: черезъ сіяніе двухъ звѣздъ, которыя сіяютъ и отъ основанія краснаго лица, такъ сердце мое раждено и ранено. Цинтія сей небесной красоты была Алоизія, уже арцуга Фонъ-Поплей супруга. О счастливѣйшій Фридерикъ, иже совершенною красотою сего міра обладаешь! Имѣлъ честь танцовать съ нею на балетѣ, и на знакъ любви мнѣ руку мою давила, но та рука была ничтоже ино, ток-

[1]) Въ рукописи: *госпожъ*.

мо убивственный инструментъ меня вовсе въ темницу любви воврещи. По совершеніи балета поѣхалъ я домой, но для жестокаго безупокойствомъ сердца моеге ни единое око зажмурити не возмогъ и такъ изобрѣлъ то, что мука любви равенственна муки адской. И такъ тебѣ разсказалъ полную печаль мою любви, которая меня мучитъ и вовсе сердце мое отъ души отлучаетъ.

ФИДАЛЬБО.

Милостивѣйшій государь! желаю, чтобъ вамъ служить возмогъ и въ томъ бы я усердно послужилъ, хотя бъ то и кровію моею учинитись имѣло.

МАРКИЗЪ.

Молчи токмо, арцугъ бо приходитъ.

СѢНЬ 4.

АРЦУГЪ, РОДЕРИГО.

АРЦУГЪ.

О сколь зѣло возрадованъ есмь, что васъ здѣсь при себѣ вижу и съ вами говорить имѣю.

МАРКИЗЪ.

Понеже давно чести не имѣлъ вашу пресвѣтлость видѣти, и для того нынѣ вамъ послужить хотѣлъ.

АРЦУГЪ.

Зри: тутъ же приходитъ моя супруга къ намъ, сокровище мое [1]. Господинъ маркизъ намъ честь воздалъ съ нами говорить, а понеже я для нужныхъ дѣлъ во дворецъ ѣхать имѣю, и такъ вы того, яко кавалера отъ высокихъ достоинствъ, удовольствовать знаете.

---

[1]) Зачеркнуто: *казна моя.*

СѢНЬ 5.

АЛОИЗІЯ.

Господине маркизе! Не возмогъ ли ты лутше явитись, нежели какъ намъ честь воздать и насъ посѣтить? Но я ни о чемъ вяще жалобы не приношу, токмо что я по достоинству васъ потчивать [1]) не возмогу.

АРЦУГЪ.

Еще прошу прощенія, что я съ вами проститись принужденъ; буде вамъ время долго покажется, можете итти, взявъ за руку супругу мою, гулять въ огородъ; между симъ живи здраво. *(Отходитъ)*

МАРКИЗЪ.

Ваша пресвѣтлость не требуетъ отговариватись, потому что я не пріѣхалъ, аки гость, но яко слуга вамъ послужить. О Боже!

АЛОИЗІЯ.

Увы! больно мнѣ!

МАРКИЗЪ.

Что я вижу?

АЛОИЗІЯ.

Что я слышу?

МАРКИЗЪ.

О аглинская красота!

АЛОИЗІЯ.

О свирѣпый любви огнь!

МАРКИЗЪ.

О азъ вижу земный рай!

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: *почитать*.

АЛОИЗІЯ.

Я чаю адъ въ сердцѣ моемъ.

МАРКИЗЪ.

О чтобъ я былъ ограбленъ видѣнія своего!

АЛОИЗІЯ.

О чтобъ я никогда не родилась!

МАРКИЗЪ.

Сердце мое полно есть помѣшательства!.

АЛОИЗІЯ.

Душа моя полна есть горькихъ радостей.

МАРКИЗЪ.

О любовь моя! что со мною чинить хощешь? [1])

АЛОИЗІЯ.

О честь! что изъ меня учинить хощешь? [2])

МАРКИЗЪ.

Хощу любити и терпѣти.

АЛОИЗІЯ.

Хощу вздыхати и молчати.

МАРКИЗЪ.

О любовь!

АЛОИЗІЯ.

О честь!

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: *хощетъ*.

[2]) Также.

МАРКИЗЪ.

О вы, мои измѣнничьи очеса!

АЛОИЗІЯ.

О вы, мои невѣрныя звѣзды!

МАРКИЗЪ.

Отвратитесь отъ сего солнца!

АЛОИЗІЯ.

Снимите съ меня ваше обвязательство.

МАРКИЗЪ.

Ахъ! я сострадду съ вами.

АЛОИЗІЯ.

Ахъ! я умиленіе имѣю надъ вами.

МАРКИЗЪ.

Разсудите прекрасное твореніе на семъ свѣтѣ.

АЛОИЗІЯ.

Удивляйтесь токмо совершеннѣйшему кавалеру сего времени.

МАРКИЗЪ.

Азъ желаю къ вамъ приближитися.

АЛОИЗІЯ.

Азъ желаю съ вами разговоритися.

МАРКИЗЪ.

Услышали бъ вы мое томленіе [1]).

[1]) Зачеркнуто: *грабежъ*.

АЛОИЗІЯ.

Услышали бъ вы мое мученіе!

МАРКИЗЪ.

Милостивая арцугиня! Многая имѣлъ бы вамъ сказать, но нынѣ больше того не смогу, токмо что я называюсь вашимъ слугою.

АЛОИЗІЯ.

Господине маркизе! много бъ мнѣ съ вами говорить, но нынѣ довольно, что я рабынею вашею называюсь.

МАРКИЗЪ.

Прости, прекрасная арцугиня!

АЛОИЗІЯ.

Прости, господине маркизе!

МАРКИЗЪ.

Прошу, изволь выразумѣть.

АЛОИЗІЯ.

Прошу, изволь выслушать.

МАРКИЗЪ.

Чего вы изволите?

АЛОИЗІЯ.

Что вы говорить хощете?

МАРКИЗЪ.

Я ничего.

АЛОИЗІЯ.

И я ничего.

МАРКИЗЪ.

О вы бози! каковое сіе помѣшаніе? [1])

АЛОИЗІЯ.

А я вамъ сердце мое открою.

СѢНЬ 6.

РОДЕРИГО (*созади*).

Ревность [2]) колетъ аки острый тернъ застращенной души моей [3]) и паки меня притти принуждаетъ [4]).

МАРКИЗЪ.

Милостивая арцугиня! принужденъ есмь говорить.

АЛОИЗІЯ.

По изволенію вашему мочь имѣете добру.

МАРКИЗЪ.

Но что хощете, чтобъ я говорилъ?

АЛОИЗІЯ.

То, что я охотно слышать хощу.

РОДЕРИГО.

О вы, бози! Хотѣлъ бы, чтобъ я глухъ былъ!

МАРКИЗЪ.

То я принужденъ говорить, что васъ усердно люблю.

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: *посмѣшаніе*. [2]) Зачеркнуто: *болѣзнь*. [3]) Зачеркнуто: *ужественно душу мою*. [4]) Зачеркнуто: *пригоняетъ*.

АЛОИЗІЯ.

Ужасное ваше опасеніе меня ужасаетъ.

МАРКИЗЪ.

Мое хотящее обнятіе васъ паки оживитъ.

АЛОИЗІЯ.

Хощете вы мнѣ молчаніе и вѣрность присягать?

МАРКИЗЪ.

Такъ, при оборонительныхъ бозѣхъ житія и чести моей, присягаю.

АЛОИЗІЯ.

Намъ единымъ токмо любовь знатна да будетъ!

МАРКИЗЪ.

Ни единъ человѣкъ, опричь насъ, о томъ да не вѣдаетъ!

РАДЕРИГО.

Азъ, аки бѣшеной, которой ваше обвязательство подслушалъ.

МАРКИЗЪ

Ахъ! зѣло азъ много желаю.

АЛОИЗІЯ.

А я великое преступленіе творю.

МАРКИЗЪ.

Ваша красота меня къ тому принуждаетъ.

АЛОИЗІЯ.

Ваша вѣжливость [1]) того хощетъ.

МАРКИЗЪ.

Исчезаю отъ сладкихъ похотей [2]).

АЛОИЗІЯ.

А я истаеваю [3]) отъ великого желанія. [4])

РОДЕРИГО.

А я трескаюсь [5]) отъ бѣшеной зависти.

АЛОИЗІЯ.

На концѣ сереборинныхъ цвѣтовъ гульбища [6]) суть маленькія дверцы, тамо васъ дождуся.

МАРКИЗЪ.

Вы есте моя краснѣйшая [7]) Венусъ.

АЛОИЗІЯ.

А вы мой къ любви приводящій [8]) Адонисъ.

РОДЕРИГО.

А я вашъ ревнительный измѣнникъ.

---

[1]) Было написано: *честніи поступки.*
[2]) *Желательствъ.*
[3]) *Умираю.*
[4]) *Желательнымъ ожиданіемъ.*
[5]) *Растерзаюся.*
[6]) *Гулаескихъ цвѣтовъ образцовыхъ зубцахъ.*
[7]) Въ другомъ спискѣ: *прекраснѣйшая.*
[8]) Прежде было: *дразнующій.*

МАРКИЗЪ.

Ваше обѣщаніе утѣшаетъ меня.

АЛОИЗІЯ.

Ваше молчаніе обнадеживаетъ меня.

РОДЕРИГО.

А моя ревность принуждаетъ меня [1]).

МАРКИЗЪ.

О каковыя радости!

АЛОИЗІЯ.

О каковое утѣшеніе! *(Отходятъ)*.

РОДЕРИГО.

О каковое досадительство! Мученіе! не умертвляешь ли меня? О печаль! еще ты меня живаго попущаешь [2]). Едва маркизъ Ѳонъ-Родіано [3]) на сей дворъ пріѣхалъ, то уже переломляетъ бракъ съ Алоизіею. Любовь моя сопротиво смотритъ на то ослѣпленными очесы. Но добро; только я здѣлаю, что арцухъ свирѣпствовать станетъ [4]), Алоизія терпѣть, а маркизъ умреть, а я послѣ того пропаду [5]), ибо лутше есть скорая смерть, нежели печаль, мученіе же и страхъ въ бѣдѣ.

---

1) *Гоняетъ меня.*
2) Прежде было: *одержаетъ.*
3) Въ другомъ спискѣ: *Ѳорандино.*
4) Прежде было: *имѣетъ взбѣситца.*
5) *Къ разоренію пойду.*

СѢНЬ 7 [1]).

ЛЕНТУЛО, *которой все подслушалъ.*

ЛЕНТУЛО.

Кто бъ то подумалъ, что таковыя дѣла нѣкогда на свѣтѣ дѣются? Что за ремесло умѣетъ тотъ мужикъ? [2]) Я чаю, аще ли уши моѣ подлинно слышали, что онъ мастерства своего токмо роги дѣлаетъ. Нѣсть ли то благое изобрѣтеніе? Подъ веденіемъ, что онъ ко арцуху въ гости пріѣхалъ, онъ чаетъ его во крайное [3]) братство совокупить! Другій такожде есть столь [4]) хорошій господинъ: понеже онъ ничего того получити не можетъ, то онъ ищетъ обоихъ ихъ измѣнить! Чудесная [5]) игра то будетъ! Но кто о томъ печется? Я чаю, что всѣмъ тремъ равно удастся. Однакоже суть дѣла, которыя мало не ежедневно чинятся. Я удивительную пѣснь о томъ имѣю и я для скуки тое на гусляхъ моихъ поиграю и припѣвать буду.

ПѢСНЬ

1-я.

Роги суть курантовъ товары; сіи деньги куются на всякій мѣсяцъ на весь годъ. Правда, всякъ принужденъ ихъ носити тайно или явно. Роги суть курантовъ товары.

2-я.

Братія! помажьтеся [6]) терпѣливостію, будите вы тѣмъ покровены [7]), аще [8]) счастіе васъ честитъ и милуетъ [9]); но аще ли

[1]) *Зрилище.*
[2]) *Каковое отомщеніе творитель сего получитъ?*
[3]) *Вактреонское.*
[4]) *Зѣло.*
[5]) *Каковая чудесная.*
[6]) *Сіяютъ.*
[7]) *Удовольствованы.* [8]) *Буде.* [9]) *Почтено и желаймо носитъ.*

вамъ воздаяніе чинитъ, то есть заслуженая вина. Братія! помажьтеся терпѣливостію.

3-я.

Своякъ! не сердись на меня [1]), что я вамъ правду говорю, хотя то дѣется противъ моея должности, понеже я самъ роги ношу.

АРЦУГЪ (*приходитъ*).

Прочь! прочь съ музыкантскимъ пѣніемъ, чтобъ тебя за музыку не приказалъ батогами бить.

СѢНЬ 8.

РОДЕРИГО.

РОДЕРИГО.

Бѣдный, несчастливый [2]) Родериго! инаго упокоенія причиною творитъ, тебе смертная горькость: очесами убо видѣти принужденъ еси, какъ маркизъ отъ Алоизіи возлюбленъ, а ты отъ нея напротивъ отриновенъ [3]) еси. Не помѣшкай того ради арцугу то объявляти. Вижу уже, что ко мнѣ приходитъ. И такъ премѣнись на малое время, чтобъ изъ твоего печальнаго зрѣнія печаль твою не узналъ.

СѢНЬ 9.

АРЦУГЪ, РОДЕРИГО.

АРЦУГЪ.

Все во дворѣ по желанію исполнилось; о чемъ сердце мое возвеселилося, и не желаю больше вѣдать, какъ-то супруга моя

---

[1]) *Не забуди меня.*

[2]) Въ другомъ спискѣ: *Бѣдный и несчастный.*

[3]) Прежде было: *откинутъ.*

обрѣтается. Но вижу я своего вѣрного Родерига. Для чего ты такъ печаленъ еси? Буди веселъ, князь бо твой еще имѣетъ о тебѣ милость въ остаткахъ.

РОДЕРИГО.

Вашей пресвѣтлости нѣчто объявить имѣю; но то стыжуся сказать.

АРЦУГЪ.

Скажи жь, что то есть.

РОДЕРИГО.

Краткими словесы сказать: ваша супруга Алоизія преломила вѣрность брака съ маркизомъ Ѳонъ Родіано.

АРЦУГЪ.

Подумай себѣ, что ты говоришь, Родериго!

РОДЕРИГО.

Нѣсть инако, милостивѣйшій государь!

АРЦУГЪ.

Не можетъ то быть, Родериго: убо супруга моя есть честна.

РОДЕРИГО.

О дало бы то небо, чтобъ то такъ не было!

АРЦУГЪ.

Самъ ли ты то видѣлъ?

РОДЕРИГО.

Такъ, я сими моими очами то видѣлъ.

АРЦУГЪ.

Родериго! Родериго! Хотѣлъ былъ я, чтобъ ты шпагою сердце мое прокололь прежде, нежели мнѣ сіе безчестіе [1]) объявилъ.

РОДЕРИГО.

Вѣрность моя къ тому меня принудила.

АРЦУГЪ.

Вѣрность твоя была бъ ненарушима [2]). Мужъ, иже о безчестіи жены своей не вѣдаетъ, то онъ отмщенія чинити не требуетъ. Но нынѣ, егда я уже знаю, то принужденъ есмь обоихъ умертвить [3]), хотя какъ ни есть учинено. Полно на томъ, что ты самъ видѣлъ еси, и для того поиди и стучись.

РОДЕРИГО.

Азъ послѣдствую вашей пресвѣтлости. Слышь, Родериго! Слышь, ваша пресвѣтлость! Никто слушать не хощетъ.... Я подлинно вѣдаю, что они тамо.

АРЦУГЪ.

Добро. Я самъ стучати буду, а ты поиди въ мою полату... Отвори, отвори, или ломать учну дверь въ часточки!.. Или ты еси глуха, арцугиня, отъ прелюбодѣйныхъ [4]) желательствъ? Говорю: отвори, и принеси мнѣ мои пистоли.

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: *безсчастіе.*

[2]) *Нерушима.*

[3]) Прежде было: *убить.*

[4]) *Честиломательныхъ.*

СѢНЬ 10.

АЛОИЗІЯ.

Какъ? что вамъ сдѣлалось [1]), любовь моя? Для чего не войдете сюда? Двери не заперты. Любовь ваша зѣло гнѣвна мнѣ видится.

АРЦУГЪ.

Скоро инаго услышишь ты, прелюбодѣйница [2])! Гдѣ твой прелюбодѣй? [3])

АЛОИЗІЯ.

Увы мнѣ! Измѣнена есмь!

АРЦУГЪ.

Постеля вся смята [4]), а однакожъ его изобрѣсти не могу. Не схоронился ли подъ кровать? Тутъ ты умри, дьявольскій! [5])

МАРКИЗЪ.

Милости прошу, великоможнѣйшій арцугъ Фонъ Поплей!

АРЦУГЪ.

Счастіе твое было, что пистоль не выстрѣлила [6]); а то бъ, конечно, животомъ своимъ заплатилъ. [7]) Выходи оттолѣ, выходи!

МАРКИЗЪ.

Милости прошу, милостивый [8]) государь, для неба!

---

[1]) *Вредко.*
[2]) *Браколомница.*
[3]) *Браколомецъ.*
[4]) *Ростерзана.*
[5]) *Ты чертомъ одолѣнъ.*
[6]) *Не изрядила.*
[7]) *Неумильна смерть твоя была.*
[8]) Въ друг. спискѣ: *милостивнѣйшій.*

АРЦУГЪ.

Скажи мнѣ однакожь, для чего ты домъ мой осквернилъ. Егда [1]) ты всю вѣжливость [2]) у меня отпотреблялъ [3]) еси, но еще тебѣ свою властную супругу повѣрилъ; а ты мнѣ такъ злобно воздаешь.

МАРКИЗЪ.

Милостивѣйшій государь! припадаю къ вашимъ ногамъ и признаваю: азъ есмь вашъ измѣнникъ и тысящную смерть заслужилъ, егда я вашей пресвѣтлости брачное ложе осквернилъ. Но токмо мнѣ время еще столько поизвольте, чтобъ душу мою небу вручилъ; послѣ того съ радостію умру.

АРЦУГЪ.

Смерти твоей, маркизъ, азъ не желаю. Но поиди, и бѣги моего двора, и не мысли больше на жену мою, и да будутъ уста твоя гробъ вѣчнаго молчанія. Живи, яко сонная коза, потому что самъ вѣрю, что во снѣ есмь, зане я тебя щажу.

МАРКИЗЪ.

О милостивѣйшій государь!

АРЦУГЪ.

Ничего больши! Поиди, бѣги и нишкни.

МАРКИЗЪ.

Я бѣгу, и молчу, и на вѣки молчать буду.

---

[1]) Прежде было: *хотя.*

[2]) *Честь.*

[3]) *Получилъ.*

АРЦУГЪ.

Ну, уже нынѣ безчестіе мое никому больше невѣдомо кромѣ того, иже мнѣ то объявилъ. И для того я его устрою [1]), чтобъ безчестіе мое затаено было. Слушай, Родериго!

СѢНЬ [2]) 11.

РОДЕРИГО, АРЦУГЪ.

РОДЕРИГО.

Что изволите приказать, ваша пресвѣтлость?

АРЦУГЪ.

Арцугиня у менѣ ушла, а маркиза нигдѣ изобрѣсти не могу; емли свѣчу и сметри подъ кроватью, не туда ли онъ спрятался.

РОДЕРИГО.

Исполняю приказъ вашей пресвѣтлости.

АРЦУГЪ (*застрѣлитъ его*).

Такъ то всѣмъ бываетъ [3]), которые устъ своихъ преодолѣть [4]) не могутъ; и такъ я впредь подумаю, какъ въ дѣлѣ моемъ поступить, чтобъ отъ безчестія отбыти возмогъ.

СѢНЬ 12.

ЛЕНТУЛО.

Не сказалъ ли я то сначала, что конецъ сего концерта [5]) зѣло умиленъ [6]) будетъ? О ты честный измѣн-

[1]) *Отъ себя спрячу.*
[2]) *Зрилище, предѣлъ.*
[3]) *Воздается.*
[4]) *Въ заперти держать.*
[5]) *Ссоры.*
[6]) *Несчастливъ.*

никъ! когда бъ ты такъ разуменъ былъ и ротъ бы свой 24 пирогами заткнулъ, то бъ тебѣ больши за молчаніе платити не надобно было, яко токмо 4 алтына (за пироги); а нынѣ ты за твоихъ устъ пространность круглую свинцовую пуньку въ тѣло получилъ еси. Нынѣ уже тяжко любовь Алоизіи, наименьше же арцухову милость употребляти будешь. Но однакожь бѣдному сему надгробную пѣсенку спою.

ПѢСНЬ

1.

Зрѣти да нишкнути и всегда нѣмымъ ся явити благопристойно есть правдивому слугѣ; кто то разумѣетъ и тщательно творитъ, то никогда тому зла не учинилось.

2.

Видѣти и слышати, а устомъ воли не давати то есть, что добрыхъ слугъ украшаетъ; кто то разсудитъ и крѣпко о томъ думаетъ, того многажды къ чести привело.

СѢНЬ 13.

ФИДАЛЬВО, ЛЕНТУЛО.

ФИДАЛЬВО.

Что ты дѣлаешь, мой любимый Лентуло? Что за хорошенькую пѣсенку поешь?

ЛЕНТУЛО.

Я еще лучшую той хотѣлъ было пѣть, но бездѣльный мужикъ помѣшалъ. Сей есть изрядный вопросъ: для чего ты прежде не пришелъ? и такъ бы ты ту выслушалъ.

ФИДАЛЬБО.

Что очень сердитъ еси, Лентуло? Прежде того ты попускалъ слушать [1]). Мой маркизъ тебѣ многажды благо воздавалъ.

ЛЕНТУЛО.

Такъ, такъ; истинно правда. Но то было мнѣ въ то время, любимый мой друзе! Времена суть зѣло премѣнительны, а я на силу чаю, что предъ твоимъ господиномъ больше играть стану.

ФИДАЛЬБО.

Такъ то мое радѣніе не даромъ было. Хощу тебя еще больше спросить [2]), чтобъ нѣчто больше отъ тебя вывѣдать: для чего, мой Лентуло? Скажи мнѣ: какъ ты о томъ чаешь?

ЛЕНТУЛО.

Будто я дуракъ [3]) есмь. Нѣтъ! нѣтъ! Такъ то у крестьянъ выспрашиваютъ штуки сіи [4]). Какой то чудесный вопросъ: что я о томъ чаю! То, что господинъ твой безъ сумнѣнія паки скоро въ домъ свой пойдетъ, а я здѣсь останусь. И такъ больше играть предъ нимъ не могу.

ФИДАЛЬБО.

Шутишь ты, Лентуло?

ЛЕНТУЛО.

Ты только пріимай за шутку, а я истинно чаю, что вы не во вѣки здѣсь будете.

---

1) *Слухъ чинилъ.*

2) *Хощу тебя не о большомъ дѣлѣ спросить, чего ни есть.*

3) *Товаръ.*

4) *Отъ мужиковъ, художниковъ.*

ФИДАЛЬБО.

Но скажи мнѣ, для чего здѣсь такъ все помѣшано и перепутано при вашемъ дворѣ? А какъ мы сюда пріѣхали, все инако было.

ЛЕНТУЛО.

Та-то есть причина, что твой господинъ сюда пріѣхалъ для того, что здѣсь такъ превращено.

ФИДАЛЬБО.

Что маркизъ тому виноватъ? Онъ чаялъ услугою своею [1]) арцугу и арцугинѣ послужить.

ЛЕНТУЛО.

Что належитъ арцугинѣ, то я оставляю на своемъ мѣстѣ; но истинно вѣдаю, что онъ арцугу зѣло не добрую любовь показалъ [2]).

ФИДАЛЬБО.

Зѣло сумнительно [3]) ты говоришь, Лентуло. Вѣдомо то есть, что арцугъ супругу свою зѣло любитъ: то ему пріятно будетъ, что она возлюбитъ.

ЛЕНТУЛО.

Сей есть во всемъ инакій вопросъ; и такъ припуждено ей быть инако невѣстою. Но долго медлимъ съ нашимъ разговоромъ. Уста мои такъ высохли, яко вылизанная винная бочка. Пойдемъ вмѣстѣ на погребъ; тамо о иныхъ вещахъ говорити будемъ и желудокъ нашъ въ потонъ поведемъ. *(Отходятъ.)*

---

[1]) *Пріѣздомъ своимъ.*

[2]) *Волю исполнилъ.*

[4]) *Завидно.*

ДѢЙСТВІЕ 2.

СЦЕНЬ 1.

АРЦУГЪ И АЛОИЗІЯ.

АРЦУГЪ.

Что такъ печальна еси, арцугиня?

АЛОИЗІЯ.

Понеже печалусь о исходѣ моемъ [1]).

АРЦУГЪ.

Вѣдъ еще жива еси: какъ можешь о своемъ исходѣ говорити? Когда бъ вамъ исходъ исполнился, то бъ ты ужъ мертва была.

АЛОИЗІЯ.

Увы! я есмь и жива, и мертва вкупѣ.

АРЦУГЪ.

То никакъ быть не можетъ.

АЛОИЗІЯ.

О дражайшій супруже! Азъ есмь жива и мертва: жива есмь, зане вы мнѣ животомъ подарили; а мертва есмь для того, что я сама себя отъ милости вашей отлучила. А буде есть правда,—какъ говорятъ,—что истинное покаяніе лѣкарство быть имѣетъ напротивъ досажденія, и такъ зрите меня лежащую у вашихъ ногъ. Азъ своими слезами ваши ноги обмою [2]), токмо дабы полной милости отъ васъ чаять возмогла.

---

[1]) *О пропажѣ.*

[2]) *Омочу.*

АРЦУГЪ.

О противный фениксъ! [1]) *(Отходитъ.)*

АЛОИЗІЯ.

О бѣдная и несчастливая арцугиня! Можешь ли ты при сей печали еще жива быть? Смертъ уже на устнѣхъ моихъ сидитъ, и я на силу уже воздыхаю. Я есмь королевская прищенна. Небо меня преизряднимъ супругомъ даровало, иже меня вяще любитъ нежели свою власную душу; но я брака вѣрность и честь преступила [2]), съ безчестникомъ на самомъ дѣлѣ зостана. Я въ тотъ часъ бросилась къ своему королевскому государю отцу, и пала ему къ ногамъ и сказала ему свое злобное дѣло въ надеждѣ, что милость отъ него получить; но онъ то все сердито выслушалъ и присягъ, что мнѣ умереть предъ нимъ. А какъ уже послано по палачей, пришелъ мой супругъ и испросилъ животъ [3]). И такъ я отослана въ свою камору, а нынѣ не вѣдаю, жива ли я, или мертва. Того ради такожде сіе тѣло впредь чернымъ платіемъ одѣю и со слезами иду о грѣсѣхъ своихъ тужити.

Кто любовь не знаетъ,
Тотъ не знаетъ обманство:
Убо что жаромъ ся имянуетъ,
Иного не приводитъ токмо ужастное мученіе.
Называютъ любовь богомъ,
Однакожъ пуще мучитъ, нежели смерть.

СѢНЬ 2.

АРЦУГЪ, АЛОИЗІЯ.

АРЦУГЪ.

Что вы дѣлаете, арцугиня?

---

[1]) *Гамаюне!*
[2]) *Переломила.*
[3]) *Пожаловалъ животомъ.*

АЛОИЗІЯ.

Ничто да много.

АРЦУГЪ.

Какъ то можетъ быть?

АЛОИЗІЯ.

Ничто, понеже я за ничто живу; много, понеже я всегда преступленіе памятую, которое я учинила противъ вашей пресвѣтлости.

АРЦУГЪ.

То больше памятовать [1]) не надобно.

АЛОИЗІЯ.

О часто то памятовать надобно!

АРЦУГЪ.

Егда досажденный досажденіе единожды забылъ, то не требуетъ досажденный ни единожды то памятовать.

АЛОИЗІЯ.

Что больше, любимѣйшій мой, въ прощеніи есть, то больше совѣсть моя представляетъ мою неправду.

АРЦУГЪ.

Буде вамъ любо, то извольте объ иномъ чемъ говорить.

АЛОИЗІЯ.

О чемъ же любо вашей свѣтлости говорить?

АРЦУГЪ.

Станемъ говорить о любви къ моей персонѣ.

[1]) *Думать.*

АЛОИЗІЯ.

То я о безконечной любви говорити принуждена буду.

АРЦУГЪ.

О безконечной, сказываешь ты? Арцугиня моя! то быть не можетъ: убо любовь твоя одиножды конецъ имѣла,—какъ же она безконечна быть можетъ?

АЛОИЗІЯ.

Я говорю о настоящей, которая неописуемая есть.

АРЦУГЪ.

Такъ вы меня зѣло любите?

АЛОИЗІЯ.

Такъ зѣло, какъ ваша пресвѣтлость душу свою любитъ.

АРЦУГЪ.

Любишь ты меня такъ, какъ сама себя?

АЛОИЗІЯ.

О никакъ! Убо когда бъ я васъ любила, яко сама себя, то бы мнѣ васъ ненавидѣть.

АРЦУГЪ.

Такъ вы сама себе такъ зѣло ненавидите?

АЛОИЗІЯ.

Такъ всеконечно.

АРЦУГЪ.

Для чего то?

АЛОИЗІЯ.

Для того, что согрѣшила.

АРЦУГЪ.

Хощешь ли больше таковое преступленіе учинить?

АЛОИЗІЯ.

Прежде-бъ небу пропасть и земли исчезнуть!

АРЦУГЪ.

Арцугиня! уже еси прощена.

АЛОИЗІЯ.

Злочинство мое чинитъ меня сумнительною.

АРЦУГЪ.

Не надобно вамъ сумнѣватись.

АЛОИЗІЯ.

Но каковъ закладъ имѣю на то?

АРЦУГЪ.

Сію мою руку.

АЛОИЗІЯ.

О пріятный любимый закладъ!

АРЦУГЪ.

Арцугиня! то будетъ.

АЛОИЗІЯ.

А что жь?

АРЦУГЪ.

То, что я обѣщалъ по присягѣ.

АЛОИЗІЯ.

Увы мнѣ!

АРЦУГЪ.

Вздыхаете [1]) вы?

АЛОИЗІЯ.

О истинно! Но я опасаюсь . . . .

АРЦУГЪ.

А чего же?

АЛОИЗІЯ.

Увы! смерти.

АРЦУГЪ.

Смерти? Не надобно вамъ боятись смерти.

АЛОИЗІЯ.

Но каковую надежду имѣю въ томъ?

АРЦУГЪ.

Меня самого.

АЛОИЗІЯ.

А когда же?

АРЦУГЪ.

Сего жь вечера.

АЛОИЗІЯ.

Могу ли я на то надѣятись?

---

1) *Шутите.*

АРЦУГЪ.

Такъ истинно, какъ я предъ вами стою.

АЛОИЗІЯ.

О солнце! поспѣши свой бѣгъ.

АРЦУГЪ.

О Морфеюсъ! обойми скоро небо съ твоими темными печальными облаками, чтобъ я намѣреніе свое исполнити возмогъ. Арцугиня! мнѣ итти надобно.

АЛОИЗІЯ.

А куда же?

АРЦУГЪ.

Къ королю.

АЛОИЗІЯ.

Скоро ли паки у меня будете?

АРЦУГЪ.

Сколь скоро дѣло мое исполню.

АЛОИЗІЯ.

И такъ я до тѣхъ мѣстъ не роздѣнусь.

АРЦУГЪ.

Какъ изволите.

АЛОИЗІЯ.

И такъ живи благо, мой земный раю!

АРЦУГЪ.

Живи добро, мой огнь адскій! [1]) *(Отходитъ).*

АЛОИЗІЯ.

Правда ли будетъ, арцугиня, что ты твоего господина супруга сей нощи, своими руками обнявъ, къ грудямъ прижимать станешь? Такъ! Не имѣю бо причины о томъ сумнѣватись. Убо когда восхотѣлъ бы гнѣвенъ быть, то меня онъ въ первомъ жару убилъ. А къ тому какъ онъ злое преступленіе мое вспомнитъ, то я его своими слезами усмирю . . . Того ради пойду я и надежду имѣю, что его къ грудямъ своимъ обоийму.

СѢНЬ 3.

КАПИТАНЪ СЪ СОЛДАТЫ.

КАПИТАНЪ.

Слушайте, господа! Приказъ имѣемъ маркиза или жива, или мертва привесть, а зане вѣдаемъ, что дорогу свою сюда емлетъ, того ради стань всякій на своемъ мѣстѣ и держи ружье свое готово.

СОЛДАТЫ.

За нами дѣло не станетъ.

СѢНЬ 4.

МАРКИЗЪ.

Любовь, учиненное злое преступленіе, страхъ, со отчаяніемъ содруженный, провожаютъ меня со всѣхъ сторонъ, Я живу да не вѣдаю, для чего. Арцугъ изобрѣтаетъ мя, яко измѣнника;

---

[1]) *Адскій чищецъ.*

подарилъ меня животомъ и воспріимаетъ свою нечестную супругу въ милость. Азъ просилъ арцуга, чтобы мнѣ поволилъ на время въ вотчинахъ моихъ пожить, онъ росмѣхнулся и принудилъ меня еще на время пожить при дворѣ. Но смѣхъ досажденного всегда обыклъ досадителя значить. О любовь! О арцугиня! О печальное покаяніе! Къ чему азъ приведенъ?

КАПИТАНЪ.

Маркизъ! поволь поимати ся.

МАРКИЗЪ.

Я буду боронитись, покамѣсть возмогу.

КАПИТАНЪ.

И такъ вамъ умерети принуждено будетъ.

СѢНЬ 5.

АРЦУГЪ.

Маркизъ имѣетъ жить и отступите вы тотчасъ прочь изъ моихъ глазъ.

КАПИТАНЪ.

Пойдемъ! Арцугъ разгнѣванъ. *(Отходятъ.)*

МАРКИЗЪ.

О сколь великая незаслуженная милость, милостивый государь! Я смерть за преступленіе злое, которое я учинилъ противъ васъ, заслужилъ; а вы даруете уже вдругоредь [1]) животъ. Для чего не явится предо мною благородный случай, чтобъ я съ пролитіемъ крови моей вашей пресвѣтлости единые удовольствованные службы показать возмогъ! Такъ вы творите съ мо-

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: *въ другой разъ*.

имъ животомъ, какъ и съ своею самою особою, потому что и такъ [1]) готовъ къ службамъ.

АРЦУГЪ.

Полно [2]), господине маркизе! Все въ забвеніи и симъ крѣпкимъ обнятіемъ присягаю я вамъ неразвязательную дружбу; а кто ту нарушитъ, тотъ яко костельный [3]) тать наказанъ быть имѣетъ.

МАРКИЗЪ.

Довольно, милостивый государь! Душа моя вовсе опечалена; для сего высокого обѣщанія и для безчисленной радости на силу живъ.

АРЦУГЪ.

Буде вамъ любо, мой господине маркизе, то изволь на малое время со мною въ полату мою погулять и тамо мы о истинномъ таинствѣ розговоримся.

МАРКИЗЪ.

По изволенію вашей пресвѣтлости.

СѢНЬ 6.

ЛЕНТУЛО.

Буде то отъ сердца дѣлается [4]), то я батогами сѣчь поволюсь. Вѣрю я, вѣрю, что столь долго маркизу гладкіе слова говорити будутъ, дондеже арцугъ подобіе изобрящетъ ко отомщенію. Жаль мнѣ бѣдного того мужика: убо мнѣ многажды двойныхъ червонныхъ золотыхъ предъ очеса бросалъ. Но что мнѣ говорить? Нѣсть то дѣло, чтобъ мужія вяще не

---

[1]) *Самъ.*
[2]) Прежде было: *довольно.*
[3]) Въ другомъ спискѣ: *церковный.*
[4]) Прежде было: *походитъ.*

розгнѣвались (аще ли не суть безъ обыкновенной терпѣливости), какъ когда кто въ ихъ госпожи мясную комнатку вступаетъ. Повнемлите то вы, господа, и разсудите сами прежде накрѣпко, можете ли вы сію великую тягость брака такожде снести, прежде нежели вы подумаете въ чинъ косматыхъ штановъ вступить. Я съ своей стороны чаю, чтобъ таковые дураческіе шутки отставить. Но я вижу маркиза, приходящаго; зѣло бѣдной явясь. Однакожь что кому до чего [1]? Буде онъ добро сварилъ, то пусть добро и пожретъ.

СѢНЬ 7.

МАРКИЗЪ.

Понеже я давно арцуга не видалъ, того ради пришолъ, желая тому послужить.

СѢНЬ 8.

АРЦУГЪ, МАРКИЗЪ.

АРЦУГЪ.

Азъ возрадовался есмь, что васъ, господине маркизе, здѣсь вижу. Прошу того ради, чтобъ благоизволилъ гостемъ моимъ быть.

МАРКИЗЪ.

Вашей пресвѣтлости указъ есть мое уложеніе.

АРЦУГЪ.

Добро; садись, господине маркизе!

МАРКИЗЪ.

Послѣдствую вашей пресвѣтлости.

---

[1]) Въ другомъ спискѣ: *что кому до чею дойдетъ.*

АРЦУГЪ.

Не надобно вамъ, господине маркизе, удивлятись, что такъ мало кушенья готовлено; но обнадеживаю васъ, что никогда вамъ никакое кушеніе увуснѣе не было, какъ то, котораго образецъ предъ собою имѣете. Но сіе кушеніе, которое предо мною. . . . .

СѢНЬ 9.

ЛЕНТУЛО.

То преизрядное дѣйство. О бѣдный маркизъ, сколь зѣло худо въ гостѣхъ былъ еси! Буде до всѣхъ людей на дворѣ моего государя пить будутъ, то бъ онъ на остатку принужденъ былъ вино свое самъ выжрать. Но арцухъ приходитъ паки. О сколь сердитъ видится! А хотѣлъ бы, чтобъ азъ былъ въ 50 верстахъ. Поиду прочь.

СѢНЬ 10.

АРЦУГЪ.

Какъ, Лентуле? Боишься ты меня? Что тебѣ вредитъ? Останься здѣсь.

ЛЕНТУЛО.

Увы! я бѣдный глупецъ! Что мнѣ отвѣщать?

АРЦУГЪ.

Скажи мнѣ: что ты испужанъ? Кто тебя чѣмъ опечалилъ?

ЛЕНТУЛО.

Ни есть.

АРЦУГЪ.

Буде тебѣ никто ничего печальнаго не учинилъ, для чего такъ смущенъ еси?

ЛЕНТУЛО.

Увы мнѣ! что отвѣщавать? Господине! прошу васъ, ради моихъ воскресныхъ штановъ, скажите мнѣ, кто ни есть: что мнѣ говорить?

АРЦУГЪ.

Не отметай свою терпѣливость. Скажи мнѣ, что тебѣ шкодитъ.

ЛЕНТУЛО.

Увы! послѣдній пиръ.

АРЦУГЪ.

Какой пиръ?

ЛЕНТУЛО.

Когда вы столь крѣпко до гостя пили.

АРЦУГЪ.

А вѣрь, что тать скота знаетъ. О смерти маркиза скажи мнѣ: какъ ты о томъ чаешъ?

ЛЕНТУЛО.

Я токмо хотѣлъ вашей пресвѣтлости послужить.

АРЦУГЪ.

Но добро; зане ты съ простоты учинилъ, то я тебя прощаю, но такимъ подобіемъ, чтобъ ты запертыя уста держалъ, инако шеею своею заплатишь. Поди за мною.

ЛЕНТУЛО.

Нѣтъ! нѣтъ! Челомъ бью. Шея столь скоро паки не выроститъ. Лучше я всегда хощу молчати, нежели едино слово проговорить и шею потерять. *(Отходятъ).*

ДѢЙСТВО 3.

СѢНЬ 1.

ЛЕНТУЛО *(поетъ)*.

О никаковыхъ дѣвкахъ спрашивать видится мнѣ не добро. Но и которыя таможде тотчасъ отъ любви печаль творятъ, и тѣ вполѣ, аще ли и не вовсе бѣшены. Не мощно любить добро, а зѣло много нѣсть по моей воли. Понеже и нынѣ еще здѣсь изрядныя вещи чинятся, то, чаю, и господинъ мой меня вспомнитъ. И хотя онъ ее больше не любитъ, однакожъ мнѣ полдюжины подаритъ и то я, понеже мнѣ здѣсь быть, такимъ подобіемъ время свое провожду.

ПѢСНЬ

1.

Красная имѣетъ при солнечномъ сіяніи всегда мнѣ предъ очесами стоять; дружебная токмо нощію со мною спать итти; домостроительная имѣетъ мясо и рыбу чисто на столъ становить; разумная за столомъ словесами меня утѣшать.

2.

Къ младѣйшей реку я: дитя мое; а къ старой: матухна; и такъ я сихъ домовитыхъ людей въ мирѣ содержу.

СѢНЬ 2.

АРЦУГЪ, АЛОИЗІЯ.

АРЦУГЪ.

Прости мя, супруга моя, буде я тебѣ чрезъ мое милованіе какую противность учинилъ.

АЛОИЗІЯ.

Любовь ваша мѣшается, егда вы сладкое любви свидѣтельствованіе [1]) противностію называете.

АРЦУГЪ.

Чѣмъ любовь ваша время препроводила?

АЛОИЗІЯ.

Я нѣчто шила.

АРЦУГЪ.

А что то?

АЛОИЗІЯ.

Миртовое листвіе имѣютъ быти.

АРЦУГЪ.

Лучше, когда бы кипарисны были.

АЛОИЗІЯ.

А для чего кипарисные?

АРЦУГЪ.

Потому что подлинное соединеніе имѣетъ съ миртовымъ.

АЛОИЗІЯ.

Я ихъ могу и къ тѣмъ пришить.

АРЦУГЪ.

То невозможно будетъ.

АЛОИЗІЯ.

Я уже изъ невозможности возможность сдѣлаю.

---

[1]) Въ рукописи: *свидѣтельствованное*.

АРЦУГЪ.

Арцугиня! Не изволите ль, чтобъ утѣшеніе наше употребляли?

АЛОЙЗІЯ.

По вашему изволенію.

АРЦУГЪ.

Я еще здѣсь на малое время въ комнатѣ моей помедлю. (*Отходитъ.*)

АЛОИЗІЯ.

И такъ я съ женскимъ своимъ поломъ прощусь!

СѢНЬ 3.

ЛЕНТУЛО, ѲИДАЛЬВО.

ЛЕНТУЛО.

Нѣтъ! нѣтъ! не спрашивай меня о дѣлахъ, которыхъ я не знаю; а когда бъ и вѣдалъ, однакожъ сказать не хощу.

ѲИДАЛЬВО.

Чудесно ты говоришь. Когда ты вѣдаешь, то ты чинишь противно праву дружбы, что ты мнѣ не объявишь, потому что и опричь того замолчано не будетъ.

ЛЕНТУЛО.

Какъ весь міръ повѣдати будетъ, то я тебѣ волю даю, чтобы ты отъ всѣхъ выслушалъ. А что тѣмъ право дружбы надъ тобою нарушилъ, то ты никогда мнѣ не доведешь: убо я тебя во вся дни живота моего никогда не обезчестилъ, то бъ и ты до меня также пилъ, какъ и тотъ добрый арцугъ маркизу учинилъ.

ѲИДАЛЬБО.

О! такъ-то ты объявляешь, мой любимый Лентуле! Помози мнѣ изъ сна моего, прошу тебя для воли Неба.

ЛЕНТУЛО.

Безстыдно ты солгалъ еси. Какъ ты дурачески поступаешь! Или быть хощешь дуракомъ? Уже вечеръ, а ты сказываешь, чтобъ тя изъ сна пособить. Ты уже нынѣ дважды со мною въ винномъ погребѣ былъ. И такъ дуракъ еси ты: чаешь, будто спишь. Слушай, мой любимый Ѳидальбо! Но я вижу, что арцугъ и арцугиня придутъ. Уйди во время, инако арцугъ, смотри, по господинѣ твоемъ батогами тебя сѣчь велитъ, буде не кнутомъ. *(Отходитъ).*

СѢНЬ 4.

АРЦУГЪ.

АРЦУГЪ.

Моя нечистая, скверная супруга, которая скоро здѣсь будетъ, въ намѣреніи есть нынѣшней нощи брака любовь и утѣшеніе съ мужемъ своимъ паки употреблять; но въ томъ себя зѣло обманетъ, потому что ясный сталь ей житія нити прерѣжетъ.

СѢНЬ 5.

АЛОИЗІЯ, АРЦУГЪ.

АЛОИЗІЯ.

Здѣсь я, любимѣйшій супруже, по вашему изволенію.

АРЦУГЪ.

Давно я васъ ждалъ.

АЛОИЗІЯ.

Что ты весь мнѣ премѣненъ видишися?

АРЦУГЪ.

Имѣю собинную печаль.

АЛОИЗІЯ.

Могу ли я ту отъ васъ отнять?

АРЦУГЪ.

Вы единая меня отъ той свободить можете.

(Конца недостаетъ въ рукописи).

IX.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ КОМЕДІИ

О

ДОНЪ-ЯНѢ И ДОНЪ-ПЕДРѢ.

ДѢЙСТВО 5.

СѢНЬ 1.

ДОНЪ-ЯНЪ, ѲИЛИПИНЪ.

ДОНЪ-ЯНЪ [1]).

Готово ль кушанье?

ѲИЛИПИНЪ.

Все ужь на столѣ стоитъ.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Мужикъ принесъ ли ренское изъ города?

ѲИЛИПИНЪ.

Принесъ.

---

[1]) Въ рукописи постоянно: *Доньянъ*.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Чаешь ли, Ѳилипине, духу тому быти?

ѲИЛИПИНЪ.

Не сумняюся, онъ бо обѣщалъ.

ДОНЪ-ЯНЪ.

И я ево дождуся. А тебѣ, Ѳилипине, за столомъ служить.

ѲИЛИПИНЪ.

Я радъ то чинить....

ДОНЪ-ЯНЪ.

Что хощешь?

ѲИЛИПИНЪ.

Радъ бы я...

ДОНЪ-ЯНЪ.

Чего хощешь?

ѲИЛИПИНЪ.

Хочетца мнѣ, чтобъ я жирной кусокъ съѣлъ, покамѣсть духъ не бывалъ.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Ты не стыдливой звѣрь! Какъ тебѣ прежде гостя ѣсть, а гость еще не бывалъ?

ѲИЛИПИНЪ.

Для чего не ѣсть? Когда бо пріѣдетъ гость твой, то минетъ наша ѣда, и лутче я прежде смертію умру, неже послѣ гостя твоего что ѣсть.

ДОНЪ-ЯНЪ

Или у тебя такая великая охота къ ѣжѣ? ...

ѲИЛИПИНЪ.

Такая охота, что я бъ тебя съ кожею и съ волосами съѣлъ.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Поди жь ѣсть и оставь гостю часть, чѣмъ ево накормить.

ѲИЛИПИНЪ.

Довольно и искусно учиню, что я ничего не оставлю.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Я посмотрю, какъ станешь ѣсть. Сказывай мнѣ, Ѳилипинъ: каковъ господинъ твой нынѣ до тебя?

ѲИЛИПИНЪ.

Лутче ево на свѣтѣ нѣтъ.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Естли бы я въ страху былъ, что-бъ ты сдѣлалъ?

ѲИЛИПИНЪ.

И самъ того не вѣдаю, что-бъ сдѣлать.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Что бъ ты сотворилъ?

ѲИЛИПИНЪ.

Я бы за тебя умеръ, только бы живъ остался.

(Духъ Доно-Педра стучитца).

ДОНЪ-ЯНЪ.

Ѳилипинъ! нѣкто стучится.

ѲИЛИПИНЪ.

Я никого не слышу.

(Въ другой разъ стучитца).

ДОНЪ-ЯНЪ.

Возми свѣчу и отвори двери.

ѲИЛИПИНЪ.

Господине! поди самъ, я отъ страха ходить не умѣю.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Ты прямая боязливая кошка, я самъ пойду и двери отворю.

СѢНЬ 2.

ДУХЪ ДОНО-ПЕДРА.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Здравствуй и пріятно пришествіе твое, Доно-Педро!

ДОНО-ПЕДРО.

Видиши, Донъ-Янъ, что я по обѣщанію къ тебѣ въ гости пришелъ: не опасайся меня, я тебѣ никакова зла не учиню.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Не боялся я тебя въ животѣ твоемъ, наипаче тебя мертваго бояться не стану. Ѳилипине! дай стулья.

ѲИЛИПИНЪ.

Тотчасъ, господине!

ДОНЪ-ЯНЪ.

Садися, Донъ-Педро, и кушай то, что я вскорѣ могъ добыть.

ДОНО-ПЕДРО.

Не требую земнаго подчиванья, но токмо сюда пришелъ посмотрѣть, хощешь ли ты отъ своихъ хульныхъ и порочныхъ дѣлъ отстать? Не довольно ли, небесную милость принявъ, узнать, или ты достоинъ еси въ пучину адову вверженъ бытии? Сего ради берегися—давно уже время.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Естли хощешь наказывать, то пойди къ твоему гробу: мы здѣсь сошлися веселитися. Слушай, Ѳилипине, дай рюмку ренского!

ѲИЛИПИНЪ.

Господине! готова есть.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Добре наполнена есть.

ѲИЛИПИНЪ.

Мнѣ не черезъ мѣру наполнена. *(Выпьетъ и паки нальетъ).*

ДОНЪ-ЯНЪ.

То мало есть.

ѲИЛИПИНЪ.

И мнѣ мало. *(Паки выпьетъ изнова налилъ).*

ДОНЪ-ЯНЪ.

Теперь въ пору.

ѲИЛИПИНЪ.

И мнѣ въ пору.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Донъ-Педро! до тебя пью: про здоровье дочери твоей, которую я отвѣдалъ!

ДОНЪ-ПЕДРО.

Увы!

ѲИЛИПИНЪ.

О господине! какимъ страшнымъ лицемъ онъ на тебя глядитъ!

ДОНЪ-ЯНЪ.

Будетъ много ничего, токмо вздыхать, умѣешь, и ты пропади отсель!

ѲИЛИПИНЪ.

Правду говоришь, господине! Пусть къ хрѣну пойдетъ: тѣ малыя крохи и безъ него съѣдимъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Несчастливѣйшій всѣхъ рабовъ, понеже ты слѣпъ по стопамъ господина твоего идеши. . . . .

ѲИЛИПИНЪ.

Любимая скотина! часто я господину своему говорилъ, но не хощетъ меня слушать.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Буди веселъ, Донъ-Педро, яко азъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Понеже ты смѣлъ былъ меня въ гости звать, то и я тебя зову у моей могилы. Надѣюся, что придешь?

ДОНЪЯНЪ.

Не отлучуся, но въ которое время?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Въ сію полночь, на моемъ гробу.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Добро, конечно буду. Өилипинъ! собери все. Уготовлюся къ Донъ-Педру въ гости итти.

СѢНЬ 3.

КРЕСТЬЯНИНЪ, ӨИЛИПИНЪ, КРЕСТЬЯНКА И НЕВѢСТА.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Өилипинъ! не вскорѣ ль господинъ твой спать пойдетъ? Не вѣдаешь, что и мы на свадьбу дочери нашей званы?

ӨИЛИПИНЪ.

Добрѣ вѣдаю. Поѣдимъ прежде немного, потанцуемъ, и потомъ спать пойдемъ.

(Мужики сѣли ѣсть и бражничать, и танцуютъ).

СѢНЬ 4.

Донъ-Янъ, пришедъ къ нимъ, восхити невѣсту и побѣжалъ, отецъ и мать за нимъ гонютъ.

ӨИЛИПИНЪ.

Мой господинъ знатно вовсе збѣсился: не щадитъ бо онъ и крестьянскую дочь! Лучше мнѣ спать идти.

СѢНЬ 5.

ДОНЪ-ЯНЪ И ѲИЛИПИНЪ.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Ѳилипине! не чаялъ я, что деревенскія дѣвки тако пріятны и прохладны! Но время приходитъ духу того посѣтить.

ѲИЛИПИНЪ.

Прости, мой господине: не имѣю туда охоты.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Добро, добро, я тебѣ охоту сдѣлаю. Еще у тебя спрашиваю: идешь ли со мною?

ѲИЛИПИНЪ.

Господине! лутче желаю отъ тебя отпускъ.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Дамъ тебѣ отпускъ. *(Вынимаетъ шпагу).*

ѲИЛИПИНЪ.

Постой, постой! Радъ съ тобою итить. Увы, мнѣ бѣдному! До чего я пришелъ!

ДОНЪ-ЯНЪ.

Пойди и стучися.

(Задняя завѣса открывается и гробъ Донъ-Педра является).

СѢНЬ 6.

ДОНЪ-ПЕДРО, ДОНЪ-ЯНЪ И ѲИЛИПИНЪ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Не стукайся, я уже здѣсь готовъ тебя принять. Садися.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Сяду, но чѣмъ будешь меня подчивать?

ДОНЪ-ПЕДРО.

Доставай, что я изготовилъ такова пріятного гостя подчивать?

ДОНЪ-ЯНЪ.

Что за ѣства можетъ быть? Что вы мертвыхъ духовъ подчиваете, а намъ человѣкомъ негодны.

ДОНЪ-ПЕДРО.

И для того они не изготовлены, дабы желудокъ наполнить, но токмо будто зеркало тебѣ показать адскихъ вѣчныхъ мукъ. Сего ради покайся ты, окаянный человѣче: небо устало на злодѣйство твое дале смотрѣть.

ДОНЪ-ЯНЪ.

Отставь такія рѣчи. Не спрашиваю я ни неба, ни ада, ни діавола, ни матери его! Я пойду паки своимъ путемъ.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Добро. Когда тебѣ никакое ученіе не угодно, и ты прими мзду, которая тебѣ изготовлена.

(*Оба низходятъ*).

ѲИЛИПИНЪ.

То было изрядное путешествіе! Знатно невидимо пойдутъ на доброе мѣсто. Добро мнѣ, что я тако освободился. Лутче мнѣ женитца и со всѣми людьми въ дружбѣ пожить. Кто ударитъ меня по щекѣ, то я ему подставлю и другую, а будетъ онъ меня ударитъ по другой, я подамъ и третюю. Буде кто къ женѣ моей приближится, то я ихъ заключу въ комнату и не

выпущу, пока онъ мнѣ двѣ гривны за мое терпѣніе заплатитъ. А буде кто поидетъ по правую руку, то потерплю: написано бо въ моей богословле-рукѣ: дураки тебѣ по правую сторону поидутъ. Конечно тако учиню, и со всѣми миръ держати буду.

X.

ДРАГЫЯ СМѢЯНЫЯ.

КОМЕДІЯ ФРАНЪЦУЗНАЯ,

ПРЕЗЕНЪТОВАНАЯ ПРЕДЪ КОРОЛЕМЪ САМОЕДЪСКЫМЪ.

Театрумъ долженъствуетъ быты жывонапысанъ и украшенъ цвѣтамы багряновыдныму, коронамы, лукамы и всѣмъ строеныемъ трыумъфальнымъ града Парыжы, окружающе грады и весы. Музыка долженъствуетъ быты добрая, сладкослушательна, сладковыдна, же плясаныемъ двоихъ девыцъ, прышедъшихъ зъ инъиныхъ странъ, подобающеся всѣмъ народомъ окрестъ стоящымъ.

ДѢЙСТВЫЯ:

Ляграняжъ, Дукросый — любящыи отчаявающыеся.
Горжыбусъ добрый гражданынъ.
Магдалына дщерь Горжыбусова, Катосъ внука Горжыбусова — Драгыя смѣяныя.
Раба драгыхъ смѣяный.
Рабъ драгыхъ смѣяный.
Маръкысъ Маскарылъ—отрокъ Гранжъ.
Выкомъте Жоделетъ—отрокъ Дукросыевъ.
Два носящые катеѳдръ.
Блыжные.
Музыканъты.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ЛАГРАНЖЪ, ДУКРОСЫЙ.

ДУКРОСЫЙ.

Господине Лягранжъ!

ЛАГРАНЖЪ.

Что?

ДУКРОСЫЙ.

Посмотры на мене трохы безъ смѣху.

ЛАГРАНЖЪ.

Изрядно такъ.

ДУКРОСЫЙ.

Что глаголеши о нашемъ посѣщеныи? Удовольствѣнъ ли есы довольно?

ЛАГРАНЖЪ.

Непротывъ мы долженствуемъ зѣло гнѣватыся.

ДУКРОСЫЙ.

Не всегда, подлугъ моему обычаю.

ЛАГРАНЖЪ.

Исповѣдаю азъ, что зѣло обезчестенъ есмь: никогда градъ Парыжъ выдѣлъ сыцевые дщеры, приходящые зъ окрестныхъ странъ, и потчоваютъ двоихъ дворянъ въ безчестыи. Едва [1]) возмогоша управляты рабомъ катедры. Ныкогда выдѣлъ такъ

[1]) Въ рукоп: *егда.*

велыкые розмовы во ушахъ своихъ, сыце смѣющыеся и сыце зѣвающе, такъ часто очы протырающе, вопрошающе многажды, кой есть часъ, нычего нашимъ отвѣщающе размовленыамъ развѣ: *такъ* илы *нѣ*, хвалы гысторыи и галянтерыи обезчещающе. Напослѣдокъ, аще бы быхомъ мужыкамы, не возмоглы бысмо содѣлаты горѣе.

ДУКРОСЫЙ.

Мнѣ мнится, что ты зѣло гнѣваешься.

ЛАГРАНЖЪ.

Безъ сомнѣнія, зѣло, и такимъ подобіемъ, что азъ хощу сыце безумые искореныты. Азъ познаю, за какую вещь насъ гнушаются. Воздухъ дражайшый не токмо заразывъ Парыжъ, но такожде пріобщився и иныхъ странъ, и сыя безумныхъ имѣетъ главу зѣло зараженную; единымъ словомъ есть прыправа галянтерыи и драгосты. Выжду, что надобню быты, дабы были добре одборніе люде. И аще ты мнѣ вѣрѣшъ, будемъ зъ ныхъ насмѣватыся, акы зъ дураковъ, дабы лутше навчылися познавати людей свѣцкыхъ.

ДУКРОСЫЙ.

Какъ же еще?

ЛАГРАНЖЪ.

Азъ имѣю едынаго раба, который нарѣцается Маскарылъ, разумъ его имѣетъ много похвалителей. Прежде разумъ былъ рѣдко, уже нынѣ есть въ средней цѣнѣ. Есть единъ зъ тѣхъ дураковъ, который себѣ преобразовалъ быты благородныкъ. Прежняго шляхетства галянтерыя, мыротвореныя, комедыя подобалися были ему: запомнылъ другыхъ рабовъ и поважаетъ ихъ акы псовъ.

ДУКРОСЫЙ.

Добре, но что хощешь содѣлати?

ЛАГРАНЖЪ.

Что хощу содѣлати? Надобно... но требѣ изыйти прежде.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ГОРЖЫБУСЪ, ДУКРОСЫЙ И ЛАГРАНЖЪ.

ГОРЖЫБУСЪ.

Выдѣлысте, мои господые, мою дщерь и мою внучку? Нужды ваша пребудуть ли добре? Какый конецъ будетъ сего посѣщеныя?

ЛАГРАНЖЪ.

Есть едына матерія, которую ты можешь лучше отъ нихъ вѣдати, нежели отъ насъ. Что возможемъ тебѣ глаголати, есть то такъ, что мы тебѣ благодарствуемъ за привѣтъ твой и есмы рабы твои.

ГОРЖЫБУСЪ.

Что такое есть? Мнѣ мнится, что произойдутъ худыя недовольствія. Надобно вѣдати, что такое есть. Голя, гей!

ЯВЛЕНІЕ 3.

МАРОТЪ, ГОРЖЫБУСЪ.

МАРОТЪ.

Что вопрошаешь, господине?

ГОРЖЫБУСЪ.

Гдѣ суть твои госпожи?

МАРОТЪ.

У вызбѣ.

ГОРЖЫБУСЪ.

Что дѣлаютъ?

МАРОТЪ.

Помаду для губъ.

ГОРЖЫБУСЪ.

Помада, помаду, всегда помаду. Позови ихъ, дабы пришли. Оные дяволицы зъ такъ великими помадами хотятъ мене ко убожеству привести. Ничто не вижду, развѣ яйца, молоко свѣжее, росолъ зъ огурцами, земляницы, сало и телячій жиръ. Двадесятъ окороковъ ни во что вмѣниша, и чотыры слугы жили бы всегда повседневно ногами баранячими, которыя употребляютъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

МАГДАЛЫНА, КАТОСЪ, ГОРЖЫБУСЪ.

ГОРЖЫБУСЪ.

Есть нужно дати такъ великія деньги за ваши лица изрядныя! Скажите мнѣ нѣчто мало, что содѣлалисте симъ господамъ, которыхъ азъ вамъ показовахъ и которыхъ вижду выходящихъ зъ моего двора зъ такъ великимъ встыдомъ? Не повелѣвалъ ли вамъ ихъ пріяти, аки людей разсудныхъ и которыхъ вамъ хотѣлъ дати въ мужей?

МАГДАЛЫНА.

И какую цѣну, мой отче, можемъ имѣти для нихъ? Что возможемъ сдѣлати съ тыми глупыми людьми, которые имѣютъ манеры сыце деревеньскыя?

КАТОСЪ.

Что такое то, мой дѣдушка, како едина дщерь трохи благоразумнѣйшая могла бы прилѣпитися къ тымъ лицамъ?

ГОРЖЫБУСЪ.

Что обрѣтаете ко противоглаголанію?

МАГДАЛЫНА.

Какая изрядная галянтерыя ихъ! Что? За разъ глаголютъ о брацѣ, того ради, что есмы богаты.

ГОРЖЫБУСЪ.

Какого разговору хощете, да имутъ куино зъ вами? Требуете ли да глаголютъ о похоти? Не есть ли вещь сице изрядная, которую долженствуете восхваляти, якоже и азъ? Тое заслуговуетъ спріянія многая. И той союзъ святый, до котораго оные желаютъ, не есть ли свидѣтельство чистонамѣреній своихъ.

МАГДАЛЫНА.

О отче мой! Что глаголеши, есть зѣло по просту. Встыждуся, тя слышаще сице глаголющаго, и ты долженствовалъ бы лучше умѣти изрядное художество любленія.

ГОРЖЫБУСЪ.

Не дбаю я о тыхъ ученіяхъ, а нѣ о твоихъ плясаніяхъ, токмо азъ тебѣ глаголю о брацѣ, вещи святой, и сіи господа добре содѣлали у васъ вомѣстилище себѣ.

МАГДАЛЫНА.

О мой Боже! Аще бы вси людіе тебѣ были бы подобны, что такое было бы о любви, которыи были бы скоро скончены? Было бы изрядно видѣти, что императоръ перскій поимаетъ въ жену

себѣ Мандану и Фарамунду, король французскій, что пойдетъ скоро на ложе Розмунди!

ГОРЖЫБУСЪ.

Какое безуміе есть тое!

МАГДАЛЫНА.

О отче мой! се моя другыня, которая тебѣ возглаголетъ, якоже и я, что бракъ никогда же долженствуетъ быти по мученіяхъ и трудахъ. Надобно, дабы былъ единъ подобающій женихъ, знающій художество воздыханія, выдающеся младъ, сладкоглаголивъ и терпѣливъ; надобно, дабы была его перквызыя во образѣ. Первѣе требѣ, дабы видѣлъ въ храмѣ, или на какомъ прохожденіи, или на какой церемоніи побличной тое лице, за которое загоряется пламенемъ любве; или дабы былъ введеный насильно отъ отца или друга своего, и выходити зъ своего двора зъ великою тугою и мелянхолѣею. Надобно, дабы воздержовался временемъ отъ своего страданія любве, такожде да посѣщаетъ многажды свою возлюбленную на всякомъ мѣстѣ и въ ея дворѣ, гдѣ долженствуетъ быти изрядная нѣкая квестія по веселію сердечному. Рожденые изясненыя пришло бы, которое долженствуетъ ставатися въ неякомъ саду или на инномъ прохожденіи, дружествомъ связанно. По семъ изъясненіи грядетъ воскорѣ съ гнѣвомъ, который видится на нашемъ лици чрезъ неякій колоръ красный и который временемъ разлучаетъ насъ.

ГОРЖЫБУСЪ.

Какое терпѣніе уже!

МАГДАЛЫНА.

Уже обрѣло мгновеніе насъ престающихъ отъ гнѣва и насъ отъ своего сочиненія до разговору своего терпѣливаго привращаетъ, и тягнетъ отъ насъ тое вразумленіе, которое намъ да-

ютъ сице великіе утѣсненія. Напослѣдокъ приходятъ несчастія, и инные любящіе видятся наклоненіемъ постояннымъ быти, наслѣдія отческія, ненависти обманныя и злопостоянныя, воздыханія, отчаяныя и избранъна лица воина (?). Между любящими есть тако, какимъ подобіемъ себе возвышаютъ вещи, дабы были изрядныя; и сицевыя суть правила, о которыхъ никто можетъ себе возвысити. Во мгновеніи ока приходятъ къ союзу спряженному, не дѣлающе любве, развѣ предъ списателемъ, который пишетъ тестаментъ брака предъ священникомъ. Надобно взяти исторію за остатный конецъ. Напослѣдокъ, отче мой, между посадскими мужиками и нищими тое есть добре, но между нами, дворянами богатыми и духовными, сердце мнѣ болитъ отъ сего видѣнія.

ГОРЖЫБУСЪ.

Какій дьявольскій выговорный зѣло есть и возвышенный есть сей стиль!

КАТОСЪ.

Истинно, мой дѣдушка, моя другиня глаголетъ. Какимъ подобіемъ къ симъ людемъ прилѣпитися, которые суть ненавистны въ галантеріи и въ красотѣ? Проиграю я съ тобою, что схощешь: никогда же читаша хартію младаго сердца, не всѣмъ; что то такое есть грамотка возлюбленная, грамотка сладкая, миротвореніе изрядное, малыя вины, остатняя вся, которыя подобаются зѣло въ любви, суть земли несвѣдомыя для нихъ. Не видѣши ли, цѣлое ихъ лицо знаменуетъ тое, и суть пріуготовлены къ тому благородному стану, который даетъ воскорѣ доброе мнѣніе народомъ? Что приходятъ къ посѣщенію возлюбленному зъ единою голечію простою и безъ дыяментовъ, зъ единою шляпою неукрашенною мѣдію, глава не устроена власами; едина одежда, которая страждетъ безъ употребленія леятъ, швы или галонки: о мой Боже! какіе суть облюбенцы оные? Какая нужда, какая жажда разговору! Никто же можетъ стерпѣти тое.

Повторе я ихъ назнаменовала, что ихъ галштухи не очень долги, а не добре содѣланные, и штаны не очень широкія.

ГОРЖЫБУСЪ.

Никогда же видѣхъ такихъ безумныхъ и ничто могу поняти въ глаголахъ. Катосъ и ты, Магдалына!....

МАГДАЛЫНА.

О отче мой! отрини отъ насъ сія имена злыя и иныя дай намъ.

ГОРЖУБУСЪ.

Какъ! сіе имена суть злые? Не суть ли крещеныи вашихъ?

МАГДАЛЫНА.

О мой Боже! чесо ради отецъ мой такъ простый и общій! Удивляюся я, что возможетъ родити едину дщерь сице доброзрачную, нежели я. Кто когда глаголалъ изряднымъ стылемъ о Катосѣ и Магдалынѣ? Не надобно ли исповѣдати сія имена для наганы изряднаго свѣта исторіи.

КАТОСЪ.

Тое есть воистинну, мой дѣдушка: уши, трохы делѣкатные, удивительно вразумляюще провозглашаютъ тые глаголы, и имя Полыксена, которому моя другиня прилѣпилася, и той Амынтъ, который я мнѣ дала, имѣетъ лучшую ласку, до которой прилѣпитися требѣ.

ГОРЖЫБУСЪ.

Единымъ словомъ азъ глаголю вамъ: не хощу, дабы вы имѣли иныя имена, развѣ сія, которыя даны суть вамъ при крещеніи святомъ; и для тыхъ господъ, о которыхъ есть рѣчь, азъ вѣмъ ихъ фамѣлѣи и доброе, и неотмѣнно хошу, дабы доброе изобрѣтеніе содѣлалисте имъ, и никогдаже иныхъ мужей будете

имѣти развѣ ихъ. Утрудился есмь, васъ имѣюще на раменахъ своихъ; стражъ двоихъ дѣвицъ есть тяжаръ нестерпимый во старости моей.

КАТОСЪ.

Ради мене, мой дѣдушка, что такое возмогу глаголати, есть, что я изобрѣтаю бракъ есть же вещь трудная и ужасная. Како возмогу поняти и пребывати чрезъ ночь на ложѣ зъ единымъ человѣкомъ обноженнымъ?

МАГДАЛЫНА.

Препусти намъ, да возможемъ отдохнути трохы во изрядномъ свѣтѣ Парыжы, гдѣ уже прійдохомъ. Остави намъ трудъ слаганій нашихъ и исторій и не такъ скоро заключи рушеніе прохожденій нашихъ.

ГОРЖЫБУСЪ.

Не мнительно есть, что оныя прійшли до найвысшаго степени безумія. Ни въ единомъ словѣ ничто внимаю въ сихъ фрашкахъ, хощу быти мынѣстеръ увольненный, дабы скончилися глаголы: или вы прилѣпитеся къ симъ бoляромъ, или вы будете монахинѣ. Воздыхаю азъ о томъ явственно.

ЯВЛЕНІЕ 5.

КАТОСЪ, МАГДАЛЫНА.

КАТОСЪ.

О мой Боже! Моя дражайшая! твой отецъ имѣетъ въ главѣ разумъ отягченный. Какое вниманіе сице деревенскихъ мужиковъ! И очервленна есть его душа.

МАГДАЛЫНА.

Что возмогу дѣлати, моя другиня? Я есмь въ безчестіи великомъ ради его. Не вѣру, что есмь правая дщерь, и чаю, что

ёдинъ день пріидетъ, который мене научитъ быти въ свѣтлѣйшей фамѣлѣи.

КАТОСЪ.

Вѣрую такожде и я, что тако всѣ вещи глаголю про тебе на свѣтѣ; и про мене когда я сама себя разсуждаю...

ДѢЙСТВІЕ 2

ДРАЖАЙШАГО ПОТѢШЕНІЯ.

КОМЕДІЯ,

СОДѢЛАННА ВЪ НОВѢГРАДѢ ПРЕДЪ КОРОЛЕМЪ САМОѢДСКИМЪ.

Театрумъ есть украшенное рѣками, островами, градами и цвѣтами удовольственно. Нептунъ со всѣмъ своимъ дворомъ и со нѣмфами, т. е. дщерями морскими, и со прочими своими богинѣ скачуще и веселящеся купно съ богомъ вторымъ морскимъ Тритономъ и поюще миротворенія со музыканты.

Солнце не можетъ свѣтлость намъ зъявити,
Ниже жилища наши просвѣтити,
Ради водъ глыбокихъ къ намъ не приходитъ,
А нѣ лучъ своихъ намъ не приноситъ;
Но любовь крѣпость сицеву имѣетъ,
Что прямо къ сердцу входити смѣетъ.

Добрый хоръ мусикійскій повторяетъ оное пѣніе сладкослушательно всѣмъ предстоящимъ со танцами.

ЯВЛЕНІЕ 1.

МАРОТЪ, КАТОСЪ, МАГДАЛЫНА.

МАРОТЪ.

Се рабъ вопрошаетъ васъ, аще вы есте во дворѣ своемъ, и глаголетъ, что его господинъ хощетъ васъ посѣщати.

МАГДАЛЫНА.

Навчысь глупая, како отвѣщати сему. Надобно глаголати, что есть единъ потребенъ, который вопрошаетъ, да возможетъ увидѣти насъ.

МАРОТЪ.

Поистинѣ я не разумѣю ниже латинскаго языка, ниже греческаго, и никогда же не училася философійскому ученію по книгахъ царя великаго перскаго Цыруса.

МАГДАЛЫНА.

Дура безумная! како возмогу терпѣти сія, и кто есть такій— господинъ того раба?

МАРОТЪ.

Исповѣдалъ мнѣ, что Маскарилъ.

МАГДАЛЫНА.

Ахъ, моя возлюбленная! единъ Маскарилъ. Тако гряди и исповѣждь ему, что можно насъ посѣтити. Безъ усумнѣнія есть нѣкакая глава мудрая, иже возможетъ глаголати со нами.

КАТОСЪ.

Неотмѣнно, моя дражайшая!

МАГДАЛЫНА.

Надобно пріяти его во иную палату, ибо наша есть не украшенна. Требѣ мало украсити наша власы и воспріяти наши репутаціи. Воскорѣ иди вопрошати совѣтника благодѣяній.

МАРОТЪ.

По истинѣ я не вѣмъ, какій то есть скотъ несмысленный. Надобно глаголати по хрыстіянскый, дабы я тое возмогла вразумѣти отъ васъ.

КАТОСЪ.

Тое знаменуетъ, безумная: принеси намъ зерцало и убойся, дабы не смотрѣлася въ его своимъ лицемъ худымъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

МАСКАРИЛЪ, ДВА НОСЯЩІЕ КОЛЯСКУ.

МАСКАРИЛЪ

Голя гей! Носильщики! сюда, сюда, сюда, сюда, сюда, сюда! Безъ разсужденія! Тые дураки хотятъ мнѣ покрушити кости, всегда мене толкутъ о стѣны и о полъ.

ПЕРВЫЙ НОСИЛЬЩИКЪ.

Воистину суть двери тѣсныя. Ты же хотѣлъ внити даже въ полату.

МАСКАРИЛЪ.

Тако есть. Хощете ли разрушити шляпу мою, украшенную перьемъ, на дождѣ великомъ и попсовати сапоги мои въ грязѣ? Идете, понесѣте же вашу коляску зъ собою.

ВТОРЫЙ НОСИЛЬЩИКЪ.

Азъ глаголю тебѣ, господине, чтобы ты намъ далъ деньги, аще ти подобается.

МАСКАРИЛЪ (*вдаривши его по ланитѣ*).

Како, безумне, смѣешь просити сице невѣжливо в нашего благородія?

ВТОРОЙ НОСИЛЬЩИКЪ.

Хороше ли тако, что ты сице нагорожаешь работникомъ за труды? Дастъ ли намъ твое высокоуміе ясти и пити?

МАСКАРИЛЪ.

Га, га! я научу тебе вѣжества. Что тые злые и непостоянные смѣютъ на мя смотрѣти?

ПЕРВЫЙ НОСИЛЬЩИКЪ *(взявши едину дубину отъ своея коляски).*

Скоро, скоро надобно намъ заплатить.

МАСКАРИЛЪ.

Что то такое есть?

ПЕРВЫЙ НОСИЛЬЩИКЪ.

Азъ ти глаголю: надобно воскорѣ отдати намъ деньги.

МАСКАРИЛЪ.

Изрядно, тако есть.

ПЕРВЫЙ НОСИЛЬЩИКЪ.

Поскоряе жь.

МАСКАРИЛЪ.

Такъ, такъ; ты глаголешь изрядно, но другіи суть безумны: что глаголетъ, и самъ не разумѣетъ. Воспріимы; удовольственъ ли еси?

ПЕРВЫЙ НОСИЛЬЩИКЪ.

Ны; ты ударилъ товарища моего по ланитѣ, я не есмь доволенъ отъ сего и....

МАСКАРИЛЪ.

Помалу, помалу; виждь: се за ланиту. Азъ даю ти вся, когда просите в мене зъ смиреніемъ. Отъидите и пріидите по мя ввечеръ, дабы поспѣшилъ во время, когда идетъ король на свое ложе.

ЯВЛЕНІЕ 3.

МАРОТЪ, МАСКАРИЛЪ.

МАРОТЪ.

Господине мой! госпожи мои пріидутъ воскорѣ.

МАСКАРИЛЪ.

Не надобно скоро поспѣшитися, азъ есмь доволенъ во всемъ.

МАРОТЪ.

Се оные.

ЯВЛЕНІЕ 4.

МАГДАЛЫНА, КАТОСЪ, МАСКАРИЛЪ, АЛЬМАНЗОРЪ.

МАСКАРИЛЪ (*привѣтствуетъ ихъ*).

Пресвѣтлѣйшеи госпожи! вы будете уничиженны, безъ всякаго усумнѣнія, отъ смѣлости моего привѣтствованія; но ваша репутація вамъ произвѣщаетъ худое упражненіе; заслуженное есть еще можнѣйшое мене, о что азъ стараюся во всѣхъ дворахъ потомъ.

МАГДАЛЫНА.

Аще ты ни во что вмѣняешь наше заслуженное, возможешь быти въ нашихъ краинахъ, иже ты долженствуешь воспріяти.

КАТОСЪ.

Для видѣнія мзды неотмѣнно пришелъ еси сѣмо.

МАСКАРИЛЪ.

Ба, неложно противо вашихъ словъ нѣчто напишу. Честь въ правдѣ глаголетъ, исповѣдающе, что вы здравствуете, и вы содѣлаете пѣкъ, репѣкъ и капотъ и разоряете всякія удивленія въ Парыжы.

МАГДАЛЫНА.

Твоя милость далеко грядетъ, и милость твоея любви насъ побуждаетъ къ печали: и тако моя унучка и я сама не дадимъ довольно ради несладости милости твоей.

КАТОСЪ.

Моя милая! надо приготовить стулы.

МАГДАЛЫНА.

Ей, Альманзоръ! [1])

АЛЬМАНЗОРЪ

Госпоже!

МАГДАЛЫНА.

Скоро принесите забавъ ради разговоровъ.

МАСКАРИЛЪ.

Но, возлюбленная моя, есть ли здѣ надежда ради мене?

КАТОСЪ.

Чего боишися?

МАСКАРИЛЪ.

Нѣкакое угрызеніе сердца моего и нѣкихъ разбойниковъ волѣ моей. Зде азъ вижду очи аки въ меньшомъ стану дѣтей человѣческихъ, что-есь приступаетъ злаго и потчуетъ единую

---

[1]) Въ рукописи: *имазонка.*

душу отъ Турковъ и Араповъ. Како, враже! Тотчасъ когда приближаться, стоятъ на караулѣ, да могутъ кого погубити. Га! азъ себѣ не вѣру и азъ отъиду пѣшкомъ ко своему жилищу, или вы мнѣ даете поруку, дабы ничето злаго мнѣ не содѣлали.

МАГДАЛЫНА.

Моя любая! есть писаніе готово.

КАТОСЪ.

О, азъ тя мню быти Амилькара [1]).

МАГДАЛЫНА.

Ничего не бойся: наши очи никакія злыя мысли не имѣютъ, и твое сердце можетъ смѣло стати у оныхъ добре.

КАТОСЪ.

Челомъ же бью, господине, да не будешь свобожденъ отъ сего стула, которое тя держитъ четверть часа; престани отъ ненавидѣнія, которое имѣешь ты облобозати.

МАСКАРИЛЪ *(начне власы свои чесати и чулки оправливати).*

Что глаголеши, госпоже, о Парижи?

МАГДАЛЫНА.

Ахъ! что можемо ми глаголати? Надобно такожде подземнаго мудреца, не исповѣдая въ Парижи бить великое собраніе всякихъ удивительныхъ вещей, средсво всякаго вкусу, добрыхъ благоуханій и чистоты.

МАСКАРИЛЪ.

Ради мене, азъ разумѣю: нѣсть здравія въ Парижи для людей премудрыхъ.

---

[1]) Въ рук.: *генерала.*

КАТОСЪ.

Есть правда несвидѣтельствованна.

МАСКАРИЛЪ.

Есть мало блата, но мы имѣемъ стулу.

МАГДАЛЫНА.

То есть правда, что катедра есть дѣло изрядное для ради блата и злаго часу.

МАСКАРИЛЪ.

Приняла ли еси многія посѣщенія, и какого благаго духа имѣется?

МАГДАЛЫНА.

Ахъ! ми еще здѣ не обызналися, но будемо скоро. Есть едина пріятелка наша особная, которая намъ пріобѣщала многихъ учителей, многихъ стихотворцевъ.

КАТОСЪ.

И многихъ прочихъ, которыхъ назнаменовали намъ аки премудрыхъ высокихъ вещей.

МАСКАРИЛЪ.

Азъ есмь, иже содѣлаю лучше вашу нужду, нежели иные. По всякъ день всѣ мене посѣщаютъ, и азъ могу глаголати, что никогда не встаю безъ дванадесяти прекрасныхъ духовъ по утрамъ.

МАГДАЛЫНА.

Ей, Боже мой! Мы тебѣ долженствуемъ о сей пріязни; но нынѣ надобно всѣхъ тѣхъ господъ, кто хощетъ быти господиномъ онаго прекраснаго свѣта. Суть оные, которые воздаютъ

чинъ чести въ Парижѣ; полно узнати едина для одержанія великаго достоинства большаго духа, аще бы былъ и не ученъ. Но азъ себѣ разсуждаю оныя видѣнія душевныя, ибо чрезъ оныя мы можемъ узнать многія вещи, которыя будутъ намъ надобныя и которыя суть отъ естества духу высокаго. Чрезъ оныя можемъ мы вѣдати малыя куранты преизрядныя, изрядныя сложенія стиховъ и сладкоглаголивой риторики. Въ единомъ времени мы можемъ вѣдати, кто таковъ сложилъ едину изрядную комедію, таковая госпожа сдѣлала едино сладкопѣніе; и кто таковъ сдѣлалъ 12 стиховъ ради единаго бл.. со женою; иный сложилъ о единомъ невѣрствіи; иный господинъ написалъ вчера позно 6 стиховъ до госпожи, и она отписала къ нему рано во осьмомъ часу; таковъ изобрѣтатель имѣетъ сицевую вещь во своей гисторіи; иной есть въ третьей части своей гисторіи; иной полагаетъ своя дѣла для воздержанія. Всѣ вещи, належащія ко брани и до всяческихъ частей свѣта, суть въ курантахъ. Иныя гисторіи изрядныя суть въ книзѣ, нареченной Меркурія, на всякъ мѣсяцъ: сицевый генералъ одерживалъ побѣду надъ непріятели, иногда взялъ три града; инъ кормитъ свою силу въ землѣ непріятельской; ко единому вожду приходили господа и офѣцеры, гдѣ былъ великій пиръ; у иного была музыка собственная, треязычная; которая госпожа, гуляюще въ саду царскомъ, свой платокъ вронила на землю и два отъ дванадести кавалеровъ, которые были съ нею, тутъ же хотяще подняти оный, изъ того между собою брань содѣлали, и прочая. Всѣ тые вещи находятъ отъ разговоровъ, и безъ оныхъ азъ не дамъ ключа разумѣнія о всѣхъ стихіяхъ свѣта.

КАТОСЪ.

По истинѣ есть это смѣхъ—видѣти невидимыхъ духовъ, не вѣдати, что дѣлается въ день; и я, что есмь дѣвица, умѣла бы всѣ штуки въ свѣтѣ, и аще бы кто спросилъ, видѣла ли еси что новаго, аще бы азъ не видѣла.

МАСКАРИЛЪ.

То есть правда и есть смѣхъ — видѣти многихъ духовъ и не вѣдати ниже мало что. Азъ хощу содѣлати единое училище большое, и азъ тебѣ обѣщаю ни единаго стиха сложить въ Парижѣ, который ты увѣдаешь и узнаешь наизусть въ первый. Ли ты мене видишь, каковъ азъ есмь превысокій учитель, и ты увидишь у господъ моего сложенія наибольшія нужды, виждь и двѣсти пѣсенъ еще, сложенныхъ изрядно, и стоятъ больше, нежели тысячу мадрыгаловъ [1]) отъ нещисленнаго разума вымысловъ.

МАГДАЛЫНА.

И азъ признаю, что есмь радительна симъ сочиненіямъ: ничто прекрасно тако на свѣтѣ, яко оные и живописцы не могутъ поняти.

МАСКАРИЛЪ.

Подобія суть удивительныя и требуютъ единаго духа глубокаго; вы увидите мои многія сложенія, которыя вамъ суть не въ диковинку.

КАТОСЪ.

Азъ люблю зѣло енѣгмата.

МАСКАРИЛЪ.

Сіе учитъ духа вразумленію, и азъ сложихъ по всяко утро четыре; я дамъ ко уразумленію.

МАГДАЛЫНА.

Оные мадригаиксы да сотекутся; умѣютъ ли сія?

---

[1]) Въ рук.: *марıалытовъ*.

МАСКАРИЛЪ.

Есть моя премудрость особная и уже буду азъ трудитися, да положу оную гисторію у мадрыгасъ.

МАГДАЛЫНА.

Въ правдѣ сіе будетъ преизрядно и со великимъ тебѣ будетъ достоинствомъ: азъ задержу едину книгу, аще возжелаютъ.

МАСКАРИЛЪ.

Азъ обѣщаю вамъ четыре лучше оправныхъ и украшенныхъ златомъ содѣлати. Не есть сіе мое дѣло, но понеже мя побуждаютъ младенци иные, которые ничто не имѣютъ пити, ниже ясти, азъ же принудихся ради любве.

МАГДАЛЫНА.

Азъ вѣру быти великой роскоши, егда кто живетъ между учители или въ печатномъ дворѣ.

МАСКАРИЛЪ.

Безъ усумнѣнія все безсмертіе о томъ надлежитъ. Что бы было по короляхъ, аще бы не имѣли учителей и сложителей вѣкторіи своей? Что бы было по Аристотелѣ или Цицеронѣ и по прочіихъ авторахъ? Но надотъ отмѣнить ричь о томъ глаголати; но сіе токмо вамъ исповѣмъ, что я учиниxъ вчера у единой госпожи, мнѣ любовной, которую азъ посѣщахъ, ибо вражески есмь вельми искусенъ въ тихъ вещахъ.

КАТОСЪ.

Въ глазахъ есть довольствіе агленчиковъ.

МАСКАРИЛЪ.

Слушайте же.

МАГДАЛЫНА.

Мы имѣемо уши завѣщенни.

МАСКАРИЛЪ.

Ахъ, ахъ! я не боядся вѣрилъ
Быти во правости; сіе не измѣрилъ.
На твои очи нынѣ взирающе,
Болѣю сердцемъ, тя призывающе,
И аки лютый разбойникъ въ пустинѣ.
Въ дебри широкой и темной густинѣ.

КАТОСЪ.

О милостивый Боже! сіе есть приведено до послѣдняго конца галантеріи.

МАСКАРИЛЪ.

Что таковое азъ слагаю, есть по кавалерски, а не по школьному.

МАГДАЛЫНА.

Разстоитъ болѣе, чѣмъ сто верстъ, отъ школи.

МАСКАРИЛЪ.

Не назнаменовали ви тово початку: «*О!*» Сіе есть удивительно: *ого!* Аки каменный человѣкъ, который удивляющися глаголетъ: *ого!* Усумнѣтельна сія рѣчь есть: *ого!*

МАГДАЛЫНА.

Такъ, *ого* мнѣ зѣло по нраву есть. Я дала бы тисящу рублей, аще бы возмогла имѣти сіе *ого!*

МАСКАРИЛЪ.

Обаче тое мнится быти ничто.

КАТОСЪ.

О мой Боже! что ти глаголешь? Суть сицевыя вещи, которыя не могутъ платитися.

МАГДАЛЫНА.

Безъ сумнѣнія лучше любила бы содѣлати *ого*, нежели стихотвореніе выхваляти.

МАСКАРИЛЪ.

Чрезъ Бога несмертельнаго! ти имѣешь добрый вкусъ.

МАГДАЛЫНА.

Гей, азъ не имѣю въ себѣ ничего злаго.

МАСКАРИЛЪ.

Но не удивилася бы преждереченному стихотворенію: *не бояхся?* Сіе знаменуетъ: азъ не видѣхъ тово; изобрѣтеніемъ глаголюще естественнымъ: *не бояся. Връихъ быти во правости*, то есть: незлобиво, аки агнецъ, азъ тя видѣхъ; сіе есть, что тя разсуждалъ и почитахъ тя и блажихъ. На твои очи взирающе *кляндестинъ*. Что мниши о томъ глаголѣ: *клaндестинъ*? Нѣстъ изрядно расположено и избранно?

КАТОСЪ.

Во истину добре.

МАСКАРИЛЪ.

Клaндестинъ; мнѣ мнится, что есть единъ котъ, который хощетъ поимати едину мишь *кляндестинъ*.

МАГДАЛЫНА.

Ничто не возможетъ быти лучше.

МАСКАРИЛЪ.

Вырвали мое сердце: вынимають, тягнуть, украдають силу и насильно. *Ко псомъ.* Не говорила бы, что есть единъ человикъ, который созадѣ бѣжитъ своего пса и вопіетъ гласомъ великимъ, дабы моглъ нѣ что поимати себѣ: *ко псомъ! ко псомъ! ко псомъ! ко псомъ!*

МАГДАЛЫНА.

Надобно тое исповѣдати потай и духовно.

МАСКАРИЛЪ.

Азъ хощу сіе стихотвореніе воспѣвати.

КАТОСЪ.

Ти же навчилъ ли еси сего, мусикантовъ?

МАСКАРИЛЪ.

Я? ни.

КАТОСЪ.

Какимъ образомъ сіе возможетъ быти?

МАСКАРИЛЪ.

Всѣ дворяне вѣдають вся безъ школъ и учителей.

МАГДАЛЫНА.

Воистину, моя дражайшая!

МАСКАРИЛЪ.

Слишите, аще вы обращете на возвѣтру ваше внушеніе: *гемъ, гемъ, ла ля, ля, ля, ля!* Стужа времени грозно уязвила мой сладкій гласъ, но то ничто есть. Сія есть вещь кавалерска.

(поетъ)

Ахъ, ахъ! азъ не бояхся, вѣрилъ
Быти во правости съ ней; не измѣрилъ,
На твои очи, тебе взирающе.,
Обнажиша мнѣ сердце, тя взивающе,
Аки лютій разбойникъ въ пустинѣ,
Въ дебри широкой и темной густинѣ.

КАТОСЪ.

Ахъ, сей воздухъ зѣло есть вредительный. Не есть ли какая госпожа мертвая?

МАГДАЛЫНА.

Есть нѣчто потѣшно.

МАСКАРИЛЪ.

Не обрѣтаешь ли нѣчто потѣшно въ семъ пѣніи, добре расположенномъ? *До пса!* И потомъ аки бы во тѣлѣ крѣпко: *до, до, до, до, до пса*; потомъ же аки одинъ человѣкъ, не могуще воздыхати: *до пса!*

МАГДАЛЫНА.

Тое есть что надобно вѣрити конецъ вещамъ, наибольшій конецъ. Зѣло тое есть удивительно. Азъ ти исповѣдаю, что есмь безъ воздиханія, слышаще твое пѣніе и твои глаголы.

КАТОСЪ.

Никто никогда же сицево видѣ тако зѣло гордо.

МАСКАРИЛЪ.

Что таково азъ дѣлаю, все сіе отъ естества моего и безъ ученія.

МАГДАЛЫНА.

Естество тя гораздо удовольствовало, и аки мати страждала, и ти не еси синъ неупотребленъ.

МАСКАРИЛЪ.

На что же теряете времена ни во что?

КАТОСЪ.

Ни во что? болѣю зѣло.

МАГДАЛЫНА.

Былъ постъ нестерпимій пашего изобилія в насъ.

МАСКАРИЛЪ.

Азъ хощу васъ везти въ комедыю утро, аще хощете; есть новая, и мы будемъ купно удивлятися оной.

МАГДАЛЫНА.

Сей предлогъ есть израдный.

МАСКАРИЛЪ.

Но азъ тя упрошаю, чтобы ты выхваляла зѣло комедіантовъ, когда будемъ тамо, того ради, что имъ обѣщалъ винести даже до третяго небесе и онихъ комедію, и изобрѣтатель пришелъ мене просити. Здѣ есть постановленіе изрядное и великая честь: ради господъ изобрѣтатели будутъ повращатися въ доми своя, читати новія комедіи, дабы за симъ обрѣли ми онихъ изрядныхъ и да воздадимъ имъ чести достоинство наибольшее. Смотрите же, аще ми глаголемъ когда нѣчто, сѣдяще на содѣланномъ намъ нарощно мѣстѣ, народи, которые суть подлѣйшіе на улицѣ, смѣютъ со нами сопротивлятися. Никако азъ не оставлю, и когда я обѣщахъ нѣчто стихотворцу, я всегда кричу: *тое есть изрядно!* доколѣ свѣщи не будутъ засвѣчени.

МАГДАЛЫНА.

Не глаголи уже больше; никакое мѣсто на свѣтѣ сице преизрядное есть, какъ Парижъ: видятъ по сто вещей новихъ, принесенныхъ со иныхъ странъ, и суть изрядніе.

КАТОСЪ.

Довольно есть. Ми есми уже научени и тверды зѣло наши стихотворенія.

МАСКАРИЛЪ.

Не вѣмъ, аще азъ обмануя, но мнѣ мнится вашимъ разумомъ возможна есть какая ни есть комедія.

МАГДАЛЫНА.

Гей, возможетъ нѣчто быти, аще не цѣло, обаче хотя и нѣкая часть.

МАСКАРИЛЪ.

Ахъ, надежда моя надоть мнѣ оную видѣти. Между нами, азъ едину сложихъ и хощу показати и явственно.

КАТОСЪ.

До которыхъ комедіантовъ даси оную?

МАСКАРИЛЪ.

Какой вопросъ! Великимъ комедіантомъ: оніе суть сами разсудливые ко украшенію комедіи. Иные суть неразумные, которые повторяютъ аки ученики школьные, не вѣдаютъ наклоненія стихотвореній и ожидати до изряднаго. Како познавати, гдѣ есть разумъ, аще комедіантъ не даетъ тое учити, намъ должно содѣлати лебруга?

КАТОСЪ.

Истиною вещію есть изобрѣтеніе, дабы слушателіе зъ разсужденіемъ удывлялися, ибо вся ничтоже суть, аще не имѣетъ похвалы.

МАСКАРИЛЪ.

Что глаголете вы о чистотѣ украшенія моего платья?

КАТОСЪ.

Все хорошо, вся суть по достоинству.

МАСКАРИЛЪ.

Позументы вельми хорошо собраны и нашиты.

МАГДАЛЫНА.

Вельми хорошо продалъ гость славный Пендрикъ.

МАСКАРИЛЪ.

Что глаголете о моихъ штанахъ?

МАГДАЛЫНА.

Суть изрядные.

МАСКАРИЛЪ.

Поистинѣ портной пустилъ мнѣ долѣ, чѣмъ инымъ, и широко. Азъ знаю ученіе сіе украшати людей и по всякъ день я премѣняю кафтаны.

МАГДАЛЫНА.

Признати можно, нигдѣ азъ не видѣхъ сицевое украшеніе платья.

МАСКАРИЛЪ (*воста и плашетъ*).

Ля, ля, ля, ля! Слышите? Мои рукавицѣ пріимѣте: благоуханія есть ли довольни?

МАГДАЛЫНА.

Слышимъ: вельми хорошо.

КАТОСЪ.

Никогда не слишахъ благоуханія таковаго.

МАСКАРИЛЪ.

И той духъ.....

МАГДАЛЫНА.

Есть високаго качества.

МАСКАРИЛЪ.

Вы ничто не говорите о моихъ перьяхъ и о моей шляпѣ: краски пристаютъ ли хороше?

КАТОСЪ.

Вельми хороше.

МАСКАРИЛЪ.

Вѣдаете ли вы, что всякая сторона у мене въ пяти тысящахъ ефимковъ? Азъ имѣю такой обычай — покупать всегда преизрядныя вещи.

МАГДАЛЫНА.

Мы имѣемъ съ тобою равный обычай, азъ есмь такожде страшно нѣжная: аще мои чулки не суть добраго дѣла, азъ не ношу.

МАСКАРИЛЪ (*кричитъ аки немощной*).

Гай, гай, гай! потихо, госпоже, рост....мать! сіе не есть добре, азъ за то броню.

КАТОСЪ.

Что то есть?

МАСКАРИЛЪ.

Что вы оба противны моему сердцу. Въ единомъ часу отъ правой стороны и отъ лѣвой угрызаете мя; сіе есть противно правдѣ: часть есть неровная, и азъ буду кричать вельми.

КАТОСЪ.

Знатно есть онъ говоритъ наедынѣ, но гораздо.

МАГДАЛЫНА.

Предивную имѣетъ разума силу.

КАТОСЪ.

Ты имѣешь большій страхъ нежели иные, и твое сердце кричитъ, покамистъ не прорвется кожа.

МАСКАРИЛЪ.

Како, враже? Кожа есть содрана отъ главы ажъ до ногъ.

(*Конца не достаетъ*).

XI.

ВЛАДИМІРЪ,

славенороссійскихъ странъ князь и повелитель отъ невѣрія тми въ свѣтъ евангелскій приведенній духомъ святимъ отъ рождества христова 988, нинѣ же отъ православной академіи могилеанской и кіевской на позоръ россійскому роду отъ благородныхъ россійскыхъ сыновъ, добрѣ здѣ воспитуемыхъ, дѣйствіемъ, еже отъ піитъ нарицается трагедокомедія, лѣта господня 1705 іюля 3 дня показанній.

ПРОЛОГЪ КЪ СЛЫШАТЕЛЕМЪ.

Служаще обичному уставу, въ академіи нашой отъ лѣтъ многихъ хранимому, се и мы, аще и послѣднѣйшіи, недозрѣли плоди трудовъ нашыхъ на позоръ вамъ производимъ, великоименитіе и благороднiи слышателіе! А яко не ино что, токмо повѣстъ о обращеніи къ Христу равноапостолного нашого Владимера, обичнимъ дѣйствіемъ представити умислихомъ,— вина бяше, яко то и мѣсту сему прилично, и свойственно слышателемъ мнится быти: приличенъ дому есть образъ господина; свойственная память сыномъ отшедшаго далече отца своего (се же и домъ Владиміровъ, се и Владимірова чада, крещеніемъ святимъ отъ него рожденная), что паче всѣхъ изящнѣе на тебѣ является, ясневелможній пане, ктиторе и добродію нашъ, емуже и строеніе сего отчества Владимероваго по царю отъ Бога

врученно есть, и Владимеровимы идяй равнимы ему побѣдамы, равною о Россіи икономіею, лице его яко отческое сынъ на тебѣ показуетъ. Убо сего изображеніе пріими отъ насъ, яко того жь великій наслѣдникъ, вмѣсто привѣтствія: зри себе самаго въ Владимерѣ, зри въ позорѣ семъ, аки въ зерцалѣ, твою храбрость, твою славу, твоей любвы союзъ съ монаршимъ сердцемъ, твое истинное благолюбіе, твою искренную къ православной апостолской единой церквы каѳолическія вѣры нашой ревность и усердіе.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЯРОПОЛКЪ.

Зъ безднъ подземнихъ, зъ огненной вихожду геенни
  Ярополкъ, братнимъ мечемъ лютѣ убіенній,
Братъ князя Владимера. Нѣ! Глаголъ сей ложній:
  Яко не Владимеръ мой братъ есть, но безбожній [1])
Братоубійца. Кая лесть! Многажди красно
  Имя будетъ, но своей вещи несогласно:
Владимеръ владѣніе міра знаменуетъ,
  А братъ мой съ родственною кровію воюетъ.
Братъ мой, — о горе! и се глаголъ неистовій:
  Врагъ мой, супостатъ мой, жрецъ моея есть крови! [2])
Сія ли знаменія братной любви? Сіе
  Усердіе ко брату? О вѣкъ мой! О дніе
Лукави! да помрачитъ васъ мракъ нечаянній!
  Но гдѣ есмъ? О лютѣ мнѣ! Гдѣ есмъ окаянній?
Что вижду? Кіевъ се есть. Горе мнѣ! О горе!
  Умершій единою, се уже повторе

---

[1]) Въ Усп. и Кіев. спискѣ: *Не Владиміръ мой братъ есть, братъ мой есть безбожный.*

[2]) Въ Усп. и К.: *Врагъ мой, супостатъ лютый, жрецъ моея крови.*

Умрѣти чаю. Почто, плачевній удоле
Адскій, послалъ мя еси сѣмо? Сіе поле
Болшую скорбъ и позоръ лютѣйшій имѣетъ:
Увидитъ мя Владимеръ и паки убіетъ.
Аще же и не можетъ мечь духа убити,
Обаче кая туга, кая скорбь —видѣти
Мѣста сія! Здѣ княжій престолъ, здѣ державу
Всероссійской области и толику славу
Братъ завистній содержитъ; азъ же пріяхъ рани,
Азъ смерть подяхъ горькую, тоеяжде страни
Отчичь, дѣдичь, наслѣдникъ. Кто отъ васъ, о бози,
Тако владѣетъ міромъ? Единъ или мнози
Промиѕлъ вещей имате? Такова ли ваша
Правда? Братоубійци честь за казнь пріяша,
А егоже убиша, смерти неповинна,
Еще въ ровъ естъ низверженъ темній! О безчинна
Сонма вашего, бози! Но кая мя сила,
Чія вражда на сіе мѣсто понудила
Изійти зъ безднъ адовихъ? Скорбъ тамо велика;
Но горѣе отъ огня гризетъ человѣка
Зависть неутолима. Здѣ убо утробу
Мою зависть снѣдаетъ; здѣ мене ко гробу
Болѣзнь влечетъ внутрная. Лучше бы умрѣти
Паки: тако не могу окаянній зрѣти
На цвѣтущую область враждебнаго брата.
Здѣ его сокровища, здѣ царска палата;
Здѣ врагъ мой, на престолѣ сѣдя превисокомъ,
Самъ честенъ сій прочіихъ величавимъ окомъ
Презираетъ. Самъ токмо драгій, свѣтлій, златій,
Прочіи, предъ нимъ просто не смѣюще стати,
Гиблютъ себе смиренно; инній же подъ нозѣ
Падъ, лежитъ и бездушенъ трепещетъ на мнозѣ.
Мнози отъ иноземнихъ приходятъ со дари,
Господемъ зовутъ; онъ же, окруженъ боляри,

Легкимъ степенемъ сѣмо [1]) и овамо ходитъ
И, всѣхъ удивляющи, бровъ горду возводитъ.
О лютѣ мнѣ! лютѣ мнѣ! Весма исчезаю,
Весь гину отъ зависти и не ощущаю
Вутробъ во мнѣ ражженныхъ. Вещь есть невозможна
Не завидѣти тому иже братъ сій ложна
Имени искренному брату въ своей части
Завидитъ и завистной не насититъ страсти,
Аще не въ братней кровѣ мечь лютій упоитъ.
Коихъ убо золъ ему желати достоитъ?
О граде тяжкій моимъ очесемъ! О злаго
Жилище разбойника! Добрѣ таковаго
Князя достоинъ еси, аще болѣзнь чюжда
Не болитъ тебѣ, аще неправда и нужда
Имать мѣсто у тебе. И еще повсюду
Проносится вѣсть, не вѣмъ, изшедши откуду,
Аки бы христовъ законъ въ тебѣ имать быти,
И зъ богами Владимеръ дерзнетъ брань творити.
Христе! аще ти еси царъ и господь всея
Твары, гдѣ судъ истинній? гдѣ правды твоея
Неложное мѣрило? Убійца во славѣ
Отъ тебе вѣнчанъ будетъ, и тако державѣ
Твоей угождается! Сродственнія крови
Губитель любимъ тебѣ. О судъ неистовій!
Но вы, бози лучшіи, привратѣте сѣмо
Уми прозорливіе; виждте, что творѣмо
Здѣ будетъ: Владимеру брата не довлѣетъ
Убити, брань вознести на боговъ имѣетъ.
Что вамъ мнится? [2]) Тебѣ же найпаче, державній
Перуне? Видѣлъ еси, когда мя злославній
Убиваше мучитель, и стрѣлъ огневидныхъ
Отнюдъ не пустилъ еси и сихъ всѣхъ безбѣдныхъ

[1]) Въ Усп.: *Рѣдкимъ ступенемъ.*
[2]) Въ Усп.: *Что ся вамъ мнитъ?*

Разбойниковъ сотворивъ. Виждъ, что имать быти:
Братъ мой тебе жь самого хощетъ сокрушити.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ЖЕРИВОЛЪ (ВОЛХВЪ), ЯРОПОЛКЪ.

ЖЕРИВОЛЪ.

Кто здѣ тако на боги хулитъ?

ЯРОПОЛКЪ.

Стой, не бойся.

ЖЕРИВОЛЪ.

О лютѣ мнѣ!

ЯРОПОЛКЪ.

Не бойся.

ЖЕРИВОЛЪ.

Перуне! устройся.
Помози, силній боже!

ЯРОПОЛКЪ.

Что тако безуменъ
Сталъ еси, Жериволе? Или дѣтоуменъ
Вѣкъ тебѣ возвратися? Ни ли мене вѣси,
Кто есмъ азъ? Стой, не бойся. Кіи тако бѣси
Возмущаютъ и мещутъ? [1])

ЖЕРИВОЛЪ.

Вѣмъ тя, о владико:
Князь Ярополкъ еси ти.

---

[1]) Въ Усп. и Кіев.: *Смущаютъ тя и мещутъ?*

ЯРОПОЛКЪ.

Что уже [1]) толико
Видъ мой устрашаетъ тя? [2])

ЖЕРИВОЛЪ.

Мертва тя слишахомъ,
Того ради видяй тя колеблюся страхомъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Вѣмъ се, яко на мертвихъ и зрѣти живіи
От трепета не могутъ; но позори сіи
Тебѣ, мню, не страшни суть: ти тайними слови
Каменніи отъ гробовъ открываешъ крови
И гніющія уже возбуждаешъ тѣла;
Къ тому воздушныхъ, лѣснихъ и геенскихъ сила
Духовъ повинуется тебѣ, а на чари
Твои слонце мѣнится, померкають зари,
Денъ во тму облачится. И недавно, въ темной
Сѣтующе геенне, слишахъ отъ подземной [3])
Страни гласъ приходящій, —пѣніе то бяше
Таинъ твоихъ: абые все сонмище наше
Вострепета, самъ токмо царъ не ужасеся,
Но позна гласъ и, егда многое стечеся
Къ нему полчище духовъ: «поспѣшно летѣте»,—
Рече,—«Жериволъ гласитъ; что велитъ, творѣте».
И многихъ посла къ тебѣ.

ЖЕРИВОЛЪ.

Всегда азъ доволній
Любвѣ его, за что есмъ самъ въ себѣ неволній,

---

[1]) Въ Усп. *убо*. [2]) Въ Кіев.: *Видъ мой тя ужасаетъ.*
[3]) Въ Усп. и Кіев.: *слышахомъ отъ земной.*

Ни свободъ, въ раба ему зъ тѣломъ и душею
Вѣчно [1]) себе написахъ кровію моею.
Недавно онъ мнѣ присла даръ неоцѣненный,
Златъ сосудъ, нѣкоея сили исполненный,
Отъ негоже мало что аще испиваю,
Абые со мертвими и съ бѣси дерзаю
Сходитися. Тебе же нынѣ устрашихся,
Яко сили тоея еще не напихся.
Прости, о владико мой! Не буди твоему
Противно величію,раждъ крѣпостъ моему
Малодушію.

ЯРОПОЛКЪ.

Нѣсть въ семъ моей укоризни,
Не требѣ гнушатися царской даровизни.

ЖЕРИВОЛЪ.

О вѣсти сей веселой! [2]) Кого вижду, княже?
Ярополкъ еси, добрѣ знаю. Коея же
Вини къ намъ пришелъ еси отъ мертвихъ?

ЯРОПОЛКЪ.

Васъ ради.

ЖЕРИВОЛЪ.

Како?

ЯРОПОЛКЪ.

Въ бѣдахъ вашыхъ вамъ желая отради.
Не пріиде ли вамъ въ слухъ, что вашъ умишляетъ
Князъ на ви?

ЖЕРИВОЛЪ.

Что новое? Онъ давно являетъ
Свирѣпство свое: уби тебе, брата родна.

---

[1]) Въ Ус. и Кіев.: *Вѣрно.*
[2]) Въ Усп.: *О вѣсти превеселой!*

ЯРОПОЛКЪ.

Жертва великихъ боговъ нѣсть къ тому свободна.

ЖЕРИВОЛЪ.

Что слышу?

ЯРОПОЛКЪ.

Христіянскій законъ воспріяти
Умисли, отъ боговъ же всячески отстати
Хощетъ.

ЖЕРИВОЛЪ.

Га! га! га! га! га! Истинное слово.
Азъ самъ безъ вѣсти сея (повѣмъ нѣчто ново,
А вамъ несвѣдомое), азъ (глаголю вѣрно),
Азъ первый подзрѣлъ его, яко лицемѣрно [1])
Начатъ богомъ служити: слыши тайну странну.
Первіе онъ ко богомъ и жерцомъ пространну
Имѣ руку и, егда жертву приношаше,
Радость, праздникъ, торжество, веселіе наше
Бѣ тогда: воли толсти и тучніе крави
Убиваеми бяху и довольно страви
Не бози токмо, но и жерци имѣяхомъ
И не токмо ни мало тогда не стужахомъ;
Но,—вѣруй ми, о княже!—жрецъ Перуна, бога,
Добрѣ чрево исполнилъ отъ тука премнога
Со Перуномъ,(вѣси, что имамъ глаголати)
Со Перуномъ могохъ мя въ тѣлѣ [2]) сравняти.
Но уже тую щедрость измѣни. О студа!
Даде вчера едина козла, тако худа,
Тако престарѣлаго, тако безтѣлесна,
Тако изнуреннаго, изсохша, безчестна,
Тонка, лиха, немощна, безкровна, безплотна,—

[1]) Въ Усп.: *Азъ первый въ семъ подозрѣлъ его. Лицемѣрно...*
[2]) Въ К.: *Гримя.*

Еще ножа не пріяхъ, а смерть самохотна
Постиже его. Гнѣвъ ли уби его божій,
Или яко не бѣ въ немъ кромѣ едной [1]) кожи
И подъ кожею костей, тѣлесе ни мало?
Что убо мнится тебѣ? Кое се настало
Время? Не намъ се нужда творится, но, стада
Не ядше, измрутъ бози.

ЯРОПОЛКЪ.

Еще прежде глада
Побіетъ ихъ Владимеръ: дерзнувій пролити
Кровь братнюю, дерзнетъ онъ и боги побити.

ЖЕРИВОЛЪ.

О лютой сей дерзости! Но повѣждъ подробну,
Молю, коимъ образомъ тако неудобну [2])
Смерть подъялъ еси; азъ бо ничтоже вѣмъ инно,
Токмо яко братъ брата умертви безчинно [3]).

ЯРОПОЛКЪ.

Свѣдомъ вамъ есть нашъ давній сваръ. Но се не буди
Дивно: претикаемся часто, суще люди.
Зрѣте, яко неравни братнія бываютъ
Сердца. Уви! вышь мѣры себе возвышаютъ [4]).
Владимеръ, мній возрастомъ, долженства своего
Ни мало не помяну, ни проси моего
Онъ, престарѣлой сущей злоби, мира; мира
Азъ убо просихъ, но не бяше его мѣра
Злобѣ. Не могій убо явнимъ и оружнимъ
Видомъ мя побѣдити, побѣди безмужнимъ.
Лесть пріятъ вмѣсто меча: мнится быти мирній

---

1) Въ К.: *лихой.* 2) Въ Усп.: *неподобну.*
3) Въ Усп.: *уби безвинно.*
4) Въ Усп.: *Какъ выше мѣры себе возвышаютъ.* Въ Кіев.: *надъ мѣру.*

Во словѣ, въ сердцы же ношаше ядъ звѣрній.
Зъ моего жъ онъ хищній смиренія сѣти [1])
Соплетъ на мя: взиваетъ дому посѣтити
И утвердити завѣтъ. Азъ простъ и ничтоже
Злаго въ толицей любвѣ чаяй,—не бо може
Вѣрная любовъ быти, ни распра почіетъ,
Гдѣ любви знаменія вѣра [2]) не имѣетъ,—
Пойдохъ аки ко брату. О день! о часъ лютій!
Камо идохъ безуменъ? Трикрати на пути
Конь преткнуся, трикрати вранъ прелетѣ черній,
Третій часъ дне трикрати нарекохъ вечерній;
Воспящаше мя и другъ, даяй совѣтъ здравій.
Но не воспященни суть божіи устави!
Прійдохъ уже ко дверемъ, чаяй, яко тѣми
Вхожду въ домъ братній,—внидохъ во мракъ вѣчній ими!
Егда бо прагъ преступихъ, отсюду и сюду
На мечи мя подъяша, моихъ же оттуду
Всѣхъ воевъ воспятиша; еденъ со двоими
Всуе брахся, весь лютѣ на мечахъ носимій.
Яко медвѣдь, емуже въ перси ловецъ силній
Вонзетъ роженъ, мечется всуе и бездѣлній
Гнѣвъ яритъ и, елико борется крѣпчае,
Толико вонь желѣзо входитъ глубочае:
Сице азъ бѣдній брахся, послѣдиже тамо
Падохъ и, валяяся сѣмо и овамо
Въ крови моей, сугубимъ путемъ пустихъ душу.

ЖЕРИВОЛЪ.

Не могу азъ [3]) слишати, но отмстити мушу.
О бози! помозѣте. Аще мои пѣсни
Силни суть и могутъ что, да пройдутъ въ безвѣстни

---

[1]) Въ Усп.: *Съ моего смиренія хищныя онъ сѣти.*
[2]) Въ Усп.: *отнюдь.*
[3]) Въ Усп. и Кіев.: *се.*

Мѣста, въ дебрѣ, въ пещери, въ рѣки, въ бездни, въ гроби,
   Въ глубокія великой Матери утроби:
Подвигну мертвыхъ, адскыхъ, воздушныхъ и водних
   Соберу духовъ къ томужь звѣрей многородних,
И совокупно [1]) прійдутъ зміи страховидни,
   Гади, смоки [2]), полози, скорпіи, ехидни;
Совлеку солнце зъ неба, помрачу свѣтила,
   День въ нощъ претвору: будетъ явѣ моя сила.

ДѢЙСТВІЕ 2.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КУРОЯДЪ, ЖРЕЦЪ (*поетъ*).

Слишите празднична рога:
   День прійде Перуна, бога,—
День шумній, бурній, ужасній,
   Праздникъ громкій, велегласній.
Слышите, рустіе люди!
   Доми, орудія, труди,
Торги, купля оставѣте,
   Спѣшно на праздникъ идѣте!
Воли, крави избирайте [3]),
   Толстія жертви давайте!
Онъ есть богъ молніелучній,
   Любитъ мяса зѣло тучни.
Слишите празднична рога,
   День прійде Перуна, бога.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПѢЯРЪ И КУРОЯДЪ, ЖЕРЦЫ.

ПѢЯРЪ.

Куроядe! престани! престани! престани!

---

[1]) Въ Усп.: *Созову купно.* [2]) Въ Усп.: *прузи.* [3]) Въ Усп.: *убивайте.*

КУРОЯДЪ.

Что тако, о Пѣяре?

ПѢЯРЪ.

Всуе нынѣ страни
Оглашаешъ, понеже [1]) не будетъ днесь жрома
Жертва; не движи людей.

КУРОЯДЪ.

Невѣжо! Есть грома
Праздникъ.

ПѢЯРЪ.

Честній Жериволъ есть не готовъ.

КУРОЯДЪ.

Како
Жериволъ есть не готовъ?

ПѢЯРЪ.

Не готовъ есть всяко.

КУРОЯДЪ.

Къ чему онъ есть не готовъ?

ПѢЯРЪ.

Не готовъ есть жерти.

КУРОЯДЪ.

Дадите ми, о бози, да азъ тако терти
Возмогу кури моя, яко онъ всецѣло
Третъ воли безмѣрнія! И на сіе дѣло
Что есть нужно, молю тя, повѣждъ.

[1]) Въ Усп. и Кіев.: *не будетъ.*

ПѢЯРЪ.

Нѣсть удобна
Времени, яко вижду.

КУРОЯДЪ.

Вещь [1]) се неподобна.
Жерти ему нѣсть время? Прельщаешься, друже,
И вѣруеши тако, я вѣры неймуже [2]):
Онъ бы хотѣлъ, дабы былъ праздникъ безпрестанній.
Азъ дивную вещь [3]) видѣхъ: когда напитанній
Многими жертвами онъ лежаше въ охладѣ,
А чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное; обаче въ ситости толикой
Знаменіе бысть глада и алчби [4]) великой:
Скрежеташе зубами на множѣ безъ мѣри,
Движа уста и гортань! И достойно вѣри
Слово твое, Пѣяре: «время не имѣетъ»?
И во снѣ жретъ Жериволъ.

ПѢЯРЪ.

Се не разумѣетъ
Любимій мой Куроядъ Пѣярева слова!
Рѣхъ: «не имать времени», видя не готова
Его бити.

КУРОЯДЪ.

Мню, зубовъ не изостри, или
Не испраздни стомаха.

ПѢЯРЪ.

Ругаешься; ни ли
Ти во грѣхъ вмѣняеши дерзокъ смѣхъ творити

---

[1]) Въ Кіев.: *Рѣчь*. [2]) Въ К.: *И вѣруешъ, азъ же ни; но чаю, что уже*.
[3]) Въ Усп. и Кіев.: *Дивну вещь реку*.
[4]) Въ Усп.: *жажды*.

Зъ мужа толь велебнаго? Что жь имѣетъ быти?
Вѣси попа сего.

КУРОЯДЪ.

Почто праздника не творитъ?

ПѢЯРЪ.

Нынѣ и се довлѣетъ.

КУРОЯДЪ.

То онъ насъ поморитъ.
Гладомъ.

ПѢЯРЪ.

Нужда терпѣти.

КУРОЯДЪ.

Но молю тя, кая
Нужда се необична?

ПѢЯРЪ.

Азъ, дрова сбирая
На жертву, ходяхъ нынѣ сквозѣ лѣсъ пустинній,
И се бѣжаше скорій, простовласъ, безчинній
Жериволъ и, отъ земли вихромъ подносимій,
Не позна мя на пути; но неудержимій
Бѣгъ творя, пущаше вопль въ дебры необичній.
Отъ всѣхъ же странъ пустини страшни и различни
Отповѣдаху гласи, и свисти, и кихти.

КУРОЯДЪ.

Скорбъ нѣкую имѣетъ.

ПѢЯРЪ.

Того ради рѣхъ ти,
Яко нѣстъ готовъ жерти.

КУРОЯДЪ.

Убо потерпѣмо,
Что се будетъ. Но се онъ, се онъ бѣжитъ сѣмо!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТОЕ.

ЖЕРИВОЛЪ, КУРОЯДЪ, ПѢЯРЪ.

ЖЕРИВОЛЪ.

Скорбъ велія! Лютѣ мнѣ! Скорбъ, братія, зѣлна!

КУРОЯДЪ.

Что ти есть, Жериволе? Престани: бездѣлна
Толикая печалъ есть. Аще и что злое
Случи ти ся [1]), сотворше совѣтъ, можемъ тое
Исправити и въ добрій случай премѣнити.

ПѢЯРЪ.

Скажи, да совѣтуемъ.

ЖЕРИВОЛЪ.

Ничтоже совѣти
Успѣютъ, аще сами не потщатся бози.
Не вѣсте ли, о друзи, яко зѣло мнози
Супостати на боговъ и на насъ возсташа,
Вводя христовъ законъ?

ПѢЯРЪ.

Убо, честность ваша,
Призови силу боговъ: твоихъ они пѣній
Слухати навикоша, ниже повелѣній
Преступаютъ.

ЖЕРИВОЛЪ.

Нынѣ бѣхъ въ дебрахъ непроходнихъ
И созвавъ безчисленнихъ, лютихъ, страхороднихъ [2]),

[1]) Въ сп. М. Д. Ак.: *Приключи тя.*
[2]) Въ Усп.: *страховидныхъ.*

Сонмъ дуковъ неизчетній. Егда же познаша
Нужду мою, скоро вси равнимъ совѣщаша
Гласомъ, яко не требѣ вести всего полка.
«Мы (рекше) увѣдахомъ [1]) отъ словъ Ярополка,
Яко князь вашъ Владимеръ, иже скорбъ толику
Наводитъ, страсть имѣетъ зѣлну и велику
Ко похотѣ тѣлесной и ко мірской власти [2]);
Того ради цариковъ, иже тими страсти
Владѣютъ, звати треба. Тріе суть: бѣсъ міра,
Бѣсъ плоти, бѣсъ противства божія. Тѣмъ вѣра,
Неблагопріятна намъ, колѣблется всюди.
Но тіи где-сь странствуютъ? Убо наши труди
Будутъ въ томъ, да поищемъ и пришлемъ ихъ скоро».
Се рекше, полетѣша, поспѣшно и споро.
Тыхъ на помощь азъ чаю.

КУРОЯДЪ.

Лютѣ! Что се странно?

ЖЕРИВОЛЪ.

Что ты есть, Куроядe?

КУРОЯДЪ.

Бози нечаянно
Вострепеташа.

ПѢЯРЪ [3]).

Нѣсть то; развѣ примракъ нѣкій
И мечтаніе ты бистъ.

КУРОЯДЪ.

О позоръ великій!
Смотри жъ самъ.

---

[1]) Въ сп. М. Д. А.: *увидѣхомъ*.
[2]) Въ сп. М. Д. А.: *сласти*. [3]) Въ друг. списк.: *Жериволъ*.

ЖЕРИВОЛЪ.

Знаменіе сіе есть ужасно.

ПѢЯРЪ.

Зови ихъ, Жериволе! Труби велегласно!

ЖЕРИВОЛЪ (*боговъ на помощь зове*) [1]).

Аде! на помощъ возстани,
Спѣшно твоя двигни брани!
Двигни сили, двигни власти!
Твоя честь имать упасти.
Вѣтре пернатій, воскорѣ
Преносяй корабль по морѣ,
Помощной [2]) намъ, адской силѣ!
Подаждъ воскорѣе крилѣ [3])!
Летѣте, дуси, летѣте
Намъ на помощъ, не медлѣте!
Изострѣте гнѣва жало:
Люто время намъ настало:

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

БѢСЪ МІРА, ЖЕРИВОЛЪ, БѢСЪ ХУЛИ, БѢСЪ ТѢЛА И КУРОЯДЪ.

МІРЪ.

Что се тако нужное и кая потреба
Тако скорой помощи, Жериволе?

ЖЕРИВОЛЪ.

Съ неба,
О господіе мои, послаша васъ бози!
Не вѣсте ли, въ Кіевѣ что творится? Мнози

---

[1]) Въ Кіев.: *Пѣснь Жеривола.* [2]) Въ сп. М. Д. А.: *Помози.*
[3]) Въ сп. М. Д. А.: *притвори адскіе крилѣ.*

Лжемудрци, лжепророци, хулники возсташа:
Пасти имать законъ вашъ, пасти вѣра наша.

БѢСЪ МІРА.

Кто такихъ злихъ навѣтовъ вина?

ЖЕРИВОЛЪ.

Князъ велможній.

БѢСЪ МІРА.

Не бойтеся, дерзайте: ни ли онъ, безбожній,
Пріиметъ моихъ совѣтовъ, азъ отмщу сторично.
Обаче не мню тако: князю ли прилично,
Да свою распятому и нищому вію
Христу преклонитъ? Лютѣ азъ недоумѣю
Обяти се мислію, ниже помислъ умній
Можетъ сіе сказати. И аще безумній
Сотворитъ тако, аще отъ Грековъ прелститься,
Вѣсте ли, кому оній симъ уподобится?
Константину оному, иже риболова
Петра, всѣхъ худѣйшаго, и съ нимъ неистова
Шатерей дѣлателя Павла, во снѣ пяній
Узрѣвъ, такъ воспріятъ совѣтъ ихъ поганій,
Аки би былъ болярскій, и себѣ въ не славу
Толикую воверже, яко злату главу
Не усрамися старцу Сылвестру худому
Преклонити смиренно. Вси царского дому
Возсмѣяшася тогда, ми же наединѣ
На мнозѣ плакахомся и даже донинѣ
Плачемъ, толику его погибель помняще.
О Христе! аще прелстишъ и сего, и аще
Поймеши Владимера, буди (яко лживій
Твердитъ о тебѣ народъ), буди Богъ правдивій!

Азъ же да не буду царъ! Да не буду честній!
Да не буду всесилній! Калугеровъ лестній
Родъ, о мой Жериволе, язики да строитъ [1])
И да много глаголетъ; мнѣ же недостоитъ
Словомъ прелщати [2]), дѣломъ хощу показати,
Что могу.

ЖЕРИВОЛЪ.

Равно тебѣ благодарствовати
Не можемъ мы, о цару! Твоя будетъ слава,
Аще твоя сихъ лестцовъ побѣдитъ держава.

БѢСЪ ХУЛИ.

Не меншъ о семъ потщуся и азъ, Міре златій!
Зрѣте же, аще любитъ истинну распятій.
Яко самъ злодѣй бяше (не бы средѣ двою
Злодѣю былъ распятій), тако со собою
И полки злодѣйскія вести зѣло любитъ.
Кому се нѣсть извѣстно? Самъ онъ гласно трубитъ
Въ своемъ евангеліи. Не пріидохъ призвати
Праведниковъ,—глаголетъ,—но грѣшныхъ взискати.
Тожде дѣломъ являетъ: донелѣ державній
Владимеръ добро имя ношаше и славній [3])
Мужествомъ бѣ, Христови мняшеся онъ быти
Непотребенъ; но егда сродную пролити
Дерзну кровъ и княжескій санъ сотвори мерзскій,—
Сотвори себе Христу любима, да дерзскій
Будетъ оттоль разбойникъ: ибо боговъ сила
Ненавидитъ всячески толь сквернаго дѣла.
Но недолго грѣхъ ходитъ волній и безказный,
Во слѣдъ злодѣянія пойдетъ непріязный
Гнѣвъ мой: вложу въ мисль ему христоненавистни

---

[1]) Въ прочихъ списк.: *языкъ да устроитъ.*
[2]) Въ Усп.: *предлагати.*
[3]) Въ Усп.: *Владиміръ имя доброе имѣяше славный.*

Помисли, на язикъ же наведу безвѣстни
Хулы. Мняшеся тебѣ, о Тектоновъ сыну,
Яко будетъ Владимеръ равенъ Константину:
Будетъ противу тебе Іюліянъ вторій!

БѢСЪ ТѢЛА.

Простѣте, аще мало закосниxъ: азъ скорій
Всегда есмъ на сицеву помощъ, днесь еяже
Ищеши, Жериволе!

ЖЕРИВОЛЪ.

Ни, о любве княже,
Не на мя пущай стрѣли: вѣмъ, яко твоего
Лука язви сладки суть, но тѣла моего
Вси уди, вси утробы твоихъ ранъ суть полни.
Язви князя нашего.

ТѢЛО [1]).

Но онъ весь есть болній
Отъ стрѣлъ моихъ: триста стрѣлъ, ядомъ напоенныхъ,
Внурилъ ему во сердце, триста женъ сочтенныхъ
Бѣсится любовію.

ЖЕРИВОЛЪ.

Но вся отринути
Хощетъ уже.

ТѢЛО.

Кто тако жестокій и лютій
Любовь ему отемлетъ?

ЖЕРИВОЛЪ.

Единъ, убо вѣси,
Единъ безчеловѣчній всесладкія бѣси
Христосъ отъ душъ изгонитъ и всѣмъ есть противній.

[1]) Въ Усп.: *Бѣсъ тѣла.*

ТѢЛО.

Не скорби. Покажу вамъ образъ зѣло дивній
Христіанской чистоти. Я, ко вамъ позванній,
Не скоръ прійдохъ; не вѣсте, чимъ быхъ, удержанній.
Въ далекой странѣ, Христа держащой устави,
Двое суть княженія особни державы.
Двоимъ ихъ княземъ любовь ко единой дѣвѣ
Вліяхъ въ сердце; не долго убо въ тайномъ гнѣвѣ
Пребыша со собою, скоро ярость звѣрну
Откривше, брань лютую и силу безмѣрну
Двигнуша, и единой жени ради тако
Кровь людей безчисленныхъ проливаютъ, яко
Троянская иногда брань долго ліяше,
Егда Грекомъ Елена похищенна бяше.
Тако я побѣждаю христіани! [1])

ЖЕРИВОЛЪ.

Убо
Со Владимеромъ тебѣ братися сугубо
Удобнѣйша брань будетъ: понеже бо зѣло,
Яко повѣствуеши, едной жени тѣло
Двохъ мужей побѣждаетъ, колми паче триста
Связати единого могутъ и отъ мѣста
Двигнутися не дадутъ, аще приложиши
О томъ попеченіе.

ТѢЛО.

Всуе тя трудиши,
Жериволе! Наша въ томъ печаль, наши труди.
Ти отселѣ, молимъ тя, безпечаленъ буди.

---

[1]) Въ Усп.: *Тако мя побѣждаютъ христіане.*

ЖЕРИВОЛЪ.

Братія! радуймося: еще не у может
Христосъ торжествовати, ни ему поможетъ
Многорѣчіе жерцовъ его.

ПѢЯРЪ.

Намъ прилично
Еще предъ побѣдою пѣти красолично.

КУРОЯДЪ.

Прилично воистинну!

ЖЕРИВОЛЪ.

Устройтеся спѣшно,
Спѣшно до скаканія, азъ же вамъ утѣшно
Явлю здѣ знаменіе: понеже имами
Отъ боговъ сихъ трепета страхъ, убо со нами
Да скачутъ они нинѣ. Но первѣе мушу
Пришептати и дати коемуждо душу.
(*Идолы со жерцами, поюще, скачутъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВЛАДИМЕРЪ, БОРИСЪ, ГЛѢБЪ.

ВЛАДИМЕРЪ.

Борисе, чадо мое!

БОРИСЪ.

Что, отче, велиши?

ВЛАДИМЕРЪ.

Видѣлъ еси отъ Грековъ посла? Что ти мниши
О его вѣщаніи?

БОРИСЪ.

Законъ свой пріяти
Совѣтуетъ, но требѣ боліе слышати [1])
О томъ, да вся извѣстна будутъ.

ГЛѢБЪ.

Аще волно
Мнѣ что тебѣ сказати, о отче? [2])

ВЛАДИМІРЪ.

Доволно
Глаголи, чадо Глѣбе!

ГЛѢБЪ.

Азъ отнюдъ не знаю,
Въ чомъ стоитъ законъ христовъ; обаче не чаю,
Дабы не любве ради посла сицеваго
Послалъ царъ византійскій: аще бо бы злаго
Былъ онъ ухищренія зъ лукавимъ навѣтомъ,
Не то бы своимъ тебѣ представлялъ совѣтомъ, [3])
Что самимъ имъ свято есть, велико и честно.
Но егда самъ что любитъ, то даетъ, не лестно
Мнится дарованіе: къ сему кій здѣ быти
Может подзоръ лукавства? Егда бо смѣсити
Кровъ ихъ съ нами хощеши, чаю, видятъ ясно,
Яко миръ имъ даеши, ниже что ужасно
Или враждебно отъ насъ себѣ ожидаютъ.

---

[1]) Съ боку приписано: v. (т. е. vel) *внимати.*
[2]) Въ Усп. и Кіев.: *Аще есть волно, что ми мнится, сказати о отче?*
[3]) Въ сп. М. Д. А.: *обѣтомъ.*

Враги не симъ образомъ кровъ свою смѣшаютъ.
Убо мню, да не спѣшно и не безъ отвѣта
Отслеши философа, но, его совѣта
Не возгнушався, вели ему, да подробну
Законъ христовъ изяснитъ и вѣри удобну
Покажетъ вѣру свою.

ВЛАДИМЕРЪ.

Аки бы едино
Сердце имами, Глѣбе: азъ ничтоже ино
Помишляю; прочее вѣруйте ми, чада:
Мнози къ намъ прихождаху зъ Византіи, града,
Царскіи посланници, обаче еднако
Имѣхъ сердце, ниже что внутръ имѣхъ. Инако
Отъ сего сотворися: едва бо онъ слово
Прорече ми и Христа помяну, что-сь ново
Не вѣмъ и дивну въ сердцы ощутихъ измѣну
И, что всѣхъ есть дивнѣе, аки не едину
Рѣчь слышахъ, двоихъ нѣкихъ устенъ слово бяше.
Философъ убо, стоя, своя глаголаше,
Въ мисли же моей нѣкто тайнимъ си язикомъ,—
Отселѣ, мню, не слишанъ бысть онъ человѣкомъ,—
Повѣстъ философову крѣпкими извѣти
Утверждаше. Моя же утроба горѣти
Мняшеся, и страхъ нѣкій пронзе мя; оттолѣ
Не вѣмъ, како до моей прилѣпися волѣ
Имя христіянское, наши же ми мертви
Бози мняхуся быти, и мерзки ихъ жертви.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ВѢСТНИКЪ, ВЛАДИМЕРЪ, ЖЕРИВОЛЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Жериволъ входа проситъ, княже!

ВЛАДИМЕРЪ.

Невозбранно.
Повѣми ему о семъ слово нечаянно. [1])

ЖЕРИВОЛЪ.

Именемъ боговъ нашихъ многихъ лѣтъ желаю,
Княже, державѣ твоей.

ВЛАДИМЕРЪ.

Что новаго чая)
Слишати, Жериволе?

ЖЕРИВОЛЪ.

Велможній владико!
Желалъ быхъ вѣсть лучшую носити! Велико
И страшно знаменіе бози намъ дадоша:
Зѣло разболѣшася.

ВЛАДИМЕРЪ.

Но не у помроша?

ЖЕРИВОЛЪ.

Не буди то, господи!

ВЛАДИМЕРЪ.

Се убо не тако
Страшно, яко реклъ еси.

ЖЕРИВОЛЪ

Умирати всяко
Бози не могутъ, ихъ бо вредити ничтоже,
Ни огнь, ни мечь, ни вода, ниже земля може.

---

[1]) Въ Усп.: *Повѣмы ему о семъ словѣ нечаянно.*

ВЛАДИМЕРЪ.

Не вѣмъ сего.

ЖЕРИВОЛЪ.

Есть единъ вредъ смертній: отъ глада
Умираютъ иногда, того ради стада
Тучніи имъ на жертву обикоша слати
Боголюбци, отъ нихъже перваго тя знати
Должни есми, о княже!

ВЛАДИМЕРЪ.

Но рци, въ чемъ болѣютъ
Бози твои.

ЖЕРИВОЛЪ.

Первѣе твои суть. Имѣютъ
Сокрушенни нѣкіе кійждо своя уди:
Молю тя убо, буди имъ милосердъ, буди
Милостивъ.

ВЛАДИМЕРЪ.

Что же творѣмъ? Послухай моего
Совѣта, Жериволе: инаго коего
Болшаго взищѣмъ бога.

ЖЕРИВОЛЪ.

Се быти не можетъ.
О княже! како единъ толикимъ поможетъ
Народомъ твоимъ?

ВЛАДИМЕРЪ.

Ни ли единъ азъ владѣю
Всѣмъ народомъ? Что се есть, азъ недоумѣю
Сказати.

ЖЕРИВОЛЪ.

Нѣсть се дивно, нѣсть ни мало чудно.
Ты болшъ смисла имаши, имъ же тако трудно
Мудрствовати; ты егда изійдешъ отъ тѣла,—
Не лщу, ни ласкателно глаголю,—до зѣла
Превознесе́нъ будеши и надъ всѣхъ не мало
Боговъ болій: малъ тебѣ Позвииздъ, малъ Купало.
Малъ Мошко, малъ Коляда, малъ Волосъ; сравненній
Съ тобою и самъ Перунъ будетъ умаленній.

ВЛАДИМЕРЪ.

Азъ толикъ сій, обаче отъ меча боюся
Смерти. Боговъ же како (что се есть, дивлюся),
Боговъ како не можетъ тоежде вредити?

ЖЕРИВОЛЪ.

Рѣхъ, яко кромѣ глада не могутъ умрѣти.

ВЛАДИМЕРЪ.

Вѣмъ убо, Жериволе, како тя сотворимъ
Безпечална, да гладомъ боговъ [1]) сихъ поморимъ.

ЖЕРИВОЛЪ.

Что слишу? Азъ погибохъ. О княже всезлатій,
Вседрагій, вселюбимій, всемощній, богатій!
Престани сихъ помисловъ! Буди милосердній!
Виждь слези, виждь трепетъ мой, виждь плачъ мой усердній!
О княже! о господи! о владико! кую
Злобу боговъ видиши, яко сицевую
Ярость на ныхъ возводишь? [2])

---

[1]) Въ Усп. и Кіев.: *больнихъ.*
[2]) Въ Усп. и Кіев.: *воздвиже.*

ВЛАДИМЕРЪ.

Азъ отъ любве сіе,
Не отъ ярости твору, да бози благіе
Въ болѣзни не мучатся. Къ тому что ползуютъ
Болни? На что потребни суть?

ЖЕРИВОЛЪ

Ясти требуютъ.

ВЛАДИМЕРЪ.

Жериволе! вижду тя великого быти
Боголюбца; но сіе нуждно отложити
На ино время. Нинѣ послухай моея
Потреби. Дойде ли вѣсть честности твоея
О прибившемъ къ намъ послѣ царскомъ?

ЖЕРИВОЛЪ.

Слишахъ, княже!

ВЛАДИМЕРЪ.

Мню убо, яко вѣси и вину, еяже
Приходъ его есть?

ЖЕРИВОЛЪ.

Не вѣмъ, но боюся зѣло
Прихода его сѣмо: имать быти дѣло
Ратное, немирное.

ВЛАДИМЕРЪ.

Ни, еще завѣщанній
Миръ съ нами крѣпчае хощетъ сей посланній
Утвердити; совѣтъ же даетъ, въ крѣпость мира
Да и отъ насъ христова воспріймется вѣра.

ЖЕРИВОЛЪ.

О княже! что се слишу? Се ль миръ? Се брань зѣлна,
Яковой отъ лѣтъ древныхъ Россія всесилна
Еще не имѣяше.

ВЛАДИМЕРЪ.

Не нанесетъ брани
Царъ, аще и не пріимемъ вѣри ихъ. Престани
Всуе скорбѣти. Твой же кій совѣтъ и како
На се имъ отвѣщаемъ?

ЖЕРИВОЛЪ.

Не хощемъ васъ всяко
Послушати, ни ваши пріяти совѣти.
Мы болшъ боговъ имѣемъ.

ВЛАДИМЕРЪ.

Но на ихъ извѣти,
Имиже насъ приводятъ, что рещи имами?

ЖЕРИВОЛЪ.

Вѣмъ, что се есть: притися словомъ хощутъ съ нами.
Аще тако, добрѣ есть: всуе уповаша,
Яко нѣсть имъ въ Россіи, яко область ваша
Мудрцевъ не имѣетъ. Да уразумѣютъ
Невѣжу Жеривола.

ВЛАДИМЕРЪ.

Скоро здѣ имѣютъ
Быти, азъ бо ихъ просихъ. Ти же удалися
Мало; имъ же пришедшимъ, паки возвратися.
Дерзокъ есть, но не чаю, не препрѣнъ отъ слова
Мудрецъ нашъ аще будетъ.

ГЛѢБЪ.

Обично такова
Дерзость величавая въ дѣлѣ не бываетъ
Многомощна и себе суетну являетъ.

БОРИСЪ.

Поселъ, якоже слишахъ, велми есть славимій
Во Греціи философъ, и между своими
Едва ему, глаголютъ, обрѣтеся равенъ.
Искусенъ въ ученіи, красомовствомъ славенъ;
Къ тому же и страннія изучи язики,
Умѣетъ и нашъ рускій. Мужъ же сій толикій
Не кичится, глаголютъ, но кротокъ есть въ нравѣ.

ВЛАДИМЕРЪ.

Вѣрно слово: бесѣда его творитъ явѣ,
Яко славное его имя не есть тощно,
Зъ бесѣди бо, каковъ кто внутрь есть, знати мощно.

ВѢСТНИКЪ.

Поселъ вохода проситъ: есть ли ти блажимо?

ВЛАДИМЕРЪ.

Слуги да устроятся и да прійдутъ сѣмо.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТОЕ.

ФИЛОСОФЪ, ВЛАДИМЕРЪ, ЖЕРИВОЛЪ.

ФИЛОСОФЪ.

Первій мой приходъ, княже, велѣнній ми бяше
Царемъ моимъ, нынѣ же величество ваше
Прійти велѣлъ ми еси. Азъ яко моего

Цара, и величества таkожде твоего
Творити волю готовъ: оному повинно,
Тебѣ любовно долженъ, обоимъ всечинно.

ВЛАДИМЕРЪ.

Сіе ты усердіе и любовь толика
Велитъ ми потщатися, да царъ и владика
Твой мене не побѣдитъ, ни да превозійдетъ
Въ любвѣ своей ко тебѣ. Но да болшій прійдетъ
Сей долгъ на мя любовній, молю тя, не буди
Тяжекъ,—аще хощеши, да не всуе труди
Пути твоего пойдутъ,—скажи намъ подробну
Глави вашыхъ уставовъ, сотвори удобну
Увѣренію быти вѣру намъ христову,
Да увѣми, какову взяти и какову
Отвергти подобаетъ.

ФИЛОСОФЪ.

Во всякой потребѣ
Поволенъ ти есмь, въ сей же найпаче есть требѣ
Да служу нелѣностно, [1]) на дѣло бо сіе
Не токмо мя царъ посла, но се прилежнѣе
Самъ Богъ [2]) завѣщаваетъ.

ЖЕРИВОЛЪ.

Что ми велитъ ваше
Величество? Се прійдохъ.

ВЛАДИМЕРЪ.

Давно мнѣ мисль бяше
Призвати честность твою; угодна обаче
Не бѣ времени, нынѣ же тебѣ найпаче

---

[1]) Въ Усп.: *Да услужу неложно.*
[2]) Въ сп. М. Д. А.: *мнѣ.*

Достоитъ се вѣдати, кія ми совѣти
Преподаетъ царъ римскій: законъ измѣнити
Совѣтуетъ, ти же намъ[1]) закона начало.

ЖЕРИВОЛЪ.

Непотребна измѣна, идѣже ни мало
Зла не обрѣтается; въ нашемъ же уставѣ
Кій порокъ есть, развѣ то вѣдомо державѣ
Твоей будетъ. Волшіи жертви приносити
Богомъ должно есть, зри бо, что намъ сотворити
За нелюбовъ прещаютъ. Въ сію нощъ до ложа
Приступи ко мнѣ нѣкто худъ, сухъ, кость и кожа
Единна; азъ не познахъ, Купало же бяше.
И скорбенъ, возрѣвъ на мя, рече: «Чесо ваше
Беззаконіе растетъ, малитъ же ся зѣло
Боголюбство? Видиши, Жериволе, тѣло
Мое кое есть? Гдѣ суть многотучни жертви?
Мните ли, яко бози силніи суть мертви
И не требуютъ ясти? И тебе самаго
Козлоядомъ назвати требѣ. Таковаго
Зла не стерпимъ прочее: не даете ясти,
Мы убо васъ жаждою сотворимъ пропасти;
Изсушимъ Днѣпръ или бѣгъ его воспять пустимъ;
Но и самій во малѣ родъ скупій опустимъ».
Се рекъ, мняшеся на Днѣпръ скоро отходити;
Азъ же остахъ трепетенъ. Что убо творити
Имами и коея намъ требѣ измѣни,
Отсюду познай, княже!

ФИЛОСОФЪ.

Сонніа то сѣни
Бяху и позорище трезвимъ не ужасно.
Слыши, что не отъ нощна примрака, но ясно

[1]) Въ сп. М. Д. А.: *самъ*.

Предъ всѣми ты глаголю: не токмо водъ рѣчнихъ
Не изсушатъ вамъ бози, но, аще отъ вѣчнихъ
Обытелей Богъ призритъ милостивно на ви,
Въ водѣ той боговъ вашихъ сокрушатся глави.

ЖЕРОЛИВЪ.

Да на твою то прежде обратится, мерзкій
Хулниче, клеветниче!

ВЛАДИМЕРЪ.

Что тако ти дерзкій,
Жериволе? Поселъ есть и откуду, вѣси,
И ко кому есть посланній: или въ словѣ нѣси
Искусенъ? Словомъ чиннимъ, не сваромъ преприся.

ЖЕРИВОЛЪ.

Аще тако велиши, княже, добрѣ случися
Часъ мнѣ сей. Но что имамъ глаголати съ вами?
Единъ вамъ токмо есть богъ?

ФИЛОСОФЪ.

Едного имами.

ЖЕРИВОЛЪ.

Слишахъ тако. Се же что? И како онъ нужди
Всѣхъ человѣкъ понесетъ? Како ему чужди
Скорби во сердце внидутъ? Къ тому аще бози
Вамъ кромѣ единнаго не суть, почто инози
Жерци во васъ? Единъ ли всѣмъ тимъ доволствуетъ
Волъ на жертву? Что се есть? Самъ же что готуетъ
Ясти себѣ богъ? Рци ми. Велѣлъ еси, княже,
Словомъ препиратися; азъ никоеяже
Не вижду въ немъ мудрости: молчитъ, не вѣщаетъ.

ФИЛО́СОФЪ.

Таковъ слову твоему отвѣтъ подобаетъ.

ЖЕРИВОЛЪ.

Таковъ и азъ вѣмъ, ибо аще достизати
Висоти моихъ словесъ не можешь, молчати
Нужда ты есть. Но рци ми: коей найболшъ сласти
Въ яденіи богъ ищетъ? Что найпаче ясти
Любитъ онъ, рци, молю тя.

ФИЛОСОФЪ.

Аще бы не тако
Земенъ былъ еси, зналъ бы о семъ [1]), яко
Духъ сокрушенній—Богу жертва есть любима.

ЖЕРИВОЛЪ.

Ха! ха! ха! ха! Слишите, слишите славима
Бога христіанскаго! Убо ниже піетъ;
Жаждній, гладній, и бѣдній—духъ ему довлѣетъ,
Парею ситъ.

ФИЛОСОФЪ.

О смѣхъ вашъ достоинъ слезъ многихъ!

ЖЕРИВОЛЪ.

Ми же боговъ имами не тако убогихъ:
Упиваются виномъ; [2]) гусей, курей страви
Тучатъ ихъ, а найпаче тучнѣйшіе крави
И воли пожираютъ. Еще ты немногу
Вещъ реку: кое лицо свойствуется богу,
Красное ли, бѣлое ль? Кій шаръ имъ пріемній?

---

[1]) Въ Усп. и Кіев.: *моглъ бы еси знати.*
[2]) Въ Усп.: *медомъ.*

ФИЛОСОФЪ.

Вѣмъ, кій видъ боговъ вашыхъ—черни суть и темни. [1])

ЖЕРИВОЛЪ.

Вашъ же каковъ?

ФИЛОСОФЪ.

Не вѣми, есть бо невидимій.

ЖЕРИВОЛЪ.

Слишите, что̀ намъ сказа? Се ли онъ хвалимій
Философъ? Чуждихъ боговъ вѣстъ, не вѣстъ своего!
Не вѣстъ, въ кого вѣруетъ. Княже! виждъ, коего
Учителя имаши.

ВЛАДИМЕРЪ.

Престани. Стиждуся
Красомовства твоего.

ЖЕРИВОЛЪ.

Владико! чуждуся
Твоему величеству. Вѣруй ми: нигдеже
Тишайшія бесѣди не суть; и понеже
Кроткимъ словомъ истинни хранити нѣсть волно,
Дѣломъ смиру хульника и смиру доволно.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ФИЛОСОФЪ, ВЛАДИМЕРЪ, БОРИСЪ, ГЛѢБЪ.

ФИЛОСОФЪ.

Не буди величеству твоему въ досаду:
Се ли мудрци ваши? [2]) Азъ овчому стаду

[1]) Въ Усп.: *черный есть и темный.*
[2]) Въ У.: *Сіи ли ваши мудрецы?* Въ К.: *Си ли вамъ мудрци суть?*

Не далъ быхъ сицеваго вожда.

ВЛАДИМЕРЪ.

Сіе воспсати
Не требѣ есть закону, ниже порицати
Нашу державу: родъ нашъ жестокъ и безсловній,
И писменъ ненавидяй есть сему виновній.
Но не во всемъ Жериволъ глагола безумнѣ:
Како богъ есть невидимъ, не вѣмъ азъ.

ФИЛОСОФЪ.

Разумнѣ
Отсюду начелъ еси: аще бо видимій
Былъ бы богъ человѣкомъ, не былъ бы множимій
Соборъ многобожія, но ниже бы вѣри
Возмогло тогда быти мѣсто во всемъ мірѣ.
Вѣра есть вѣровати во вещъ таинственну,
Ниже есть неприлично быти сокровенну
Отъ очесъ смертныхъ Богу. Слонце, ходя горѣ,
Обаче дерзкыхъ очесъ не терпитъ: воскорѣ
Отвращаетъ зѣницу. И ви, земни суще
И тоежде съ инними естество имуще,
Чести ради не всѣмъ васъ хощете являти,
Многимъ на престолъ царскій неволно взирати.
Къ тому Богъ духъ есть, ниже вещество [1]) имѣетъ,
И тако до зрѣнія его не довлѣетъ
Око плотское. Се же явѣ есть отсюду,
Яко и души нашой не можемъ отнюду
Видѣти [2]), какова есть.

ВЛАДИМЕРЪ.

Како убо вѣми,
Яко Богъ есть, понеже намъ есть невидимій?

---

[1]) Въ Усп. и М. Д. А.: *естество.*
[2]) Въ сп. М. Д. А.: *вѣдати.*

ФИЛОСОФЪ.

Сей разумъ отъ естества имѣетъ начало:
Древни убо Еллини, не суще ни мало
Отъ Бога изученни, сіе имѣяху
Познаніе: егда бо весь міръ разсуждаху,
Видяще въ немъ толь многу тварь и толь различно
Зданіе и всѣмъ вещемъ данное прилично
Свойство и согласіе, яко и въ толикомъ
Множествѣ не ратуютъ на ся, но въ великомъ
Мирѣ стоятъ и въ единъ конецъ намѣраютъ,
Ниже когда данній имъ чинъ свой измѣняютъ:
Свой путь имутъ свѣтила, свой брегъ знаютъ води,
Свое время вѣдаетъ земля, изъ ней плоди
Исходятъ кійждо отъ ныхъ во время подобно:—
То зряще, философи рѣша: «неудобно
Быти симъ безъ начала и потребной власти;
Нѣкто создалъ есть сія и державъ упасти
Не даетъ и премудримъ смотрѣніемъ строитъ:
Убо того и Богомъ нарещи достоитъ».
Тако вси мудрствоваху.

ВЛАДИМЕРЪ.

Добрѣ се; но кая
Нужда есть, да, многія твари разсуждая,
Познаемъ токмо быти единаго Бога?
Многихъ бо создателей тварь требуетъ многа.

ФИЛОСОФЪ.

Ни, княже! Не можетъ бо что началомъ быти.
Аще не есть едино: началу имѣти
Первенство подобаетъ. Убо аще мнози
Суть во васъ, вси ли тіе суть первіе бози?

Аще ни, единъ убо; аще же вси, како
Въ многомъ числѣ нѣсть вторій и третій? И тако
Всѣмъ выну подобаетъ имѣти едину.

ВЛАДИМЕРЪ.

Но откуду вѣстно есть, яко еще инну
Жизнь глаголете быти и вѣкъ инній новій,
Сему преставшу?

ФИЛОСОФЪ.

Сіе извѣщенно слови
Пророковъ намъ есть, ниже вѣру имъ возможно
Отяти, [1]) ибо отъ нихъ многажди неложно
Событіе познахомъ. Но и сіе вѣстно
Бысть древнымъ любомудрцемъ: Платонъ бо извѣстно
Творитъ въ едной бесѣдѣ, яко душа наша
Есть безсмертна, и его разумъ вси пріяша;
Единъ токмо Эпикуръ не хощетъ пріяти.
Еще же и отсюду тожде само знати
Мощно есть: Богъ, всякоя вещи сій начало,
Имать вся совершенства, отъ ныхъже не мало
Видимъ въ различной твари: аще убо цвѣти
Красніа зримъ, должно есть тожде разумѣти
И о Бозѣ, яко есть всей красоти полній.
Видимъ свѣтила: убо есть свѣта доволній
Источникъ Богъ. Чудимся величеству міра:
Великъ убо и Богъ есть, и нѣсть ему мѣра.
Равнѣ въ твари словесной. Знаемъ всемогуща,
Видяще крѣпость мужей; знаемъ все имуща [2]),
Зряще на власть царскую; мудра быти знаемъ
Отъ мудрости созданной. Сице устрояемъ

[1]) Въ Усп.: *Сіе есть извѣстно словы отъ пророковъ. Намъ ниже вѣру не можно не яти.*
[2]) Въ Усп.: *сильна суща.*

Правди его извѣтъ есть; сіеже [1]) едино
  Доволно показуетъ, яко имать инно
Житіе быти, кромѣ времяннаго, еже
  Во различнихъ случаяхъ преходитъ; понеже
Неравны дѣла нинѣ творятъ человѣци:
  Инъ добронравенъ, инъ есть лукавъ; въ семъ же вѣцѣ
Не вси по дѣломъ своимъ мзду и казнь пріемлютъ:
  Многажди добри страждутъ, лукави же вземлютъ
Чести превисокія, убо не вѣнчаетъ
  На земли Богъ праведныхъ, ни злихъ осуждаетъ.
Како убо самъ правъ есть, аще здѣ кончати
  Всю нашу жизнь имами, не инной чаяти?
Обаче не тако есть: Богъ, правди хранитель,
  Инъ вѣкъ намъ уготова, въ немъже и отмститель
Злимъ будетъ, и праведнимъ мзду воздастъ сторичну,
  Симъ радость безконечну, онимъ же казнь вѣчну.

ВЛАДИМЕРЪ.

Прежде твоей бесѣди симъ образомъ тое
  Поразумѣвахъ всегда: егда бо что злое
Аще и втай сотворихъ, совѣсть мя мучаше;
  Размишляхъ, что боюся: все житіе наше
Здѣ кончается, мнѣ же кто здѣ может быти
  Судія? Но такъ внутрной скорби утолити
Не могохъ. Скажи еще: како о семъ мірѣ,
  Како о человѣцѣ, како о всей вѣрѣ
Христовой мудрствуете?

ФИЛОСОФЪ.

Прежде всего вѣка
  Богъ, сій доволенъ въ себѣ, созда человѣка
Во времени, отъ своей благости единной,

---

[1]) Въ сп. М. Д. А.: *а еже*.

Не да здѣ живетъ присно, но да къ лучшой инной
Жизни онъ свой путь творитъ [1]). Міръ же сей всеродній
Дасть ему въ напутіе, дабы путь угодній [2])
Имѣлъ, и того ради лице понуренно
Иннимъ даде животнимъ, намъ же подвышенно, [3])
Да, идѣже отчество, тамо умъ возводимъ.
Сего и отъ еллинской мудрости доходимъ.
Но человѣкъ, своея не разумѣвъ чести,
Ни познавъ благодати, сведенъ же отъ лести,
Скотомъ, отъ нихъже лицемъ разнствуетъ, тимъ страстно
Сердцемъ уподобися, и мню, яко ясно
Вѣси, яже о падшемъ Адамѣ обично
Повѣствуется: тебѣ бо со всякимъ различно
Общество есть народомъ, и со христіяни
Бесѣдуеши часто. И оттуду на ни,
Аки отъ источника, вся нужди и скорби
Истекоша, болѣзни, распри, брани, борби,
Глади и губителства; сама смерть тогожде
Корене и, что смерти лютѣйшое, тожде
На разумъ нашъ наведе облакъ нѣкій темній,
Имъже бывъ человѣкъ ослѣпленній, весь земній
Сотворися, горѣ же мало кто возводитъ
Сердце, и се идоловъ честь скверную родитъ.
Самъ себе весь міръ тако обезумилъ бяше,
Яко кромѣ Іудей весь міръ [4]) почиташе
Мертво дѣло рукъ своихъ. Но смотри, коликій
Богъ нашъ есть во милости; не терпитъ во вѣки
Міру тако погибнуть, хощетъ воздвигнути
Лежащихъ отъ падежи, не вѣдущыхъ пути
Исправити, плѣненныхъ во адъ—свободити
Еще же да и правдѣ удовлетворити

---

[1]) Въ Усп. *Жизни путь свой творитъ.*
[2]) Въ сп. М. Д. А.: *удобній*
[3]) Въ Усп. и Кіев.: *возвышенно.* [4]) Въ Ус. и К.: *родъ.*

Божіей за преступство человѣкъ возможетъ.
Но, понеже ни ангелъ, ни человѣкъ можетъ
Извести сія въ дѣло, созданну бо силу
Превосходятъ, самъ къ тому (дивная вещъ) дѣлу
Снійде съ небесъ. Коль мудрѣ! [1]) самъ плоть человѣчу
Воспріятъ на ся, прошедъ утробу дѣвичу,
И бысть Богъ и человѣкъ, единимъ связуемъ
Лицемъ въ двою естеству. Того именуемъ
Христа: той бо пострада и утоли за ни
Гнѣвъ божій, той смертію своею отъ страни
Возведе насъ адскія, той научи, како
О Бозѣ да мудрствуемъ, и сказа намъ, яко
Единъ Богъ есть истинній, но лице тройственно—
Отецъ, Синъ и Духъ святій: Отцу есть свойственно
Раждати отъ нѣдръ Сина, Духа изводити,
Онѣмъ же отъ едина Отца исходити.
Синъ убо плоть изволи нашу воспріяти
Отъ Дѣви; въ той пострада, на крестѣ распятій,
Умре и погребенъ бысть, воскресе и явно
Многимъ сіе сотвори, потомъ же, преславно
Возшедъ на небо, сѣде одесную Бога.
Суть же и инна, яже даде намъ премнога;
Но не всѣмъ годствуетъ вся повѣдати: когда
Облечешься во Христа крещеніемъ, тогда
И инная увѣси; нынѣ еще сіе
Увѣдай и во память паче всѣхъ силнѣе
Водрузи: мы вѣруемъ извѣстно и ясно,
Яко будетъ день судній, страшно и ужасно
Время, день степанія, день туги, день гнѣва
Божія, воньже люта и неувѣтлива
Месть погубитъ грѣшники, блази же вѣнчанни
Будутъ во славѣ. Прежде убо нечаянній
Гласъ труби пройдетъ землю, той мертвыхъ возбудитъ,

[1]) Въ Усп.: *И зри, коль мудрѣ.*

(Дивна вещъ во истину!) и на судъ понудитъ
Во едино сбратися: во огнь облеченній
Судія сядетъ, здѣ же и полкъ безчисленній
Огненнихъ слугъ предстанетъ. Всѣмъ же будетъ вѣрній
Свѣдитель—совѣсть своя, вся бо наша знаетъ
Тайная; той судія и сердца пронзаетъ.
Разлучитъ убо благихъ и злихъ на двѣ части:
Тыхъ въ радость воведетъ, а, имъже міра сласти
Препяша путь спасенній, пошлетъ во огнь вѣчній.
Вѣчній огнь! се страшно есть: кто безчеловѣчній
Тако будетъ, егоже не устрашитъ сіе?
Княже! добрѣ о себѣ разсмотри. Виждь, кіе
Совѣти даю тебѣ. Первіе вся міра
Состави развергутся, ниже наша вѣра
Измѣну пріиметъ: сію намъ предвозвѣстиша
Пророци неложніи, въ пѣснехъ предгласиша
И древнія сувіллы, еллинскія дѣви,
Но вземшія отъ Бога разумъ прозорливій.
Сію царіе, сію пріяша всецѣло
Премудріи людіе, и многія зѣло
Чудеса утвердиша, и мнози за сію
Кровь свою изліяти, подъ мечь нести вію,
Нищету, изгнаніе, темници, окови
И вся нужди терпѣти бываху готови.
Богатство, слава и чинъ княжескій великій
Минутъ скоро и стати не могутъ во вѣки,
Якоже и прочіихъ минуша; но, яже
Азъ глаголю, не имутъ конца никогдаже.

ВЛАДИМЕРЪ.

Даръ, егоже посла намъ царъ вашъ, честенъ бяше;
Но безцѣнный есть бисеръ, егоже ни ваше
Благородіе нинѣ даруетъ. Той убо
Должна мя въ любвѣ моей творитъ, да сугубо

Вѣрну пріязнь утвержду аки ко моему
Брату; но за премудра словеса твоему
Благородію въ томъ мя должна знаю быти,
Да буду тя отселѣ во отца имѣти:
Царевѣ бо даръ за даръ отслати довлѣемъ,
За твой даръ равно дати ничтоже имѣемъ.

ДѢЙСТВІЕ 4.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВЛАДИМЕРЪ, БОРИСЪ И ГЛѢБЪ.

ВЛАДИМЕРЪ.

Имате ли нѣкое сумнѣніе, чада,
О словѣ философа?

БОРИСЪ.

Мнѣ еще отрада
Великая на сердцы и, егда онъ слово
Простираше, мнитъ ми ся [1]), яко вино ново
Вліяше ми въ сердце [2]).

ВЛАДИМЕРЪ.

И азъ таковую
Радость имѣхъ; но нинѣ инну во мнѣ чую
Измѣну: сонъ мя нѣкій устраши до зѣла.
Нѣкіимъ чернимъ мужемъ изведенъ отъ тѣла
Мнихся быти и ведомъ сквозѣ дебръ пустинну,
Потомъ вверженъ въ долъ темній, потомъ же ко инну
Мѣсту свѣтлу и злачну, но не вѣмъ, коего

---

[1]) Въ сп. М. Д. А.: *внимахъ азъ.*
[2]) Въ Усп.: *Вліяти во сердце.* Въ сп. М. Д. А.: *вливаше въ мое сердце.*

Страха полну приведенъ,—доселѣ моего
Покоити не могу сердца. Къ тому громи
Зѣлнія слишахъ, потомъ весь отъ огня жгомій
Лютѣ бѣхъ; отвсюду же пси лаяху инози.
Боюся, да не гнѣвъ свой поощраютъ бози.

ГЛѢБЪ.

Истинна суть, яко гнѣвъ поощраютъ бѣси;
Но суетній ихъ мечь той. Вѣми, яко нѣси
Самъ устрашенъ, нашего сердца испитати
Хощеши, отче! Ми же, тебѣ подражати
Во всемъ обикнувшіи, ни мало въ семъ дѣлѣ
Не разнствуемъ отъ тебе; бѣсовской же силѣ
Весма поругаемся: во снѣ страхъ наводятъ.
Почто, аще силни суть, явѣ не исходятъ
На бранъ? Аки татіе, покровенни тмою,
Дерзаютъ на спящаго и сѣнъ со собою
Ведутъ на помощъ; лютій полкъ суть и ужасній,
Лаяху же, аки пси, добрѣ: ибо гласній
Крикъ имутъ; но ничтоже крикомъ успѣваютъ,
Не ложни въ томъ, яко въ пси себе претворяютъ.
Мы, отче, велѣнія отъ твоей державы
Ожидаемъ: азъ сею рукою имъ главы
Покрушу, аки скудель.

БОРИСЪ.

И о мнѣ не инно
Имѣй разумѣніе, отче! Непремѣнно
Согласіе наше есть, ниже кровъ сродственна
Тако насъ вяжетъ яко вѣра божественна.

ВЛАДИМЕРЪ.

Радуюся, о чада, яко ко благому
Преклонни есте зѣло; обаче влекому

Волю ко желанному не всегда ползуетъ
Свободно простирати, но да совѣтуетъ
Первѣе трезвій разумъ на многѣ, и тогда
Безбѣдно пойдетъ воля: она бо иногда,
Мняще быти вещъ добру, избираетъ злую.
Отъидѣте на время. Азъ посовѣтую [1])
Наединѣ со мною.... Зъ воску имутъ дѣти
Сердце, скоро ихъ на вся преклонишъ совѣти.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ВЛАДИМЕРЪ.

Коль многи суть совѣти, ихъже лице красно
Мнится быти, но, егда разсмотрѣмъ опасно,
Инако являются.... Первое се явѣ,—
Породится отъ сего укоризна славѣ
Нашей: не повергу ли греческимъ подъ нозѣ
Царемъ вѣнца моего? И ихъ же на многѣ
Усмирихъ побѣдами, тимъ самъ подчиненній
Буду, не оружіемъ,—еднимъ побѣжденній
Словомъ философовимъ! Инако же носитъ
Обычай: да закона побѣжденній проситъ
Отъ побѣдника, сей же тому да владѣетъ.
Къ тому міръ знаетъ, яко сили ми довлѣетъ,
Да зъ римскимъ царемъ сяду купно же и равно,
Не тако, аще ученикъ его есмъ. Явно
Се вѣмъ укореніе. Но уже и время
Мину ученичества: егда малъ бѣхъ, бремя
Сіе на мнѣ не бяше; нинѣ на престолѣ
Княжемъ сѣдяй, поддамъ мя учителской волѣ?
Доселѣ бѣхъ невѣжа, и невѣжи бяху
Князи праотци мои, вси бо почитаху
Сихъ боговъ несумѣнно. «Убо отъ безумнихъ

[1]) Въ Усп. и Кіев.: *здѣ совѣтую.*

Порожденъ есть Владимеръ?» Кто отъ многоумнихъ
Боляръ не повѣсть тако? Ниже токмо сіе
Рекутъ, но (что ми сердце уязвитъ лютѣе)
Рекутъ, яко не ради вѣри пріяхъ вѣру,
Но страха ради, хотяй завѣщанну миру
Крѣпость дати, аки бы страшна ми со Греки
Брань была.... Но что сія возмогутъ вопреки
Оглашенной истиннѣ? Что сего порока
Множае азъ боюся, неже царъ? Висока
Велми и его слава. Но намъ совѣтуя,
«Крестися» ми не рече, да не азъ, дряхлуя,
Творити се явлюся. Аще же и тое,
Еже азъ мишлю, будетъ, что се есть? Кое
Зло есть хулиму быти отъ рода лукава?
Димъ есть токмо [1])—людская и хула, и слава!
А яко старъ [2]) учуся,—то ли будетъ бѣдно?
Учитися доброго во всякомъ не стидно
Есть времени: «до смерти (обще гласитъ слово)
Всякъ человѣкъ учится». Но на мнѣ се ново
Явится,—отъ праотецъ никтоже не бяше
Христіянинъ. Что къ тебѣ? Но аще бы наше
Не было отъ князей сродство, княземъ быти
Не требѣ бы намъ было! Како же смирити
Имаши славу? Ни ли и во христіянехъ
Суть князы? Суть царіе, суть крѣпки во бранехъ
Воини. Аще же то и не будетъ тако,
Что есть цвѣтъ міра сего? Не видишъ ли, како
Цвѣтуще увядаетъ; вся аки дождевній
Туманъ, аки димъ, аки кринъ единодневній,
Аки сонъ исчезаютъ! А и сіе благо
Толь худое колико въ себѣ имать злаго,

---

[1]) Въ Усп.: *единъ*.
[2]) Въ друг. сп.: *Яко въ старость*.

Враждѣ, зависти, болѣзней, случаевъ различнихъ!
Сія ли мя усладятъ? Сія отъ благъ вѣчнихъ
Удержатъ мя? Не буди!... Но камо идеши,
Княже бѣдній? Триста женъ гдѣ суть? Небрежеши,
Всѣхъ отвращаешися? Убо ти звѣръ дивій,
А не человѣкъ еси; тако горделивій
Будеши, хотя бити смиренній. И сію [1])
Мзду воздаси за любовъ? Уви мнѣ! Весь тлѣю,
Жегомъ огнемъ сердечнимъ [2]), весь внутръ изгараю,
Пламень внійде въ утробу. О горе! не чаю
Живъ быти, аще пріиму законъ нелюбимій,
Иго тяжкое, яремъ, неудобъ носимій!
Аще же ми сіе исперва повѣданно
Было бы, когда еще не бѣ привязанно
Сердце мое толь долгимъ [3]) обычаемъ сластей,
Удобнѣе было бы. Нынѣ же огнь страстей,
Толику силу веемшій, како есть удобно
Угасити? Отсюду мнится неподобно
Ученіе христово: учитъ утоляти
Похоть плотскую. Како се есть—уязвляти
Естество? Естеству се наносится нужда.
Како убо онъ есть Богъ? Воля его чужда
Есть смотрѣнія, Богу отнюдъ несвойственна:
Аще онъ есть создатель міра вещественна,
То почто созданію своему противній
Законъ вноситъ? Аще же инъ кто міръ сей дивній
Произведе въ бытіе, инъ убо кто міра
Начало есть, убо есть о немъ ложна вѣра ......
Владимере! что тако бѣснуешься? Кія
Бѣси (о лютѣ тебѣ!) наваждаютъ [4]) сія
Помисли и глаголи? Тако еси краткой

[1]) Въ рук.: *И сію ль.*
[2]) Въ Усп.: *злосмраднымъ.*
[3]) Въ руп. М. Д. А.: *томимымъ.*
[4]) Въ Ус. и К.: *наводятъ ти.*

Памяти, заби уже проповѣди сладкой
Философа? Что бо онъ рече неизвѣстно,
Что противно разуму? Откуду безмѣстно
Помишленіе сіе? Естества начало
Извѣстно показася Христосъ, но ни мало
Онъ всякому естеству не творитъ обиди:
Аще вождъ дастъ воину мечь, да тѣмъ побѣди
Ищетъ, или лѣть ему есть употребляти
На зло и вмѣсто врага друга убивати? [1])
Тако похоть плотскую Богъ всѣя во плоти
Нашей, но да ей чинно, не яко же скоти
Въ ситость употребляемъ. Здравому согласно
Се есть разсужденію..... Но мрачитъ ми страстно
Умъ—обыкновеніе, обичай сломити
Противнимъ обичаемъ. Аще же се [2]) быти
Труднымъ мнится, трудно есть, обаче возможно;
Трудно, но удобіе зло есть и безбожно;
Трудно, но мзди безъ труда никто не имѣетъ;
Трудно, но помянути на трудъ сей довлѣетъ
Огнь вѣчній. О Христе мой! (моимъ нарицаю,
Чуждъ тебе окаянній) въ твоей уповаю
Помощи; твоимъ быти желаю всецѣло,
Тебѣ мою отдаю и душу, и тѣло.
Угаси огнь, отжени и хулнія бѣси,
Едину мы сохрани славу: ибо вѣси,
Коль родъ мой горделивій княжеской державѣ
Поругается, аще вѣрую въ тя явѣ.
Буди угодно тебѣ, да отай крещуся .....
О нечувства моего! Кого азъ стиждуся
И предъ кимъ? Во студъ мы есть безумну царъ вишній,
Честенъ же мнится быти лукавій и грѣшній

---

[1]) Въ Усп. и К.: *употребити. На зло и вмѣсто врага друга тѣмъ убити.*

[2]) Въ сп. М. Д. А.: *мнѣ.*

Родъ сей! Не тако; всюду да проходятъ вѣсти
О мнѣ: се явѣ иду Христа исповѣсти.
Се иду, твору волю божества твоего,
И законъ твой посредѣ есть чрева моего.

ХОРЪ.

ПРЕЛЕСТЬ.

Возврати, Владимере, возврати бѣгъ спѣшный,
Негли постой а слыши плачь мой неутѣшній.
Познай любезне,
Кто зоветъ слезне.
Кого любиши?
Камо бѣжиши?
Въ кія идешъ страны?
Откуду гнѣвъ на ны?
Плачь тя не утолитъ,
Гласъ мой не умолитъ:
Тако еси твердій,
Тако жестосердій!
Любве ми едина!
Кая се измѣна!
Помяни, Владимере, дни прежднія тіе,
Когда тя обятіе имяше сіе:
Кое тогда пространство, кая радость бяше!
Триста женъ лобзанія сердце вмѣщаше!
Скоки и плясанія бяху непрестанно;
Сласть всякая течаше въ душу невозбранно.
Коихъ тогда сладостей не бивахомъ сити!
Поминати сладко есть,—что жъ дѣломъ творити?
Вспомни, когда ко сердца охладѣ
Быхъ съ тобою въ красномъ вертоградѣ:
Естество цвѣтъ являше различній;
Азъ представляхъ жени краснолични.
Красно мѣсто отъ цвѣтовъ тихъ бяше,

Но краснѣйше позорище наше:
Стидяшеся всюду цвѣтъ червленній,
Живихъ цвѣтовъ лицемъ побѣжденній.
Гдѣ днѣ тіе? Зайдоша въ долъ подземній,
Помрачи ихъ вечеръ темній,
Померче день свѣтозрачній,
Найде (лютѣ!) облакъ мрачній.
Владимере, возлюбленна главо!
Кто тя сведе толь лукаво?
На самого себе лютій
Хощеши гнѣвъ воздвигнути.
О мои люди! то вамъ не буди;
Путемъ христовимъ не йдѣте:
Жестокъ есть зѣло, удручитъ тѣло,
Тяжкаго ига не носѣте.
Кая лютость, о княже,
Благъ моихъ новій враже!
Аще тебе самаго
Мучитъ тяжесть всезлаго [1])
Что инниxъ тебе ради
Жалъ мучитъ безъ отради?
Триста сердецъ вздихаетъ,
Шестьсотъ очесъ ридáетъ;
Се азъ всуе умножаю плачь безмѣрній.
Не слишитъ каменній той и зловѣрній!
Не отъ княжа онъ есть рода,
Но отъ тигровъ лютихъ плода:
Весь есть звѣрній,
Весь каменній, весь желѣзній, весь жестокій,
Нечувственній, яровидній, [2]) яроокій!
Хулитъ онъ наши совѣти

---

[1]) Въ Усп. и Кіев.: *Мучити мнится благо.*
[2]) Въ Усп. и Кіев.: *страховидный.*

И побѣди мнитъ то быти
Верхъ височій.
Воистинну отмщу тебѣ, звѣре дивій,
Отмщу тебѣ сей укоръ нашъ горделивій:
Увѣси отъ мести данной,
Како любвы поруганной
Жалъ гнѣвливій.

ДѢЙСТВІЕ 5.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КУРОЯДЪ, ПѢЯРЪ.

КУРОЯДЪ.

Ясти мнѣ хочется, ясти, о горе! ясти,
Ясти хощу! Горе мнѣ! приходитъ пропасти.

ПѢЯРЪ.

Куроядe! гдѣ ти былъ? гдѣ былъ еси нинѣ?

КУРОЯДЪ.

Дабы тако не былъ живъ князъ нашъ (пасдинѣ
Съ тобою бесѣдую), яко богомъ жертва
Чрезъ него вся оскудѣ! О! аще бы мертва
Слышахъ его, слышахъ бы вѣсть радостну нову.

ПѢЯРЪ.

Почто тако?[1])

КУРОЯДЪ.

Увѣривъ философа слову
Запрети приносити жертви по всѣмъ градомъ.

---

[1]) Въ Усп. и Кіев.: *Кая вина?*

ПѢЯРЪ

Мала еще се злоба.

КУРОЯДЪ.

Убивати гладомъ
Малу злобу зовеши да еще пречестнихъ
Жерцовъ и молебниковъ за ввесъ родъ нелестнихъ!
Се азъ ходихъ на село курей куповати.
И когда сіе бяше?

ПѢЯРЪ.

Горшее слишати
Вижду ты не случися, что глаголютъ мнози.
Молю тя: кто болій есть—жерци или бози?

КУРОЯДЪ.

Вѣмъ, что вопрошаеши: аки бы скорбъ сію
О мнѣ имѣлъ? Ни, друже! Мене не жалѣю,
Жалѣю боговъ: ибо аще оскудѣетъ
Жертва, азъ куплю мяса; богъ же не имѣетъ [1])
Пѣнязей и не пойдетъ на село: гладъ убо
Намъ—ему смерть готова. И сіе сугубо
Печалива мя творитъ.

ПѢЯРЪ.

Еще ты не вѣси
Злобы его горшія. Тако его бѣси
На боговъ возяриша: повелѣ повсюду
Крушити боги. Видѣхъ, како удъ отъ уду
Отторженъ валяшеся, многихъ носи, нозы
Урѣзанніе видѣхъ. О благіе бози!

---

[1]) Въ Усп. и Кіев.: *но богъ не имъетъ.*

Болѣю за васъ зѣло. Чи не скорбъ се, друже?
Ладо не можетъ уже плясати, емуже
Сіе дѣло отъ боговъ всѣхъ есть порученно,
Но токмо лактѣ движетъ всуе, недѣйственно.
Мошко же отнюдъ кадилъ не возможетъ чути,
А Подвиздъ (о скорбъ моя! о жалъ мой веселютій!)
Пребиту голень имать и храмлетъ, стеняя!
Но слыши множайшая и крайняя злая:
Дѣти студніи, кумиръ разсѣкше подробну,—
Что видѣхъ окаянній! зри вещъ неподобну:—
Во главу, аки въ сосудъ, испраздняютъ стомахъ!

КУРОЯДЪ.

Что главѣ творятъ?

ПѢЯРЪ.

Стомахъ испраздняютъ.

КУРОЯДЪ.

Ахъ! ахъ!
Да како ихъ не пожретъ земля, се видяще?
Вѣсть ли сія Жериволъ?

ПѢЯРЪ.

Куроядe! аще
Жериволъ увѣсть сія, предастъ духа богу.

КУРОЯДЪ.

Но гдѣ онъ есть, не вѣси?

ПѢЯРЪ.

Впаде во премногу
Болѣзнь отъ скорбей многихъ и едва возможетъ
Убѣжати отъ смерти: зѣло бо не можетъ

Ясти, ни вкуса чуетъ: третій день минаетъ,
Яко онъ ужь едного токмо пожираетъ
Быка на день.

КУРОЯДЪ.

О люте! Вси ми измремъ гладомъ!
О княже беззаконній! дабы ты надъ адомъ
Царствовалъ, не надъ нами, не надъ рускимъ родомъ!

ПѢЯРЪ.

Молчи! Тѣшимся твоимъ, господи, приходомъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МЕЧИСЛАВЪ, ВОЖДЪ, ХРАБРІЙ, ПѢЯРЪ И КУРОЯДЪ.

МЕЧИСЛАВЪ.

Кое здѣ дѣло, жерци? Воистинну дивній
Упоръ сей! Вы едини имате противны
Быти волѣ княжеской? О столпи безумни!
Скоти безсловесніи! Старци дѣтоумни!

КУРОЯДЪ.

Что толикимъ, господи, движеши насъ страхомъ?

МЕЧИСЛАВЪ.

Ни ли слышасте воли княжей?

КУРОЯДЪ.

Не слишахомъ
Воистинну, кая есть.

ХРАБРІЙ.

Убо еста глуха?
Трубній гласъ извѣщаше.

ПѢЯРЪ.

Не доиде слуха
Нашего: ми зде равно прійдохомъ отъ пути;
Не быхомъ днесь въ Кіевѣ. Но воспомяпути
Изволте, господіе, кій указъ есть княжій.
Ми творимъ волю его. Воистынну вражій
Духъ бы былъ, аще бы кто противился волѣ
Толикаго владикы.

МЕЧИСЛАВЪ.

Убо вамъ дотолѣ
Нѣсть вѣстно, яко всюду крушити кумири
Князъ повелѣлъ, наставшей христіанской вѣри?

ПѢЯРЪ.

Се новое мы слышимъ.

КУРОЯДЪ.

Ниже намъ чаянно

МЕЧИСЛАВЪ.

Како? Вся вѣстъ Россія, вамъ же неслыханно
Доселѣ есть? Лжете, пси!

ПѢЯРЪ.

О господи! буди,
Якоже глаголеши; обаче мы люди
Простіи, не слишахомъ.

КУРОЯДЪ.

Да не прогнѣвится
Власть твоя: ваша повѣсть отнюдъ быти мнится

Неудобъ вѣрителна: нашъ боголюбивій
Князъ есть.

МЕЧИСЛАВЪ.

О горе тебѣ! Или, мнѣ псе [1]) лживій,
Лгати велиши? Убо отъ твоего жъ дѣла
Явлю истинну: круши идоли.

КУРОЯДЪ.

Сѣчила
Не имамъ со собою.

МЕЧИСЛАВЪ.

Воини! дадѣте
Оружіе.

КУРОЯДЪ.

Милости прошу: не мучѣте
Болнаго. Виждьте, како не могу подяти.

МЕЧИСЛАВЪ.

Удъ непослушливъ мечемъ достоитъ отяти.

КУРОЯДЪ.

Лютѣ мнѣ!

МЕЧИСЛАВЪ.

Достизайте! Ти на мѣстце друга
Наступи; ни ли и ти тогожде недуга
Вредомъ ослабленъ еси?

ПѢЯРЪ.

Послушай мя мало,
Владико! Се Ладо есть богъ, а се—Купало,
А се—Перунъ великій: съ тѣми убо, яко

[1]) Въ рук. М. Д. А.: *ти*.

Хощете ви, творѣте; сего же никако
Не вредѣте, молю васъ. Охъ! съ коликимъ страхомъ
Поминаемъ, что о немъ отъ древныхъ пріяхомъ.
Пророкоша древніи жерци, яко аще
Вредитъ кто бога сего, тогда, то видяще,
Слонце лучи закріетъ, Днѣпръ же воспятится,
Кіевъ, трусомъ низверженъ, во прахъ обратится!
Молю васъ, не дерзайте.

ХРАБРЫЙ.

Дерзнѣмъ убо сіе [1])
Увѣдати: дѣло намъ страхъ сей явственнѣе
Покажетъ. О великій! О боже преславній!
Не прогнѣвайся на ны: что велѣ державній
Князъ, достоитъ творити. Аще погибаемъ,
Яко же прещаеши, обаче дерзаемъ.

ПѢЯРЪ.

Не дерзайте, молю васъ. О лютѣ! о горе!
Зрите: трясется земля, падетъ градъ воскоре.
Падетъ градъ! Что творите? Не могу стояти
На ногахъ.

МЕЧИСЛАВЪ.

Лживій лестче! не годѣ ти лгати.

ПѢЯРЪ.

Солнце измѣняется!...

МЕЧИСЛАВЪ.

О колико бяше
Лщеніе! О колико невѣжество наше!
Кая слѣпота! Каменъ и древо бездушно,

[1]) Въ Усп. и Кіев: *Друзи! дерзнемъ сіе.*

Аки Бога живаго, усердно, вседушно
Умилно почитати и тыхъ рабомъ быти,
Ихъже рабъ твой, художникъ обыче творити.
Христе, свѣте истинній! что тебѣ имами
Воздати за толику милость, юже съ нами
Нынѣ сотворилъ еси?

ХРАБРІЙ.

Не неизволися
Власти вашей видѣти, како князъ крестися?

МЕЧИСЛАВЪ.

Желахъ отъ усердія; воинское дѣло
Удержа мя, не могохъ настигнути: зѣло
Жалую того. Ти же добрія намъ вѣсти
Подаждъ, видѣлъ бо еси.

ХРАБРІЙ.

Но кто исповѣсти
Предивній позоръ можетъ? Никогда толика
Торжества азъ не видѣхъ. Два полка велика
Идяху стройно, въ едномъ славенороссійскій,
Въ другомъ бяше избранній народъ византійскій,
Дворъ свѣтлаго Деспота, иже воспріяти
Князя царемъ посланъ есть: на всѣхъ воевъ златій
Цвѣтъ въ одеждахъ тканъ бяше; броня же толикій
Свѣтъ испущаху, яко зрящимъ и страхъ нѣкій,
И радость раждашеся. Въ толикомъ позорѣ
Прійде князъ нашъ ко храму. Храмъ низу и горѣ
Весь иконы украшенъ; посредѣ стояше
Сосудъ сребрянъ великій, яко въ немъ можаше
Еденъ погрузитися человѣкъ; на десной
Странѣ стояше престолъ утвары пречестной—

Первому епископу сѣдалище, инним
Мало нижайша бяху; ошуюю чинним
Образом вся особно бѣліе лежаху
Одежди, бѣлостію крини побѣждаху.
Утварь сію Деспота Владимеру, сину
Духовному своему, сотвори по чину
Древному у христіян. Вся же та полата,
Аки звѣзд, полна бяше кованних от злата
Лампад и свѣтилников. От восточной страни
Сладкіе исхождаху воня безпрестани.
Ставшу при дверех князю, се златими врати
От олтаря идяше клир ввесь; аз, обятій
Страхом радостним, (вѣруй, благородство ваше!)
Забых, гдѣ есмь: сердце во мнѣ трепеташе [1]).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТОЕ.

ВѢСТНИК, МЕЧИСЛАВ.

ВѢСТНИК.

Великій княз Василій здравіе и радость
Благородству твоему посилает.

МЕЧИСЛАВ.

В сладость
Вѣсть такую пріемлю [2]). Но кое гласиши
Имя ново—Василій? Чаю, приходиши
От князя ты нашего?

ВѢСТНИК.

Наш мя посилает
Княз к тебѣ, Мечиславе; но тебѣ желает
Здравствовати Василій.

---

[1]) В сп. М. Д. А.: *радостно играше.*
[2]) В К.: *Пріймую таку вѣсть.*

МЕЧИСЛАВЪ.

Тайно твое слово.

ВѢСТНИКЪ.

Владимеръ въ крещеніи пріятъ имя ново,
Василій нареченній. Хартія извѣстно
Вся явитъ.

МЕЧИСЛАВЪ.

Храбрій! прочти, да всѣмъ будетъ вѣстно.

ХРАБРІЙ

четъ посланіе Владимерово:

Владимеръ, во святомъ крещеніи нареченній Василій, князъ кіевскій и всѣхъ россійскихъ странъ повелитель, Мечиславу, вѣрному воевъ нашыхъ вожду, здравствовати.
Не случися доселѣ ниже мнѣ писати,
Ни тебѣ чести сіе, что отъ благодати
Божіей пріяхомъ; и, юже получаю
Радость нинѣ, ни въ коемъ же прежнемъ случаю
Не бысть прежде, аще бы и многія гради
Во плѣнъ пріяли быхомъ. Убо аще ради
Побѣдъ нашыхъ должно вамъ радостними быти,
Колми паче достоитъ нынѣ вамъ имѣти
Торжество съ нами. Вѣсте, яко по совѣту
Царску, по милости же божіей, ко свѣту
Отъ тми прійдохъ: еже есть, оставлше кумири
Бездушнія, воспріяхъ истиннія вѣри
Истинній законъ христовъ. Сіе нинѣ дѣло
Тогожде помощію, крайнѣ и всецѣло
Совершихъ: пріяхъ бѣлу, сложихъ утваръ черну,
Во Христа облекохся и древную скверну,
Въ нейже и родихомся, омихъ совершенно

Тайною крещенія. Сіе извѣщенно
И отъ Бога живаго [1]) бысть намъ: ибо когда
Внійдохомъ во святую купель, вскорѣ [2]) тогда
Отпаде мы безбѣдно скверная тина
Отъ очесъ, но и по всемъ тѣлѣ ни едина
Вреда видѣхъ прочее. Божіе то бяше
Призрѣніе и милость, яже мя учаше
Простаго и невѣжу явѣ и чудеснѣ,
Яко внутрь очистихся, очищенъ тѣлеснѣ.
Сія вѣстъ да радостна будетъ вамъ и честна,
Аще во васъ истинна, вѣрна и нелестна
Любовъ есть къ намъ, ибо мя украшаетъ паче,
Неже тисяща вѣнцевъ побѣдних. Обаче
Что самъ обрѣтохъ, того и иннимъ желаю,
Совѣтую [3]) же токмо, не повелѣваю.
Сіе повелѣніе наше есть, да всюди
Идоли сокрушатся, и оттоль не буды
На хоругвахъ военныхъ ни громовой стрѣли,
Ниже вѣнецъ купалній, ни инших бездѣлій;
Знаменіе крестное да будетъ прекрасно
Изображенно всюди, сіе бо ужасно
Всему противству будетъ: симъ вооруженній
Константинъ онъ великій погна безчисленній
Полкъ Максентіевъ. При семъ полку посилаемъ
Хоругов, тебѣ же щитъ крестомъ знаменаемъ.

МЕЧИСЛАВЪ.

Совѣтъ княжій усердно пріемлю, понеже
Прежде Христа возлюбыхъ вседушно; а еже
Идоли сокрушити, дѣломъ исполнихомъ,
Что творити указомъ первимъ должни быхомъ,

---

[1]) Въ сп. Кіев.: *чудеснѣ*. [2]) Въ Усп. и Кіев.: *внійдохъ—абіе же*.
[3]) Въ рук. М. Д. А.: *По совѣту*.

За хоругвъ усердно полкъ благодарствуетъ,
  За щитъ же тако крѣпкій велми долженствуетъ
Мечиславъ, да самъ своя перси вмѣстѣ щита
  Дастъ ему отъ всякаго вражія навѣта,
Защищая властъ его. О вои! се златій
  Возсія день: достоитъ всѣмъ торжествовати.

ХОРЪ.

АНДРЕЙ, АПОСТОЛЪ, СО АНГЕЛИ.

Се уже день возсія,—о радости многа!—
  День пріиде, извѣщенній прежде мнѣ отъ Бога!
Сей той есть свѣтъ, егоже, духомъ здѣ водимій,
  Обѣщахъ ты, Кіеве, граде мой любимій!
Дотоль во тмѣ былъ еси, и зракъ твой, предъ міромъ
  Свѣтелъ отъ дѣлъ преславнихъ, но яко кумиромъ
Темнимъ бяше подчиненъ, бяше зѣло черній.
  Се цѣло тя просвѣти свѣтъ онъ невечерній!
Но гдѣ есмъ? Что се вижду? Кія еще лѣта
  Открываешъ мнѣ, Цару вѣковъ? Свѣтъ отъ свѣта,
Вижду, умножается! Яко бо въ началѣ
  Малъ потокъ отъ горъ сходитъ, потомъ же во малѣ
Умноженній отъ иннихъ, стекшихъ во едино,
  Пространними ліется струями: не ино
Чудо о твоей славѣ вижду, граде божій!
  Се ти мученической крови растутъ рожи:
Борисъ, Глѣбъ, вѣтви святи корене святаго.
  Лютѣ! Уже мещетъ бѣсъ брата проклятаго,
Уже,—вижду,—копіе и ножъ поощраетъ!
  Но радуйся, о граде! Зѣло украшаетъ
Скорбъ сія лице твое. Се же что? О странно
  Чудо! Горѣ, зрящіи наю, нечаянно
Свѣтъ велій испустиша. Вы же, сѣдиною
  Честніи, о мужіе! (ибо предо мною

Не кріетъ васъ и земля) что творите тамо?
Свѣтло васъ двоихъ вижду, и се единъ прямо
Другому, въ горахъ себѣ глубокія ями
Копаютъ изсохшими отъ поста руками.
Коль-же многи приходятъ къ онимъ отъ странъ многихъ!
Но и князи славніи,—чудо!—у убогихъ
Старцевъ богатства ищутъ. О коль много честныхъ
Лицъ вижду! Не толикій отъ круговъ небесныхъ,
Коликій свѣтъ изійдетъ отъ печеръ тыхъ темныхъ.
Россія! се ты небо въ пропастехъ подземнихъ!
Но и вся кіевскія гори [1]) драгоцѣнну
Утварь всюди пріемлютъ; всюди благочинну
Красоту вижду: аки во вѣнцѣ драгія
Бисери, по всѣхъ горахъ зрю храмы святія.
Уви мнѣ! Укроти гнѣвъ, царю прогнѣванній!
Что прещеніе сіе? Что нечаянній,
Граде, великъ гнѣвъ на тя пріятъ огнепална
Месть божая? Велми тя сотворитъ печална:
Нѣкоему Батію мечъ даетъ огненній,
Тѣмъ погубленъ будеши, и тѣмъ посѣченній
Цвѣтъ людей твоихъ падетъ и скоро повянетъ.
Но не до конца забвенъ будеши: возстанетъ,
Возстанетъ избранъ Богомъ, иже тя возставитъ,
Возвратитъ ты доброту и паки прославитъ,
Седьмій бо вѣкъ отнынѣ свѣтила премнога
На златой колесници везетъ ты отъ Бога.
Вижду мужей премудрихъ, вижду учителныхъ
Къ тому и храбрихъ въ брани и многодѣтелныхъ,
Посредѣ же всѣхъ оныхъ велія свѣтила
Два свѣтятъ [2]): единъ власомъ убѣленъ до зѣла,
Митра же ему злата сѣдину пречестну
Украшаетъ, въ родномъ же знамени небесну

[1]) Въ Усп.: *роди*.
[2]) Въ Усп. и Кіев.: *сіяютъ*.

Вижду утваръ: звѣзди бо купно со луною
  И въ небо перущою зрими суть стрѣлою.
О церкви россійская! коль много ты свѣта
  Отъ сихъ свѣтилъ прибудетъ во оніе лѣта!
Другаго же воинску вижду бронь носяща,
  Всего пламенна, всего хвалимимъ горяща
Гнѣвомъ. И вижду купно, како полки многи
  Вражія устрашаетъ и ломитъ имъ роги.
Вижду и се: вражія Магомета гради
  Трясутся предъ нимъ, падутъ, не чаютъ отради.
Но нѣкій левъ ярится и на мужа силна
  Ногти остритъ. Но ярость твоя есть бездѣлна,
Звѣре гордый! Поспѣшно, о вожду великій,
  Поспѣшно иди: будетъ сверѣпій и дикій
Хищникъ раздранъ отъ тебе и издшетъ воскорѣ,
  Ти же наречешися отъ всѣхъ Самсонъ вторій.
Но онъ на се отъ мене оружія проситъ:
  Почто? твое бо въ щитѣ благородство носитъ
Крестъ самаго Господа, на вся супостати
  Страшній. Обаче мнится онъ намъ глаголати:
«Твоимъ быти воиномъ велитъ мы, Андрею,
  Царъ Петръ, за помощію ратую твоею».
Ратуй, мой оружниче! Ратуй, вожду мощній!
  Азъ, аще въ чомъ возмогу, буду ты помощній.
Се же кій во слѣдъ его позоръ поспѣшаетъ?
  Образъ нѣкій азъ вижду, егоже являетъ
Предзрѣніе божіе; многа и чудесна
  Вижду на немъ зрѣнія: зде равнонебесна
Обитель печерская каменнія стѣни
  Подноситъ, а Дѣвая исполнь своей сѣни
Наметъ распростираетъ,—наметъ, свѣта полній,
  Наметъ, ко Маріину жилищу доволній.
Здѣ ино чудо вижду: аки бы забвенній,
  Аки не бывшій, еще давно поверженній

Престолъ переяславскій и лежавшій долѣ
  Возстаетъ уже красно: на томъ же престолѣ
Посажденъ бысть мужъ нѣкій честенъ, добронравенъ,
  Древнимъ онимъ пастыремъ ревностію равенъ.
Здѣ инніе многіе зрю домы святіе.
  Отъ всѣхъ же краснѣйшее позорище сіе:
Зиждется домъ ученій. О дней ты блаженныхъ,
  Россіа! Колико бо мужей совершенныхъ
Произведетъ ты домъ сей! Надъ всѣми же сими
  Храминами зиждитель Іоаннъ славимій
Начертанъ зрится. Боже дивній и великій,
  Открывшій мнѣ толику радость и толикій
Свѣтъ на мя изліявій! даждъ крѣпость и силу,
  Даждъ и многоденствіе, даждъ къ всякому дѣлу
Поспѣхъ благополучній, брань всегда побѣдну!
  Даждъ здравіе, державу, тишину безбѣдну!
Даждъ сія царю ПЕТРУ, отъ Тебе вѣнчанну,
  И его первѣйшому вожду Іоанну!

XII.

СВОБОЖДЕНІЕ

ЛИВОНІИ И ИНГЕРМЕНЛЯНДІИ,

ОТЕЧЕСТВА РОССКА, ДРЕВЛЕ ЧРЕЗЪ МУЖЕСТВЕННА ВОЖДА ІСРАИЛТЕСКАГО МОVСЕА ВО ИСРАИЛИ ПРООБРАЗОВАННОЕ, НЫНѢ ЖЕ СИЛОЮ ВЫШНЯГО ЧРЕЗЪ ХРАБРОЕ ВОИНСТВО РОССІЙСКОЕ ВО ОТЕЧЕСТВІИ СВОЕМЪ ИСТИННО ЗРИМОЕ, ПРИ БЛАГОПОЛУЧНОЙ ДЕРЖАВѢ ПРЕСВѢТЛѢЙШАГО И БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО АVГУСТѢЙШАГО ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА АЛЕКСІЕВИЧА, ВСЕЯ ВЕЛИКІЯ И МАЛЫЯ И БѢЛЫЯ РОССІИ САМОДЕРЖЦА, СВОИМИ ЯВЛЕНІАМИ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЕХЪ ВО УЧИЛИЩАХЪ ЕГО ЦАРСКАГО ПРЕСВѢТЛАГО ВЕЛИЧЕСТВА ЧРЕЗЪ БЛАГОРОДНЫХЪ ОТРОКОВЪ ВЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ ГРАДѢ МОСКВѢ ВЪ КРАТЦѢ ИЗОБРАЖЕННОЕ ЛѢТА ОТЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 1705 МѢСЯЦА ФЕVРУАРІА.

СVНОПСІСЪ ДѢЙСТВІЯ.

Начало и основаніе дѣйствія сего отъ писанія божественнаго, идѣже непобѣдимый вождь ісраильтескій Моvсей обрѣтается, иже силою вышняго отъ Фараона людъ ісраильтескій свободи: Амалика воздѣяніемъ рукъ къ вышнему побѣди, о чесомъ чтемъ въ книгахъ Моvсеовыхъ въ главахъ 13, 14 и 17, вкратцѣ своими явленіями на три части разположенно.

АНТІПРОЛОГЪ

все дѣйствіе сvмволически изобразуетъ сице:

Является прежде Фортуна Хищенія Неправедна со львомъ гордымъ, величающися. И се приходитъ другая Фортуна Ревности отческія и затираетъ его, уничижающи; и тако явися чрезъ орла россійска пораженъ молніами и ужемъ обузданъ же-

лѣзнымъ падшій. По семъ являются Ісраильтяне въ работѣ египетской. И се приходитъ къ нимъ Моvсей, вождь ісраильтескій, и всѣхъ свобождаетъ и, свободивъ, съ собою чрезъ море ведетъ въ землю обѣтованную. По семъ за ними Фараонъ гонящъ съ колесницею потопе въ мори. Потомъ, идущу Моvсею со Ісраилемъ, нападе на нихъ Амалікъ и побѣжденъ есть воздѣяніемъ рукъ моvсеевыхъ къ вышнему.

Сіе положено прообразованія токмо ради: ибо яко тамо Моvсей силою вышняго своего свободи Ісраиля, сице здѣ тою же силою Ревность россійская свое отечество.

ПРОЛОГЪ

всѣхъ слышателей въ дѣйствіи проситъ о внимателное слышаніе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Исходитъ Лівонія и Інгерменляндія, отечества россіе, со львомъ, ихъ стрегущимъ, плачущеся, яко, неправедно отъ царства православна иновѣріемъ восхищены, лютымъ звѣремъ, сіесть львомъ, суть томимы, мерзость запустѣнія въ храмѣхъ божіихъ поносятъ. И сѣтующе когда просятъ вышняго о свобожденіи, се отъ небесъ являются со Упованіемъ Вѣра, Надежда и, обѣщающе имъ свобожденіе, даютъ Упованіе, глаголющи уповати на вышняго и чаяти свобожденія отъ Неправедна Хищенія. И по семъ «вѣруйте мнѣ» (Вѣра глаголетъ); Надежда же: «Надѣйтеся, яко свобожденны будете», и возносятся на небо.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Сѣдящу въ совѣтѣ Благочестію съ Правовѣріемъ, съ Крѣпостію росскою и трема Россіами, совѣтующе, како бы могли отъ Неправедна Хищенія отечество свое свободити, являются паки съ небесъ уже вси три добродѣтели: Вѣра, Надежда, Любовь и возвѣщаютъ имъ отечества ихъ вопль къ вышнему,

и рекутъ, яко услышано есть отъ него и свободитъ его. Они же, за обѣщанное благодарствуя: «когда (вопросятъ) и чрезъ кого сія будутъ?» Отвѣщаетъ прежде Вѣра: «Той свободитъ, емуже азъ дамъ знаменіе свое: симъ бо знаменіемъ свободится отечество ваше». И Надежда такожде возглаголетъ: «Надѣйтеся, яко той свободитъ, емуже дамъ знаменіе котвицу мою, симъ бо знаменіемъ утвержденно будетъ отечество ваше». И Любовь такожде речетъ: «Емуже азъ запалю сердце до свобожденія». И, сія рекше, взимаются на небо.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Прознаменуя благополучный вѣкъ обѣщанному свободителю отечества росскаго, выходитъ Фортуна и засѣваетъ златую жатву, а Вѣкъ златый орошаетъ. По семъ съ небесъ Іовішъ Фебуса посылаетъ, дабы согрѣлъ лучами своими; Фебусъ же, повелѣнное сотворивъ, паки возносится на небо.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Изъ посѣяннаго злата Фортуны съ Вѣкомъ сѣмене является израстшее въ цвѣтахъ различныхъ оружіе и оливныя вѣтви, прознаменуя миръ и брань къ Хищенію, аще не отдастъ мирно отечества. Посемъ приходятъ Фортуна и Вѣкъ златый, и Фортуна убо взимаетъ вѣтвіе оливное, Вѣкъ же—оружіе, и отходятъ ко Благочестію.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Веселится Благочестіе съ своими, яко обѣща имъ вышній свободителя, и пиръ творитъ. И се приносятъ предъ него Фортуна и Вѣкъ вѣтви оливныя и оружіе, израстшее изъ ихъ сѣмене, и отдаютъ, испрошающе вины израстѣнія таковаго. По семъ пирующе вопрошаетъ Благочестіе съ нимъ совозлежащихъ о обѣщаномъ свободители, каковъ будетъ, мужественъ ли и крѣпокъ, такожде и о жатвѣ Фортуны. Они же совѣтуютъ о

семъ вопросити звѣздочетцовъ и повелѣти, да воззрятъ на небо, имущее планеты; сего ради по совѣту призванныя звѣздочетцы повелѣнное обѣщаются исполнити.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Смотрятъ звѣздочетцы на небо чрезъ свои инструменты. И прежде покажется имъ планета — Марсъ вооруженый съ мечемъ вооруженымъ, на себе показуя и глаголя: «Азъ». По семъ звѣзда, названая орелъ, звѣздами изображеный, паки звѣзда, названая корона Аріадны, и паки знаменіе зодіачное Стрѣлецъ, и паки знаменіе зодіачное Дѣва, во образѣ сивиллы. И отъ таковa видѣнія звѣздочетцы, вся преблага уразумѣвше, съ радостію отходятъ возвѣщати Благочестію.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Приходятъ звѣздочетцы предъ Благочестіе, сѣдящее со своими, и возвѣщаютъ, яко обѣщаный храбръ воинъ будетъ: явися бо подъ планетою — Марсомъ вооруженымъ, и мужественъ — подъ звѣздою бо орломъ, и крѣпокъ — яко подъ знаменіемъ Стрѣлца, и благополученъ, ибо подъ короною Аріадны, яже прознаменуетъ ему торжество; извѣщаютъ и о жатвѣ. И сія имъ возвѣщающымъ, се является на престолѣ двоеглавный великій орелъ, имущій въ единой нозѣ скипетръ, а въ другой свѣтъ, съ надписаніемъ таковымъ: «Мнѣ востокъ, и западъ, и полудень, и полунощь». Сего ради Благочестіе паки удивляется и паки вопрошаетъ звѣздочетцовъ, да изъявятъ орла, явлшася на престолѣ; они же обѣщавшеся на небо смотрити и по семъ возвѣстити.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Паки звѣздочетцы смотрятъ на небо, и се паки является имъ знаменіе зодіачное Дѣва во образѣ сивиллы, вины смотренія вопрошающи и уразумѣвши видѣное, яко орелъ, явльшійся на пре-

столѣ, обѣщаному свободителю всѣ четыри части свѣта прознаменова покоритися. Они же, услышавше, отходятъ и, пришедше ко Благочестію, сѣдящему со своими, толкують знаменіе орлее по глаголу сивиллы. Благочестіе же, благодарно въ слухъ сія пріемши, востаетъ и проситъ вышняго, дабы уже послалъ обѣщанное. И се услышатъ гласъ съ небесъ: «Иди въ вертоградъ и обрящеши желаемое, покажетъ бо тебѣ его сила моя: ею бо обѣщанный свободитъ отечество свое».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

По глаголу вышняго исходитъ Благочестіе со Правовѣріемъ и Крѣпостію россекою искати обѣщаннаго и прежде обрѣтаютъ вертограды красны и въ нихъ Роскошъ свѣтскую со Храбростію россекою, прящихся о обѣщанномъ, которая будетъ угодна ему. Вопросившу же вины прѣнія отъ нихъ Благочестію и уразумѣвшу, совѣтуетъ имъ, да знаменіами своими искусятъ, когда явится: чіе знаменіе возметъ, тая и угодна ему будотъ. И сія ему глаголющу, се является съ небесъ Сила вышняго, взывающи Ревность отечества росска; на который гласъ Ревность является со трема Царствами и приходитъ предъ Силу. Сила же вышняго возглаголетъ ко Благочестію: «Се имате обѣщанное; сей свободитъ отечество ваше, мене бо всегда въ помощь будетъ имѣти. Еще вамъ пошлю Моvсеа, вожда ісраилскаго, на помощь». Они же благодарствують, яко получиша желаемое, и съ собою честно взимаютъ Ревность со Царствами.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Благочестіе, посадивши на престолѣ со трема Царствами Ревность, изъявляетъ прю о немъ Роскоши и Храбрости россекой, которая бѣ прежде явленія ея; она же, послышавши, соизволяетъ и пойдетъ смотрѣти реченнаго.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Приходитъ Благочестіе съ Ревностію въ вертоградъ и обрѣтаютъ паки Роскошъ съ Храбростію, уже не прящихся, но по совѣту постановившихъ въ себѣ знаменіами своими искусити Ревность по прежнему совѣту Благочестія. Благочестіе же Ревности прежде показуетъ знаменія Роскоши: сиесть цвѣты красныя, одежды свѣтлыя и прочая, Роскоши приличная; но егда видитъ, яко ниже смотряше на сіе Ревность, начатъ показовати имъ знаменія Храбрости, сиесть луки, копія, мечи, щиты, фузеи и прочая. Ревность же, презрѣвши знаменія Роскоши, мужественно взимаетъ Храбрости, сиесть мечи, щиты, луки и прочая. Сего ради Роскошъ сѣтуя отходитъ, Храбрость же, отдавши все оружіе, радостна бываетъ и отдаетъ себе на службу со знаменіами своими Ревности. Что увидѣвши, Благочестіе воспоминаетъ Ревности и о израстшемъ оружіи изъ жатвы Фортуны; Ревность же, послышавши, благодарствуя за сіе вышнему, отходитъ со своими на потѣху искушати всего того оружія.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Ревность, вземши оружіе отъ Храбрости, израстшее изъ жатвы Фортуны, выходитъ съ Россіами, Мужествомъ и Храбростію на потѣху искушати оружія, будетъ ли угодно на брань, и тако стрѣляютъ изъ луковъ, шермуютъ различными оружіи, всѣдаютъ на коня Буцефала и никто возможе сѣсти, кромѣ единыя Ревности, яко же иногда кромѣ единаго Александра. Посемъ утруждшися Ревность восхотѣ мало почити; сего ради Россіи постелю красну постилаютъ, Ревность же ея не восхотѣ, но повелѣ (показуя свое мужество) изъ различна оружія себѣ постелю устроити. И егда на оружіяхъ начатъ мало почивати, прилетѣ надъ ню орелъ двоеглавный и паряше надъ спящую, имущь въ ногахъ своихъ и устахъ львы. И посемъ являются прежніе три добродѣтели: Вѣра, Надежда и Любовь, и Исти-

на съ небесъ. И прежде Любовь запаляетъ Ревности спящой сердце. Посемъ Вѣра, глаголющи къ ней (егда возбудится), яко уже время на повелѣніе вышняго свобождати отечество свое, даетъ крестъ свой и глаголетъ: «Симъ знаменіемъ свободиши е»; Надежда же, дающи котвицу свою, речетъ: «Симъ знаменіемъ утвердиши». Посемъ и Истина даетъ прежде вѣтвь масличную, рекущи: «Аще Неправедное Хищеніе возхощетъ мирно отечество твое отдати, пошли къ нему вѣтвь сію; аще же сопротивится, се мечь мой на выю его». И, давше, взимаются паки на небо.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Пришедше съ потѣхи Россіи предъ Благочестіе, сѣдящее со Царствами, возвѣщаютъ видѣнное на потѣхѣ надъ Ревностію, сіесть орла двоеглавна, держаща въ устахъ львовъ и паряща, и три добродѣтели и Истину съ небесъ, и яко не хотѣ мягка ложа, но возлеже на оружіяхъ, и яко кромѣ Ревности никто не всѣде на Буцефала. Сіе же все услышавше, Благочестіе призываетъ сивиллу, да изъявитъ видѣнное надъ Ревностію. Егда же сивилла повѣсть, яко знаменова крѣпость и торжество и яко свое отечество отъ Неправедна Хищенія свободитъ, возглаголетъ Благочестіе со Царствами Ревности, къ нимъ пришедшей, яко уже время повелѣнное отъ вышняго творити. Она же радостно соизволяетъ и посылаетъ Храбрость къ Неправедному Хищенію, дающи вѣтвь масличную и мечь, данный отъ Истины, и велитъ вопросити, не сопротивится ли и отдастъ ли мирно отечество россское.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Исходятъ двѣ Радости Лівоніи и Ингерменляндіи и, веселящеся, хвалятся себѣ обѣщаніемъ свободителя. И въ небѣ три добродѣтели: Вѣра, Надежда, Любовь (яко на повелѣніе божіе и на совѣтъ ихъ Ревность соизволяетъ) со ангелы пѣнія поютъ красная.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Приходитъ Храбрость съ поселства предъ Ревность и возвѣщаетъ, яко Неправедное Хищеніе противится ему и не соизволяетъ отечества росскаго мирно отдати. Ревность же, сія услышавши, вскорѣ повелѣваетъ воиномъ готовитися ко брани сице, яко иногда Гедеонъ со своими воины, дабы всякъ водоносъ скуделный тощъ имѣлъ и свѣщу, запаленну посредѣ его, во единой руцѣ, а въ другой трубу, и егда въ нощи снидутся брань творити, дабы всякъ, разбивъ водоносъ, токмо со свѣщею и вострубивъ трубою, яко и онъ, реклъ: «Копіе Богу и Ревности росской»,—и посемъ дабы брань творили. И посемъ повелѣваетъ Благочестію со Правовѣріемъ просити вышняго о обѣщанна Моvсеа на помощь, на что соизволяютъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Благочестіе проситъ со Правовѣріемъ вышняго, дабы объявилъ помощника по обѣщанію своему Моvсеа, вождя ісраилскаго, и се гласъ изъ купины горящія: «Моvсее! Моvсее!» На который гласъ Моvсей является и глаголетъ: «Азъ, Господи! Что повелѣваеши твоему рабу?» И гласъ: «Иди на помощь Ревности, да якоже свободилъ еси Ісраиля отъ Фараона, сице свободиши отечество росско отъ Хищенія Неправедна. Азъ буду и нынѣ такожде, якоже бѣхъ и прежде съ тобою». И потомъ ко Благочестію речетъ: «Се имаши помощь по обѣщанію моему». Благочестіе же со Правовѣріемъ, поимше Моvсеа, благодарствуя, отходятъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Приходитъ Благочестіе съ Моvсеомъ вождемъ предъ Ревность, возвѣщая, яко отъ вышняго присланъ къ ней на помощь; она же, съ радостію пріемши его, посаждаетъ близъ себе. И се

приходитъ посолъ отъ Неправеднаго Хищенія, возвѣщая Ревности брань. Она же, вскорѣ обѣщаяся готова быти, вопросила посла, яко иногда Філиппъ, король македонскій, Демадеса, присланнаго къ нему отъ Аѳінъ: «Каково въ красотѣ отечество россское? таково ли, яко было и прежде?» Поселъ же, яко иногда Демадесъ Аѳіны Філиппу, веземъ таблицу, вапами изобрази и показа Ревности. Она же, побудившися красотою, рече, яко иногда Філиппъ къ Демадесу, послу: «Дабы паки мое при мнѣ было отечество, желѣзомъ того докажу». Поселъ же, показуя свое мужество, речетъ къ Ревности: «Крѣпко уже нынѣ твое отечество, тѣмъ съ трудомъ его одержати; сего ради даю ти знаменіе: запалю руку мою предъ тобою: аще сгоритъ, знаменіе, яко не оборонитъ его рука моя». И запалитъ, яко иногда Муціушъ Сцеволя, и тако сгоритъ даже до плеча. Что увидѣвши, Ревность рече къ нему: «Вижды! иди и рцы Неправедному Хищенію: яко же рука твоя сгорѣ, тако и вы сожжены будете, аще не покоритеся и не отдадите мирно чуждаго».

ЯВЛЕНІЕ 3.

Выходятъ полки и Ревности россской, и Неправедна Хищенія; и прежде брани по совѣту обоихъ полковъ изъ полка Ревности высылаютъ орла двоеглавна, а изъ полка Хищенія льва прегорда, дабы между собою брань творили. Егда же начнутъ битися, Моусей на небо руцѣ воздѣваетъ: егда держитъ руцѣ горѣ, орелъ льва одолѣваетъ, яко прежде Ісраиль Амаліка; егда же руцѣ спуститъ, левъ орла. И по семъ поддерживаютъ руцѣ Моусеови, и тако орелъ льва одолѣетъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Прежде брани высылаетъ Хищеніе Неправедное къ Ревности россской, дабы Ревность сама съ нимъ прежде полковъ брань творила. Егда же на сіе Ревность радостно соизволяетъ, выходитъ Хищеніе противо Ревности на гидрѣ седмоглавной и

зачинають между собою брань творити. Моусей же паки воздѣваетъ руцѣ къ вышнему, и тако Ревность гидру (главы ей яко иногда Геркулесъ отсѣкающъ и припаляющъ, дабы не отрастали) убиваетъ; по семъ Хищенія со студомъ прогонитъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Приходитъ Совѣтъ отъ Хищенія къ Ревности, глаголющъ, яко усовѣтовалъ еще съ полками брань творити. На что когда радостно соизволяетъ Ревность, выходитъ Хищеніе съ вежами на двухъ львахъ (яко иногда Антіохъ на слонахъ) подѣлаными; но, прознаменуя ихъ погибель, является между ими съ мертвою главою и мечемъ обнаженнымъ ангелъ и по семъ смерть на конѣ блѣдомъ съ косою. Сего ради Хищеніе съ своими полки, убоявшеся явленій, утекаетъ во градъ крѣпокъ и заключаются. Ревность же съ полками своими приходитъ подъ градъ, всякъ воинъ по повелѣнію ея прежнему имуще во единой руцѣ водоносъ и въ немъ запалену свѣщу, а въ другой трубу; и, пришедше, начинаютъ лѣствицами лѣсти во градъ. И прежде Ревность на стѣнѣ градской надъ градомъ въ нощи свой водоносъ, имущь въ себѣ свѣщу запалену, разбиваетъ и вострубитъ, и вси по семъ такожде вдругъ рекутъ всякъ: «Копія Богу и Ревности россекой». Полки же Хищенія, ужаснувшеся, начаша изъ града утекати. И се паки является ангелъ, прежде прознаменующъ ихъ погибель, и избиваетъ всѣхъ, яко иногда воевъ ассирійскихъ. По семъ является и смерть на конѣ блѣдомъ, сѣкущи ихъ, и громи съ небесъ поражаютъ; смерть остатокъ загоняетъ во адъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Приходитъ вѣстникъ изъ полковъ ко тремъ Царствіямъ, возвѣщающъ шествіе съ побѣды Ревности россія. Они же, услышавше, срѣтаютъ ю на торжественной колесницѣ, львами двома, имущими на себѣ вежу, взятыми во плѣнѣ, ѣдущу; за нею же Крѣпость россекая и Храбрость на копіяхъ несутъ ма-

лыхъ львичищь, прознаменованныхъ чрезъ орла, надъ нею паряща; иные вои несутъ на копіяхъ гідру, чрезъ Ревность убитую, со трубнымъ торжественнымъ гласомъ. Царства же, срѣтившею, возлагають (съ себе снемше) на ню своя короны; Ревность же не восхотѣ пріяти. По семъ провождающе, на пути постилаютъ цвѣты и торжественными вратами въѣхавше, посаждаютъ ю на престолѣ по повелѣнію Сылы вышняго.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Сѣдящую на престолѣ Ревность вѣнчаетъ Сила вышняго. Ревность же, воставши, прежде за побѣду благодаритъ вышнему и Силѣ его и по семъ пиръ творитъ. И се приходитъ предъ ню Торжество въ лаврѣ со палмами и отдаетъ ей свобожденные отечества росска, прежде неправедно похищенные, и всегда съ нею обѣщается жити; и, снявши съ себе лавръ, вѣнчаетъ Ревность, а Царствамъ и Россіамъ даетъ палмы въ руцѣ и отходитъ. По семъ приходитъ Фортуна и всѣхъ четырехъ частей ей отдаетъ свѣты, обѣщаяся и самыхъ ихъ отдати.

ЕПІЛОГЪ

благодарствуетъ слышателемъ за вниматедное слышаніе, такожде прощенія проситъ за вся въ дѣйствѣ погрѣшенія.

XIII.

ІОСИФЪ, ПАТРІАРХА,

СВОИМЪ ПРЕДАНІЕМЪ, УЗАМИ, ТЕМНИЦЕЮ И ПОЧТЕНІЕМЪ ЦАРСКАГО ПРЕСТОЛА ХРИСТА, СЫНА БОЖІЯ, ПРЕДАННАГО, СТРАЖДУЩАГО И ВОЗНЕСШАГОСЯ СЪ СЛАВОЮ ПРООБРАЗУЮЩІЙ, ВЪ ПРЕСЛАВНОЙ АКАДЕМІИ КІЕВСКОЙ НА ПОЗОРЪ РОССІЙСКОМУ ХРИСТОЛЮБИВОМУ РОДУ ОТЪ БЛАГОРОДНЫХЪ РОССІЙСКИХЪ СЫНОВЪ ДѢЙСТВІЕМЪ, ЕЖЕ ОТЪ ПОЕТОВЪ НАРИЦАЕТСЯ ТРАГЕДО-КОМЕДІЯ, РОКУ 1708 МАЯ 25 ВО ВТОРНИКЪ ПО СОШЕСТВІИ СВЯТОГО ДУХА ПОКАЗАННІЙ.

ДѢЙСТВІЕ 1.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ВО ЕГИПТѢ ДРУГЪ ІОСИФОВЪ ВЕСЕЛИТСЯ, ЯКО ІОСИФЪ, АЩЕ БЫСТЬ И НА СМЕРТЬ УГОТОВАННІЙ И ВЪ РАБОТУ ОТЪ БРАТІИ ПРОДАННІЙ, НО НЕ ПОГУБЛЕНЪ ЕСТЬ, И ВОЗВѢЩАЕТЪ, ЯКО ВЪ ДОМУ ВЕЛМОЖИ ПЕНТЕФРІЯ ДОБРѢ ЖИВЕТЪ И ВСѢМЪ ЕГО БОГАТСТВОМЪ ВЛАДѢЕТЪ.

О аще бы намъ всегда благодать толику
Возможно въ дому нашемъ имѣти, елику,
Безъ надежди живуще, обрѣтохомъ нинѣ!
Что бо ми лучше будетъ паче сей години,
Егда другъ мой любимій, Іосифъ прекрасній,
На смерть проданній, живъ есть, смерти непричастній?
То ми радость безмѣрну во утробѣ плодитъ,
То ми сердце и смисли внутрняя проходитъ.
Веселюся душею, сердцемъ же играю,
Аки би что згибшее паки обрѣтаю.
Сорадуйте ми ся днесъ, о друзи избранни,

Яко живъ обрѣтеся Іосифъ проданній!
Возиграйте и гори! Холми же високи
Истощѣте зъ своихъ нѣдръ сладостніе токи!
Торжествуй, ханааня земле, по вся годи,
Твои бо процвѣтаютъ въ чужихъ странахъ плоди.
Красуйся, Іякове, зѣло утружденній
Старостію и плачемъ горкимъ наполненній!
Се бо днесъ отъ очію твоею отяти
Хощетъ Богъ слези, а за слези радость дати.
Завистъ братоубійцовъ явится воскорѣ:
Покажетъ Той, иже зритъ вся, живущій горѣ.
Явится и одежда, кровію окропленна
Не отъ Іосифа, но зъ козла убіенна.
Се бо аще и въ раба синъ твой есть проданній,
Аще и на смертъ уже бистъ уготованній,
Но той въ Пентефріевомъ дому господствуетъ,
Живетъ между велможи и всѣмъ обилуетъ,
Надъ всѣмъ его богатствомъ полну власть имѣетъ,
Добрѣ устроеваетъ и добрѣ владѣетъ.
Радуйтеся вси, иже правдою пожисте
И иже свѣтъ паче тиы зѣло возлюбисте,
Яко Богъ неповинна отрока отъ смерти
Избавилъ, ниже подалъ братіи пожерти!
Веселися, Рувиме, яко исполнися
Твое желаніе: се братъ не умертвися,
Но живетъ въ Египтѣ, вся иматъ благая,
Живетъ, бѣди и нужди ни мало не зная.
Плакалъ еси, егда и не обрѣлъ въ студенци,
Се нинѣ естъ славимій между иноземци.
«Безъ мене естъ,—звалъ еси,—отрокъ погубленній!
Камо азъ обращуся нинѣ болѣзненній?»
Реклъ еси, о Іудо: «Брата не губити,
Но въ работу продати: тамъ волитъ умрѣти,
Ибо плоть естъ наша и братъ естъ намъ родній.»

И се уже аки кринъ цвѣтетъ доброплодній,
Цвѣтетъ между терніемъ и не увядаетъ,
Болшею же славою себе украшаетъ.
Того азъ веселюся и свѣтло играю,
Яко друга моего жива созерцаю.
Аще бись, Іякове, видѣлъ сіе нинѣ,
Кую бись имѣлъ радость о погибшемъ синѣ
Твоемъ, понеже тебѣ прежде угашенній
Свѣтъ очію твоею, нинѣ же возженній
Свѣтится во Египтѣ и всѣмъ возвѣщаетъ,
Яко въ Пентефріевомъ дому обитаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ЗАВИСТЬ БРАТОУБІЙСТВЕННАЯ, НАУСТИВШАЯ БРАТІЮ ПОГУБИТИ ІОСИФА, СЛИШАВШИ ОТЪ ДРУГА ІОСИФОВА, ЯКО ЖИВЪ ЕСТЪ ІОСИФЪ, ЛЮТѢЕТЪ, ПРОКЛИНАЕТЪ ІОСИФА, И БРАТІЮ, И ПЕНТЕФРІЮ, И ДЕНЬ ТОЙ, ВОНЬЖЕ НЕ УБІЕНЪ ЕСТЪ ІОСИФЪ, И ХОЩЕТЪ ВСЯКИМЪ ОБРАЗОМЪ ПОГУБИТИ ІОСИФА.

ЗАВИСТЬ.

Бѣда мнѣ! О мнѣ бѣда, бѣда нестерпима!
О лютѣ мнѣ! Мучитъ мя скорбь неутолима!
О горе! Что азъ слишу? Что ти глаголеши,
Безумне? И якую то радость плетеши?
Кая радость, рци ми, днесъ? Рци ми глаголъ дерзкій.
Рци, что реклъ еси. Живъ ли естъ Іосифъ мерзкій?
Или гдѣ естъ? Еще ли онъ по земли ходитъ?

ДРУГЪ ІОСИФОВЪ.

Живетъ въ Пентефріевомъ дому, жизнь проводитъ
Добрѣ и всѣмъ богатствомъ его самъ владѣетъ.

ЗАВИСТЬ.

Ни, ни! Ложній естъ глаголъ твой: отнюдъ не имѣетъ
Жити нигдеже. И что ти всуе блядиши?

Нейму тебѣ вѣри, безумне! Не вѣси
Ничтоже. Азъ наустихъ братію, да его
Лютѣ убіютъ, и той ли днесъ живъ естъ? Сего
Азъ не могу слишати. Живъ ли онъ есть нинѣ?
О время проклятое тоея годины,
Въ нейже избылъ отъ смерти! О время всөлестно,
Аще той окаянній не изгиблъ безчестно!
Избылъ, избылъ во малѣ отъ руки моея
Студній той сновидецъ. Но азъ не терплю сея
Вѣсти, не терплю отнюдъ. Не дамъ ему жити,
Скоро, скоро потщуся его погубити:
Подвигну нань самаго преисподня ада,
Наполню сердца многихъ смертоносна яда,
Призову на погибель всю адскую силу,
Да воскорѣ прибѣгнутъ ко моему дѣлу.
Ѳ безумна братія, яко не убисте
Его! Нѣсть вамъ ума! Нѣсть ума! Сохранисте
Врага, брата вашего. И се врагъ той аще
Живъ пребудетъ, збудется сонъ его: сѣдяще
На престолѣ, велитъ вамъ себе почитати.
Но лучше бы вамъ было его не продати
Въ работу, но убити въ глубокой пустини,
Нежели работати вся дни и години.
Горе вамъ! Послужите, яко господину
Брату меншому; иже вамъ бѣ долженъ вину
Служити, той вамъ будетъ господь и владика.
О горе вамъ! О горе! О бѣда велика!
Возлюбленный мой аде! и твоя держава
Толь крѣпка—агъ!—немощна, и безчестна слава
Будетъ, аще тя единъ отрочищь толь силна
Побѣдитъ и покажетъ во вѣки бездѣлна.
Сей не хощетъ радости, не радитъ о сластехъ,
Ниже чтетъ боговъ общихъ, небрежетъ о властехъ,
Египетскій обичай святый отвергаетъ,

На боговъ, тебѣ любихъ, брани воздвизаетъ.
Безуменъ и Пентефрій! О проклятъ естъ, яко
Не принудитъ его ко своей воли всяко:
Онъ бездушній не радитъ на доброе дѣло
Привести отрока: что болшъ, чтетъ и́ зѣло.
О горе мнѣ самой, яко живъ естъ лестній
Той сновидецъ! Проклятъ и велми безчестній
День той, вонъже избылъ отъ моея руки!
Не престану искати горкой ему муки.

ЯВЛЕНІЕ 3.

СИЛА АДОВА ЗЪ БѢСАМИ ПРИХОДИТЪ ОТЪ АДА КО ЗАВИСТИ НА ПОМОЩЪ И РАЗЛИЧНІЯ СМЕРТИ НА ІОСИФА УГОТОВЛЯЕТЪ, ВЪ КОНЕЦЪ ЖЕ, ПО ЖЕЛАНІЮ ЗАВИСТИ, ДУШУ ЗЪ ТѢЛОМЪ ІОСИФОВУ ХОЩЕТЪ БЕЗЧЕСТНО УМЕРТВИТИ.

СИЛА АДОВА.

Не смутися! не бойся: еще бо вся наша
Не погибла надежда, ниже намъ престаша
Сили. Погубимъ его, погубимъ до слова,
Яко же сами схощемъ. Смерть ему готова
Напрасна будетъ, скоро онъ иматъ пропасти:
Ибо жизнь и смерть его горка въ нашей власти
Естъ. Токмо зберѣмъ прежде, кую жесточайшу
Смерть ему содѣлати.

ЗАВИСТЬ.

Сотвори множайшу
Силу смертей, юже нань требѣ обратити,
Да скоро, скоро его возможемъ убити
И во адъ низвести.

СИЛА АДОВА.

Днесъ вся уготоваю,
Тебе же за твой промислъ добрѣ похваляю.

Но изберемъ воскорѣ нань погибель зѣло
Крѣпку. Мечемъ разсѣкнути его мерзко тѣло,
Или въ глубинѣ морстей жива утопити?

ЗАВИСТЬ.

Добрѣ, но не тако азъ хощу погубити
Его: многажди бо и добрихъ разсѣкаютъ
Лютѣ, и морски волни многихъ потопляютъ.

СИЛА АДОВА.

То смертную подати, якъ врагу, отраву,
Да студно разсядется? Или его главу
Отявше на столпъ вбити? Паче же спалити
Жива или вся кости млатомъ сокрушити?

ЗАВИСТЬ.

Азъ хощу ему болшой погибели.

СИЛА АДОВА.

Убо
Его на мали части разсѣкти сугубо.
Или конми вся уди его растерзати?
Или пилою стерти, иль жива дати
Въ снѣдъ звѣремъ?

ЗАВИСТЬ.

Жестока есть, но не удолна
Сія погибель, нѣсмъ бо отъ нея доволна:
Иббо аще и умретъ, но имя и слава
Его будетъ во мірѣ честна, свята, права.
Но азъ и душу хощу,—охъ душу!—и тѣло,
И имя его честно убити всецѣло.

СИЛА АДОВА.

Добрѣ, добрѣ вся будутъ, аще его душу
  Погубимъ: ничто же намъ болшъ требѣ. Порушу
Азъ на помощъ отъ бездни силна врага—тѣла:
  Той вѣсть, якъ уловити его скоро; сила
Бо его естъ многа: той можетъ запалити
  Нань сердца женъ богатихъ, отъ нихъже избити
Отроку невозможно: и во млады лѣта
  Зъ естества суть преклонны до роскошей свѣта.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ЗАЩИЩЕНІЕ БОЖОЕ РАЗГАНЯЕТЪ ВСЕ СОБОРИЩЕ АДСКОЕ И ПРЕДГЛАГОЛЕТЪ О ІОСИФѢ, ЯКО, АЩЕ И ПРЕТЕРПИТЪ ИСКУШЕНІЕ МНОГОЕ, УЗИ, БѢДИ, ТЕМНИЦУ, НО НА ЦАРСКОМЪ ПРЕСТОЛѢ БУДЕТЪ ПОСАЖДЕННІЙ.

ЗАЩИЩЕНІЕ БОЖОЕ.

Что, мерзкій соборе, что хощешъ творити?
  Днесъ погибнеши. Вонъ! Днесъ вся твоя совѣти
На студъ твой обратятся, ни бо что успѣютъ,
  Аще ли и безмѣрни, еще болшъ разсѣютъ
Вражди, лести, коварства: вся будутъ бездѣлна [1]),
  Хранитъ бо Іосифа благодать всесилна.
Допуститъ Богъ по судбамъ своимъ си глубокимъ
  Найти нань многочастнѣ напастемъ жестокимъ, [2])
Прійдетъ нань нечаянно отъ студной невѣсты
  Искушеніе силно, на дѣла нечисты
Влекуще. Но яко секира изощренна

---

[1]) Противъ этого стиха съ боку приписано: *Бѣси падаютъ, Адъ утѣкаетъ.*

[2]) Противъ этого стиха: *Защищеніе обращается къ людемъ.*

Не всѣчетъ адаманта, но сама сотренна
Будетъ: тако и сего чистаго отрока
Не прелститъ напраженна отъ сердца глубока
Любовъ нечиста: ибо отрокъ мужественній
Презритъ всю лесть Велможи, нужно же влеченній
Ко безстудству отставитъ ризу свою, та же
Окаянна, за то что не прелститъ й, скаже
Нань предъ мужемъ неправду и оболжетъ лестно.
Тогда имутъ отрока и свяжутъ безчестно,
И вовергутъ въ темницу, и зхотятъ убити,
Яко той не восхотѣ сластемъ послужити.
Но да пріидетъ нань сила сверѣпаго Ада!
Да созиваетъ Зависть отъ бездни вся чада
Гордаго діявола и вся преисподня
Страни нань да подвигнетъ! Но милость господня,
Яже взятъ Іосифа отъ смертносна[1]) рова,
Когда ему уже бисть кончина готова,
И яже не подаде неповинна смерти,
Не дасть и сей напасти отрока пожерти;
Но, дивними судбами взявши изъ темници
Отъ узъ и отъ злыхъ бѣдъ, во славѣ превелицѣ
Посадитъ вишше князей египетскихъ: пріидутъ
Къ нему велможи, пріидутъ и князи, обійдутъ
Его вси силніи, и припадутъ языци
Предъ лицемъ его свѣтлимъ. Прежде же елици
Его, ненавидяще, хотяху убити,
Тіи восхотятъ ему вѣрне послужити.
Вси же, имущіи надъ нимъ власть и державу,
Воздадутъ ему должно всяку честь и славу,
Яко цару своему, будетъ бо всѣхъ болій:
Никто бо что возможетъ кромѣ его воли.

---

[1]) Въ рукописи: *смертоносна.*

ХОРЪ

ПОКАЗУЕТЪ НЕПОСТОЯНСТВО МІРА СЕГО: КАКО ЧЕЛОВѢКОВЪ ВОЗНОСИТЪ И НИЗВЕРГАЕТЪ, ИЗГОНИТЪ, ЗАВИДИТЪ И УБИВАЕТЪ; ВОСПѢВАЕТЪ ЖЕ ІОСИФОВЫ БѢДЫ, ГОНЕНІЯ И СКОРБИ, ЯЖЕ ВЪ ДОМУ ОТЪ БРАТІИ, ВЪ РАБОТѢ ЖЕ ОТЪ ЗАВИСТИ ПРЕТЕРПѢВАЕТЪ.

Хоръ, или пѣніе.

Отверзи очи, мужу преизбранній,
И виждъ, что творитъ свѣтъ непостоянній.
Горѣ возноситъ, садитъ на престолѣ,
Но въ скоромъ часѣ поверджетъ тя долѣ.
Не дасть ни мало безбѣдно пожити,
Но скоро хощетъ въ ровѣ затворити
И вражду сѣетъ, зависть умножаетъ
И многи смерти на тя зготовляетъ.
Ни плачъ, ни вопль многъ его не преклонитъ,
Многихъ бо нужно зъ отчества изгонитъ.
Бѣдами людей всегда исполняетъ,
Отца и матерь зъ чади разлучаетъ;
Зъ князми убогихъ посаждаетъ честно.
Зри: и се утро низвержетъ тя лестно,
И въ бѣдахъ хощетъ тя многихъ пожити
И многовидно хощетъ уморити.
Іосифа свѣтъ сей лукавій
Не терпяше жити во славѣ,
Воздвиглъ братію,
Еже смертію
Убити брата или въ плѣнъ предати.
Згубити мужа хотяху мнози,
Но той живетъ въ дому велможи,
Живетъ зъ славою,
Свѣтитъ правою
Всѣмъ человѣкомъ вѣрою своею.

Тонъ иншій.

Но ниже успѣютъ,
Ниже одолѣютъ . . . зтерти:
Не дасть бо отрока
Десница висока . . . смерти.
Аще и готова будетъ смерть ему безчестна,
Будетъ и въ темници,
И въ бѣдѣ велицѣ . . . жити,
И вражду сокрушитъ,
И смерти раздрушитъ . . . сѣти.
Вся бо та погибнутъ лютѣ и сила прелестна.

Интермедія.

ДѢЙСТВІЕ 2.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ВЕЛМОЖА, ЖЕНА ПЕНТЕФРІЕВА, НАВАЖДЕННА ОТЪ БѢСА ПЛОТИ, СКВЕРНИМЪ ЖЕЛАНІЕМЪ БѢСНУЕТСЯ.

ВЕЛМОЖА.

О бози превишніи, имущіи власти [1])
Пустити человѣка въ бѣдахъ или въ сласти
Пребивати! почто мя остависте вину [2])
Въ бѣдахъ и въ слезахъ горкихъ пожити едину?
Една ми скорбъ многія сотворила рани,
Но друга мя злой муцѣ предаетъ во длани:
Другъ отъиде далече; живъ ли есть, не знаю;
Азъ же, имущи мужа, вдовствомъ погибаю.

---

[1]) Противъ этого стиха приписано: *Бѣсъ плоти уязвляетъ стрѣлою сердце Велможи.*
[2]) Противъ этого стиха: *Плачетъ Велможа.*

Лучше естъ зъ человѣки во мірѣ не жити,
Нежели желанныхъ ми днесъ не получити! [1])
Ниже сонъ вожделѣнній, ниже нощъ глубока [2])
Раздрѣшаетъ лютую скорбъ мою. Жестока
Страсть язвитъ ми утробу, горѣетъ ми тѣло,
Внутръ ми сердце палаетъ, яко же огнь, зѣло
Возгорѣвійся. Нинѣ ни богомъ пожрѣти
Могу, ниже дѣлати руками: умрѣти
Хощу скоро, токмо да узру возлюбленна.
Пойду, пойду въ слѣдъ его, побѣжу паленна...
Что творишъ, окаянна? Гдѣ идешъ безстудно?
О лютая жизнь моя! О время пагубно,
Время нещасливо! И кто можетъ мя нинѣ
Утолити палиму въ толь скорбной годинѣ?

ЯВЛЕНІЕ 2.

ПРИХОДИТЪ СОВѢСТЬ И ХОЩЕТЪ ВЕЛМОЖУ ОТВЕСТИ ОТЪ СКВЕРНАГО НАЧИНАНІЯ, НО НИЧТО ЖЕ УСПѢВАЕТЪ: ВЕЛМОЖА БО, НЕ ПОСЛУШАВШИ СОВѢТА, СОВѢСТЬ СВОЮ ЗЪ БЕЗЧЕСТІЕМЪ СВЯЗУЕТЪ И ВЪ ТЕМНИЦУ НА СМЕРТЬ ВОВЕРГАЕТЪ.

СОВѢСТЬ.

Велможная госпоже, красная невѣсто!
Послушай словесъ моихъ потребнихъ, дай мѣсто
Совѣтовѣ моему: отложи на страну
Суетную скорбъ твою. Се нинѣ связанну
Тщетною надеждою тебе разумѣю,
Еяже дѣломъ отнюдъ не получишъ. Сію
Верзи скоро отъ сердца: всякъ бо кто въ началѣ
Противится злу и вонъ страхъ изгонитъ, вмалѣ
Силнаго врага крѣпко связуетъ; а иже

---

[1]) Противъ этого стиха: *Гнѣвается.*
[2]) Противъ этого стиха: *Болѣзнуетъ.*

Повинется страстемъ, той самъ не свой естъ, ниже
Здравій, ни веселій естъ, ниже долговѣчній.
Вѣмъ, что не единъ въ любвѣ нечистой безличній
Билъ, сухій, безобразній, наконецъ безчестно
И душу свою даде. Се ти азъ нелестно
Глаголю: блюди, да не и ти таковая
Отъ любви пострaждеши, велми бо есть злая
Сія любовъ. Мниши ли, что се утаится?
Но ничто же естъ тайно, еже не явится.
Знаеши, якіе суть людскіе язики:
Стрѣли суть смертоносни, суть мечи велики.
Повстягни убо, молю, желаніе сіе,
Да не како впадеши въ язики чужіе.

ВЕЛМОЖА.

Вся сія разумѣю, яже глаголеши;
Истинна убо суть зѣло, но, аще имеши
Ми вѣру, невозможно ми естъ утолити
Сердца, еже отмещетъ здравія совѣти.
Мню, понудитъ мя ярость на горшое дѣло:
Ибо, егда корабля въ бурнемъ морѣ, зѣло
Нагруженнаго, волни обійдутъ,—суетни
Тамъ совѣти, суетни и труди, трепетни
Всѣ тамъ опустятъ руки; а корабль пространнимъ
Путемъ въ самую бездну зъ богатствомъ собраннимъ
Порнетъ со шумомъ, никто бо его можаше
Удержати. Се нинѣ такое естъ наше
Бѣдованіе: тщетни всѣ твои совѣти,
Любви бо распаленной тяжко угасити.

СОВѢСТЬ.

Тяжко тимъ угасити, иже суть во власти
И иже не труждшеся почиваютъ, страсти
Не укрощаютъ, ядятъ доволѣ и піютъ,

Къ тому аще зъ богатствомъ многую имѣютъ
Власть, силу и державу. Такіи то вишше
Мѣри горѣютъ, хотятъ еще преизлишше
Показати власть свою: бо кто можетъ много,
Могти хощетъ, и еже не можетъ; нѣкого
Не слушаетъ, вся творитъ по своей си волѣ,
Сверипѣетъ, лѣтаетъ, поки будетъ въ долѣ.
Нѣсть сего безчинія во дворѣхъ убогихъ,
Идеже нѣсть свободи, ни сластей премногихъ.
Вѣждъ убо, что достоитъ велможамъ творити,
Къ тому зволъ господина на памяти мѣти.

ВЕЛМОЖА.

Господинъ мой мужъ ми есть, любящій мя зѣло,
Мню, зхощетъ мя простити и покрити дѣло
Такое.

СОВѢСТЬ.

Любовъ свою въ лютій гнѣвъ претворитъ,
Аще токмо се увѣстъ, и милость затворитъ,
И прощенія не дастъ.

ВЕЛМОЖА.

Не твори ми труда.

СОВѢСТЬ.

Труда тебѣ не твору, но зъ любви отъ студа
И срама отвожду тя.

ВЕЛМОЖА.

Кій се срамъ или студъ,
Чого сердце желаетъ?

СОВѢСТЬ.

Студъ есть велій.

ВЕЛМОЖА.

Отнюдъ
Того не познаю.

СОВѢСТЬ.

Познай, бо глубока
Любовь глубокъ гнѣвъ творитъ: друга жестока
Имаши.

ВЕЛМОЖА.

Жестокъ естъ; но левъ льва не убіетъ
И ниже пардъ на парда когда сверѣпѣетъ.

СОВѢСТЬ.

Но отецъ тя убіетъ.

ВЕЛМОЖА.

Отецъ мя измлада
Воспита во сластехъ, не погубитъ мя, чада
Своего.

СОВѢСТЬ.

Мати згубитъ тя.

ВЕЛМОЖА.

Всякая мати
За своимъ ищадіемъ готова подяти
Язви. И како зхощетъ дщерь свою згубити,
За нюже готова естъ душу положити?

СОВѢСТЬ.

Но желаннаго отнюдъ не познаешъ.

ВЕЛМОЖА.

Чему
Не познаю?

СОВѢСТЬ.

Жестокъ естъ.

ВЕЛМОЖА.

Жестокому сему
Любовъ преодолѣетъ.

СОВѢСТЬ.

Избѣжитъ.

ВЕЛМОЖА.

Но аще
И за море побѣгнетъ, азъ ему, гоняще,
Одолѣю.

СОВѢСТЬ.

Обаче молю тя, госпоже
Моя: аще помнишъ вѣкъ твой младій, егоже
Вси честна разумѣютъ, аще мало студа
Имаши въ лицу твоемъ, и аще отъ суда
Хощешъ избити многихъ устъ, и аще чести,
Слави и свѣтла рода не желаешъ знести,
Ни истребити отъ свѣта: молю тя, престани
Скверній огнь разжигати; во твоей бо длани
Естъ нинѣ побѣдити прегордія страсти,
Яже аще побѣдишъ, безсмертнія части
Достойно улучиши. Аще же толики
Совѣти презришъ, вмалѣ погибнешъ на вѣки.

ВЕЛМОЖА.

Азъ погибну? Что се есть? Что ти глаголеши,
Безумна? Азъ погибну! Смертію умреши
Ти отъ руки моея. Якъ много дерзаетъ
Ми вопреки вѣщати! Сама да познаетъ
Власть мою нинѣ. Слуги! скоро ю возмѣте
И, связавше ей руцѣ, во тму воверзѣте.
«Азъ есмь,—рече,—Совѣсть; азъ буду тя учити
Всѣхъ добрихъ дѣлъ, яже ти должно есть хранити.»
Кая дѣла добрая, аще бихъ била
Сама себе, или плоть бѣднѣ уморила?
Не требую такихъ дѣлъ, Совѣсть отвергаю,
Вся совѣти отмещу, сладости желаю.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПРЕЛЕСТЬ ПОХВАЛЯЕТЪ ВЕЛМОЖУ, ЯКО НЕ ПОСЛУША СОВѢСТИ СВОЕЯ, И ОБѢЩАЕТСЯ ВЕЛМОЖИ ПОМОГТИ И ПРЕЛСТИТИ ІОСИФА, ТОГО ВО РАДИ ПРЕДЪ ДРУГИНЕЮ СВОЕЮ ХВАЛИТСЯ СВОЕЮ ХИТРОСТНОЮ СИЛОЮ, И ГРЯДЕТЪ УЛОВИТИ СВЯТАГО.

ПРЕЛЕСТЬ.

Добрѣ, что не слушаешь Совѣсти своея,
Яже тя ненавидитъ, ни хощетъ твоея
Сладкія жизни. Она желаетъ всецѣло,
Да ты во скорбехъ, нуждахъ и въ печалехъ зѣло
Горкихъ всегда пребудешъ, и еще нѣколи
Сладости, утѣхи, ни радости доволѣ
Насититися не дастъ. Се яко уздою
Звѣра повстягаютъ и вяжутъ, такъ тобою
Хощетъ владѣти. Не вѣръ, тщетни ея слова:
Како рабъ твой презритъ тя? Се азъ есмъ готова
Въ такой доброй потребѣ вѣрне послужити.

ВЕЛМОЖА.

Послужи, о госпоже! Зволъ заходотаити,
Пойди скоро ко нему и будешъ со мною
Всегда господствовати. Азъ же днесъ устрою,
Да умретъ Совѣсть моя, яже ми все тѣло
Хотяше удручити и удручи зѣло.

ДРУГИНЯ ПРЕЛЕСТИ.[1])

Мнится ми, что нѣсть мощно его преклонити.

ПРЕЛЕСТЬ.

Почто?

ДРУГИНЯ.

Аще можеши камень умягчити,
Или ледъ сотворити теплимъ, то и сего
Преклонити по своей си волѣ.

ПРЕЛЕСТЬ.

Коего
Злаго малодушія еси исполненна?
Еще то сила моя тебѣ не явленна:
Еже естъ подъ солнцемъ и еже во всемъ мірѣ
Живетъ, все, что содержатъ въ себѣ всѣ четири
Части міра сего,—азъ на всѣхъ ихъ окови,
Егда схощу, взлагаю; и всѣ мнѣ готови
Суть сердца наклонити. И како отрока
Еднаго не свяжу, ни преклоню? Порока
Не знаше Адамъ въ раи, донелѣ азъ къ нему
Не прійдохъ. Дѣла, яже въ потопѣ, моему
Тщанію вси признаютъ. Лотъ, егда упися,

---

[1]) Противъ этихъ словъ съ боку приписано: *Идущи на пути Другиня Прелести глаголетъ.*

Падеся до крови; мною сотворися,
Что Исаакъ, умирая, на юнѣйшемъ сину
Своемъ положи руцѣ и власть даде вину
Царствовати, надъ первимъ же первенствовати
Братомъ. Мною отъ бездни риби извлекати
Естъ обично. Азъ птенца зъ поднебесна круга
Въ малу клѣть похищаю; азъ звѣрей отъ луга
Ловлю: тигровъ, львовъ, пардовъ и слоніовъ толь силнихъ
Еднимъ промисломъ твору смиренних, бездѣлнихъ
И немощнихъ. Что убо мнѣ окамененній
Младенецъ? Днесъ будетъ ми якъ воскъ умягченній.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ДѢЛАТЕЛИ, ИДУЩІИ НА СЕЛО, ОЖИДАЮТЪ ІОСИФА, СТРОИТЕЛЯ СВОЕГО, ПРІЕМЛЮТЪ ЖЕ ОТЪ ЕГО ПРИСТАВНИКА И ОТХОДЯТЪ ПО ПОВЕЛѢНІЮ НА ДѢЛО СВОЕ. НО ІОСИФЪ, ХОТЯЩЕ ОТЪИТИ ВЪ ИНУЮ СТРАНУ, МОЛИТСЯ БОГУ.

ДѢЛАТЕЛЬ 1.

Далеко естъ до села того, въ немъже маемъ
Работати. Что всуе медлимъ? Ходѣмъ: знаемъ,
Что ко вечеру тамо не приспѣемъ; стадій
Двѣстѣ не можемъ прейти нинѣ.

ВТОРІЙ.

Пождѣмъ ради
Лучшаго намъ извѣту и ради пристава,
Егоже маютъ зъ нами послати: забава
Сія не будетъ долга. Аще би воскорѣ
Пришелъ къ намъ строитель, то еще би при морѣ,
При корабляхъ удобно намъ обнощевати,
А утро, зѣло рано, на село пристати
И зачати дѣлати. Аще же во мнозѣ

Умедлитъ, то како намъ въ темной нощи сквозѣ
Дебри, гори, пустини же непроходими
Бѣднѣ претикатися?

ТРЕТІЙ.

Сего ли не вѣми,
Якая то естъ бѣда по ночи ходити?
Волимо зде пождати и уразумѣти
Лучше волю господню, а рано возставше
На зорѣ предъ солнечнимъ варомъ, Бога взявше
На помощъ, поспѣшити на дѣло.

ПЕРВІЙ.

Господинъ
Приходитъ, умолчите. Цитъ!

ІОСИФЪ.

Коихъ ради винъ
Умедлисте доселѣ здѣ и работати
Не пойдосте?

ВТОРІЙ.

Не вѣми, что въ первыхъ зачати.

ІОСИФЪ.

Яже будутъ на ползу и яже угодна
Сотворити, творите скоро: свободна
Времени по семъ отнюдъ имѣти не чаю,
Будутъ бо ми нужднѣйшія дѣла. Посилаю
Съ вами вѣрнаго слугу, сей вамъ помагати
Будетъ. Идѣте спѣшно, нинѣ бо зачати
Всяко дѣло изрядно время прилучися,
Ибо отъ всѣхъ скверних зол воздухъ очистися
И слонце ясно луча своя простираетъ,

А землю доброплодну злакомъ одѣваетъ;
Югъ сѣетъ вожделѣнній и сѣверъ; отвсюду
Вертогради зъ вѣтвами красятся внѣуду.
Земля благонадеждна дати плоди многи,
Исполнятся вся поля пшеничними стоги.
Градѣте и дѣлайте. Аще господину
Моему послужите добрѣ, дасть по чину
Всякому мзду достойну.

СЛУГА.

Что должно творити
На селѣ ономъ, иже надъ моремъ?

ІОСИФЪ.

Зчислити
Заповѣдаю ти вся скоти, воли,
Верблюди младія и все тое на поли
Разлучити: часть менша, худѣйша едина
Тамъ да будетъ; вторую же въ домъ господина
Посли скоро. Соглядай корабли при морѣ,
Повели имъ, да пловутъ на онъ полъ воскорѣ;
Виногради на селѣ скажи окопати,
Поля, ниви, вся бразди добрѣ напаяти.
Идѣтже уже съ миромъ, плоди собирайте,
Вся же, вамъ врученная, вѣрно соблюдайте.
Аще бо въ малой власти обращу тя вѣрна,
Сотвору тя строити царствія безмѣрна.
Сей ми путь предлежитъ пойти въ ину страну,
Да тамо вручу дѣла вѣрному граждану.
О Авраамовъ, Исааковъ, Іякововъ Боже!
Поспѣши въ дѣлехъ моихъ! Безъ тебе никтоже
Не можетъ добра дѣла начать и скончати.
Ти самъ благослови мя сіе совершати
Зъ началомъ строеніе; посли помощъ силну,

Даждь ми благодать свою отъ небесъ обилну;
Посли ми хранителя ангела твоего,
Да хранитъ мя во всякомъ пути міра сего.

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПРЕЛЕСТЬ, ЕЩЕ МОЛЯЩАГОСЯ ІОСИФА ОБРѢТШИ, НАЧИНАЕТЪ ЕГО ПРЕЛЩАТИ ГЛАГОЛИ ЛЕСТНИМИ, ПОХВАЛЯЮЩИ ЕГО СТРОЕНІЕ, ТРУДИ, ДОБРІЙ ПРОМИСЛЪ И КРАСОТУ ТѢЛЕСНУЮ, И ТЩИТСЯ ЕГО ПРЕКЛОНИТИ КО ЖЕЛАНІЮ ВЕЛМОЖИ; НО ІОСИФЪ ПРЕЛЕСТЬ ВОНЪ ИЗГОНИТЪ, САМЪ ЖЕ СО СЛЕЗАМИ МОЛИТСЯ, ДА НЕ ПОБѢЖДЕНЪ БУДЕТЪ ОТЪ ПРЕЛЕСТИ.

ПРЕЛЕСТЬ.

Что тако трудишися вся дни и вся нощи,
Кромѣ сна пребивая и ниже еднощи
Возмогій пресладкія радости вкусити?

ІОСИФЪ.

Нѣсть болшея радости, яко сохранити
Господню заповѣдь и всякихъ дѣлъ врученнихъ
Въ бодрости назирати.

ПРЕЛЕСТЬ.

Велми укрѣпленнихъ
Силъ до сего требѣ: ти единъ прославленній
Въ томъ, что щасливъ еси, предъ всѣми же хваленній,
Любимій, свѣтоличній и прекрасній зѣло;
Доброту показуетъ красно твое тѣло.
Но притомъ въ семъ блаженствѣ нѣсть тебѣ еднія
Вещи, въ чомъ ти азъ зѣло соболѣю.

ІОСИФЪ.

Кія
Вещи не маю?

ПРЕЛЕСТЬ.

Тоя, коея не мѣти
Естъ свѣта не видѣти, естъ всегда скорбѣти
И себе мучити.

ІОСИФЪ.

Но азъ муки не маю,
Ни коея скорби.

ПРЕЛЕСТЬ.

И се бо то естъ ваю
Отъ всѣхъ бѣднѣйше, яко въ бѣдихъ погибнути
И въ нуждахъ превеликихъ, а нужди не чути,
Ни знати зла своего. И тому азъ много
Соболѣзную.

ІОСИФЪ.

Ясно скажи ми, якого
Азъ зла не чую.

ПРЕЛЕСТЬ.

Того, что, бившу ти младу,
Красну и доброличну, ни едину прохладу
Имаши во всей жизни; но во трудномъ чину,
Бѣдствуя кромѣ сластей и радости, вину
Скорбъ претерпѣваеши. То радость едина?
И се днесь избранна и угодна година
До всякоя радости: отложи вся труди
Сія, и насладися утѣхи и буди
Веселяся со миромъ.

ІОСИФЪ.

Весма не обично
Дѣло глаголеши; не естъ бо ми прилично,
Да бихъ раздражилъ милость своего владики.

ПРЕЛЕСТЬ.

Нѣсть се раздраженіе. Всѣ знаютъ, колики
Суть твои строенія и како есть силній
Твой промислъ: никогда не бисть тако обилній
Домъ владики твоего, за что любовь многу
От всѣхъ имѣешъ.

ІОСИФЪ.

Аще тако естъ, то Богу
Самому восписати сіе подобаетъ,
Яко той самъ о мірѣ добрѣ промишляетъ.
Вѣждь же, яко вся дѣла предъ его очима
Вину суть откровенна, ниже потаима
Предъ его всевидущимъ окомъ: что мислихомъ
И чого умомъ токмо желати хотѣхомъ,
Или еще восхощемъ, вся ему явленна,—
Нѣсть бо тайна во мірѣ предъ нимъ утаенна.

ПРЕЛЕСТЬ.

Азъ не о томъ днесъ хощу зъ тобою вѣщати.
Зволъ тилко послушати и не отвергати
Словесъ моихъ.

ІОСИФЪ.

Коихъ?

ПРЕЛЕСТЬ.

Тѣхъ, яже ти значала
Возжелахъ глаголати. Се тя днесъ не мала
Ищетъ благодать, яже тебе прославляти
Начинаетъ, токмо зволъ сластемъ работати.

ІОСИФЪ.

Что ти о мерзкомъ дѣлѣ вѣщати безстудно
  Дерзаешъ? Егда мниши, яко безразсудно
Тя имамъ послушати? О лести! О студа
  Беззаконна, яко ни ярости, ни суда
Бога не боится! Не буду, не буду
  Пріобщатися сластемъ. Вонъ иди отсюду! [1])
Вонъ, безстудна лести! Вонъ, адская ехидно!
  Самому хощу Богу служити безбѣдно.

ІОСИФЪ (*молится Богу, падши на колѣнѣ*).

О Боже отецъ моихъ, Боже Авраама,
  Исаака, Якова! изми мя отъ срама,
Избави мя отъ бѣди, юже ти самъ зриши:
  Можеши бо, владико мой, аще волиши.
Ты самъ изялъ мя еси отъ рукъ убійственнихъ,
  Отъ братій моихъ, гнѣва на мя исполненнихъ:
Ты и нинѣ изми мя, о Господи слави,
  Изми и отъ рова мя грѣховна избави!
Се бо разлучити мя хощетъ скверно дѣло
  Отъ отецъ моихъ, тебе возлюбившихъ зѣло.
О отче Іякове! на своего сина
  Призри нинѣ, се бо ми послѣдня година.
Ти мя послалъ отъ тебе посѣтити чада
  Твоя возлюбленная и вся твоя стада;
Но братія что волци сверѣпіи бишa:
  Отъ тебе мя отторгше, въ ровѣ затвориша.
Се нинѣ, о отче, звѣръ стрѣте мя лютѣйшій,
  Отъ всѣхъ звѣрей и гадовъ лютихъ сверѣпѣйшій,
Иже хощетъ ми душу тѣломъ умертвити
  И въ глубокомъ ровѣ адскомъ затворити.

---

[1]) Противъ этого стиха приписано: *Іосифъ Прелесть вонъ изгонитъ.*

От братня избих рова, в сей же аще впаду,
  Кто мя избавить, или кто ми дасть отраду?
Тамо отца лишихся, нинѣ же от Бога
  Хощет мя разлучити. О болѣзни многа!
Уже мя, добрій отче, не к тому узриши,
  Ниже гласа моего когда услишиши,
Ибо горша всѣх смертей смерть на мя приходить,
  Яже душу и тѣло до ада низводить.
Плачися убо, отче, о своем си синѣ,
  Да не како погибну в сей лютой годинѣ.
Уви мнѣ единому! О горе мнѣ! горе!
  Потопити мя хощет грѣховное море.
Сія смерть грѣховная далече нуждиѣйша
  И паче лютих смертей есть окаяннѣйша:
Она бо смерть тѣло ми хотяше убити,
  Сія же ми и душу хощет уморити.
Кто ми днесь подасть крилѣ, яко голубинѣ,
  Да бих излетѣл скоро от снѣди звѣринѣ?
Исчезнуша ми слези, гортань изнеможе,
  Зане мя [1]) избавляет от звѣра никтоже.
Днесь помолися, отче, о мнѣ, своем чадѣ,
  Да не буду погружен в глубочайшем адѣ.
О Боже отец наших! Боже всемогущій!
  Призри нинѣ, возста бо на мя враг борущій.
Ти послал еси, Творче, ангела твоего
  Во содомскую страну до раба своего
Лота и взял еси и от огня горяща:
  Изми мя днесь, твоея помощи просяща!
Посли твою от небесь всесилную руку,
  Да не лютѣ впадуся в геенскую муку.
Лучше би ми от братій било убіенну,
  Нежели днесь от Тебе, Творца, отдаленну!

---

[1]) В рукописи: *мня*.

Вѣмъ, яко нѣсмъ достоинъ, да гласа моего
  Не презриши; обаче безмѣрну твоего
Къ намъ благоутробія бездну призиваю,
  Отъ тебе бо милости получити чаю.
Послушай мя, Владико! послушай гибнуща:
  Избави мя, въ толицей погибели суща!
Предивними судбами, молю тя, изми мя,
  Изми и отъ погибели скоро избави мя!
Не даждъ бити отъ Тебя во вѣкъ разлученну,
  Се бо мя грѣхолюбній звѣръ женетъ въ геенну:
Ибо аще кто хощетъ безъ Тебе пожити,
  Лучше би ему било на свѣтѣ не бити.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ПРЕЛЕСТЬ ВОЗВѢЩАЕТЪ ВЕЛМОЖѢ, ЯКО ІОСИФЪ НЕ ПОСЛУША СОВѢТА ПРЕЛЕСТИ И ЯКО, ПРЕЛЕСТЬ ВОНЪ ИЗГНАВЪ, САМЪ ЖЕ ПРЕБИСТЬ ТВЕРДІЙ, НЕПРЕКЛОННІЙ; И ГЛАГОЛЕТЪ, ЯКО УДОБНѢЕ НЕПОДОБНІИ ВЕЩИ ВЪ МІРѢ СОТВОРИТИ, НЕЖЕ ПРЕЛСТИТИ ІОСИФА: ИБО ІОСИФЪ, ИЗГНАВШИ ВОНЪ ПРЕЛЕСТЬ, ПАДЕ НА КОЛѢНѢ МОЛИТВУ ТВОРИТЬ КЪ БОГУ, ДА СОХРАНИТЪ ЕГО БОГЪ ОТЪ ГРѢХА, БЛИЗЪ СУЩАГО.

ВЕЛМОЖА.

Будетъ ли то, егоже желаю?

ПРЕЛЕСТЬ.

Никогда
  Не будетъ.

ВЕЛМОЖА.

Почто?

ПРЕЛЕСТЬ.

Егда вѣщахъ ему, тогда
Онъ не человѣческимъ, но звѣринимъ окомъ
  Воззрѣвше на мя, пребисть доселѣ въ жестокомъ
Утвержденіи, ибо словесъ не хотяше

Отнюдъ послушати, но свои затикаше
Уши, что аспидъ глухій. Просихъ его слезно,
Но ни едино слово рече ми любезно.
Твердѣйшій адаманта, лютѣйшій отъ змія,
Горшій естъ и глухшій надъ аспиди глухія,
Сверѣпійшій отъ пардовъ и отъ львовъ жестокихъ,
Что кровію пасутся въ пустиняхъ глубокихъ.
Удобнѣе каменну гору раздробити,
Удобнѣе и морски волни укротити,
Удобнѣе и небо привлекти рукою,
Удобнѣе огнь велій злучити зъ водою,
Неже съ тобою сего отрока: такъ твердій
Естъ, непреклонній, лютій, гордій, жестосердій.
Вся совѣти, всю любовъ, всю честъ презираетъ,
Мене же безчестіемъ всегда исполняетъ.

ХОРЪ.

МАЛИИ МЛАДЕНЦИ ВОСПѢВАЮТЪ ІОСИФОВО МУЖЕСТВО, ИБО МНОГАЖДИ ПРЕЛЩАЕМІЙ БИСТЬ НЕПРЕЛЩЕННІЙ; И ЯВЛЯЮТЪ ІОСИФА БИТИ ОБРАЗОМЪ ХРИСТА, СИНА БОЖІЯ, ЕГОЖЕ ВО ПУСТИНИ ИСКУСИТЕЛЬ ПРЕЛЩАШЕ; ПРИЛАГАЮТЪ ЖЕ, ЯКО ІОСИФЪ, МОЛЯЩІЙСЯ, ПРОЗНАМЕНОВА ХРИСТА, ВО ВЕРТОГРАДѢ МОЛИТВУ ТВОРЯЩА.

Безстудная велможа! Адская ехидна!
Злоба потаемная, прелесть зміовидна!
Многажди прелщенія зъ гнѣвомъ беззаконнимъ
Воздвигла на отрока, той бисть непреклоннимъ:
Не слушаше бо тоя ни словесъ прелестнихъ,
Ни обѣщаннихъ даровъ, ниже мукъ безчестнихъ,
Но мужественнимъ сердцемъ вину пребываше,
А на воздаяніе вѣчное взираше.

Тонъ инштй.

Не бояшеся жени, не бояшеся гнѣва, не бояшеся муки, не бояшеся смерти.

Жени же безстудни,
Смерти же пречудни,
Хотящой пожерти
Іосифа жива,
Агнца незлобива,
Образа христова.
Бояшеся слонца, бояшеся неба, бояшеся грѣха, бояшеся Бога.
Бога всевидяща,
Слонца же свѣтяща,
Грѣха же премнога.
Свѣтла его слава,
Въ мірѣ же держава
И въ небѣ честь нова.
Ливанскіи древеса, кедри превисоки,
Что возносятъ до небесъ отрасли широки,
Аще ихъ червъ на всякъ день гризетъ, увядаютъ:
Тако велія древа бѣднѣ низпадаютъ.
И стѣни каменнія, и доми високи
Нуждно размиваются отъ доли жестоки.
И како немощнаго въ плоти человѣка,
Егоже отъ естества сила нѣсть велика,
Всегдашніи совѣти до роскошей свѣта
Не преклонятъ, влекуще вся дни и вся лѣта?
Но млада Іосифа до скверного дѣла,
По вся часи влекуще, жена не прелстила.
Человѣкъ отъ младости
Наклоненъ до сладости.
Іосифа краснаго
До союза сластнаго
Не прельстила, ниже превратила, безстудная и скверная невѣста.
Младенца чуднаго
До дѣла студнаго
Зла велможа привлекаше, но не зможе преклонити.

Христа Спасителя,
Всѣмъ откупителя,
Искуситель искушаше, но не зможе искусити.
Сіе прелщеніе
Бисть предявленіе
Во пустини искушенна, постящася Бога-Слова.
Мужа блаженнаго,
Не преклоненнаго
Восхваляемъ, яко тѣмъ есть предявленна тайна нова.
Веселися, Іосифе красній,
Понеже тя не вредилъ звѣръ страшній!
Не вреди тя прелесть преисподня;
Сохрани тя десница господня,
Не даде впасти въ блудніа страсти. Веселися, адаманте зѣло твердій!
Видѣвъ Іосифъ смерть, къ себѣ градущу,
Убити тѣло и душу имущу,
Прилежно Богу творяше молитву:
«Не даждъ мя, Боже, звѣремъ во ловитву!»
И той есть образъ страстей Бога-Слова,
Егоже за ни предаде Егова:
Видѣвъ бо Господъ вся лютія страсти,
Яже имѣяху на его напасти,
Во вертоградѣ зъ ужасомъ скорбяше,
Молитву теплѣ Отцу возсилаше:
«Праведній Отче! возми чашу сію,
Аще волиши, да тоя не пію».

Тонъ иншій.

Красенъ естъ кринъ удолній и слонце естъ красно:
Той бо краситъ вся поля, то же свѣтитъ ясно;
Но душа Іосифа въ чистотѣ едина,
Яснѣйша отъ слонца и краснѣйша отъ крина.

Краснѣйша добротою паче синовъ вѣка,
  Образъ бисть воплощенна Бога-человѣка,
Егоже прообразилъ чистимъ своимъ тѣломъ
  И егоже предсказалъ житіемъ и дѣломъ.

Тонъ инший.

Чистѣйшій естъ всякаго свѣтила ясна:
  Вижду бо Іосифа вся чиста, вся красна,
Египтянины бо сквернія
  Презрѣлъ вся лести,
Не восхотѣлъ тоя студнія
  Ни слави, ни чести.

ДѢЙСТВІЕ 3.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ТАЙНОВИДЕЦЪ ОТКРИВАЕТЪ ТАЙНУ, ЮЖЕ БЕЗСТУДНАЯ ВЕЛМОЖА СОТВОРИТИ ДЕРЗНУЛА: СИ ЕСТЬ, КАКО МНОГООБРАЗНИМИ ВИДИ И МНОГАЖДИ ПРЕЛЩАЮЩЕ, ІОСИФА КО СВОЕЙ ВОЛИ НЕ ПРЕЛСТИЛА И КАКО ВЪ КОНЕЦЪ БЕЗСТУДНО НАПАДЕ НА ІОСИФА, И КАКО ІОСИФЪ ЕЙ БЕЗСТУДСТВУ СОПРОТИВИСЯ, ОДЕЖДУ ОСТАВИЛЪ И ИЗБѢГЛЪ ОТЪ РУКИ ЕЯ, И КАКО ВЕЛМОЖА, УДЕРЖАВШИ ТУЮЖДЕ ІОСИФОВУ ОДЕЖДУ, ХОЩЕТЪ ІОСИФА ПРЕДЪ ПЕНТЕФРІЕМЪ НЕПОВИННѢ ОКЛЕВЕТАТИ.

ТАЙНОВИДЕЦЪ.

Страхъ великій и ужасъ нечаянній нинѣ
  Найде на мя. О лютѣ! Видѣхъ наединѣ,
Видѣхъ во мірѣ злобу новую. Боюся,
  Да не како тоея причастникъ явлюся;
Но не могу исповѣсти тайни: отъ ужаса
  Слова рещи не смѣю, ни спустити гласа
Волнаго дерзаю. О лютѣ мнѣ! Снѣдаетъ
  Мя ревность, ревность ми и душу подвизаетъ,

Еже не утаити бившаго. Претитъ ми ужасна
   Повѣсть дѣло явственно сказати. Напрасна
Скорбъ со тугою сердце и утробу зѣло
   Ми связуетъ, во еже умолчати дѣло,
До днесъ неслишанно. Почто ся боиши,
   Душе скорбная? Сего ти не утаиши;
Что вскорѣ явится, кажи мужественно.
   Что всуе медлиши? О злоби исполненно
И неистовно сердце! Нѣсть во мірѣ лести
   Болшой, паче женскоя. Не можетъ изнести
Горшаго лукавства ни весь міръ, яко тое.
   Студная Велможа по вся часи, прамое
Безстудіе во сердци разжегши, мисляше,
   Како прелстити мужа святаго: красяше
Лице свое, одежди измѣняше, чуднимъ
   Прелщающе образомъ, ко своимъ безстуднимъ
Жгуще дѣломъ; обаче, аще и всю силу
   Свою истощила, ко лукавому дѣлу
Прелстити и̊ не змогла, ниже преклонити.
   Немощни биша тоя вся лести, вся сѣти
И всякіе лукавства: ибо той бисть тако
   Твердій, яко адамантъ, егоже ни яко
Удареніе стерти не можетъ. Жена же
   Презрѣнна разгнѣвася и готуетъ, яже
Не слишанна, ни окомъ видѣнна бываху,
   На неповиннаго. О ужасу! о страху
Недомислимаго! Се взискуетъ убити
   Іосифа лестію, но ниже згубити
Тѣломъ токмо, но слави и прежднія чести
   Неповиннѣ лишити: ибо за студъ мести,
Восхотѣвше, исторже отъ него одежду
   Верхнюю, гласъ пустивше неправедній между
Домашними, яко той на безстудно дѣло
   Дерзнулъ естъ. О лестная неправда! О зѣло,

Зѣло погубленная истинна! И паки
  Умножила горшую лжу, юже днесь аки
Истинну готуетъ предъ мужемъ глаголати.
  На то бо и одежду его показати
Хощетъ Пентефріевѣ, да той неповинна
  Смерти предасть младенца. О дѣла безчинна
И ужасна зѣло! О круже пренебесній!
  Когда убо молнія и громи чудесни
На землю низвержеши? Аще нынѣ цѣла
  Сія злоба пребудетъ, всуе твоя сила,
Страшная, егда, стрѣли удержавши, сію
  Злобу не поразиши. Се возноситъ вію
Гордо, се на болшое зло преуспѣваетъ,
  Се сосуди смертнія въ сердци сокриваетъ!
И се уже близъ естъ, и се уже приходитъ!
  Се уже откривается, еже въ сердци плодитъ!

ЯВЛЕНІЕ 2.

ВЕЛМОЖА ГНѢВАЕТСЯ, ЧТО ІОСИФЪ НЕ СОИЗВОЛИЛЪ ТОЯ ЖЕЛАНІЮ И ПРИШЕДШЕМУ ПЕНТЕФРІЕВѢ ОТЪ ПУТИ НЕПРАВЕДНО ОКЛЕВЕТУЕТЪ ІОСИФА; НА УВѢРЕНІЕ ЖЕ СВОЕЯ ЛОЖНІЯ КЛЕВЕТИ ПОКАЗУЕТЪ МУЖЕВѢ РИЗУ ІОСИФОВУ.

ВЕЛМОЖА.

О горе мнѣ, единой во мірѣ живущой,
  Ни отъ кого помощи въ бѣдахъ не имущой!
Отецъ и мати не вѣсть, мужъ медлитъ надолзѣ;
  Азъ же жива, мертва ли, яко во восторзѣ
Зостаю. Велможа есмъ, рода не послѣдня,
  Власть имамъ великую. О власть моя бѣдна!
Прелстила мя фортуна, мисль мою презрѣла,
  Якъ зъ дитятемъ играетъ себѣ: послужила
Ми въ единомъ часѣ, но въ другомъ ми въ утробу

Вбила мечь острій, еще и живу до гробу
Вналь мя не привела. Плѣнникъ нашъ, цѣною
Купленній, непотребній, рабъ мой вѣчній, мною
Погордѣлъ многажди и,—что болше,—при ложи
Моемъ посмѣяся. О лютѣ мнѣ, велможи
Вѣдной и посмѣянной! Но еще отраду
Имѣетъ мое сердце. Не будетъ мя младу
Никто уничижати. Презрѣлъ мя рабъ лстивій,
Смѣется зъ любви моей, избѣглъ нечестивій,—
Вѣмъ, что ему сотвору и како начати:
За любовъ отверженну должно воздавати
Гнѣвомъ, за безчестіе мое и за праву
Милость мою сотвору, да погубитъ главу,
Ибо аще кто хощетъ играти зъ велможи,
Треба ему блюсти, да не позбудетъ кожи.
Познаетъ онъ, что то естъ—велможъ безчестити!
Лучше бы ему было никогда не жити!
Надъ неблагодарна же тяжше естъ ничтоже,
Сама бо земля того понести не зможе.
Не сотворилъ милости, ни любви со мною,
Судъ пріиметъ безъ милости, азъ ему устрою:
Изобю ему тѣло, не будетъ въ немъ сили,
Кости ему изочту, расторгну вся жили.

ВѢСТНИКЪ.

Веселися, госпоже! Радость возвѣщу ти:
Любимій супружникъ твой уже близъ на пути.

ВЕЛМОЖА.

Здравъ ли естъ и где естъ?

ВѢСТНИКЪ.

Здравъ зъ божой благодати.

ВЕЛМОЖА.

Где есть онъ, возвѣсти ми.

ВѢСТНИКЪ.

Зволъ его витати.

ПЕНТЕФРІЙ.

Бози хранителе! вамъ славу возсилаю,
  Яко здравъ возвратихся и днесъ созерцаю
Другиню мою, домъ мой, слуги и клеврѣти,
  За что долженъ есмъ всегда вамъ благодарити.
Что есть, госпоже моя, яко, отходящу
  Ми, лишихъ тя веселу, нинѣ же скорбящу
Вижду? Тако ли мужа своего и друга
  Свѣтлимъ лицемъ пріемлешъ? Ни ли отъ недуга
Нѣкако что страждеши?

ВЕЛМОЖА.

Скорбъ имамъ толику,
  Яко ни двигнутися моему язику
Возможно есть кромѣ слезъ и горкихъ риданій!
  Отрокъ оній еврейскій, емуже во длани
Вручилъ еси весь домъ нашъ и егоже быти
  Вѣрнимъ разумѣлъ еси, но той ми убити
Славу, честь и вѣрность въ домъ приходилъ безстудно.
  Азъ же видѣхъ, яко бысть ми избити трудно,
Емши его за ризу, звахъ великимъ гласомъ
  Рабовъ и клеврѣтъ; той же, обдержимъ ужасомъ,
Да не како ятъ будетъ, одежду оставилъ
  И избѣжалъ, мене же тако Богъ избавилъ.....
И се его одежда дѣло извѣствуетъ:
  Та скорбъ мою и болѣзнь да свѣдителствуетъ!

О свѣте мой солнечній, свѣте круга мирна!
Тебе азъ поставляю свѣдителя вѣрна.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПЕНТЕФРІЙ НЕРАЗСУДНО ЯТЬ ВѢРУ ЛОЖНИМЪ СЛОВЕСАМЪ ЖЕНИ СВОЕЯ, ВОСКОРѢ ПОВЕЛѢВАЕТЪ ВЗИСКАТИ ІОСИФА, САМЪ ЖЕ ГНѢВОМЪ ЯРИТСЯ НА МУЖА НЕПОВИННА.

ПЕНТЕФРІЙ.

Взищѣте Іосифа, ко мнѣ приведѣте
Скоро, а ему въ пути дѣла не кажѣте.
О рабе хитролестній, рабе вселукавій,
За благодѣяніе злобою воздавій!
Сего ли надѣяхся? Слишѣте вси сія:
Воспитахъ ми при сердцу губителна змія!
Азъ купихъ и́ цѣною отъ Измаилтяновъ,
Соблюдохъ отъ смерти, но еще многихъ сановъ
Хотѣхъ удостоити, любихъ вмѣсто сина
И всему имѣнію дахъ и́ господина;
И той неблагодарній рабъ вся презираетъ,
На дѣла же мерзостна безстудно дерзаетъ.
(Глаголетъ ко Вельможѣ, плачущей).
Не плачи! Отмщу скоро нашея обиди.
Днесь посмѣются ему друзи и сосѣди
Твои. Погубити онъ хотѣлъ твою славу,
Погубитъ прежде свою окаянну главу.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ІОСИФЪ, НЕПОВИННѢ ОКЛЕВЕТАННІЙ, СТАЛЪ ПРЕДЪ ПЕНТЕФРІЕМЪ И ПОВЕЛѢНІЕМЪ ПЕНТЕФРІЯ СВЯЗАННІЙ, ОКОВАННІЙ, БІЕННІЙ И ВЪ ТЕМНИЦУ ЕСТЪ ВОВЕРЖЕННІЙ; ПЕНТЕФРІЙ ЖЕ ПАКИ ГНѢВОМЪ ЯРИТСЯ НА ІОСИФА И СЕРДЦЕМЪ БОЛѢЗНУЕТЪ.

ПЕНТЕФРІЙ *(ко приведенному Іосифовѣ).*

Что тако дерзнулъ еси, вселукавій враже?

ІОСИФЪ (*приведеный*).

Азъ корабля оглядахъ, и сей тебѣ скаже.

ПЕНТЕФРІЙ.

Где риза твоя верхняя? Тако еси вѣрній?
Евреине! хотѣлъ ми еси студъ безмѣрній
Сотворити. Где риза твоя? Где риза?
Возьмѣте й! Возьмѣте! Тяжкіе желѣза
Возложите на нозѣ, свяжѣте ему руцѣ,
Крѣпко, крѣпко окуйте всего; горкой муцѣ
Жива токмо хранѣте. Біѝте и ведѣте
Въ темницу до злодѣевъ и тамо хранѣте
Опасно, да не како избѣгнетъ, вамъ спящимъ,
Бранѣте и входити къ нему приходящимъ.
Нуждею да и гладомъ прежде изнурити
Такого подобаетъ, потомъ же убити.
И се дивная естъ вещъ и ужасна зѣло,
Яко плѣнникъ той дерзнулъ на такое дѣло
Неподобное. Не бистъ доволній моею
Милостію, моею и преизлишнею
Благостію: ибо азъ вся моя благая
Вручихъ ему строити, добрѣ воспитая
Его, якоже друга, и той воспитанній
Мною другъ... Что глаголю? Не другъ; окаянній
Есмъ азъ, яко рѣхъ его другомъ моимъ быти,
Но врагъ ми онъ естъ лютій, иже уморити
Мя хотяше лестію. О враже лукавій,
Потаемній ядъ смертній на мя изліявій!
Всякъ, кто возрѣлъ на его, либо не видяше,
Кто естъ онъ и откуду естъ, — сердцемъ горяше
Къ нему и любовію. Нинѣ познаваю,
Почто имяше любовъ и что се бистъ. Чаю,
Яко онъ чародѣй естъ; во истину велій

Естъ онъ чародѣй, но не отъ естественныхъ зелій
Научивійся, но отъ бѣсовскія сили
То умѣетъ. Смотрѣте, аще утвердили
Воини темницу, и крѣпчайше окови
Возложѣтъ ему на вію, имать бо готови
Вси свои чародѣйства: можетъ избѣгнути
Хитро, ниже по себѣ оставитъ вамъ пути.
Смотрѣте добре, ибо чародѣй естъ лстивій
Той. Кто можетъ любити кого не видѣвій,
Ниже когда знавій? Но сего вси не знаютъ,
А вси любятъ: тако бо всѣхъ насъ побѣждаютъ
Чародѣйства его. Но и се естъ достойно
Вниманія, яко той пришлецъ вся покойно
И мудрѣ возмоглъ въ моемъ богатствѣ строити.
Мнится ми, яко отнюдъ се не можетъ бити
Кромѣ чародѣянія, ибо преизлишне
Щасте безпечално нѣсть отъ бога: бо вишне
Царство всѣмъ даетъ въ мірѣ радость, растворенну
Печалію. Азъ сію тайну небреженну
Имѣхъ доселѣ: такъ то (о житіе лестно!)
Нрави безстудни таитъ лице доброчестно,
И вся струпи смраднія, вся мерзости бренни
Покриваютъ предъ нами гроби повапленни.
О роде ехидній! О лестній чародѣю!
О змію потаемній!... Но почто азъ сію
Печаль нань возлагаю? Азъ самъ есмъ виною
Моей горкой печали, купихъ бо цѣною
Себѣ окаяннаго, ахъ! сего отрока,
Разумѣюще его бити безъ порока.
Но азъ огнь себѣ купихъ добрѣ потаемній
И сохранихъ близъ тѣла, имъже опаленній
Есмъ лютѣ. О лютѣ! Но аще бъ врагъ не малій
Возсталъ на мя, стерпѣлъ бимъ скорби и печали;
И аще би пакостникъ хотѣлъ ми изрити

Ровъ смертній, потщалъ бихъ ся отъ него укрити.
Но се мнѣ есть тяжесно, что рабъ мой плѣненній,
Мною воспитанній и отъ смерти откупленній,
И той на мя, своего господа, владику,
Спасителя отъ смерти, ковъ и лесть толику
Дерзнулъ воздвигнути! И сія мя пронзаетъ,
Сія мя паче меча лютѣ убиваетъ.
Сіе есть ми тяжчайше отъ всякоя муки,
Яко рабу моему попадохся въ руки
На поруганіе!... Что тя тако смущаетъ,
О душе моя? Рабъ ли тя той ужасаетъ?
Маю надъ нимъ власть полну, маю и державу,
Да днесъ исправлю мою поврежденну славу;
Маю вся мученія готова ко смерти:
Повѣшу его, или пилою растерти
Повелю на двое и раздроблю на части
Малія тѣло его и повергу ясти
Враномъ, звѣремъ земнимъ. Будутъ псы на пути
Части его влачити, не имать дерзнути
Никто же погребсти е, посмѣются ему
Люде, поругаются велможи и сему
Позору удивлятся мнози, а клеврѣти
И слузи зрадуются: понеже умрѣти
Долженъ бѣ, яко дерзнулъ на такое дѣло,
Еже и помислити рабомъ студно зѣло.

ХОРЪ.

ДОБРОДѢТЕЛИ РИДАЮТЪ ІОСИФА, НЕПОВИННѢ ВЪ ТЕМНИЦУ ВОВЕРЖЕННАГО, И ГЛАГОЛЮТЪ, ЯКО ІОСИФЪ, СВЯЗАННІЙ, БЫЕННІЙ И ОКОВАННІЙ, ОБРАЗЪ БЫСТЬ ХРИСТА СТРАЖДУЩАГО, ВЪ ТЕМНИЦУ ЖЕ ВОВЕРЖЕННІЙ ПРООБРАЗИ ХРИСТА, СОШЕДШАГО ВЪ ПРЕИСПОДНЯЯ СТРАНИ ЗЕМЛЯ.

Пѣніе.

Рцѣте, что бяше Іосифъ преданній,
Тяжкимъ желѣзомъ крѣпко окованній?

Образъ являше Iсуса, связанна
  И въ руцѣ грѣшнихъ невиннѣ преданна.
О чудо страшно! О любовъ велика,
  Яко всей твари господъ и владика
Благоизволилъ въ маломъ отрочати
  Такую тайну свою показати!

Тонъ иншій.

Дивній младенче, Iосифе красній,
Ни едной злобѣ отнюдъ непричастній!
Кто тя желѣзомъ велѣлъ оковати?
«Египтянинья, вельможа безстудна,
Жена скверная князя неразсудна,
Яко не восхотѣлъ всескверного дѣла,
  Въ смерть мя плѣнила».
Радуйся, свѣте, во тмѣ заключенній,
Яко тобою свѣтъ нашъ предявленній
Христа Iсуса, въ преисподня страни
  Сошедша за ни.

Тонъ иншій.

Непрелщенній
Заключенній
Въ тяжкія оковы
И сотерлъ естъ,
И низверглъ естъ
Студнія вельможи брови.
Сего ради сядетъ на престолѣ,
Яко противнимъ страстемъ не предалъ естъ волѣ.

Тонъ инакшій.

Iосифъ прекрасній, вверженъ въ темницу,
Побѣдилъ и презрѣлъ отроковицу:
Изійдетъ и сядетъ между князи,
И покорятся ему врази.

Интермедія.

ДѢЙСТВІЕ 4.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ЦАРЪ ФАРАОНЪ, ВИДѢВЪ ВО СНѢ СТРАШНОЕ ВИДѢНІЕ, И ЗѢЛО О ТОМЪ СМУТИТСЯ; ПОВѢДАЕТЪ ЖЕ ТОЕ ЖЪ ВИДѢНІЕ КНЯЗЕМЪ СВОИМЪ И ВОЛЯРОМЪ И ВОЗВѢЩАЕТЪ, ЯКО ПОВЕЛѢВЪ ОТРОКОМЪ СВОИМЪ ВЗИСКАТИ ОТЪ ГРАДА ЗВѢЗДОЧЕТЦОВЪ, ДА СТОЛКУЮТЪ ПРЕДЪ ВСѢМИ СОНЪ ЕГО.

ФАРАОНЪ, ЦАРЪ ЕГИПЕТСКІЙ.

Что сіе есть такое, скажѣте ми, князи,
Яко не токмо во дни, но и въ нощи врази
Нѣкіи духовніи нечаянно сѣти
На людей соплетаютъ и брань творити
Покушаются? О коль нуждно есть намъ знати,
Въ кое время, въ день или въ нощи соблюдати
Себе отъ ихъ коварства! Нощъ есть устроенна
Во упокоеніе, но та исполненна
Бываетъ многихъ бѣдъ и скорбей. Вси желаютъ
Сладкаго сна вкусити; но егда мечтаютъ
Привидѣнія злая, въ великомъ ужасѣ
Всю нощъ ожидаютъ дне свѣтла. Въ такомъ страсѣ
И азъ пребихъ нощъ сію, ибо сонъ пречудній
Видѣхъ, иже мя велми ужасаетъ. Нудній
Бо страхъ содержитъ мя, а сердце, якъ клѣщами
Стѣсненно, слишитъ нову измѣну; глава ми
Не свободна, но и вся ми уди страхъ нѣкій
Проходитъ отъ сна того. На брегу рѣки
Мнѣхся стояти, видѣхъ седмъ кравъ, исходящихъ
Зъ рѣки той, добраго возвраста, носящихъ
Много тѣла, и тыя велми сити бяху,
По брегу же рѣчному весело хождаху.

По сихъ другія кравѝ седмъ числомъ изъ той
  Рѣки изіидоша велми худи, злой
Краси и пасяхуся зъ першими тамъ тими
  Тучними кравами, и добрія со злими
Вкупѣ бяху. Но се естъ нечаянно дѣло:
  Разсверипѣша тіи, иже худо тѣло
Имѣяху и, верглшеся разомъ, нападоша
  Сухія на добрихъ кравъ и всѣхъ поядоша
Ситихъ; и еще болше восхотѣша ясти,
  Зряху бо по всемъ брегу, на кого напасти.
Ни бо тучнѣйшіи быша, зядше седмъ кравъ ситихъ,
  Едначе бо видѣхъ я тѣломъ непокритихъ.
Возбудихъ же ся отъ сна, одержимъ ужасомъ;
  Размишляхъ, что естъ сонъ той, и паки тимъ часомъ
Уснухъ. Видѣхъ же другій сонъ паче перваго:
  Седмъ класи израстоша отъ стебла еднаго
Избранніи, полніи и добріи, яко
  Оловомъ тяжкимъ вси седмъ исполненни: тако
Отъ многія ситости хиляхуся. Таже
  По нихъ израстоша седмъ другихъ класовъ, яже
Неподобніи биша до первихъ, но сухіи
  И вѣтромъ истонченни; но тонкіи тіи
Класи пожроша первихъ класовъ добрихъ. Сему
  Азъ дивихся на мнози времени. Коему
То царству прислушаетъ сонъ сей? И отнелѣ
  Возстахъ по зрѣніи томъ, ужасъ нѣкъ доселѣ
Возмущаетъ ми душу. Что се имать бити?
  Ни ли седмъ враговъ новихъ хотятъ мя убити?
Мнится ми, не вотще видѣніе тое.
  Повѣдахъ же и моимъ отрокомъ обое
То наше зрѣніе и повелѣхъ призвати
  Отъ града звѣздочетцовъ, иже толковати
Сни умѣютъ, да и намъ столкуютъ сни тіи.

СЕНАТОРЪ.

Въ кую стражу бисть нощи?

ЦАРЪ.

Предъ свѣтомъ.

СЕНАТОРЪ.

Такіи
Сни (азъ се отъ многихъ слишахъ), аще будутъ
По полунощи, въ своемъ ся часѣ собудутъ;
А что предъ полунощемъ, то тіи ничтоже
Сутъ, ниже знаменуютъ что, ибо не може
Сили имѣти сонъ такій: вся бо дѣла дневна,
Яже дѣемъ и хощемъ, ихъ память душевна
Содержитъ крѣпко; егда же спимъ, паки въ малѣ
Чертѣ изобразуетъ, яко во зерцалѣ
Вѣрнемъ—умѣ нашемъ. И тако судямъ суди
Снятся, а ловцемъ звѣри, пустини и труди,
Купцемъ торжища, пути, кораблѣ и вози,
Воиномъ же мечъ, стрѣли, брани и обози.
И тіи сни тщетни, отъ мислей бо обилнихъ
Родятся. Твой же сонъ, о цару, не бездѣлнихъ
Тихъ басней естъ достойній, но иматъ что-сь ново
И странно показати.

ЦАРЪ.

Доброумно слово
Твое, то бо и мою душу возмущаетъ,
Яко намъ несвѣдомо что сонъ сей вѣщаетъ.
Но призовѣте мудрцевъ, ихъже азъ взискати
Повелѣхъ, да придутъ днесъ скоро столковати
Ми сонъ мой. Воистинну сіе нечаянно
Случися смущеніе. Никогда слишанно

Зрѣніе ни ли будетъ погибелно знамя
  Горкой нѣкой падежди? На царство ли, на мя
Ли самаго, да некто силній и оружній
  Прійдетъ со мною брани творити? Но мужній
Би велми былъ, иже на Египетъ брани
  Дерзнулъ подяти.

СЕНАТОРЪ 2.

Кто естъ онъ? Отъ коей страни
Земля тако крѣпкій и силній обрѣстися
  Можетъ, иже съ тобою, о цару, снитися
На брань дерзнулъ би? Въ единомъ токмо маломъ часѣ,
  Аще би и тмами темъ вой имѣлъ, въ ужасѣ
Безмѣрномъ еще прежде зачатія брани
  И кровопролитія изгиблъ би безъ рани
Отъ самаго страха. Кій бо царъ будетъ тако
  Силній, побѣдоносній и храбрій, яко
Же ти, о царю? Весь бо міръ твоей трепещетъ
  Сили: западъ власть свою подъ нозѣ ти мещетъ,
Востокъ въ твоей державѣ естъ, югъ же приноситъ
  Тебѣ дани, полунощъ ели жива проситъ
Отъ тебе помощи и хощетъ въ твоей власти
  Всегда бити, нежели до конца упасти.
Кто убо естъ ти равній? Сонъ же твой что ино
  Знаменовати иматъ. Аще бо едино
Слово рекутъ вси мудрци, то будетъ ихъ красно
  Толкованіе; аще же вси несогласно
Столкуютъ, то вотще всѣхъ труди и печали:
  Уже они сна того отнюдъ не познали,
Свѣдителство бо многихъ, аще естъ согласно,
  Достовѣрну вещъ творитъ и истинну ясно
Показуетъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ПРИХОДЯТЪ ЗВѢЗДОЧЕТЦИ И ПРЕДЪ ВСѢМИ ТОЛКУЮТЪ ѲОНЪ ЦАРСКІЙ; НО НЕ МОГУТЪ ДОСТОВѢРНО ЗТОЛКОВАТИ, СЕГО РАДИ И ОТСИЛАЮТСЯ ВЪ ДОМИ СВОЯ.

ЗВѢЗДОЧЕТЕЦЪ 1.

По твоему царскому указу прійдохомъ
Къ тебѣ, владико цару, яко возмогохомъ
Воскорѣ сказанія сна твоего, сія
Вся тебѣ ясно скажемъ.

ЦАРЪ.

Хвалю толикія
Вашея любви ко мнѣ знаменіе, еже
Азъ не имамъ забити послѣ; но понеже
Вамъ богъ далъ есть познати сна моего тайну,
Скажѣте намъ предъ всѣми сими людми крайну
Истинну, не таяще ничто же. Добро ли,
Или зло знаменуетъ? Уже бо намъ воли
Божой противитися невозможно: еже
Бо хощетъ творити зъ нами, то нигдеже
Того не укріемся. Ви же глаголѣте
Правду безъ ласканія и лести, не зрѣте
На лица.

ЗВѢЗДОЧЕТЕЦЪ.

Тако ми есть твоей державы,
Яко истинствовати будемъ! Тія крави,
Яже видѣлъ еси седмъ, разумѣю бити
Седмъ властей сего міра, яже брань творити
Будутъ зъ другими седми властями благими.
Седмъ же добрихъ погибнутъ со всѣми своими
Силами; седмъ же онихъ аще и побѣду

Многу пріймутъ надъ тѣми, обаче ни слѣду
Радости и користей въ нихъ не будутъ знати,
Едначе бо въ убозствѣ будетъ пребивати:
То худія (мнится ми) крави знаменуютъ.

СЕНАТОРЪ.

Что же суть класи тія?

ЗВѢЗДОЧЕТЕЦЪ.

Сего не столкуютъ
Вси звѣздочетци: тако сонъ той неудобно.
Познати. Азъ чрезъ всю нощъ разсмотряхъ особно
Вся звѣзди и планети небесніи, кое
Будетъ толкованіе истое на тое
Сонное зрѣніе; но, якъ въ морской пучинѣ
Невозможно дна зрѣти, егда волни синѣ
И черни, духомъ бурнимъ движими, покріютъ
Бездну,—такъ и мисли сонъ такій зразумѣютъ.

ЗВѢЗДОЧЕТЕЦЪ 2.

Мнѣ же видится, яко поне нѣчто мало
Мощно намъ столковати, еже показало
Самое согласіе. Зъ води крави тія
Изидоша вся купно, добрія и злія:
Води многія значатъ людей много; крави
Же добрія—обилна времена и здрави,
Безпечални; на нихъ же прійдутъ бѣди многи,
Напрасніи болѣзни и смертни прилоги
И поразятъ вся лѣта добрія, и будетъ
Ввесь людъ погибати, и никто же избудетъ
Отъ язви тоя. И то крави знаменуютъ.
Класи же они, яко ни живутъ, ни чуютъ,
Ниже могутъ пожерти, тако и ничто же
Знаменуютъ.

СЕНАТОРЪ 3.

Не добрѣ реклъ еси: не може
Такъ дивній сонъ суетній бити. Но не позналъ
Еси толкованія, сего ради сказалъ:
«Ничто же знаменуютъ класи они», яко
Хотѣлъ еси укрити тайну, юже всяко
Не разумѣлъ. Рцѣте ви прочіи и ваше
Разумѣніе.

МУДРЕЦЪ 3.

Егда разсуждахъ, что бяше
Сонъ той, дивихся много, яко неудобни
Къ разумѣнію вещи сказасте. Подобни
Суть (яко же мнится ми) до преестественнихъ
Таинъ, яже, аще кто будетъ божественнихъ
Даровъ исполненній и вишней благодати
Достойній, то таковій можетъ зтолковати
Зрѣніе сіе: нѣсть бо сіе естественно
Познаніе такъ дивнихъ вещей, что явственно
Отсюду, яко крави зъ естества обично
Пасутся травою, кравъ же имъ неприлично
Есть другихъ пожирати, яко же седмъ сіи
Поядоша избраннихъ седмъ другихъ. Но кіи
Суть класи? И на коей ниви обрѣстися
Могутъ тако сверѣпи, яко зде случися?
Крави кравъ нигде же не ядятъ, ниже класи
Устъ, ни зубовъ имѣютъ. И како своя си
Стеблія пожирати могутъ, не имуще
Устъ, ни гортани, сами кромѣ душѣ суще?
Отнюдъ се невозможно, даби кто явственно
Столковалъ сонъ сей, аще ему откровенно
Не будетъ свишше. Се азъ нелестно вѣщаю,
Не срамляюся бо, что и самъ азъ не знаю,

Ни могу столковати сонъ сей. Понудихся
Всѣхъ боговъ вопрошати, тожъ всуе трудихся,
Не могоша бо на мой вопросъ отвѣщати.
И како ми возможемъ сіе столковати,
Чого и сами бози отнюдъ не познаша?
Что жъ всуе глаголати? Суетна бо наша
Словеса будуть, аще и речемъ что, яко
Достовѣрно и право. Аще же не тако
Збудется, яко мы скажемъ, будемъ лжи повинни
И будемъ неправду и лесть мѣсто истинни
Вѣщати, прелщающе царскую державу,
За что вси не похвалу воспріимемъ, ни славу,
Но казнь и безчестіе.

СЕНАТОРЪ 2.

Что яко зтолковати
Сонъ той естъ трудно?

МУДРЕЦЪ.

Рѣхъ вамъ, яко постизати
Преестественнихъ вещей отнюдъ невозможно
Человѣческимъ умомъ: всяко бихъ реклъ ложно,
Аще бихъ реклъ иначе.

СЕНАТОРЪ 2.

Ви же рцѣте: како
Сонъ зтолкуете?

МУДРЕЦЪ 4.

И азъ глаголю, яко
Никіимъ же образомъ сна того познати
Не могутъ нашѣ умы.

МУДРЕЦЪ 3.

Мнѣ по благодати
Своей си повелѣша утро прійти бози:
Аще же ми тіи не являть, то и мнози
Звѣздочетци не скажуть тебѣ, цару, сія,
Дивни бо суть и зѣло странни таковія
Соннія видѣнія.

ЦАРЪ.

Отъидѣте нинѣ
Въ доми своя и еще лучше наединѣ
Помислѣте и боговъ своихъ койждо ваю
Да вопроситъ о томъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ФАРАОНЪ ПОВЕЛѢВАЕТЪ КНЯЗЕМЪ ОТЪ ВСЕГО ЕГИПТУ СОБРАТИ ЗВѢЗДОЧЕТЦОВЪ И ТОЛКОВАТИ СОНЪ СВОЙ ВО ВСѢХЪ ЕГИПЕТСКИХЪ СТРАНАХЪ; АЩЕ ЖЕ КТО СТОЛКУЕТЪ, ОБѢЩЕВАЕТЪ ЕМУ МНОГІЯ ПОЧЕСТИ СОТВОРИТИ.

ЦАРЪ.

Сіе азъ вамъ завѣщаю:
Отъ всего ми Египта мудрцевъ соберѣте,
По всѣхъ градахъ и странахъ всюду поищѣте
Во всѣхъ народахъ, и за Ниломъ, и при морѣ
Чермномъ, и всѣмъ велѣте сна того воскорѣ
Столковати. А кто намъ зтолкуетъ, почести
Многи воспрійметъ, имамъ бо его вознести
И почтити зъ велможи, князми и боляри,

А къ тому сподобится многоцѣнни дари
Скоро воспріяти и будетъ ми во друга,
Аще мя отсвободитъ отъ того недуга,
Егоже ми наложилъ сонъ той. Но и сего,
Что обращетъ такого мудреца, моего
Царскаго призрѣнія и любвы причастна
Сотвору. Молю васъ и приказую: красна
Будетъ мзда и похвала тому, кто такова
Человѣка обращетъ.

СЕНАТОРЪ 3.

Аще бо и нова
Естъ сія потреба, но можетъ такій быти
Въ твоемъ царствѣ, иже сонъ трудній изложити
Возможетъ поне единъ отъ многихъ.

ЦАРЪ.

Взищѣте
Его ко мнѣ и сонъ сей ему повелѣте
Зтолковати.

СЕНАТОРЪ.

Мнится ми, что, аще и мнози
Мудрци прійдутъ, егда имъ не открію́тъ бози,
Что значитъ сонъ той, отнюдъ его не столкуютъ:
Всякую бо премудрость бози намъ дарствуютъ;
Аще же тіи кому открію́тъ, то всякій
Человѣкъ зтолковати можетъ. Добрій такій
Чій либо глаголъ будетъ, должно ему яти
Вѣру, яко истинну въ сердци соблюдати.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ВРАЖДА, БОЯЩЕСЯ, ДА НЕ КАКО ІОСИФЪ СТОЛКУЕТЪ СОНЪ ЦАРСКІЙ, УМИСЛИЛА НОВУЮ ЛЕСТЬ НА КОНЕЧНОЕ ПОГУБЛЕНІЕ ІОСИФОВО: ОГЛАГОЛУЕТЪ ПЕНТЕФРІЕВЪ ІОСИФА, ЯКО ІОСИФЪ ПОХВАЛЯЕТСЯ (АЩЕ ИЗИДЕТЪ) ПОГУБИТИ ПЕНТЕФРІЯ И ВЕСЬ ДОМЪ ЕГО, СОВѢТУЕТЪ ЖЕ ПЕНТЕФРІЕВИ ВСЕКОНЕЧНѢ ІОСИФА ПОГУБИТИ.

ВРАЖДА.

О бози превишніи, бози всея твари!
Вѣмъ, что безъ вашея помощи ни пари
Отдохнути возможно, ни словесъ жестокихъ
Проглаголати, ниже кому во глубокихъ
Сердечнихъ сокровищахъ единъ помислъ новій
Зачинаетъ. Сотрѣте поне нинѣ брови
Вознесенни лестнаго отрока! Дадѣте
Погибель надходящимъ скорбемъ! Сотворѣте
Конецъ лютой годинѣ, грядущой ко дому
Пентефрія, да будетъ днесь погибель злому
Рабскому совѣту! Се, отнелѣ же лютій
Рабъ той начатъ смущати домъ его, збѣгнути
Невозможно отъ бѣдныхъ временъ. Се едино
Горе зѣло лютое отъиде, а ино
Лютѣйшое близъ естъ, что врага отверженна
Хощетъ время явити паки возведенна,
Къ чести первой. Обаче лучше би не знати
Врага того велможамъ, ниже погибати
Отъ его коварства.

ПЕНТЕФРІЙ.

Кто естъ моему дому
Новій заступникъ, иже мя нинѣ такому

Любленію достойна творитъ и откуду
Естъ?

ВРАЖДА.

Азъ всегда съ тобою живу и повсюду
Во слѣдъ тебе тайно хожду; ти мя знаешъ давно.

ПЕНТЕФРІЙ.

Молю тя: скажи ми всю истинну, да явно
Увѣмъ, кія градутъ на мя скорби и кое
Врагъ вселютій кусится на домъ мой новое
Воспріяти коварство, и уразумѣю,
Кто естъ онъ и откуду.

ВРАЖДА.

Многихъ азъ имѣю
Любителей моихъ и на нихъ вижду бѣди
И скорби грядуща; но никими же види
Имъ хощу возвѣщати. Тебѣ же особну
Моему любимому вся сія подробну
Исповѣмъ. Рабъ твой лестній Іосифъ, его же
Достойнѣ всадилъ еси, вѣси ли, что може
Въ себѣ мислити на тя?

ПЕНТЕФРІЙ.

Како могу знати
Мисли человѣковъ, самъ человѣкъ сій?

ВРАЖДА.

«Взятій
Есмъ (рече) въ окови; но азъ надежду имѣю,
Яко изійду отъ сихъ и муку сію

Добрѣ отмщу вельможи безумному.» Тако
Безумним тя зоветъ и отмстити тебѣ ....

ПЕНТЕФРІЙ.

Всяко
Азъ разумѣлъ бихъ, что онъ, въ темници сидяще,
Смирился и милости въ узахъ хощетъ.

ВРАЖДА.

Аще
Бы хотѣлъ милости, не дерзалъ би тя звати
Безумнимъ, ни желалъ бы тебѣ месть воздати.
Но се разумѣй, яко, аще и желаетъ
Милости, то лестно, да паче ископаетъ
Тебѣ ровъ смертній и въ немъ тя погубитъ. Сія
Вся и оттуду мощно тебѣ знати, кія
Онъ словеса еще болшъ жестокимъ язикомъ
На тя клевещетъ: всѣмъ бо явно человѣкомъ
(Что азъ нинѣ слишахъ) повѣдствуетъ, яко
Онъ неправеднимъ твоимъ судомъ терпитъ тако
Многія рани, узи и темницу. Сему
Же дѣлу, еже жена твоя «по своему
Неистовству и блудной женской (рече) лести
Нань соплете», яко непричастенъ, мести
Скорія ждетъ отъ Бога и на ню всю тую
Неславу обращаетъ, паче же самую
Ту зоветъ блудницею, а себе еднаго
Творитъ чиста и свята. Кое убо благо
Вамъ будетъ, егда всякимъ сквернамъ сопричастни
Предъ вами будутъ чисти, праведни и красни,
Противнимъ же образомъ невинни и святи
Ради еднаго слова собою страдати
Будутъ поношеніе? Слишахъ, что имаши
Его жива пустити. Пусти, аще чаши

Смертнія желаеши. Не вѣси ли, яко
Онъ есть тебѣ врагъ вѣчній, иже взищетъ, како
Тя и всю твою славу погубитъ со шумомъ?
Яже азъ глаголю ти, внимай себѣ умомъ
Здравимъ: аще жива и́ хощеши имѣти,
То где и́ удержиши? Вся узи, вся клѣти
И вся страни не могутъ самаго прохода
Ему отяти, ибо чародѣй естъ, рода
Хитролестна: зъ темници и узовъ изійдетъ
Яко злодѣй. Вѣстъ же тя милостива: прійдетъ
Къ тебѣ лестно, зъ слезами тя умолитъ, свяжетъ,
Да и́ пріймеши паки, и тогда покажетъ
На тя всю свою хитрость и всякія види
Ярости подвигнетъ, да свои обиди
На тебѣ отмститъ лишше. Ни́ ли тебѣ мнится,
Яко онъ, егда въ живихъ пребудетъ, явится
Тому благодарнимъ? Ни. Не вѣси ли, кія
Суть мерзкихъ рабовъ нрави? Прежде люта змія
На любовъ преклониши, неже раба злаго.
Льви, тигриси, парди, но и чада самаго
Смертнаго кро́кодила весма подобнѣе,
Да благодѣяніе помнятъ, неже сіе
Студное исчадіе. Раба раздраженна
Отъ ярости, гнѣва и мести притворенна
Любовъ не утолитъ, ни дари что успѣютъ,
Ни милость преклонитъ; но никако довлѣютъ
Вся чести, вся богатства и всякая слава,
Да каменное сердце послушаетъ здрава
Совѣта. Раба, бѣднѣ разгнѣванна, сани
Честнія не подвигнутъ, гнѣвъ, ярость и рани
Не устрашатъ: огнь бо лютій, егда болшъ имѣетъ
Дровъ и вѣтровъ, не гаснетъ, но паче лютѣетъ
И вся губитъ. Рабъ всегда памятозлобивій,
И никтоже во мірѣ естъ тако щасливій,

Дабы могъ рабску ярость когда претворити
На милость: рабъ бо вмѣетъ на зло обратити
Всяку благость и правду, любовъ отвергаетъ,
Дари пріемлетъ и та скоро презираетъ;
Милости, юже пріять, отнюдъ ей познати
Не хощутъ, но за всякъ даръ, за любовъ воздати
Готовъ естъ смертнимъ жаломъ. И краткими слови
Изреку: яко черна Еѳіопа нови
Ліеми всегда води не убѣлятъ; яко
Бездни, дишущей смрадомъ зѣло мерзкимъ, всяко
Благоуханіе отъ смрада избавляетъ,
И яко твердій камень отъ слонца не таетъ:
Такъ рабскому лукавству вся любви, вся казни
Ничто же помагаютъ, ни отъ непріязни
Ихъ могутъ сохранити. Сей же окаянній
Не истинній ли рабъ твой, цѣною купленній?
Не яръ ли есть и въ своей ли злобѣ не твердій?
Вси богомъ кланяются, онъ же жестосердій
Единъ доселѣ чуждъ естъ самоволно тоей
Всѣмъ общой благодати. Вѣру ими моей
Бесѣдѣ: что азъ презрѣхъ вся его совѣти
И нрави, кипитъ его утроба, да сѣти
На твою погибель днесь исплетаетъ ти лестно,
Въ нихъже ти и ввесь домъ твой имаши безчестно
И вѣчно увязнути. Уже ждетъ удобна [1])
Времени, да, изшедъ отъ узъ, нѣгдѣ особна
Тя ощутивъ, убыетъ тя, или отраву
Подасть ти и уморитъ, а конечнѣ славу
И животъ твой въ персть вселитъ, и будетъ ти его
Исходъ—твоея слави и памяти, того
Часа, егда изійдетъ, погибель безчестна,
Ибо его смерть—тебѣ животъ, а прелестна
Жизнь его тебѣ естъ смерть, паче же супрузѣ

[1]) Въ рукописи: *утробна*.

Твоей, яже, егда и жива узритъ, друзѣй
Вящной скорби не стерпитъ себе подъняти,
Но за студъ свой сама ся убнетъ. Избрати
Убо зволъ, себѣ: или да ти со женою
Живъ будеши, или да твой Іосифъ.

ПЕНТЕФРІЙ.

Кто мою
Жизнь и славу въ персть вселитъ? И кто мя убіетъ
И супружницу мою? Прежде самъ изліетъ
Мерзкую свою душу.

ВРАЖДА.

Аще моя сія
Рѣчъ не збудется, егда онъ поживетъ, тія
Муки, яже онъ долженъ понести, да пріидутъ
На мя и удручатъ мя, духа, и обійдутъ
Отвсюду! Да препятъ ми будетъ путь до аду!
Да вѣчное господство будетъ злому яду
Данно! Всѣмъ же страшнія вѣчнія заклепи
Да не пріймутъ мя паки во своя вертепи!

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПЕНТЕФРІЙ, ПОСЛУШАВЪ СОВѢТА ВРАЖДЕБНАГО, УСТРЕМЛЯЕТСЯ НА УБЫЕНІЕ ІОСИФА И УЖЕ ПОВЕЛѢВЪ ЕГО ИЗВЕСТИ ЗЪ ТЕМНИЦИ НА МУЧЕНІЕ, ВНЕЗААПУ ОТЪ ЦАРСКИХЪ СЛУГЪ НА ПРИКЛЮЧШЕЕСЯ НУЖДНОЕ ДѢЛО ЦАРСКОЕ ВОЗЗВАННІЙ ОСТАВЛЯЕТЪ ЕЩЕ ІОСИФА ЖИВА И ОТХОДИТЪ КО ЦАРУ; НО, ВОЗВРАТИВШЕСЯ, ХОЩЕТЪ ІОСИФА УМЕРТВИТИ.

ПЕНТЕФРІЙ.

Іосифъ ли рабъ тако плететъ на мя сѣти,
Да егда жизнь дамъ ему, тогда онъ убити
Мя восхощетъ своего отца, господина

И благодателя? Азъ того Еvреина
Раздроблю на малія части. Днесь все тѣло
Его огнемъ сожещи скажу. Раби! зѣло
Скоро шедше, велѣте всѣмъ бити готовимъ
Спекулаторомъ нинѣ, да всяческимъ новимъ
Мученіемъ умертвлятъ сего окаянна,
Да не будетъ ни память его зла слишанна.
Во вѣчнія роды вси будутъ поминати
Его мерзостно дѣло и будутъ бояти
Ся тожде дерзнути. Не отвергуся слова
Моего, еже рекохъ: нинѣ вся готова
Да будутъ орудія смерти! Да убыютъ
И скоро огнемъ лютимъ спалятъ! Да развѣютъ
Его прахъ и пепелъ на вся четири страни.
Яко той помишляетъ смерть извести на ни,
Самъ буду глядѣти на смерть его; ведѣте [1])
Его сѣмо зъ темници, всего обнажѣте.

СЛУГА.

Княже Пентефріе! великое дѣло
У цара случися: вся поверзи, а зѣло
Скоро, скоро иди до царственной полати.

ПЕНТЕФРІЙ.

Что се есть?

СЛУГА 2.

Княже! скоро изволь поспѣшати
Ко цару.

ПЕНТЕФРІЙ.

Кая есть нужда? Отведѣте
Его паки въ темницу и паки свяжѣте.

---

[1]) Противъ этого стиха съ боку приписано: *Пентефрій приближается до темници и повельваетъ извести Іосифа на мученіе.*

ХОРЪ.

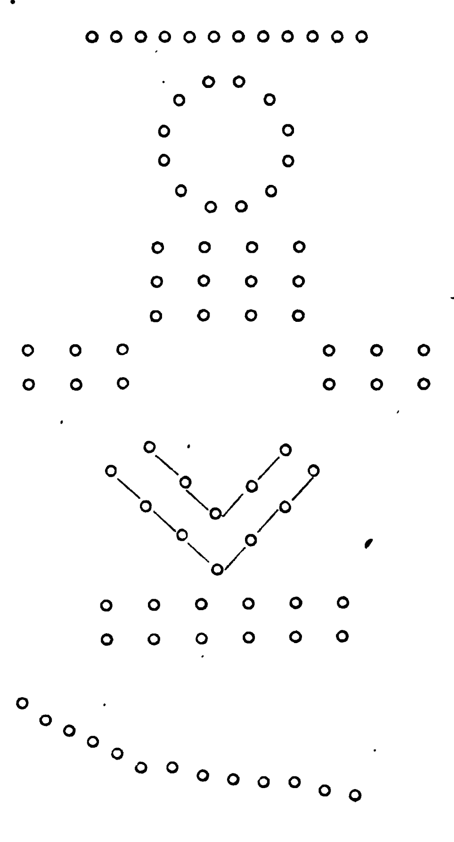
МЛАДЕНЦИ АРАВИЦСТІИ СКАЧУЩЕ ВЪ СВОЕМЪ ЛИКОВАНІИ ЯВЛЯЮТЪ, ЯКО СКОРБИ И ПЕЧАЛИ НЕ ТОКМО УБОГИХЪ И БОГАТИХЪ, НО ЦАРЕЙ ПРЕВИСОКИХЪ ВО ДНИ И ВЪ НОЩИ, ВО СНѢ И НА ЯВѢ МНОГОВИДНО СМУЩАЮТЪ И МУЧАТЪ.

МЛАДЕНЦИ АРАВИЦСТІИ *(поютъ и скачутъ).*

Танецъ.

Всяка слава пребогата [1])
И порфѣра зъ чиста злата

[1]) Здѣсь въ рукописи приложенъ слѣдующій *„Образъ хору, якъ Муриничики скакали“*:

Въ бѣдахъ опливаетъ,
Покою не маетъ,
Аще людей многихъ,
Славнихъ и убогихъ
Въ рукахъ мѣетъ
И всѣми владѣетъ.
Мечта мала привѣдѣнна
Не даетъ сна вожделѣнна,
Но велми смущаетъ,
Зѣло устрашаетъ
Нищихъ и богатихъ,
Сиротъ и мужатихъ,
Во снѣ дручитъ
И на явѣ мучитъ.

(По танцу интермедія).

ДѢЙСТВІЕ 5.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ЦАРЪ ВОПРАШАЕТЪ СЕНАТОРОВЪ, АЩЕ ОБРѢТОША ЧЕЛОВѢКА, ДА СТОЛКУЕТЪ СОНЪ ЕГО; НО ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ ЕГИПЕТСКИХЪ НЕ ОБРѢТЕСЯ, ТОГО РАДИ БОЛШЪ СМУТИСЯ И ОВѢЩЕВАЕТЪ СУГУБО ТОГО ПРЕВОЗНЕСТИ, КТО СОНЪ ЗТОЛКУЕТЪ.

ЦАРЪ.

Взискасте ли, яко же велѣхъ, человѣка,
Да столкуетъ сонъ мой?

СЕНАТОРЪ 1.

Ни, владико! Колика
Естъ страна воскрай моря, ѳиваидски гради,
Отъ конецъ Бугіи ажъ до Ериѳи, ради
Мудрцѣвъ посилахомъ ко Ѳебамъ, Діосполю,
Пелюсіи, Сіеннѣ, и въ Иліополю,

И въ Тентирѣ искахомъ между избранними
Звѣздочетци такого мудрца, да странними
Хитростями столкуетъ сонъ той,— и вся тія
Гради скороходнимы писмени (какія
Въ нихъ изобрѣтаются мудреци) звѣдахомъ
И ни еднія отъ нихъ пользи не пріяхомъ.

СЕНАТОРЪ 3.

Не можетъ сіе царство быти толь убого
Въ людей такихъ: еже бы аще и немного,
Поне еднаго мужа могло показати,
Даби моглъ совершенно сонъ той столковати.

СЕНАТОРЪ 1.

Аще и въ Иліополю, идѣже преславни
Суть звѣздочетци и толь мудри, яко равни
Нигдѣ же обрѣстися не могутъ, и тіи
Не могоша познати сна того; то кіи
Разуми познаютъ? Надъ Египетъ бо кое
Естъ царство мудрѣйшее?

СЕНАТОРЪ 4.

Еще азъ новое
Реку слово: послати въ инныя страни
И царства, да и тамо толкуютъ избранни
Звѣздочетци.

СЕНАТОРЪ 2.

Доселѣ вси концы отъ свѣта
У насъ учишася, и ми отъ нихъ совѣта
Будемъ требовати? Да не будетъ.

СЕНАТОРЪ 3.

Кто убо
Во Египтѣ столкуетъ?

ЦАРЪ.

Азъ его сугубо
Превознесу и почту, егда сонъ втолкуетъ.
Но се мнѣ есть тяжесно и то сердце чуетъ,
Что скорбъ велію иматъ сонъ той показати:
Убо всяко намъ треба такаго взискати
Мужа, да покажетъ намъ, что сонъ сей явити
Иматъ: зло ли, или что добро, или жити,
Или смерть нечаянну.

(Здѣсь виночерпія шепнувъ на ухо сенаторови пятому).

СЕНАТОРЪ 5.

Желаетъ ти слово
Нѣкое полезное рещи, еже нѣчто ново
И ко нуждѣ нынѣшней потребно имѣетъ
Показати.

ЦАРЪ.

Да скажетъ.....

ЯВЛЕНІЕ 2.

ВИНОЧЕРПІЯ ПОВѢДАЕТЪ ЦАРУ, ЯКО, ЕГДА БЫСТЬ ВЪ ТЕМНИЦИ НА СМЕРТЬ ВСАЖДЕННІЙ, ВИДѢ СТРАШНІЙ СОНЪ, ЕГОЖЕ ТАМО ЗТОЛКОВАЛЪ ЕМУ ІОСИФЪ, И ЯКО ЖЕ СТОЛКОВАЛЪ, ТАКО ВО СКОРѢ СОВЫСТЬСЯ. ЦАРЪ ЖЕ ПОВЕЛѢВАЕТЪ СКОРО КЪ СЕБѢ ВЗИСКАТИ ІОСИФА; НО ПЕНТЕФРІЙ ХОЩЕТЪ ПРЕПЯТИ ДѢЛО, ВСУЕ ЖЕ ТЩИТСЯ.

ВИНОЧЕРПІЯ.

Или что успѣетъ
Слово мое, или ни, еже возвѣстити
Хощу, зволте ми въ дерзость сіе не вмѣнити.
Помянухъ грѣхъ мой: егда прогнѣвася на ни
Раби твоя и вверже ни въ темницу связанни,

Мене и старѣйшину житарска, и бяху
  Намъ тамо сни своя о тѣхъ, яже имѣяху
Намъ приключитися. Азъ видѣхъ предо мною
  Виноградъ, въ виноградѣ томъ три единою
Мѣрою лѣторасли красно прозябоша
  И быша лозіе и скоро принесоша
Плоди зрѣліи; азъ же державъ въ руцѣ чашу
  Твою и въ ню изгнетохъ гроздъ, и вдахъ ю въ вашу
Царскую руку. Той же мняшеся держати
  На главѣ три кошници хлѣба и лѣтати
Зраше птици вкругъ себе, яже нападаху
  На главу его и хлѣбъ ему поядаху
Зъ его кошницъ. Бысть же намъ соузникъ юноша
  Жидовскъ, рабъ Пентефріевъ, егоже ввергоша
Въ туюжде темницу. И мы, обяти страхомъ,
  Что намъ будетъ, сонія наша повѣдахомъ
Ему подробну. Онъ же столковалъ намъ наше
  Зрѣніе; и яко же столковалъ, не бяше
Надъ три дни, и собисться тако: мене взяти
  (По милости) въ мой чинъ, того же предати
Смерти повелѣлъ еси.

ЦАРЪ.

Живъ ли онъ есть нинѣ
  И гдѣ есть?

ВИНОЧЕРПІЯ.

Есть доселѣ во узахъ.

ЦАРЪ.

Въ сей годинѣ
Приведѣте и ко мнѣ.

ПЕНТЕФРІЙ.

Что всуе трудити
  Вашу царску державу? Не будемъ имѣти

Никоея отради отъ того отрока:
  Всѣмъ бо сіе есть явно, коль глубока
Мудрость столковати сонъ такій. Того же
  Плѣнника азъ извѣдахъ добрѣ, что ничто же
Имѣетъ: не учився нигде же, смиренній,
  Простій, бездѣлній, нищій. И како явленній
Ему сонъ той будетъ? Нѣсть бо тое прилѣчно,
  Даби рабскій постизалъ разумъ, что обично
Постизають мудреци.

ЦАРЪ.

Мощно есть убогу
  И бѣдну человѣку имѣти премногу
Благодать божественну, еяже богати
  И силни не имѣютъ, ибо благодати
И дара совершенна нищета и бѣди
  Многи не препинаютъ, но чудними виды
Скорбящимъ умножаютъ.

СЕНАТОРЪ 5.

Богатство и слава
  Многажди человѣка творитъ величава
И горда, мудрости же всяко препинаетъ,
  Дари вонъ изгонитъ, но еще и раждаетъ
Такія мисли, яже отнюдъ вомѣстити
  Не могутъ зъ познаніемъ истинна, имѣти
Бо сласти многи и мудрость совершенну
  Естъ то имѣти славу и честь божественну:
Мнози бо суть во сластехъ и въ богатствахъ мнози,
  Но премудрость обично имѣютъ убози.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ІОСИФЪ, ОТЪ УЗЪ ИЗВЕДЕННІЙ, ПРЕДЪ ВСѢМИ СЕНАТОРАМИ ТОЛКУЕТЪ СОНЪ ЦАРЕВѢ И РАДИ ПРЕИЗЯЩНѢЙШАГО ТОЛКОВАНІЯ РАЗДРѢШАЕТЪ СКОРБЪ ЦАРСКУЮ.

СЕНАТОРЪ 4 *вопрошаетъ виночерпію:*

Сей ли естъ Іосифъ?

ВИНОЧЕРПІЯ *отвѣтуетъ:*

Сей; сему сонъ скажѣте.

ЦАРЪ.

Разбійте на немъ тія окови, дадѣте
Ему лучшу одежду. Слишахомъ ми, яко
Ти можешъ познати и столковати всяко
Сонное видѣніе. Столкуй и намъ, аще
Что можеши.

ІОСИФЪ.

Богъ единъ вишній, иже зраще
Будущое время и лѣта, яко силній,
Можетъ, аще восхощетъ, дати толь обилній
Даръ рабомъ своимъ и тѣмъ открити
Вся недовѣдомія тайни, извѣстити
Же что невозможно естъ отъ спасенних его
Сокровищъ кромѣ Бога.

СЕНАТОРЪ 1.

Послушай сна сего.
Мняшеся царъ быти близъ рѣки; изъ нея же
Седмъ кравъ добраго взора исхождаху, яже
Добре сити и тучни тѣлесома бяху
И мало пасяхуся. По сихъ исхождаху

Другіи седмъ кравъ, тѣломъ и образомъ худи
И, ходяще зъ первими, воскорѣ на уди
Разторгше, кравъ избранниxъ пожроша худія;
Ниже насетишася, изядше ситія
Крави, едначе бо всѣ худи худи бяху,
Еще бо и болшея снѣди требоваху.
Воспранувъ же царъ отъ сна и воздрѣмавъ, паки
Уснувъ и се другій сонъ страшній видѣ: аки
Седмъ класовъ отъ еднаго стебла израстоша
Избраннія, полнія; по сихъ изникоша
И другія седмъ класовъ, вѣтромъ истонченни,
И поядоша первихъ, ниже насищенни
Быша. Сей сонъ сказахомъ многимъ, но никто же
Ниже въ Келесиріи и Лидѣ возможе
Намъ его столковати, и то насъ смущаетъ
Зѣло, яко не вѣми, что сонъ сей вѣщаетъ.
Ты же по данной тебѣ божой благодати
Зволъ отъ сердца царскаго такую отяти
Скорбъ нуждную и скажи ясно, что естъ сіе
Странное видѣніе.

IОСИФЪ.

Се близъ градутъ дніе [1])
Добри и весели и дніе скорби полни
И смерти лютой; седмъ бо лѣтъ будутъ доволни
Всякаго обилія, плодовъ земнихъ, яже
Знаменуютъ добрихъ седмъ кравъ и класовъ. Таже
По сихъ другія седмъ лѣтъ, въ та будетъ гладъ велій
И не будетъ на земли ни трави, ни зелій,
Ни хлѣба, ни воли на седмъ лѣтъ: то являютъ
Крави худіи, добрихъ изядшіи. Маютъ
Тое жъ толкованіе и класи сухіи,

[1]) Противъ этой строки приписано съ боку: *«Святый Іосифъ сонъ толкуетъ»*.

Полнихъ пожершіи, а не ситіи; тіи
Бо седмъ лѣта плодніи прейдутъ, и забудетъ
Всякъ по всей земли прежней ситости: не будетъ
Же знаяй обилія земнаго отъ глада,
Будущаго на седмъ лѣтъ, никая отрада
Готова будетъ гладнимъ язикомъ. А яко
То имать непремѣнно быти, се еднако
Явленній двоякій сонъ о тойже единой
Вещи въ кравахъ и въ класахъ Богъ являетъ. Иной
Вѣсти о такихъ снахъ нѣсть вѣрно глаголати.
Нинѣ убо, великій цару, зволъ пріяти
Совѣтъ отъ мене, раба твоего: постави
Человѣка разумна, да въ твоей державѣ
Собираетъ плодъ житенъ седми лѣтъ обилнихъ,
Отъ нихъже се первое лѣто естъ; и въ силнихъ,
И въ богатихъ да хранятъ вся плоди, вся жита
И пшеницу, да будетъ доволство на лѣта
Оная злая, да тако отнюдъ не вредится
Гладомъ египетское царство.

ЦАРЪ.

Что вамъ мнится,
О князи: добрѣ ли онъ вѣщаетъ?

СЕНАТОРЪ 1.

Никто же
Лучше столкуетъ.

СЕНАТОРЪ 4.

Ни ввесь Египетъ возможе
Показати такаго мудра человѣка.

СЕНАТОРЪ 5.

Азъ же глаголю, яко нинѣшняго вѣка
Ни ввесь міръ иматъ мужа тако совершенна,

Иже бы будущія имѣлъ откровенна
Таинства, нѣсть бо сіе познати возможно
Разумомъ, что Богъ своимъ си рабомъ неложно
Являетъ

ЦАРЪ.

Но и азъ во сердци моемъ маю
Великую отраду, ибо ощущаю
Духомъ нѣкую радость предивную зъ тоей
Его бесѣди: мнитъ бо ся ми, что изъ моей
Глави якъ тяжчайшій камень низверженній
Естъ: такъ мя веселитъ толкъ его совершенній
И разумъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ЦАРЪ ІОСИФА ЗА ТОЛИКУЮ ЕГО ПРЕМУДРОСТЬ ПОВЕЛѢВАЕТЪ ОБЛЕЩИ ВЪ ЦАРСКІЯ СВОЯ УТВАРИ И, ВОЗЛОЖИВШИ ЕМУ ГРИВНУ ЗЛАТУ НА ВЫЮ, ПОСТАВЛЯЕТЪ ЕГО ВТОРИМЪ ЦАРЕМЪ ВСЕМУ ЕГИПТУ И ВДАЕТЪ ПОДЪ ЕГО ВЛАСТЬ СОВЕРШЕННУ ВСЕ СВОЕ ЦАРСТВО. ПЕНТЕФРІЙ ЖЕ, ВИДѢВЪ СІЯ, СТРАХА РАДИ ОТТУДУ ТАЙНО ВОНЪ ИСХОДИТЪ.

ЦАРЪ.

Понеже тя Богъ явилъ такова
Мужа и нѣсть мудрѣйша надъ тебе, се нова
Тебѣ слава достойна естъ: ти собирати
Имаши всякъ плодъ житенъ и началствовати
Надъ всѣми людми; къ сему же ты единъ буди
Первій во моемъ царствѣ и тебе вся люди
Яко цара втораго да славлятъ, не инимъ
Почтеніемъ, яко чтутъ мене; азъ единимъ
Престоломъ болши буду отъ тебе. Дадѣте
Ми царскія утвари. Князи! облецѣте
И. Приступи ближае. Днесь тя поставляю
Втораго цара всего Египту и вдаю

Подъ твою власть все мое царство, и никтоже
  Во всемъ Египтѣ дерзнетъ что либо, егоже
Аще ти не схощеши. [1]) И азъ безъ твоея
  Любвы не двигну въ царствѣ ни руки моея.
Отселѣ нарицайся спасителемъ міру, [2])
  Яко ты благодати небесной надъ мѣру
Исполненъ еси: ибо достовѣрно сказалъ
  Еси такую тайну, еяже не позналъ
Весь Египетъ и весь міръ не знаетъ; не знати
  Же тоей, пришло бы намъ зъ глада погибати. [3])

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПЕНТЕФРІЙ, ВИДѢВШЕ, ЯКО ІОСИФЪ, ЕГОЖЕ ОНЪ КРѢПКО ОКОВАЛЪ БЯШЕ ЖЕЛѢЗОМЪ И ХОТѢЛЪ УЖЕ УБЫТИ, СОТВОРЕНЪ ЕСТЪ ЦАРЕМЪ ВТОРИМЪ, БОИТСЯ И ЗѢЛО СМУТИТСЯ. ПОВѢДАЕТЪ ЖЕ ВЕЛМОЖИ, ЯКО ІОСИФЪ НЕЧАЯННО ГОСПОДЬ ЕСТЪ ВСЕМУ ЕГИПТУ; НО ВЕЛМОЖА ОТКРИВАЕТЪ ЕМУ ЗЛОБНУЮ ХИТРОСТЬ СВОЮ, КАКО ЕЯ РАДИ НЕПОВИННѢ СТРАДАЛЪ ІОСИФЪ, И ОБѢЩЕВАЮТЪ ОТЪ ІОСИФА ПРОЩЕНІЯ СЕБѢ ИСПРОСИТИ.

ПЕНТЕФРІЙ.

О лютѣ намъ естъ нинѣ! О бѣда велика
  Близъ уже!

ВЕЛМОЖА.

Не буди то, господи!

ПЕНТЕФРІЙ.

Толика
Намъ скорбъ настоитъ, яже, аще прійдетъ, всяко
  Скончаватися требѣ.

---

[1]) Противъ этой и двухъ предшествующихъ строкъ приписано: *Пентефрій, негодуя, со страхомъ и воплемъ вонъ исходитъ.*

[2]) Противъ этої строки: *Іисусъ Христосъ.*

[3]) Противъ этої строки: *Зде Іосифъ (во) царя поставленъ.*

ВЕЛМОЖА.

Кая то скорбъ тако
Люта?

ПЕНТЕФРІЙ.

Не вѣси ли, что нинѣ сотворися
Во Египтѣ?

ВЕЛМОЖА.

Не вѣмъ.

ПЕНТЕФРІЙ.

Страхъ великій намъ родися.

ВЕЛМОЖА.

Кій страхъ?

ПЕНТЕФРІЙ.

Іосифъ, рабъ нашъ, господинъ намъ нинѣ
Естъ и всему Египту; и се во единѣ
Чести зъ Фараономъ днесь славно посажденній
Сѣдитъ, яко царъ, всѣми чтомій, возведенній
Бо естъ на престолъ царскій. Азъ же страха ради
Изійдохъ тайно, да не зъ тобою и чади
Нашими велитъ мя днесь погубити или
Въ изгнаніе послати.

ВЕЛМОЖА.

Ни, не бойся.

ПЕНТЕФРІЙ.

Ни ли
Ти внимаеши, ниже познаеши бѣди
Сея?

ВЕЛМОЖА.

Днесь тебѣ правду всю открію. Виды
Премногими азъ прелщахъ Іосифа къ волѣ
Моей, но той презиралъ мя. Азъ же оттолѣ
Взискахъ ему отмстити, что его не прелстахъ.
А яже онъ претерпѣлъ муки, азъ сотворихъ
Се по моей неправдѣ, нѣсть бо онъ повинній
До такія мерзости; но мой самъ безчинній
Разумъ сіе сотворилъ.

ПЕНТЕФРІЙ.

О лютѣ мнѣ нинѣ!
Что се дерзнула еси, безумна? По винѣ
Нашей всяко убыетъ насъ.

ВЕЛМОЖА.

Не бойся. Знаю
Азъ, что онъ незлобивъ естъ, и милости чаю
Отъ его получити. Азъ бо есмъ виною
Его нинѣшней слави: аще бо бы мною
Не былъ оклеветанъ, то не былъ бы въ темници;
Не бивше, не зналъ бы царъ о немъ. Къ толицѣй
Же славѣ азъ то его приведохъ.

ПЕНТЕФРІЙ.

Что всуе
Вѣщаэшъ? Убыетъ насъ.

ВЕЛМОЖА.

Не убыетъ. Чуе
Мое сэрдце, что проститъ намъ вся; токмо идѣмъ
Къ нему.

ПЕНТЕФРІЙ.

Аще бы простилъ! Ходѣмъ и припадѣмъ
Ему на нозѣ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ІОСИФА ПРОВОЖДАЮТЪ НА ПРЕСТОЛЪ ЦАРСКІЙ ВСѢ ДОБРОДѢТЕЛИ И ВСѢ ХОРИ СО МУСИКІИ И ПѢСНМИ И СО ВСѢМЪ ЦАРСКИМЪ СИНКЛИТОМЪ. ПОСАЖДЕННОМУ ЖЕ НА ПРЕСТОЛѢ КНЯЗИ СОРАДУЮТСЯ И, ЯКО ГОСПОДУ СВОЕМУ, ПОКЛАНЯЮТСЯ. ПРИХОДИТЪ ЖЕ И ПЕНТЕФРІЙ ЗЪ ВЕЛМОЖЕЮ, СВОЙ ГРѢХЪ ПРЕДЪ ВСѢМИ ИСПОВѢДАЮТЪ И ПРОЩЕНІЯ, — ВСЕСМИРЕННО КЛАНЯЮЩЕСЯ ЕМУ, ЯКО ЦАРУ И ВЛАДИЦѢ,—ПОЛУЧИТИ СЕБѢ ЖЕЛАЮТЪ.

ХОРЪ, *или* ДОБРОДѢТЕЛИ.

Поклонитеся, велможи, новому владицѣ,
Яко той вамъ господствуетъ въ славѣ превелицѣ!
Припадѣте, величайте, хвалу воздадѣте,
Спасителю всѣхъ язиковъ многу честь творѣте!

СЕНАТОРЪ 1.

Веселися, нашъ владико, въ славѣ превелицѣ,
Яко поклонятся тебѣ отъ странъ вси язици!

СЕНАТОРЪ 3.

Торжествуйте во Египтѣ, страни пребогати,
Симъ бо не дастъ вамъ Господь отъ глада згибати!

СЕНАТОРЪ 5.

Величаемъ тя, премудре владико нашъ новій,
Предъ тобою бо падоша вознесенни брови!

СЕНАТОРЪ 7.

Прославляйте вси язици Іосифа свята,
Яко тѣмъ естъ прославленна царская полата!

СЕНАТОРЪ 9

Вси тебѣ сорадуемся, премудрій владико!
Достойнѣ бо пріемлеши господство толико.

СЕНАТОРЪ 11.

О тебѣ днесь веселятся вси люди и князи,
И тебѣ преклонятъ выя мнози твои врази.

Пентефрій зъ Велможею кланяются Іосифови.

ПЕНТЕФРІЙ.

Согрѣшихомъ къ тебѣ, нашъ владико! Прости намъ
Безуміе наше! Тя молимъ, отпусти намъ
Весь грѣхъ нашъ! Не помяни беззаконій нашихъ,
Да будемъ днесь достойни превеликихъ вашихъ
Благодателскихъ щедротъ! Мы тя раздражихомъ
Неповиннѣ и, яже тебѣ сотворихомъ,
Сотворихомъ безумно. Нашъ есть грѣхъ; твоя же
Вся правда и невинность. Отпусти намъ, яже
Тебѣ сохрѣшихомъ. Вся намъ, яко щедръ, прости
Отъ сердца, тебе молимъ; но ниже отомсти [1])
Намъ юродство наше.

ІОСИФЪ.

Богъ единъ вишній тако
Хотяше, да познаю самъ на себѣ всяко
Его допущеніе. Ви же никоего
Зла отнюдъ не бойтеся, азъ бо того всего

[1]) Въ рукописи: *отмсти.*

Имамъ всесовершенно на вѣки забити,
 Ни бо когда восхощу за сіе отмстити.

ХОРЪ *вкупѣ и* ЕПІЛОГЪ

возвѣщаетъ, яко іосифъ, отъ узъ изъ темници изведенній и престоломъ царскимъ почтенній, прообразова Христа, возставша отъ мертвихъ и за пріятіе смерти славою и честію вѣнчанна, превише всѣхъ небесъ на божественномъ посажденна престолѣ.

Страшную тайну Богъ намъ показуетъ,
 Егда Іосифъ Христа зобразуетъ:
Дивній младенецъ, отрокъ всеблаженній,
 Зъ темници и узъ дивно изведенній,
На престолъ, яко царъ, взійде во славѣ
 Велицѣ и все во своей державѣ
Имѣяше царство. Ему же вси князи
 Воздаваху честь должную, а врази
Зъ студомъ и зъ страхомъ своя прекланяху
 Глави и аки цара почитаху.
Образъ той Христа воскрешшаго бяше,
 Иже вознесе въ небо тѣло наше,
Иже одеснихъ Бога посажденній
 И божественнѣ славою почтенній,
Емуже зъ страхомъ ангельскіе хори
 Премирнихъ естествъ со святихъ собори
Побѣдную пѣснь поютъ, якъ Богу,
 Поклонъ и славу твораще премногу.
Того мы просимъ Христа, цара слави,
 Да вамъ слишащимъ увѣнчаетъ глави.

XIV.

БОЖІЕ

УНИЧИЖИТЕЛЕЙ ГОРДЫХЪ, ВЪ ГОРДОМЪ ІЗРАИЛЯ УНИЧИЖИТЕЛѢ ЧРЕЗЪ СМИРЕННА ДАВИДА УНИЧИЖЕННОМЪ ГОЛІАѲѢ

УНИЧИЖЕНІЕ

вкупѣ же и праведное его въ отцеругатель Авесаломѣ, образъ всѣхъ ковниковъ и измѣнниковъ отцу своему, благочестивѣйшему монархѣ россійскому противниковъ, судьбами его божіими наказаніе, при тріумфалномъ торжественномъ вшествіи въ царствующій великій градъ Москву преславнаго торжественника и побѣдителя, свѣйскія прекрѣпкія силы разорителя, богопротивныхъ измѣнниковъ потребителя, россійскія своея державы обновителя, разширителя и защитника, благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго августѣйшаго, великаго государя нашего, царя и великаго князя перваго тѣмъ именемъ и побѣдою Петра Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца, дѣйствіемъ его же государевой академіи, ученіемъ греческимъ, славенскимъ и латинскимъ благолѣпнѣ процвѣтающія, изображенное въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ лѣта отъ воплощенія господня 1710 мѣсяца февраля въ день.

ПРЕДИДѢЙСТВІЕ КРОМѢ СЛОВЕСЪ,

въ немъже прежде токмо единые гордые изобразуются тихо.

Является прежде Сампсонъ, льва, имущаго надпись [1]), раздирающій, со гласомъ съ небесъ симъ: *возносяйся смирися.*

[1]) Льва надпись: *гордъ есмь, ибо непобѣдимый.*

Въ другомъ явленіи Навуходоносоръ, съ надписаніемъ же, [1]) за гордость смиренъ, Всемоществомъ бо божіимъ сотворенъ изъ царя волъ, со гласомъ же прежнимъ съ небесъ.

Въ третіемъ столпъ [2]) вооруженъ, свѣйскаго воинства силу изъявляющій, со знаменіемъ свѣйскимъ и съ надписми отъ Полоніи, Литваніи, Саксоніи и иныхъ, біенъ оружіемъ и недвижимъ, а отъ Россійскія монархіи пособіемъ божіимъ падъ сокрушися со гласомъ же съ небесъ.

Предидѣйствія въ первой и во второй части здѣ полагаются ради явственнѣйшаго изображенія хотящаго быти въ самомъ дѣйствѣ дѣла, съ нынѣшнимъ торжествомъ согласующася; въ самомъ же дѣйствіи аще что мнится быти и несогласно съ торжествомъ нынѣшнимъ, да не удивишися, образъ бо или подобіе съ самымъ дѣломъ не во всемъ согласуетъ. Omnis similitudo claudicat, всякое подобіе хромаетъ. Иное бо равенство, иное же сравненіе: равенство во всемъ, сравненіе же токмо въ нѣкоторыхъ вещехъ съ дѣломъ согласуетъ. Здѣ бо положено иное ради нынѣшнія побѣды, иное ради исторіи, аще и не во всемъ нынѣшнему дѣлу, отъ Бога данному, подобной, и того ради да большее будетъ согласіе съ побѣдою и измѣною сравненіе; до исторіи иное прибавлено, иное убавлено, иное же въ ней отмѣнено, нужда бо не токмо исторію, но и законъ измѣняетъ. Равенства убо здѣ нѣсть, сравненіе же въ нѣкакихъ вещехъ сіе есть: царство исраильско со своими въ смиреніи и терпѣніи царству россійскому, гордый же Голіаѳъ со своими въ гордости и поношеніи силѣ воинства свѣйскаго уподобляется.

Саулъ въ первой части въ двухъ явленіяхъ, завидяй Давиду, положенъ и ради исторіи, и ради изображенія зависти отъ многихъ чуждихъ странъ о преславной побѣдѣ нынѣшней.

Давидъ, единаго Голіаѳа со своими убивый, льва же токмо хрома сотворивый и прогнавый, съ царскимъ величествомъ

---

[1]) Навуходоносорова надпись: *гордъ есмь, ибо много могущый.*

[2]) Столпа надпись: *стою непобѣдимый, крѣпокъ, неподвижимъ.*

сравняется. Авесаломъ отцу въ сопротивленіи съ самымъ измѣнникомъ, проклятымъ Мазепою, Ахитофель же въ богоненавистныхъ совѣтѣхъ съ его совѣтники сравняется, прочее же даже до конца дѣйствія и само явственно обрѣтается. Сравненіе убо исторіи съ нынѣшнимъ дѣломъ разсужденію, несогласіе же любви отдаемъ всякаго, любовь бо и множество грѣховъ, и несогласіе, и вся немощи покрываетъ.

ПРОЛОГЪ

ПРЕДВОЗВѢЩАЕТЪ ХОТЯЩАЯ БЫТИ И О СЛЫШАНІИ ПРОСИТЪ.

ЧАСТЬ 1,

ЕДИНЫХЪ ГОРДЫХЪ ИЗОБРАЖАЮЩАЯ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Является на львѣ вѣнчанномъ, имущомъ надпись [1]), Гордость иноплеменнича, поношая Исраилю и хваляся Голіаѳомъ своимъ, къ нейже пришедшее Смиреніе исраилско возбраняетъ поношенію; но Гордость аще и съ престола, посмѣянна упованіемъ своимъ, падаетъ, обаче уничижаетъ Смиреніе и, претя Голіаѳомъ, отходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Является Поношеніе Голіаѳово на гидрѣ, злобу гордыхъ знаменующей, на нейже надпись [2]), и левъ вѣнчанъ съ инымъ надписаніемъ [3]) и, довольно львомъ наругавшися Терпѣнію исраильску [4]) и гидрою его ожегши, отходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Является паки Гордость на львѣ вѣнчанномъ, иной прежняго надпись имущомъ [5]), и Поношеніе на гидрѣ, иной же преж-

---

[1]) Льва надпись: *кто яко азъ?* [2]) Гидры надпись: *озлобляю.* [3]) Льва: *ругаю.* [4]) Терпѣнія: *претерпѣваю, но и смиряю.* [5]) Льва надпись: *мое еже ругати.*

няго надпись имущей [1]), здѣ же съ надписаніемъ орелъ россійскій [2]) купно съ Помощію божіею льву ногу хрому творитъ, здѣ и Голіаѳъ призываетъ на борьбу; Смиреніе же и Терпѣніе іераильтеско обѣщаваются на сіе, но прежде отходятъ о семъ со своими совѣтовати.

Інтермедіумъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Является на престолѣ Царство исраильтеско, знаменующее россійско, предъ негоже приходитъ Смиреніе и Терпѣніе его и, извѣстивши брань иноплеменничу, совѣтуютъ, да ищетъ борца, яко да наединѣ съ Голіаѳомъ борется, на что Царство соизволяетъ, повелѣвая борца искати.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Егда является Царство исраильтеско съ вои своими еще не на брань, приходятъ къ нему Поношеніе на гидрѣ, имущей иной прежняго надпись [3]), и Гордость на львѣ хромомъ, такожде иной надпись прежняго имущомъ [4]), и егда призываютъ своего Голіаѳа и вкупѣ поносятъ Царству исраильтеску, взывая борца на брань, абіе купно съ Помощію божіею орелъ съ надписаніемъ россійскій [5]) убиваетъ всѣхъ кромѣ Голіаѳа и льва хрома бѣжаща, Царство же, обѣщая борца дати, отходитъ, а левъ хромъ уловляется Смертью со гласомъ съ небесъ: *Пожните и имите его, яко нѣсть избавляяй.*

ЯВЛЕНІЕ 6.

Является на престолѣ начальная Смерть, имущая подъ ногама Гордость и Поношеніе, орломъ убіенныя, предъ неюже

---

[1]) Гидры: *мое же озлобляти.*

[2]) Орла надпись: *мое же васъ уязвляти и убивати помощію божіею.*

[3]) Гидры надпись: *лютѣю и не храмлю.*

[4]) Льва надпись: *хромъ, но лютъ.*

[5]) Орла надпись: *и хромыхъ, и не хромыхъ, и лютыхъ, и нелютыхъ смиряемъ.*

меньшія Смерти пляшутъ, хромому льву [1]) увѣнчанну насмѣвающеся; и насмѣянъ довольно, убѣже со гласомъ съ небесъ: *Бѣжи, несытая душе, и весьма смирися.*

ЯВЛЕНІЕ 7.

Является паки Царство израильтеско, предъ негоже Мужество приводитъ Давида, хотяща братися съ Голіаѳомъ; Царство же прежде возбраняетъ сего ему, яко младу сущу, но, услышавши отъ его же самаго о его крѣпости, повелѣваетъ его вооружити. Давидъ же вооруженъ не восхотѣ одѣянія тяжести ради оружія, но со своимъ оружіемъ обѣщавается помощію Вышняго Голіаѳа побѣдити.

Інтермедіумъ.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Является Помощь божія и Крѣпость его съ небесъ и призываютъ Давида и, укрѣпляюще его противу Голіаѳа, творятъ его дерзновенна, обѣщающеся съ нимъ и сами на брани быти и ему помогати.

ЯВЛЕНІЕ 9.

Является Голіаѳъ, по прежнему взывая на поединокъ борца, Давидъ же къ нему съ Помощію и Крѣпостію божіею приходитъ, каменемъ убиваетъ и главу мечемъ его отсѣкаетъ, пособствующымъ ему во всемъ Помощи и Крѣпости божіей.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Является Давидъ, съ побѣды торжествующій идяй, надъ нимъ же слава на орлѣ россійскомъ со трубою [2]), дѣвы же съ

---

[1]) Надпись льва: *смирихся до зѣла.*

[2]) Орла надпись: *не намъ, Господи! не намъ, но имени твоему даждь славу.*

тімпаны и гусли срѣтаютъ его, поюще пѣсни торжественныя; Зависть же саулова укоряетъ Давида, и дѣвъ, и Славу.

Здѣ офіцерскій танецъ съ словесными похвалами оружія и воинства. Інтермедіумъ.

ЯВЛЕНІЕ 11.

Саулъ, знаменующій многихъ чюждихъ странъ зависть о преславномъ торжествѣ нынѣшнемъ, Давиду завидя о торжествѣ, ищетъ его и не обрѣтъ, утруждься, почиваетъ. Давидъ же, со своими надъ спяща пришедъ, взялъ копіе его и сосудъ водный и отъиде, не убивая его.

ЯВЛЕНІЕ 12.

Является Саулъ за гоненіе Давида казненъ отъ Бога, на брани бо отъ иноплеменниковъ побѣжденнымъ его воемъ сущымъ, самъ прободается своимъ оружіемъ и носяй оружіе его съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Является Давидъ, емуже Сила съ небесъ всемогущая вручаетъ Царство исраилево, и вѣнчаетъ его вѣнцемъ и посаждаетъ съ Царствомъ на престолѣ, даетъ и Помощь свою на пособіе ему, обѣщаваяся и сама съ нимъ всегда быти.

Інтермедіумъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

ПРОТИВНИКОВЪ ИЗОБРАЖАЮЩАЯ.

ПРЕДИДѢЙСТВІЕ,

ЕДИНѢХЪ ПРОТИВНИКОВЪ, ИЛИ ИЗМѢННИКОВЪ ИЗОБРАЗУЮЩЕЕ ТИХО КРОМѢ СЛОВЕСЪ.

Во первомъ явленіи Люциферъ со своими за сопротивленіе Богу является падшій съ небесъ со гласомъ: *Тако властемъ противящіися погибаютъ.*

Въ другомъ явленіи Коррей, Даѳанъ и Авиронъ со своими за сопротивленіе Моусею живы землею пожренны, съ тѣмъ же первымъ гласомъ съ небесъ.

Въ третіемъ Свеціа хрома съ надписаніемъ [1]) и Измѣна вкупѣ и лѣзутъ на престолъ высокъ, орла россійска надъ собою имущъ, ихъже отъ престола орелъ [2]) громомъ прогоняетъ и со студомъ бѣжащыхъ творитъ со гласомъ съ небесъ:

Бѣжите, несытые души, неправедно тако дерзнувшіе!

Въ четвертомъ Свецію и Измѣну Упованіе ихъ на Днѣпрѣ ругающое, со гласомъ съ небесъ:

Плывите, несытые души, неправедно тако дерзнувшіе!

ДѢЙСТВІЕ,

ТѢХЪ ЖЕ ПРОТИВНИКОВЪ ИЗОБРАЖАЮЩЕЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Является Давидъ, уже по царску сѣдящій на престолѣ съ предстоящими ему сынами своими, благодарствуя Богу, яко не чрезъ любоначаліе, ниже чрезъ какое коварство, но токмо чрезъ само строеніе божіе воспріятъ царство и сыновъ своихъ. Егда поучаетъ страха божія, приходитъ бѣсъ и созади Авесалома побуждаетъ на сопротивленіе отцу своему; но ангелъ хранитель его является и прогоняетъ бѣса, Давидъ же по благодареніи Богу и по поученіи сыновъ своихъ ради ихъ идетъ на потѣху.

ЯВЛЕНІЕ 2.

По благодареніи Богу, Давидъ ради чадъ своихъ тѣшится въ рощи, идѣже чрезъ умбры орелъ россійскій купно съ Помощію божіею льва хрома со львяты ловитъ и львята половилъ пособіемъ божіимъ. Левъ же хромъ бѣже. *Інтермедіумъ.*

---

[1]) Свѣціе надпись: *помощію измѣны.*

[2]) Орла надпись: *хрому хромая помощь.*

ЯВЛЕНІЕ 3.

Является Помощь божія и Давидъ, надъ нимъ же орелъ [1]) со львяты [2]), тамо по трудахъ увеселяюще въ рощи, и сатіры пляшутъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Является Авесаломово Любоначаліе съ его Гордостію и Коварствомъ и Непокорствомъ и глаголютъ въ себѣ, яко благо есть по своихъ похотѣхъ жити и надъ иными властелинствовати, ничіей власти не повиноватися и поставляютъ въ себѣ совѣтомъ другъ другу помогати, донелѣже не посадятъ Авесалома на престолѣ отеческомъ.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Сѣдящымъ Авесалому съ Гордостію своею и Тщеславіемъ на пиру и спящымъ, исходитъ отъ ада Властолюбіе и Ковъ и зажигаетъ Авесалому сердце; онъ же, обуждься, разжеся гнѣвомъ противу отца своего, являетъ себе быти ему противна и желаетъ совѣта отъ Тщеславія и Гордости, какимъ бы образомъ отца изгнати отъ престола; они же совѣтуютъ, дабы просился коварно у отца въ Хевронъ градъ, аки бы на молитву, и егда отпущенъ будетъ, дабы ся тамо сотворилъ царемъ, на что Авесаломъ соизволяетъ. *Інтермедіумъ.*

ЯВЛЕНІЕ 6.

Является Давидъ на престолѣ, Авесаломъ же, пришедъ, коварно проситъ его, да отпущенъ будетъ въ Хевронъ градъ, аки бы на молитву къ Богу, чесому Давидъ (не вѣдущъ его коварства) соизволяетъ.

---

[1]) Орла надпись: *Не азъ, но Вышній.*

[2]) Львятъ надпись: *О люте намъ сиротканъ!*

ЯВЛЕНІЕ 7.

Во градъ Хевронъ, на львѣ хромомъ, иный прежняго надпись имущемъ [1]), входитъ Авесаломъ со Тщеславіемъ и Гордостію своею и, сѣдши на престолѣ, являетъ себе быти царя въ Хевронѣ и повелѣваетъ своему Тщеславію и Гордости гласити и проповѣдати себе на торжищахъ трубою.

ЯВЛЕНІЕ 8.

Является Гордость Авесаломля на львѣ хромомъ, иной прежняго надпись имущемъ, [2]) надъ неюже летаетъ на зміи [3]), злобу, Авесаломлю знаменующомъ, Тщеславіе его и оглашаетъ Авесалома трубою, яко сѣде на царство въ Хевронѣ, идѣже является съ громами съ небесъ Гнѣвъ божій и претитъ имъ много мечемъ, глаголя: гряду азъ скоро на сыны противленія и на Авесалома, отцу своему противящася. *Інтермедіумъ.*

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тщеславіе и Гордость Авесаломля, не изъявляюще ему видѣннаго съ небесъ ужаса, да не убоится и не оставитъ свое намѣреніе, со всѣми своими пиръ творитъ, радующеся, яко Авесаломъ царствуетъ, идѣже поютъ ругательные лицы и органы; что послышавши, приходитъ прежде Радость, по семъ и Сластолюбіе со грѣхами и предъ ними пляшутъ. Смерти же пляшущихъ лица измѣняютъ за измѣну; Сластолюбіе же громомъ съ небесъ убивается и Гнѣвъ божій, паки съ небесъ явльшійся, претитъ много.

ЯВЛЕНІЕ 10.

Егда является Давидъ на престолѣ со предстоящими ему Мужеству его и Крѣпости, приходятъ Боязнь и Ужасъ, возвѣщая Давиду вся бывшая о Авесаломѣ, и совѣтуютъ беречися. Мужество же и Крѣпость аще за совѣтъ и убиваютъ Боязнь и Ужасъ, обаче Давидъ слушаетъ совѣта Боязни и Ужаса.

---

[1]) Льва надпись: *измѣною измѣняюся.*

[2]) Льва надпись: *измѣною погибаю*

[3]) Змія надпись: *и азъ такожде.*

ЯВЛЕНІЕ 11.

Является Давидова Печаль и печалится съ ликомъ приличнымъ о гоненіи сыновнѣ, Радость же Авесаломля, яко пріиде противитися Печали, убивается съ небесъ громомъ. По убіеніи же Радости является съ небесъ Отмщеніе божіе со осужденнымъ на смерть Любоначаліемъ Авесаломлимъ и во образъ всѣмъ обезглавляетъ его и отдаетъ бѣсомъ во адъ, Печаль же Давидову утѣшаетъ.

Інтермедіумъ.

ЯВЛЕНІЕ 12.

Авесаломъ, знаменующій проклятаго измѣнника, со своими совѣтующъ, творитъ совѣтъ со Ахитофелемъ и Хусіею, како бы Давида гонити, и похваляетъ совѣтъ Хусіи, Ахитофеля же совѣтъ не пріемлетъ.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Явльшуся Ахитофелю съ Плачемъ вкупѣ и Скорбію своею и сѣтующу, яко совѣтъ его предъ Авесаломомъ не пріятенъ, пріиде Отчаяніе, совѣтуя ему печали ради себе или убити, или удавити; онъ же, егда соизволяетъ на удавленіе, Отчаяніе ему на сіе даетъ вервь.

ЯВЛЕНІЕ 14.

Предъ отчаянникомъ Ахитофелемъ, богоненавистное отчаяніе изъявляюще, отчаянницы пляшутъ. *Інтермедіумъ.*

ЯВЛЕНІЕ 15.

Ахитофелю со Отчаяніемъ и вервіемъ ко древу на удавленіе пришедшу, является прежде Адъ, радующійся погибели его ради, по семъ ангелъ его хранитель, плачущійся, и Благодать божія, совѣтующе ему сего не творити; но Отчаяніе преодолѣетъ и прогонитъ обоя: и ангела, и Благодать.

ЯВЛЕНІЕ 16.

Является Ахитофель повѣшенъ, Отщеніе же божіе, съ небесъ явльшися, Тщеславіе Авесаломово, судомъ праведнымъ божіимъ на смерть осудивши, въ образъ всѣмъ обезглавляетъ. При сихъ же отверзается адъ и взимаетъ къ себѣ трупъ, Отмщеніемъ божіимъ данный, Ахитофелевъ и Тщеславія.

ЯВЛЕНІЕ 17.

Авесаломъ со своими радостенъ, яко начинаетъ гонити Давида, пиръ творитъ, идѣже поютъ лицы ругательніи и органы, и бѣсы со смертьми пьянымъ спящымъ ругаются и лица спящихъ измѣняютъ за измѣну, пляшуще предъ ними. По семъ съ громами и блистаніемъ паки является Отмщеніе съ небесъ и претитъ имъ судомъ божіимъ.

Інтермедіумъ.

ЯВЛЕНІЕ 18.

Является праведный судъ божій, на немъже судятся Смиреніе и Терпѣніе Давидово съ Гордостію и Непокорствомъ Авесаломлимъ, и тако, яко повинни суду, Гордость и Непокорство казнь по дѣломъ пріимутъ, отъ бѣсовъ бо во адѣ стремъ главъ обѣсятся.

ЯВЛЕНІЕ 19.

Адъ съ мучимыми всѣми, гонящими Давида, кромѣ единого Авесалома, является.

ЯВЛЕНІЕ 20.

Сѣдящу Давиду, возвѣщаютъ противу его идуща на брань Авесалома, что послышавши, Давидъ посылаетъ воевъ своихъ, повелѣвая самаго Авесалома пощадити.

Інтермедіумъ.

ЯВЛЕНІЕ 21.

Авесаломъ на львѣ хромомъ, иной прежняго надпись имущомъ [1]), и воя его брань творятъ съ вои Давидовыми и Авесалома вои побѣждаются. Самъ же Авесаломъ бѣжащь является, власы висящъ на древѣ. Іоавъ же, увидѣвши его висяща, убиваетъ оружіемъ и повелѣваетъ въ ровъ низринути; левъ же убѣже.

ЯВЛЕНІЕ 22.

Является праведный Судъ божій, и Отмщеніе, и Гнѣвъ, и Истина его и глаголютъ во обществѣ, яко Богъ гордымъ уничижителемъ и неблагодарнымъ власти своей противникомъ всегда противится, яко же сіе дѣйствіе изъявляетъ. По семъ блажаще вѣрную Монархіи россійской службу подъ орла россійска, имуща въ едной нозѣ мечь, а въ другой же различна знаменія начальствъ [2]), крилами по трудахъ воинскихъ почивати оставляютъ и отходятъ.

ЕПІЛОГЪ

дѣйствіе заключаетъ и о прощеніе проситъ.

---

[1]) Льва надпись: *боюся.*

[2]) Орла надпись: *се ради вѣрнослужащихъ мнѣ, се же на сопротивляющихся мнѣ.*

XV.

ДАФНИСЪ,

ГОНЕНІЕМЪ ЛЮБОВНАГО АПОЛЛОНА

ВЪ ДРЕВО ЛЯВРОВОЕ ПРЕВРАЩЕННАЯ.

АРГУМЕНТЪ.

Аполлонъ, посланный отъ неба (яко же у поэтовъ), у Адмета, короля ѳессалійскаго, пасяше девять лѣтъ овцы въ лѣсахъ, изъ которыхъ змія, рекомаго Пито, великія пакости въ людяхъ дѣющаго, благополучно уби, отчего между пастырями славу получивши, выхваляше лукъ свой и стрѣлы паче Купидиновыхъ, имъ же зараженная Венусъ возбудила Купиду на отмщеніе. Того абіе уразила Купидо на Дафнисъ, дѣвицу Ѳессалійскія рѣки: ибо оную, отставшую тогда отъ подружій своихъ Клоринды и Низиды и заблудшуюся въ лѣсахъ, устрѣли оловяною, Аполлона же златою стрѣлами. Отнюду же уязвися Аполло, гоняше повсюду за нею и златыми словами скланяше отнюду не хотѣвшую (тогда Купидо на странѣ посмѣваяся стояше): прибѣгши наконецъ, утружденная гоненіемъ отъ Аполлона, проситъ Діаны, дабы въ камень или въ древо самую превратила. Что видя, Діана едва не достигшую Аполлономъ, абіе въ древо лявровое преврати ю, о чемъ Аполло зѣло съ горькимъ плачемъ рыдаше. Потщався, желаше кое любо отмѣнство показати, посвяти его, да связуютъ изъ листвія онаго короны въ побѣду тріумфовъ.

ПЕРСОНЫ:

Ѳосѳорусъ	Пенеушъ
Гесперусъ	Клоринда

Аполло	Низида
Дафнида	Діана
Венусъ	Напеи 2
Меркуріусъ	Сирены 4
Купидо	Пастыри 4

Пито, звѣрь.

ѲОСѲОРУСЪ [1]).

Кто не дивится пресвѣтлому солнцу?
  Егда преводитъ день къ нощному концу,
Тогда ли видишь очеса угодны?
  Не тако, чаю, и свѣтъ сей свободный.
Како Аполло, самъ солнце высоко,
  Не просвѣтилъ же Дафнидино око,
Самъ распалися? О любве прекрасна!
  Превосходиши ты надъ солнца ясна.
Какъ побѣдитель побѣжденъ преславно,
  На дѣйствіи семъ узрите вси [2]) явно.
Азъ есмь краснѣйшая денница на свѣтѣ;
  Мною похмурны тѣни на разсвѣтѣ
Вси исчезаютъ. Для красна же виду
  Зрите надъ солнцемъ Купиды побѣду.
Коль благъ свѣтъ очамъ и коль есть пріятенъ!
  Даждь намъ, о Ѳебе, день сей благодатенъ!
На златомъ возѣ Аполло прекрасный!
  Даждь намъ въ дѣйствіи вымыслъ неопасный,
Да вси увидятъ съ похвалою дѣло,
  Еже то [3]) нами дѣется всецѣло.
Вы мя извольте къ нощи проводити [4]),
  А теперь дѣло прилежно смотрити.

---

[1]) *Прологъ.* [2]) *Вся.*
[3]) *Которое.* [4]) *Приводити.*

ЯВЛЕНІЕ 1.

(ЗМІЙ, РЕКОМЫЙ ПИТО, ИСХОДИТЪ И УГОТОВАННЫЯ У ПАСТЫРЕЙ ВЕЩИ РАЗБИВАЕТЪ, ПРОЧІИХЪ ЖЕ РАЗГОНЯЕТЪ. ПОТОМЪ ОТЪ ІОВИША ПОСЛАННЫЙ АПОЛЛО ПРИХОДИТЪ КЪ ПАСТЫРЕМЪ ПАСТИ СЪ НИМИ ОВЦЫ).

ПАСТЫРЬ 1.

Кая, друже, радость намъ, здѣ овцы пасуще,
На минуту всякую [1]) змія люта ждуще?
Уже ходитъ многажды [2]), всѣхъ насъ разгоняетъ,
Овцы стада нашего съ людьми поядаетъ.
О горе бѣднѣйшимъ намъ [3])! Горе безпомощнымъ!
Ходитъ змій сей на зорѣ и временемъ нощнымъ.
Видѣсте и нынѣ [4]), какъ на насъ наострился [5]):
Чуть я жаломъ злѣйшаго, чуть не уловился [6])!

ПАСТЫРЬ 2.

Что ты, друже, и я чуть бѣжалъ безъ отдыху [7]):
Мало не попался въ снѣдь тому змію лиху.

ПАСТЫРЬ 1.

Я едва во скорости убѣгши на горы [8]),
Тотчасъ на мѣсто наше прибѣжалъ [9]) змій скорый,
Вся поялъ съ пожраніемъ, всѣ суды розбивше:
Чуть ушелъ я въ немощи, зѣло въ страхѣ бывше [10]).
Что намъ чинить, друзіе, что чинить помощи [11])?
Истинно и насъ поѣстъ, пришедши во нощи.

---

[1]) *На всякую минуту.* [2]) *Премногажды приходящъ.* [3]) *Горе весьма бѣднымъ намъ!* [4]) *Днесь.* [5]) *Поострися.* [6]) *Змія жаломъ лютаго чуть не уловихся.* [7]) *Что ты, друже, азъ едва избыхъ безъ отдыху.* [8]) *И азъ егда въ скорости убѣжахъ на горы.* [9]) *Прибѣже.* [10]) *Едва уйдохъ, въ немощи и въ страсѣ бывше.* [11]) *Что намъ чинить? Откуду снискати помощи?*

ПАСТЫРЬ 3.

О проклятый змій на насъ! о злая скотина!
Бѣжахъ, бѣжахъ: пришла мнѣ горькая причина.
Бѣгущи и [1]) вывихнулъ съ зѣльнымъ болемъ ногу,
Чуть отъ страху улучилъ къ вамъ быть на дорогу.
Я не вѣмъ; токмо просить Бога есть потреба,
Да послетъ помощника намъ на змія съ неба.

ПАСТЫРЬ 2.

Я просилъ о помощи, во снѣ видѣхъ вѣрно [2]),
Еже [3]) Іовишъ обѣща милость намъ безмѣрно:
Хотѣлъ Аполлона дать, якоже достойна [4])
На умертвіе того звѣря [5]) недостойна.
О боже! доколѣ намъ его не явиши?
Егда мало упоздитъ, всѣхъ насъ погубиши!
Доколѣ будемъ терпѣти [6]) злую ту скотину?
Доколѣ нести сію злолюту кручину?

ПАСТЫРЬ 1.

Нѣсть помощи истинно, кромѣ боговъ сильныхъ.
Тѣхъ будемъ просити къ намъ, боговъ же пресильныхъ:
Обратися, боже, къ намъ окомъ милосердымъ,
Буди намъ заступникомъ присно благосердымъ! [7])
Пошли Аполлонову руку, да изъ дебря
Люта змія побѣдитъ, яко злаго вепря.

ПАСТЫРЬ 4.

Испужая змій мене имѣлъ устрашити,
Еже отъ страха чуть [8]) могу говорити.

---

[1]) *Бѣгущи же.* [2]) *Просихъ озъ о помощи, во снѣ видѣхъ вѣрно.* [3]) *Яко.* [4]) *Хотяше Аполлона дать, яко достойна.* [5]) *Змія.* [6]) *Доколѣ терпѣть будемъ.* [7]) *Всеусердымъ.* [8]) *Едва.*

Кто сего люта можетъ побѣдити?
  Кто противъ его дерзокъ [1]) смѣетъ быти?

ВСИ.

Помилуй! помилуй насъ! Избавь сея муки
  Чрезъ достойнаго того [2]) Аполлона руки!

ПАСТЫРЬ 3.

Тотчасъ [3]) будемъ видѣти: Аполло приходитъ,
  Помощь побѣдительпу на змія совводитъ [4]),
Уже направленный лукъ полонъ стрѣлъ несущи,
  И силы исполнися, яко [5]) воинъ сущій.

ВСИ.

Помилуй! помилуй насъ! Избавь сея муки
  Чрезъ достойнаго того [6]) Аполлона руки!

АПОЛЛО.

Что сила можетъ, что одолѣваетъ,
  Усердіе мнѣ [7]) въ дѣлѣхъ преспѣваетъ.
Почто измѣна мене убѣдила [8]),
  Гдѣ честь Діанна предъуготовила?
Посланный нынѣ изъ неба [9]) отъ Дія,
  Око его есть всегда на благія.
Радуйтеся вы, пастыріе друзи [10]),
  Нашего Дія усердные слузи!
Я [11]) посланъ съ неба пасти съ вами овцы;
  Будите вкупѣ на Питона ловцы.
Лукомъ обыкохъ на злыхъ воевати,
  Добрыхъ же въ златыхъ гуслѣхъ утѣшати.

---

1) *Дерзенъ*. 2) Этого слова нѣтъ. 3) *Вскорѣ*. 4) *Приноситъ*. 5) *Аки*. 6) Этого слова нѣтъ. 7) *Длани*. 8) *Побѣдила*. 9) *Съ небесе*. 10) *Днесь, пастыри и друзи!* 11) *Азъ*.

Будите всегда надеждны въ пустыни;
Принужденъ пасти съ вами до причины.

ЯВЛЕНІЕ 2.

(ПЕНЕУШЪ, РѢКА ѲЕССАЛІЙСКАЯ, УТѢШАЯСЯ ЗАРЕЮ, ПРИЗЫВАЕТЪ ВОДНЫХЪ БОГИНЬ НАПЕЙ НА УВЕСЕЛЕНІЕ, КЪ НЕМУ ЖЕ ПРИХОДИТЪ И ДЩЕРЬ ЕГО ДАФНИСЪ СЪ КЛОРИНДОЮ И НИЗИДОЮ, СВОИМИ ДѢВАМИ, ПРОСЯЩИСЯ У ОТЦА НА ЛОВЫ. ОНЪ ЖЕ ОТПУЩАЕТЪ; НО, ДА НЕ ЗАБЛУДИТЪ ВЪ ЛѢСАХЪ, ГЕРМІЯ СТРАЖЕМЪ ПРИСТАВЛЯЕТЪ).

ПЕНЕУШЪ.

Едва дождался тягчайшаго знака
Соннаго въ очахъ утружденна зрака,
Сномъ по вчерашнемъ пирѣ утружденный!
Егда, въ ѳессалійскихъ рѣкахъ забавленный,
Много въ нощь піяхъ съ Тритоны своими,
Еще и воды полонъ жбанъ носимый,
Заря краснѣйша запала на небѣ.
Радую ти ся [1]), златовласный Фебе!
Ты небо вокругъ коломъ обѣгаешь,
Всю тварь на земли дивно оживляешь
Златопламеннымъ огнемъ своимъ яснымъ,
Всяко листвіе живишь благосчастнымъ [2]).
И мене всюду, ахъ! увеселило,
Яко спѣвати сердце возбудило.
Встаните, дщери! Встанѣте, Напеи!
Развѣтрите мнѣ похмурны идеи!
Фебусъ веселый нами [3]) посмѣваетъ;
А донелѣ вѣтръ Зефиръ повѣваетъ,
Утѣшимся въ сей погодѣ веселой.
Воспойте, дщери, въ радости всецѣлой!

---

[1]) *Радуемъ ти ся.* [2]) *Всякому всюду живешь благосчастнымъ.*
[3]) *Намъ ся.*

ПѢНІЕ.

Кто тако славенъ, яко ты во гласѣхъ,
Славный [1]) Пенее? Живи въ благихъ часѣхъ!
Мы тебе нынѣ паче [2]) прославляемъ,
Тебе спѣваемъ [3]).
Хвалится вами Венусъ [4]) златовласна,
Како течеши въ рѣкахъ благогласна.
Мы тебе нынѣ паче прославляемъ,
Тебе спѣваемъ.
Мы веселимся водными разливы,
Видящи славу твою въ наши нивы.
Мы тебе нынѣ паче прославляемъ,
Тебе спѣваемъ.

НАПЕЯ 1.

Вѣмы, то [5]), отче, яко вѣкъ счастливый,
Внегда прежде всѣхъ никто бяше живый:
Чрево за хлѣба дактилы имяше,
Вмѣсто же воды сокъ лѣсной піяше.
И тогда мы вси за едино жили,
Боги и цари нераздѣльно были.
Потомъ гдѣ Нинусъ [6]) наченъ [7]) раздѣляше,
Плодная Цересъ жита обрѣташе,
Возсташа войны и бой непрестанный.
Что мы узрѣвше вѣкъ сей зѣло странный [8]),
Раздѣлившеся, яко прежде жили,
Моремъ, горами, водами покрыли.

НАПЕЯ 2.

Что же славнѣе велія Европы?
Въ пустыню бѣжа [9]) острыя Родопы,

[1]) Этого слова нѣтъ. [2]) *Надъ всѣхъ.* [3]) *Воспѣваемъ.* [4]) *Венусъ вельми.*
[5]) *Тя.* [6]) *Венусъ.* [7]) *На чемъ.* [8]) *Страстный.* [9]) *Бѣже.*

Не по велику морю убѣгала,
Егда на части Абсирта [1]) сеѣкала.
Не всегда въ водахъ музы и забава.
По всей вселеннѣй буди твоя слава!

ПЕНЕУШЪ.

Напеи любезныя! токмо ли утѣхи [2])?
Донелѣ значатъ небесные бѣги
Благопріятну погоду [3]) на небѣ,
Еще воспѣти во гласѣхъ мя требѣ.

ПѢНІЕ.

Радуйся въ славѣ, теки благогласно!
Мы же, съ тобою чтими неопасно,
Паче Атлянта честно [4]) величаемъ,
Тебе спѣваемъ.
Хвалися въ чадѣхъ, хвалися во дщерѣхъ!
Се ти приходитъ [5]) едина во дверѣхъ.
Мы ти на вѣки съ нею величаемъ,
Тебе спѣваемъ.

ДАФНИСЪ.

Отче! се мя видиши внезапу ходящу,
Ликомъ тя въ радостнѣйшихъ пѣснѣхъ веселящу.
Вѣмъ, яко уволиши: придохъ тя просити,
Изволь мене, отче мой, на ловъ отпустити.
Ты въ ликахъ забавленный; азъ же лѣса знаю:
На охоту отпусти, да въ лѣсахъ гуляю.

ПЕНЕУШЪ.

Любезная дщи моя! не могу держати,
Яко въ воли я и самъ [6]) обыклъ пребывати.

---

[1]) *Себсиртъ.* [2]) *Что имѣли утѣхи?.* [3]) *Благопріятны погоды.* [4]) *Чисто.* [5]) *Придохъ.* [6]) *Яко я и самъ въ воли.*

Блюдися вепря, блюдися еленя,
Не буди пища, звѣрями снѣденна.

ДАФНИСЪ.

Лукъ мой силенъ есть, другини надежны,
Никій [1]) звѣрь отъ нашихъ рукъ не будетъ избѣжный.
Аще что и получимъ, въ даръ ти приносити,
Потщуся съ радостію даромъ тя почтити.

ПЕНЕУШЪ.

Убо приставленный мой въ путехъ скорошественъ [2]),
Гермій, иже во свѣтѣ повсюду извѣстенъ! [3])
Діанна пресвѣтлая! пошли ми Гермія.

ДАФНИСЪ.

Не медли, отче, проси [4]) скоряе всѣхъ Дія.

ГЕРМІЙ.

Коль многодѣленъ при небесномъ Фебѣ
И многосвѣтлыхъ планетахъ на небѣ
Одержимъ всѣми, а [5]) къ тебѣ, Пенею,
Скорыя крила на главѣ имѣю.
Вся уничтожихъ, имамъ къ тебѣ дружбу,
Готовъ къ Дафнидѣ некосенъ на службу.
Изволь, что тебѣ лѣть [6]), повелѣвати,
Воскорѣ выну [7]) готовъ сотворяти.

ПЕНЕУШЪ.

Вѣмъ, благообразнѣйшій, тя благоразумна [8]).
Храни дщерь мою въ путяхъ отъ звѣря безумна:

---

[1]) *Всякій.* [2]) *Пріиди, пресвѣтлѣйшій мой, въ путехъ скорошественъ.* [3]) Въ рукописи: *извѣстный.* [4]) *Просити.* [5]) *Азъ.* [6]) *Тебѣ лѣпо что.* [7]) *Вскорѣ, вскорѣ.* [8]) *Вѣмъ, благообразне, тя быть благоразумна.*

Идетъ на ловъ; во лѣсахъ да не заплутаетъ [1]),
Ты можешь хранити ю; твой разумъ то [2]) знаетъ.

ГЕРМІЙ.

Едина препона мнѣ—Венеры боюся.
Обаче не запретитъ, уже я потщуся.
Егда разгнѣвается малая [3]) Купидо,
Храни, о прекрасная, честь ея [4]), Дафнидо!

ПЕНЕУШЪ.

Иди, дщи, послѣдствуй сей дражайшей персонѣ!
Буди безъ опасствія ниже о драконѣ;
Азъ же, веселящися, теку въ путь свой паки;
Стези мои скорыя суть и [5]) единаки.
Ты, Хлориндо, съ прочими послѣдствуйте дщери,
Пребудите въ радости ловящія звѣри [6]).

ПѢНІЕ.

О небо ясно! почто измѣняешь [7]),
Скорую горесть Дафнѣ обѣщаешь?
Иди, Дафнида любезная, съ ними
Съ дѣвы своими!

ДАФНИСЪ.

Кто, кто охотный служити Діанѣ,
Охотныхъ богинь въ Ефезійскомъ станѣ,
Радъ, слыша [8]) трубы и псовые гласы!
Идемъ въ путь на ловъ [9]) со благими часы.
Кто не охотный, не радъ, слыша [10]) тая,
Останься въ домѣ, ничтоже не зная.

---

[1]) *Заблуждаетъ.* [2]) *Да.* [3]) *Малъйшій.* [4]) *Честь свою.* [5]) *Текутъ.* [6]) *Придите счастливы въ радость, ловящіи звъри!* [7]) *Раздражаешь.* [8]) *Слышать.* [9]) *Идетъ тотъ на ловъ въ путь.* [10]) *Слышать.*

КЛОРИНДА.

Я иду рада [1]) съ тобою повсюду,
Сердце въ охотѣ утѣша, пребуду.
И вся моя мысль за звѣремъ гоняти,
Егда увижу, еленя стрѣляти.

НИЗИДА.

Что же и во мнѣ? Рада бы гуляла,
Хотя и въ полѣ отнюдь не бывала.
Егда услышу охотники многи,
Тамъ же имѣю готовыя ноги.
Хотя моя мать того устрегала, —
Очи на платнахъ, мысль въ поли гуляла.

ДАФНИСЪ.

Велій даръ боговъ, мысль моя гадаетъ,
Кто по природѣ во охотѣ знаетъ,
Коль сладки гласы охотничья крика.
Егда услышу, радость превелика.

КЛОРИНДА.

Тамъ медвѣдь сильный, тамъ дикіе вепри!
А когда внидешь въ далекія дебри,
Тамъ съ страхомъ звѣрь видя тя и яко бы плачетъ [2]),
Охотникъ же въ радости безъ памяти скачетъ,
Лисы, зайцы и волки егда нагоняетъ,
Съ велiимъ ихъ торжествомъ веселъ закалаетъ.

НИЗИДА.

Правда, нѣсть охотнику погоды ни мало:
Земля ему ложе есть, небо — одѣяло.

---

[1]) *Радостна.* [2]) *Тамъ страхомъ звѣри видя, яко плачетъ.*

Запомнивши и жены своей въ домѣ млады,
  Яже ждетъ тоскливая чрезъ всю нощь со чады,
Однако и въ нуждахъ сихъ веселъ есть и здравый!
  Пріятны ми видятся охотниковъ нравы!

КЛОРИНДА.

Счастливы дѣвы, яже при Діанѣ!
  Утѣхи нѣсть вамъ въ Ефезійскомъ станѣ,
Кромѣ за охотою по горамъ гуляти,
  Дикія лани, елени стрѣляти.
Просите боговъ, да намъ счастіе даруютъ
  И нынѣ на ловахъ намъ ти [1]) да пособствуютъ.

НИЗИДА.

Время итти намъ: вечеръ приближаетъ [2]).

ДАФНИСЪ.

Идемъ; и я видѣла, елень прескакаетъ [3]).

КЛОРИНДА.

Тамъ много волковъ, въ ночи зѣло выли.

НИЗИДА.

Больши елени многіе тамъ были.

ДАФНИСЪ.

Тебѣ, Діанно, вѣрно посвящаю
  Роги елени, аще изымаю.

КЛОРИНДА.

И я лобъ волчій.

---

[1]) *Тѣ.* [2]) *Время итти, вечеръ себе приближаетъ.* [3]) *Претекаетъ.*

НИЗИДА.

Я кожу лисицы.

ДАФНИСЪ.

Время есть, идемъ, любезны дѣвицы!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

(по обычаю къ пасущимъ змій исхождаше, егоже абие Аполлонъ уби; отъ сего пастыри веселящіися и пляшущіи выхваляютъ Аполлона. потомъ Аполлонъ начень хвалящеся, ругающися купидинымъ стрѣламъ).

ПАСТЫРЬ 1.

Ну, друзіе пастыри, страхъ нашъ есть извѣстенъ;
Однакожъ міръ сладостьми есть зѣло прелестенъ.
Хотя мы и вѣдаемъ, что змій часто ходитъ,
Видимую смерть всегда съ собою приводитъ;
Едина надежда намъ—рука Аполлона:
Можетъ защитити насъ отъ люта Питона.
Ну, друзіе пастыри! есть кропля забавы.
Выпьемъ мало въ радости не для нашей славы!

ПАСТЫРЬ 2.

Зѣло усердно хощу; даждь мнѣ пити мало,
Дабы сердце малѣйшу утѣху пріяло.

АПОЛЛО.

Блюдитеся, пастыри! Звѣрь идетъ; боюся.
Бѣжите, бѣжите прочь; я съ нимъ остаюся.
Виждь, звѣрь злѣйшій: помощь мнѣ суть боги,
Уповаю сломити злыя твоя роги.

Помози, Фебе, златый лукъ мой наляцати.
Предстани ми, Паллядо, мудрѣ уязвляти!
Се лукомъ моимъ и стрѣлами нынѣ
Умертвихъ мудра змія наединѣ.
Пріидите, пастыри! Страхъ вашъ пораженный;
Азъ же, трудности исполнь, зѣло утружденный.

ПАСТЫРЬ 1.

Како сильная рука Аполлона
Лютаго змія убила Питона,
Кія возмогутъ уста восхвалити?
Кую трофею лѣть есть учинити,
Яко избавилъ тессалиску страну,
Дающи звѣрю смертельную [1]) рану?
Токмо хвалимъ тя и блажити будемъ,
Яко даровалъ ты жизнь намъ и людемъ.

ПАСТЫРЬ 2.

Видящи видѣхъ: егда змій хождаше,
Аполлонъ смѣло его усрѣташе.
Онъ зубами скрежетя и гласомъ шумящи,
Аполлонъ въ близости пожрати хотящи;
Но онъ, наляцаяй лукъ, въ сердце уязвляше.
Славно избавленіе въ вѣки буди наше!

ПАСТЫРЬ 3.

Кій богъ даровалъ счастіе намъ тако?
Кто ему счини орудіе [2]) всяко?
Стрѣлы, мню, стругалъ титанъ златогривый,
Копейцо—Вулканъ, перуномъ игривый.
Милостъ Іовиша, счастіе Паллады!

---

[1]) *Смертоносну.*
[2]) *Оружіе.*

Избавилъ зміина яда наши стады.
Радуйтеся, друзіе! веселимся ясно:
Время намъ веселію нынѣ не опасно.
Буди въ вѣки прославленъ, славный Аполлине,
Свѣта управителю солнечна едине! [1])
Піемъ вино въ радости, друзіе, теперя,
Яко видимъ мертваго Аполлономъ звѣря.

ПАСТЫРЬ 2.

Славенъ, Аполлоне нашъ, пребуди на вѣки!
Славу твою умножимъ между человѣки.

ПАСТЫРЬ 4.

И мною буди послѣднимъ славимый,
Иже великимъ и Діемъ хвалимый.

ПАСТЫРЬ 1.

Что мы воздадимъ тебѣ, славный Аполлоне,
Иже [2]) слава паче всѣхъ твоя въ Геликонѣ?
Нимфы славны и фавны хвалятъ тя во вѣки,
Лѣса шумна веселятъ, прославляютъ рѣки;
Мы же сердцемъ простѣйшимъ будемъ величати,
Елико по силѣ намъ, станемъ воспѣвати.

ПѢНІЕ.

Радуйся, Аполло нашъ, пастырей збавитель! [3])
Воспѣваемъ ти всегда: Аполло нашъ! радуйся!
Тра ли ри, тра ли ри, тра ли ри, тра!
Аполло нашъ радуйся!

---

[1]) Этихъ двухъ стиховъ въ другомъ спискѣ нѣтъ.
[2]) *Ибо.*
[3]) Въ рукописи: *избавитель.*

ПАСТЫРЬ 2.

Ну, братцы товарищи! Што мы будемъ дѣлати?
Аполлона нашего будемъ еще тѣшити.
Тра ли ри тра ли ри, тра ли ри, трай!
Будемъ еще тѣшити.

ПАСТЫРЬ 3.

Ѳляшка наша! радуйся: будешь ты всегда полна,
Мы веселы при тебѣ! Ѳляшка наша! радуйся [1])!

ПАСТЫРЬ 4.

Можемъ ужь мы пьяни быть нынѣ на сей радости.
Аполло свѣтлѣйшій нашъ! сдѣлай всегда полную [2])!

ВСИ.

Ну, ну, ну, товарищи! попляшемъ немножечко
Веселы на радости! Пора намъ домой теперь. [3])
Ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну, ну!
Пора намъ домой теперь [4]).

ПАСТЫРЬ 1.

Вѣмы, что не возмогутъ пастырскіе лики
Честь дати достоинства, Аполло великій!
Помяни ты самъ свой лукъ и златыя стрѣлы:
Мы не можемъ изъяснить нашими се дѣлы.

---

[1]) За тѣмъ въ другомъ спискѣ: *Тра ли ри́* трижды,
Фляшка наша! радуйся.

[2]) За тѣмъ: *Тра ли ри,* трижды.
Сдѣлай всегда полную.

[3]) За тѣмѣ: *Попляшемъ немножечко!*

[4]) За тѣмъ: *Попляшемъ немножечко!*

Самъ даждь славу ты себѣ, самъ хвалися нынѣ,
Мы же отходимъ, солнца пресвѣтлаго сыне!

АПОЛЛО.

Кія могутъ быть нарды такъ пріятны?
Кому подобны дары благодатны?
Увеселихся сердцемъ по премногу!
Воздамъ пославшу славу Дію, богу.
Злѣйшаго змія убихъ благощастно,
Застрѣлилъ разомъ въ сердце его власно.
Юпитеръ трясе небомъ на Циклопы,
Мѣсто дрожаше [1]), гдѣ его суть стопы;
Но сильныхъ едва порази стрѣлами:
Владѣетъ убо съ огнемъ перунами [2]).
Моя же мала стрѣла что содѣя,
А помощника отнюдь не имѣя!
Нынѣ ли пастырь радостенъ хвалюся,
Между пастыри [3]) за бога почтуся.
О дражайшая стрѣла скоролетна!
Будеши въ вѣки со мною совѣтна:
Я мыслію, ты дѣломъ то чиниши;
Въ радости сердце, егда ты летиши.
Не то есть дивно въ людехъ наляцати,
Яко же отрокъ обыклъ есть стрѣляти;
Отнюдь не дивно на звѣря домовна,
Еже Купидо въ людехъ скороловна.
Цѣль зѣло явна: можетъ уязвити
Перси нагія [4]) и марморъ открытый.
Что Адонидесъ въ своемъ зломъ юдолѣ,
Бояся вѣтру [5]) и не иде въ поле?

---

[1]) *Дражайше.*
[2]) *Огнемъ съ перунами.*
[3]) *Пастырьми.*
[4]) *Перси суть ея.*
[5]) *Змія.*

Что и Геркулесъ, во силахъ цвѣтящій,
  У своей Іолы на лонѣ лежащій?
Что и Купидо пера готовляетъ, [1])
  Славу на земли себѣ получаетъ?
Что мои силы? Подобны ли быша?
  Питона, змія злѣйшаго, убиша!
Златолѣтную мою и лукъ [2]) выхваляю:
  Я не на восковая сердца соблюдаю.
Чимъ будешь хвалитися, Купидо? Стрѣлами?
  Или летая въ сердцахъ съ своими крылами [3])?
Силою ли, лукомъ ли? [4]) Отнюдь не хвалися.
  Какъ я змія поразихъ [5]), сему подивися.
Слава Юпитерови, славу мнѣ подавшу,
  Побѣдою надъ зміемъ меня увѣнчавшу!
Иду убо съ пастырьми на поле прекрасно
  Отдохнуть, а стадо здѣ уже не опасно [6]).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ВЕНУСЪ.

Не всегда на львахъ свирѣпыхъ ѣжжаю,
  Ниже въ колясахъ по полямъ гуляю;
Не всегда въ Кипрѣ видятъ мою славу,
  Но всюду мою имѣю державу:
Востокъ и западъ, югъ и сѣверъ знаетъ,
  Какъ моя слава повсюду сіяетъ.
Слушайте и вы, океянски Вены!
  А вы спѣвайте, стыдныя сирены!

---

[1]) *Что и Купидо стрѣлы готовляетъ.*
[2]) *Златолѣтную мою стрѣлу.*
[3]) *Или въ сердцахъ летая скорыми крылами.*
[4]) *Силою и лукомъ?*
[5]) *Како поразихъ змія.*
[6]) *Идемъ убо стрѣляти, на поле прекрасно
Отходимъ, а стадо здѣ будетъ не опасно.*

ПѢНІЕ.

Проснися, проснися, Аргусе стоокій!
Дивися, дивися, Өебе, на небѣ!
Ты, солнце, не бѣги:
Дафниду стереги.
О Венусъ прекрасная!
Веселимся при тебѣ.
Спѣвайте, спѣвайте, красныя сирены!
Играйте, играйте, вси музы твоя!
А мы тебѣ поемъ,
Богинею зовемъ.
Обрати лице твое,
Люби наша пѣнія!
Кто нынѣ, кто нынѣ видитъ перси слабыя,
Въ Флоринѣ, въ Флоринѣ лугу не сидитъ,
Стрѣлу Купидину,
Венусову сыну,
Принеси стрѣлы своя!
Ликуй съ нами!

СИРЕНА 1.

Тебѣ Іовишъ скипетръ опущаетъ,
Марсъ и Беллона выну уступаетъ;
Неодолѣнный при тебѣ Алцидесъ
Смиренъ бываетъ и славный Анхизесъ.

СИРЕНА 2.

Скрытная слава твоя въ насъ сіяетъ,
Въ тихости море волнами играетъ,
Львы по зеленыхъ лугахъ веселятся,
По лѣсахъ звѣри плящущіе зрятся,

Елени скачутъ со своими чады,
Сатиры пляшутъ со всѣми дріады.

СИРЕНА 3.

Ты ли на лугахъ цвѣтущихъ сидиши,
То лѣпотою вси богини тьмиши.
А на Парнассѣ когда между боги,
Тебѣ приносятъ услуги подъ ноги.
На облацѣхъ ли видимъ съ голубями,
Смѣтить не можемъ скорости очами
И между нами то паче дивимся.
Тебѣ служити въ вѣкъ не измѣнимся.

СИРЕНА 1.

Воззримъ на воды: киты и дельфины,
Нептунъ веселый со своими сыны
Дно океана тебѣ отворяютъ,
Ложе готуютъ, на пиръ призываютъ.

СИРЕНА 4.

О прекрасная! веселися съ нами,
А мы чествуемъ малыми дарами:
Волну взмутивши, шумомъ утѣшаемъ,
На земли славу твою величаемъ.
Гдѣ твои очи, тамъ радости плоды,
Каменья, древа, кришталныя воды,
Вѣчна погода, вѣчный зефиръ вѣетъ,
Эолюсъ глянуть съ облаковъ не смѣетъ.
Честные мирты и нимфы прекрасны!
Будите въ вѣки богини согласны.

ВЕНУСЪ.

Рада на ваши словеса вникаю,
Похвалу вашу всегда возлюбляю.

Прекрасны дщери моря глубокаго!
  Гласъ вашъ Парнасса паче высокаго.
Здѣ веселюся я паче кипрійскихъ
  Предѣловъ своихъ и паче родійскихъ.
Кто насладится въ таковыхъ забавахъ
  Не въ насыщенныхъ сиреновыхъ славахъ?
Единъ Улиссесъ былъ окамененный,
  Имущій воскомъ ушеса заткненны:
Нагія дѣвы хоть сладко спѣвали,
  Перси предъ очи ему открывали;
Но его очи каменныя были,
  Яко склониться ни въ чемъ не имѣли.
Прекрасный сыне, стрѣлокъ преизрядный,
  Любезный, а мнѣ ни въ чемъ не досадный!
Како Аполло прогѣвалъ тя нынѣ!
  Убивши звѣря единъ на пустынѣ,
Златымъ же твоимъ стрѣламъ посмѣвался,
  Во своихъ силахъ напрасно ругался.
Что жь? стерпишь ли ему, или ты не смѣлый?
  Ли не отплатишь ты своими стрѣлы?

КУПИДО.

Давно хотѣлъ жалобу тебѣ, моя мати,
  Какъ обидилъ онъ мене, тебѣ предлагати;
Но понеже славенъ есть, при музахъ спѣватель,
  Носитъ книгу у пояса, всѣхъ вещей гадатель,—
Что мнѣ препираться съ нимъ? Уступлю, я чаю;
  За славу его я съ нимъ спорить не желаю.

ВЕНУСЪ.

Не бойся, сыне, такой его славы,
  Не ужасайся той на немъ приправы:
Малая пчолка льва лиха кусаетъ,

А ржа желѣзо крѣпкое снѣдаетъ.
Буде ты легку обиду вмѣняешь,
От себя милость мою потеряешь.

КУПИДО.

Аще досада тебѣ о томъ мнится,
То мое сердце лютѣ изострится.

ЯВЛЕНІЕ 5.

(КУПИДО, ГНѢВАЯЙСЯ ЗА ПОСМѢЯНІЕ НА АПОЛЛОНА, ВОЗЖИГАЕТЪ СЕРДЦЕ ЕГО ЛЮБОВІЮ КЪ ДАФНИДѢ И ПРИЗЫВАЕТЪ ГЕРМІЯ, ДА ОСТАВИТЪ ДАФНИДУ ВЪ ЛѢСАХЪ ЗАВЛУЖДАТИ).

КУПИДО.

Како нынѣ Аполло мною посмѣвался [1]),
Еже побѣдителемъ надъ тѣмъ зміемъ стался [2])!
Не тако Іовишъ, Этну выгубивши [3]),
Ниже Ахиллесъ, Трою получивши!
Се на златую воду [4]) уловленный,
Будетъ бѣгати, что обезумленный.
Отнюдь не терплю поруганна быти,
Имамъ я силу днесь свою явити.
Или не знаетъ [5]), како есмь сердито?
Учиню сердце его [6]) сквозь пробито!
Что ему [7]) дѣло? Почто раздражаетъ,
Утробу мою безмѣрно [8]) терзаетъ?

---

[1]) *Посмѣяся.*
[2]) *Яко побѣдителемъ надъ тѣмъ зміемъ стася.*
[3]) *Угасивши.*
[4]) *Уду.* [5]) *Знаешь.*
[6]) *Твое.* [7]) *Тебѣ.* [8]) *Напрасно.*

О Аполлоне! еще мя не знаешь!
Како гнѣвити, смѣлъ, мене [1]) дерзаешь?
Прочее, егда мнѣ не покоришься [2]),
Въ язвѣ сей лютой всегда [3]) продолжишься.
Кую надежду мыслилъ, Аполлоне,
Уподобити меня при Питонѣ?
Юпитера, мню, надежду имяше;
Онъ много лѣтъ мнѣ раболѣпствоваше.
Марса ты чаялъ силу тебѣ дати?
И онъ мя имѣлъ много убѣгати.
Кую надежду мыслилъ, Аполлоне,
Уподобити мене при Питонѣ? [4])
Паллясъ, богиню? Знаю, знаю, знаю.
Мудростію, та рече, приклоняю. [5])
Что же на сію уповалъ безсильнѣ?
Хотя бы мудръ былъ сто разъ, многокрыльнѣ
Что не представилъ Бахуса при Церѣ?
Почто и даровъ не принесъ Венерѣ?
Се восковое сердце тебѣ будетъ,
Горѣти присно къ Дафнидѣ пребудетъ.

ПѢНІЕ.

Проснися скоро, Аполло! проснися!
Строитъ Купидо лести [6]): пробудися!
Не слышишь, оле! Отрокъ побѣждаетъ [7]),
Сердце палаетъ [8]).

---

1) *Смѣло мя.*
2) *Егда ты мнѣ покоришься.*
3) *Въ язвѣ прелютой весьма продолжишься.*
4) Этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.
5) *Мудростію такъ и рѣчьми скланяю.*
6) *Стоитъ Купидо, леститъ.*
7) *Не слышишь? Отрокъ тебя побѣждаетъ.*
8) *Распаляетъ.*

КУПИДО.

Се сердце его, се будетъ пылати.
Устрою крылѣ по вѣтру летати.
Полети убо, азъ повелѣваю,
На любовь сердце горѣ уязвляю.
Прошу всѣхъ боговъ скоро даровати:
Меркуріуса извольте послати,
Богове сильны! Пріиди же [1] убо
Помощь любовну дать [2] ему сугубо.

МЕРКУРІУСЪ. [3]

Оставихъ Дафнисъ въ лѣсахъ за [4] звѣрями,
Къ тебѣ пріидохъ скорыми крылами.

КУПИДО.

Кто тя пристави [5] Дафнисъ устрегати?

МЕРКУРІУСЪ.

Воля всѣхъ боговъ отъ неба [6] послати
Изволила [7], паче Пенея воднаго:
Стрегу бо [8] Дафнисъ отъ пути труднаго.

КУПИДО.

Остави въ дебрѣ, азъ повелѣваю.

---

[1]) *Пріидите.* [2]) *Дамъ.* [3]) *Гермій.* [4]) *Со.* [5]) *Постави.* [6]) *Отъ небесе* [7]) *Изволи.* [8]) *Стрегу убо.*

МЕРКУРІУСЪ.

Азъ же тя мала отнюдь не внимаю [1]).

КУПИДО.

Ты ли со мною хощешь препирати?

МЕРКУРІУСЪ.

Ты ли хощеши мнѣ повелѣвати?

КУПИДО.

Смѣю я, смѣю тебѣ запретити.

МЕРКУРІУСЪ.

Кто тебѣ смѣлость имѣлъ поручити
Воля всѣхъ боговъ? Стражемъ приставленный
Ростопчу тебе, отроче бездѣльный!

КУПИДО.

Стой убо мало! Скажу мою смѣлость,
Славы моея явлю тебѣ цѣлость:
Иду къ матери моей жалобу явити.

МЕРКУРІУСЪ.

Отнюдь не будешь [2]) мене устрашити.
Вѣмъ, откуду сей вымыслъ учинися:
Нѣкто Купидѣ посмѣшникъ явися.
Иду къ Дафнидѣ, чтобъ не заблудила,
Хотя по лѣсамъ мене утрудила.

---

[1]) *Азъ же ни мало тебѣ днесь внимаю.*
[2]) *Не имаши.*

ВЕНУСЪ.

Въ море пространномъ хотя я гуляла,
  Велію въ мыслехъ отраду пріяла;
Нынѣ по лугамъ гуляти желаю:
  Гдѣ отдохнути, гдѣ сѣсти, не знаю.

КУПИДО.

Мати драгая! сказати не смѣю,
  Какову печаль я нынѣ имѣю.

ВЕНУСЪ.

Кто тя прогнѣвалъ?

КУПИДО.

Стражъ, что при Дафнидѣ,
  Пришедши ко мнѣ въ жесточайшемъ видѣ.
Изволила ты когда приказати
  Мнѣ Аполлону возмездіе дати,
Я, сердце его съ пламемъ учинивши,
  Спящему въ перси Аполлу вложивши,
И съ смѣхомъ хотѣлъ ему отплатити,
  Стража Дафниды имѣлъ пригласити,
Сталъ воспрещати оставить едину,
  Дабы вшедшая едина въ пустыню
Путь потеряла, а потомъ блудяща
  Устрѣтила бы Аполла, стояща,
И отъ него бы всегда убѣгала:
  Съ оловомъ стрѣла то бы учиняла.
Онъ же чють меня, чють не ростопташе,
  Золъ мнѣ явися, хотя мя любляше.

ВЕНУСЪ.

О часъ безчастный! Вездѣ мнѣ помѣха!
Нигдѣ не придетъ мнѣ въ сердце утѣха!
Лжешь ты на него, мнѣ онъ не противенъ.

КУПИДО.

Не лгу, о мати!

ВЕНУСЪ.

Въ томъ отвѣтъ мнѣ дивенъ.

НИМФА.

Не дивно и то, красная богини,
Что Меркуріусъ прогнѣвался нынѣ:
Тихое море волнами играетъ,
Ѳебусъ веселый пасмурный бываетъ.
Онъ при дѣвицѣ въ поляхъ утружденный,
Отъ Купидона сего прогнѣвленный.
Даждь какой нибудь знакъ, когда онъ придетъ:
Тогда съ честію къ Парнассу отъидетъ.

ВЕНУСЪ.

Изряденъ совѣтъ. Прими убо тое,
Прекрасный сыне, яблоко златое.
Покажи сіе: онъ тому повѣритъ,
Жестокость свою къ склонности премѣнитъ.
Азъ же иду въ Кипръ съ славою сидѣти,
И ты имѣй вскорѣ тамъ же прилетѣти.

КУПИДО.

Теперь мнѣ желаніе, теперь исполнися,
Яко милость матери ко мнѣ изъявися:
Вручила сіе на знакъ, ради совершенства

Противъ Меркуріуса мнѣ сопротивленства.
Пріиди во скорости! нынѣ призываю;
Знакъ моея матере тебѣ предъявляю.

МЕРКУРІУСЪ.

Что мене во скорости паки призываешь?
Что за знакъ отъ матери твоей предлагаешь [1])?

КУПИДО.

Се знакъ Венеры, матери мнѣ [2]), сущій:
Можешь ли сему быть вѣру имущій [3])?
Мнѣ приказала тебѣ запретити:
Отнюдь не изволь въ тому при ней быти,
Остави въ лѣсахъ едину блудящу.
Я съ Аполлономъ во время усрящу.

МЕРКУРІУСЪ.

Отхожду убо, Дафнисъ оставляю;
Тебѣ по сему [4]) не сопротивляю.

КУПИДО.

Се уязвленное сердце нынѣ мною,
Палати [5]) въ сердцѣ [6]) Аполла устрою.
Гори любовнымъ огнемъ на Дафниду,
Донелѣ паки [7]) съ стрѣлами пріиду.
Пріими, сильнѣйшій богатырю, убо,
Еще ти придамъ пламени сугубо.

---

[1]) *Что ты еще? буду ль я такъ ждущій?*
[2]) *Моей.*
[3]) Вмѣсто этого стиха:
Вѣришь ли сему? Та волею Θеба
Послала знакъ сей найскоро со неба.
[4]) *По семъ.*
[5]) *Пылати.* [6]) *Сердцемъ.*
[7]) *Докомъ къ тебѣ.*

Нынѣ зарею, на дневномъ розсвѣтѣ
 Съ Дафнидою сей не будетъ [1]) въ совѣтѣ.
Напущу стрѣлу, оловомъ счиненну,
 И Аполлону быть не покоренну?
Его же раню златою стрѣлою,
 Да исполнится любовію злою:
Будетъ бѣгати, по лѣсамъ гоняти,
 Кровь же отъ сердца напрасно ліяти.

АПОЛЛО.

Мѣсто мнѣ прекрасное сонъ наведе сладкій,
 Егда очи видѣли зракъ богини гладкій.
Многое видѣніе сонъ мнѣ имѣлъ дати,
 А подробности того не помню сказати.
Только сердце, не знаю, чего мнѣ желаетъ,
 Венеру прекрасную въ память представляетъ.
Я тоя видѣніемъ, иду, насыщуся,
 Потомъ къ пастыремъ моимъ паки возвращуся [2]).

ЯВЛЕНІЕ 6.

(ДАФНИСЪ, ЗАБЛУЖДЬШАЯСЯ ВЪ ЛѢСАХЪ, ОБРѢТАЕТЪ АПОЛЛОНА И МОЛИТЪ ЕГО, ДА ИЗВЕДЕТЪ; АПОЛЛОНЪ ЖЕ, ЛЮБОВІЮ КЪ НЕЙ ВОЗГОРѢВСЯ, ПРЕКЛОНЯЕТЪ Ю КЪ СЕБѢ. ЕГО ЖЕ УСРѢТШИ, КУПИДО ПОСМѢВАЕТСЯ).

ДАФНИСЪ.

Кое несчастіе устрѣтило нынѣ
 Мнѣ за звѣрями единой въ пустынѣ?
Бѣхъ со другини, елени срѣтоша,
 И вси за ними ловить побѣгоша;
Азъ же остахся единая бѣдна.

---

[1]) *Не будешь.*
[2]) См. примѣчанія.

Вижду, пустыня окомъ неизслѣдна.
Камо бѣжати, никто не отзвася.
Гей, Клориндо! Гей, Низидо!... Нѣсть гласа.
Чаю, и вы мя, въ лѣсѣхъ [1]) заблужденны,
Ищете всюду, мои возлюбленны!
О злое счастье и страхъ мнѣ приходитъ!
Кто мя въ дорогу правую выводитъ?
Звѣрь мене можетъ напрасно пожрати.
Куды мнѣ бѣдной, куды убѣжати?
Ахъ! какъ [2]) въ пропасти и въ ночи такъ темной,
Заблудихъ бѣдна во глубинѣ земной!
Посли ми, боже, помощника вскорѣ,
Да мя проводитъ стезями на поле!
Пойду далѣе, обрящу тропину,
Пойду на страну всегда на едину:
Можетъ быть весь гдѣ, близко лежаща,
Или взыщу пастыря [3]), на поли ходяща.

АПОЛЛО.

Едва по нощи день имѣлъ настати!
Чимъ буду съ фавны себя забавляти?
Стружу трущины и стрѣлы готую
Здѣ не безъ страха на бестію злую.
Однако страхъ мнѣ нынѣ отдаленный,
Егда змій лютый мною застрѣленный [4]).

ДАФНИСЪ.

Хожу по лѣсамъ, но токмо кружаю,
Никого еще жива не видаю.

АПОЛЛО.

Откуду, прекрасная дѣвице, ходиши
Такъ въ глухомъ [5]) лѣсѣ? Ни ли [6]) ты блудиши?

---

[1]) *Въ лѣсѣ.* [2]) *Такъ.* [3]) Слово *взыщу* въ рук. пропущено; вставлено изъ другаго списка. [4]) *Побѣжденный.* [5]) *Въ глубокомъ.* [6]) *Или.*

ДАФНИСЪ.

Я за еленемъ сѣмо забѣжала
И отъ подружій моихъ такъ отстала,
И тако, мой путь—куды, позабыла;
Нощь же темная въ томъ предуспѣшила.
Заблудихъ тако. Аще ти есть мощно,
Изведи на путь, молю ти ся тощно.

АПОЛЛО.

Радъ, о госпоже, тебѣ послужити,
Воскорѣ могу [1]) на свѣтъ выводити.
Кая богиня тако искушаетъ?
Паче Діаны красота сіяетъ.
Во правду, хотя тако утружденна,
Въ красотѣ же та отнюдь неизмѣнна [2]):
Мое сердце, зря на ню, зѣло распалися.
Како ти, честнѣйшая [3]), быти здѣ случися?

ДАФНИСЪ.

Уже вамъ [4]) повѣдала. Что мя испытуешь?
Молю токмо, бѣдной мнѣ путь да показуешь.

АПОЛЛО.

Молю, госпоже, молю благощасно:
Приближися здѣ ко мнѣ неопасно,
Даждь ми твое свѣтлое лице соглядати [5]),
Любезнаго твоего имене познати,
На мягкой со мною здѣ травѣ отдохнути [6]).
Благонаставно потомъ изведу тя въ пути.

---

[1]) *Возмогу.* [2]) *Въ красотѣ же ни мало отмѣнна.* [3]) *Нань зря.* [4]) *Чистѣйшая.* [5]) *Азъ.* [6]) *Оглядати.* [7]) *На мягкой здѣ травѣ изволь отдохнути.*

ДАФНИСЪ.

Вижду, яко льстиши ми, юноше любезный,
  Слыша глаголы твои, зѣло неполезны.
Отъиди прочь, или здѣ останься въ пустыни:
  Вѣрно отложилась я жить во благостыни.
Иду еще далѣе, ты мене не нуди;
  Отъиди прочь или здѣ въ пустыни пребуди.

АПОЛЛО.

О безсчастіе мое! въ сердце даде рану.
  Иду, ей послѣдуя, въ вѣки не отстану.

КУПИДО.

Сей есть теперь богатырь превыше Арктуры,
  Начальнѣйшій нѣбесныхъ всѣхъ боговъ и натуры! [1])
Сей, стрѣляй прежде въ сердцу, о мнѣ посмѣвался [2]):
  Узрите [3]) нынѣ, каковъ Аполлонъ сей стался!
Ненужна и цитра есть, книгъ недосугъ зрѣти,
  Едину Дафнисъ всегда радостенъ смотрѣти.
Смотрите, какъ сильны суть стрѣлы моя выну,
  Кую Аполлонъ себѣ даруетъ измѣну!
Можетъ ли прекрасныя стражъ быть Аріадны
  Или [4]) устрегаяй чрезъ лабиринтъ изрядный?
Есть ли и въ Колхахъ приступъ до волны златыя,
  Но [5]) Язона быть удобъ можетъ склонна выя.
Да придутъ вси въ храбрости этерныя [6]) силы:
  Противъ моихъ твердѣйшихъ что бы учинили?
И вы, въ гнѣвѣ Марсовомъ кующіе млатомъ,
  Труднокровавымъ всегда ліющися [7]) потомъ!

---

[1]) *Начальнѣйшихъ небесныхъ боговъ и натуры.*
[2]) *Сей, стрѣляя, прежде о мнѣ посмѣяся.*
[3]) *Видите.* [4]) *Иже.* [5]) *На.* [6]) *Сотренныя.* [7]) *Ліющія.*

Можете всю нужду вси на свѣтѣ сносити [1]),
Моей же любви никто можетъ одолѣти.
Я стрѣляю во сердца. Язва неотъятна—
Язва всегда горькая, моя же пріятна;
Стрѣлу съ сладостнымъ огнемъ златую имѣю.
Аполлону пламени еще я развѣю [2]).

ЯВЛЕНІЕ 7.

(АПОЛЛО, ПЕЧАЛЯЩИСЯ ПРЕХОЖДАЕТЪ ПО ЛѢСАМЪ И, ОБРѢТШИ ДАФНИДУ, ПАКИ КЪ СЕБѢ ПРИГЛАШАЕТЪ, ЯЖЕ ОТЪ НЕГО ВСКОРѢ ИЗБѢГАЕТЪ).

АПОЛЛО.

Не могу азъ памяти въ себѣ утвердити,
Яко имѣхъ видъ мой весь въ горесть премѣнити.
Како то, что видящи въ пучинахъ [3]) глубокихъ,
Свѣта нынѣ не вижду въ лѣсахъ не широкихъ?
Пустынею окруженъ, въ большую же вниду,
Донелѣ прекрасную обрящу Дафниду.
Пойду, ищучи ее, хотя бъ въ Каледоны,
Въ частѣйшій лѣсъ аттическій острыя Эдоны,
Хотя и герцынскихъ мнѣ дебрей доходити,
Гдѣ зима, снѣгъ никогда не имать сходити,
Пойду, чужестранными вѣтрами носимый,
Дафниды любовію несытно гонимый.
О горе! Откуду огнь во мнѣ сей бываетъ?
Паче сицилійскихъ всѣхъ коминовъ палаетъ!
Твоими утѣхами, дѣвице благая,
Во мнѣ учинилася рана сія злая.

---

[1]) Этого слова нѣтъ.

[2]) Вмѣсто этихъ двухъ стиховъ:
Стрѣлу имамъ сладостнымъ огнемъ перевиту,
Склонныхъ аки иглу къ камени магниту.

[3]) *Пустыняхъ.*

Полно мене мучити, вынь стрѣлу изъ бока,
  Яже мнѣ уткненная [1]) надъ змія широка,
Сипридо сильнѣйшая въ тигриской Мореи!
  Дымомъ благовонія курятся [2]) въ Сабеи,
Горькодобровонныя [3]) муры, ливанъ, нарды.
  Ты злые укрощаешь звѣри—леопарды:
Выпусти пламень живый въ сердце дѣвы тверды!
  О вы, съ фавнами, молю [4]), дріады усерды!
Есть ли вамъ могущій огнь сію распалити?
  Есть ли милосердіе въ любовь мнѣ склонити,
Дабы на мягчайшей моглъ травѣ утружденну
  Получити мнѣ въ любовь, мною возлюбленну!
Гдѣ обрящу оную, кто мнѣ возвѣщаетъ?
  Уже съ жалости едва духъ во мнѣ бываетъ.
Только ли, что эхо здѣ и вѣтръ вѣяй сильный
  Мнѣ въ томъ соотвѣтствуетъ со жалемъ [5]), умильный.
Дафнида любезная! гдѣ нынѣ гуляешь?
  Что горячести любви моей не признаешь?
Вижду слѣдъ. Хоть давній есть, пойду онымъ слѣдомъ.
  Буду ли, гдѣ Дафнисъ есть, буду ли я свѣдомъ?
Се рѣка прекрасная. Мысль моя здѣ чаетъ,—
  Ахъ!—и любезнѣйшая моя почиваетъ.
О! чтобы достоилъ я ей бѣлое лице
  Держать на лонѣ моемъ, почившую сице,
Очи пресвѣтлѣйшія непрестанно зрѣти,
  Руку драгоцѣнную подержавше смѣти!
Что мыслиши, бѣдное сердце мое, нынѣ?
  Почто не поймаеши бѣгца наединѣ?
Сія Дафнисъ, для нейже всегда умираешь,
  Съ горестію день и нощь злѣ препровождаешь,

---

[1]) *Вонзенная.* [2]) *Курится.* [3]) *И горькодобровонныя.*

[4]) *Молю васъ.*

[5]) *Только ли, что эхо здѣ, вѣтромъ вѣяй сильнымъ,*
Мнѣ въ томъ соотвѣтствуетъ со жалемъ умильнымъ.

Се имаши въ рукахъ твоихъ: аще ю уронишь,
Уже потомъ съ Пегазомъ быстрымъ не догонишь,
Что я убо сотворю? Жалѣю взбудити:
Егда уйдетъ, то, лишенъ свѣта, буду зрѣти.
Вижду же однако: та главу подъимаетъ,
Ясны свои кришталы отъ сна протираетъ,
Уже возста и власы въ чепецъ убирая.
Смѣй, Аполлоне, пріиди [1])! Смѣй, не откладая!

ДАФНИСЪ.

Кто приходитъ близь мене въ лѣсъ уединенной?
Кимъ быти чаю на путь провожденной?
Кто умилосердися, уби мя воскорѣ,
Ниже пребуду стражда во злѣйшемъ семъ горѣ.

АПОЛЛО.

Удобѣе рѣчная стремленія станутъ,
Неже твоей свѣтлости вразіе предстанутъ:
Непотребная рука, кая бы хотѣла,
Взмахъ особы твоея дерзнути имѣла!
Ты едина ходиши въ дебрѣхъ зло безмѣрно;
Азъ тя изведу на путь, положися вѣрно.
Со мною обрящеши, дѣвице честнѣйша,
И товарищевъ твоихъ мною, любезнѣйша.

ДАФНИСЪ.

Ты ли пастырь той, иже и прежде прельщаше,
Хотящи вонъ вывести, въ дебрь же завождаше?
Не медли напрасно здѣ, знай свою дорогу!
Боги мене выведутъ [2]) отсюду убогу.
Надежнѣе, видя я звѣря, пребываю,
Ниже человѣческимъ лестемъ уповаю.

---

[1]) *Пріити.*

[2]) *Изведутъ.*

АПОЛЛО.

О! аще бы я до сердца моего
  Кришталы ясны зрѣнія твоего
Возмоглъ впустити, чтобы ты узрѣла,
  Какая мнѣ ревность въ персѣхъ возгорѣла!

ДАФНИСЪ.

Далеко неба [1]) видишь отстояща,
  Далѣе моя мысль не согласяща.
Се токмо вижду: древа, горы, нивы,
  Быстрошумящихъ [2]) водные разливы.
Уби мя, древо! Горы! придавите.
  Водныя волны! молю, потопите.
О лѣса! вы мя нынѣ пощадите:
  Льва или волка на мя испустите.
Уже буду сими умерщвленна,
  Нежели воли сего подклоненна!
Аще и грѣха злаго не виновна,
  Обаче винна, яко злу подобна.

АПОЛЛО.

О немилосердая! доколѣ томиши?
  Почто милости своей склонной не явиши?
Твоихъ очей яснѣйшихъ и лѣпоты вина,
  Ты уже смерти моей будеши причина [3]).
Не убѣгай прочее, ко мнѣ умилися,
  На единъ малѣйшій часъ, молю, приближися.

ДАФНИСЪ.

Не уповай. Не могу склонна тебѣ быти.
  Доколѣ мя будеши бѣдную гонити [4])?

---

[1]) *Небеса.* [2]) *Быстрошумящіе.*
[3]) Этихъ двухъ стиховъ нѣтъ. [4]) *Томити.*

Иду еще далѣе. Что ты помышляешь?
Уловити мя къ себѣ отнюдь да не чаешь:
Сердце мое не къ тебѣ. На мене не льстися,
. Прошу не стужати ми, въ путь свой возвратися.

АПОЛЛО.

О немилосердая твердости несклонна,
Подавленна терніемъ роза благовонна!
Не отстану я отнюдь на земли, на морѣ,
Дойду милости ея и любви воскорѣ.
Аще бы чрезъ огнь, чрезъ мечь имѣла бѣжати,
Уловленъ любовію не могу отстати [1]).
Хотя бы и въ землю скрыетъ Просерпина,
Нигдѣ не уйдетъ Дафнисъ Аполлина!

ЯВЛЕНІЕ 8.

(ДАФНИСЪ, УТРУЖДЬШАЯСЯ, ПЛАЧЕТСЯ О ГОНЕНІИ АПОЛЛОНОВОМЪ, ЮЖЕ ПАКИ АПОЛЛО ИЗОВРѢТАЕТЪ И КЪ СЕБѢ ПРЕВРАЩАЕТЪ; НО ДАФНИСЪ, НЕ СКЛОНИВШАЯСЯ КЪ АПОЛЛОНУ, ПРИЗЫВАЕТЪ ДІАННУ НА ПОМОЩЬ, ЮЖЕ ДІАННА, ПРИШЕДШИ, ВЪ ДРЕВО ПРЕТВОРЯЕТЪ).

ДАФНИСЪ.

Ахъ! какъ долго бѣгала по темной пустынѣ!
Едва достигла тебе, драгій отче, нынѣ.
Ухожду я нужная съ душею чуть жива:
Буди рука отческа въ помощь милостива!

ПЕНЕУШЪ.

Хоть я и вижду лице моей дщери,
Печаленъ, видя смутную безъ мѣры.
Что за причина?

---

[1]) Этихъ двухъ стиховъ нѣтъ.

ДАФНИСЪ.

Не знаю сказати,
Пастырь ли, сатиръ не можетъ отстати:
Гонитъ мя, гонитъ, повсюду гоняетъ,
Едва богиня живу сохраняетъ.

ПЕНЕУШЪ.

Или погубить хощетъ тя гонивый?

ДАФНИСЪ.

Не погубити, отче милостивый,
Но сохраняти животъ мой желаетъ,
Не къ честной воли онъ мене скланяетъ.
Лутче между Сиртами желаю пропасти,
Нежели въ безчинныя въ руцѣ его впасти.

ПЕНЕУШЪ.

Восхваляю честь твою и умыслъ правдивый,
Утѣха прекрасная, и станъ твой стыдливый.
Однако размышляю, кто тя постигаетъ.
Не Аполло ли славный, что всѣхъ превышаетъ?
Онъ есть старовѣчнаго сынъ Гиперикона.
Той разомъ сильнѣйшаго застрѣлилъ Питона!
А я слышалъ про него, здѣ на земли суща
И овцы Адметовы на полѣ пасуща.

ДАФНИСЪ.

Такъ, любезный отче, есть, котораго силы
По славной Ѳессаліи всѣ превозносили.
И по виду я сама его признавала,
Яко въ очесахъ его та слава сіяла.
Только богъ ли, человѣкъ, или храбръ мужъ буди,
На свою лесть онъ мене въ вѣки не принудитъ.

ПЕНЕУШЪ.

Не спѣшно, дщери, произноси слово:
Во многихъ служить такову есть сердце готово.
Въ таковое племя всякъ радъ бы былъ входити,
Не токмо свойственникомъ, но рабомъ служити.
Помысли, въ небо коль многія были
И въ славу божескую потомъ доступили,
Какъ честну Плеіаду небо учинило,
Атлантиду съ дщерями седми возвысило:
Только Іовишъ изъ нихъ едину любяше,
Чиномъ въ небѣ всѣхъ себѣ при ней поставляше.
Также и ты, дщерь моя, возлюбившу богу,
Удержи отъ бѣганья предъ нимъ свою ногу:
Онъ, пріявши за жену, имать тя почтити,
Домъ и пришлыхъ у тебе въ вѣки посвятити.
Что бо въ людехъ тебѣ есть, что же и пустыня,
Егда такъ пресильная будеши богиня?

ДАФНИСЪ.

Ахъ! и ты, о отче мой, жестокость являешь,
Егда о таковыхъ же совѣтахъ вѣщаешь.
Лучше мнѣ нужда моя, пустыня дорога,
Нежели честь такова безстыднаго бога.

ПЕНЕУШЪ.

Ужасно противности о богахъ вѣщати.

ДАФНИСЪ.

Не изволь мя, отче мой, больше принуждати:
Уже бо обыкла я въ чистотѣ пожити,
Тѣмъ побѣдительница могу надъ нимъ быти.
Любитъ онъ мене, вижду, и будетъ любити,

Только немощна я своего сердца наклонити.
Аще сердце самое любви не познаетъ,
Кто можетъ склонить его и кто застрѣляетъ?
Охъ! отче любезнѣйшій! слышу, яко идетъ:
Сохрани мя, дщерь свою, донелѣ не придетъ.

ПЕНЕУШЪ.

Хранися сама его, когда презираешь:
Вижу, что совѣтъ ты мой весьма откидаешь.

ДАФНИСЪ.

Ахъ! едва жива, зѣло утружденна,
Пастыремъ злостнымъ всюду погоненна.
Аустрійскіе вѣтры! прохлаждайте
Перси открыты, въ лице повѣвайте.
О пастырю злобный, зѣло нестыдливый!
Доколѣ будутъ очи завистливы?
Ужь [1]) я кленуся вамъ всѣми богами:
Празденъ мятежъ твой твоими глазами.

АПОЛЛО.

Что о мнѣ мыслишь, дѣвице благая?
Довольна будешь, мене познавая.
Я воинъ первый между боги [2]) въ небѣ:
Пріиди, драгая! Познати мя требѣ.
Егда бъ ты мя видѣла на солнечномъ возѣ,
Рада бъ тогда была, видя [3]) мои нозѣ.
Я—Аполло славнѣйшій прекраснія Церы,
Я—планета солнечна: имеши ли [4]) вѣры?

---

[1]) *Уже.*
[2]) *Всѣми боги.* [3]) *Видѣть.* [4]) *Имаши ли.*

ДАФНИСЪ.

Отнюдь не вопрошаю того благородства.
Ты ли къ богомъ, пастырю, имѣеши сходства?
Пастырь по всему еси, но хотя бы богомъ,
Удалися отъ мене по спорѣ семъ многомъ.

АПОЛЛО.

Не дивись, прекрасная! Богамъ то не ново:
Посылаютъ на службу за едино слово.
Іовишу самому, Рею хотѣвшу имѣти,
Волнистымъ моремъ тогда занесенъ до Креты.
Что и Бахусъ принужденъ отъ убійцевъ сгити
И въ тигрійскихъ мѣстѣхъ съ нуждею служити.
Такъ и мнѣ воля боговъ же предстала,
Еже на дѣла на землю послала.
Я послушливый принужденъ сходити
И ядовита змія погубити.
Хощеши всегда ты едина быти?
Почто за друга мене не имѣти?
Вѣришь ли звѣря, медвѣдя, ли вепря
Иже пожрати можетъ тя отъ дебря?

ДАФНИСЪ.

Что вѣтромъ ты [1]) слова ліеши напрасно?
Унее жити съ звѣрьми ежечасно!
Въ тяжкости сердца ибо [2]) воздыхаю,
Доколѣ сея злости пострадаю.
Отверзи землю, въ милости безмѣрный,
И погуби мя адскими аверны!

---

[1]) Этого слова нѣтъ. [2]) *Нынѣ.*

АПОЛЛО.

Любезнѣйшая! буди безъ боязни:
Я твоей прошу вѣрныя пріязни.

ДАФНИСЪ.

Удобѣе сухости предадутся рѣки,
Нежели моя пріязнь не [1]) будетъ во вѣки.

АПОЛЛО.

Вижу, еже [2]) не могу мягкими словами
Приклонити тя къ себѣ всякими дарами;
То уже инымъ путемъ пойду я съ тобою,
И склоненна будеши конечно ты мною.

ДАФНИСЪ.

Аще ты тако нагло наступаешь,
То имѣти мя отнюдь да не чаешь.

АПОЛЛО.

Склоню невольно подъ мои тя руки,
Да не буду такъ страдать сея муки.

ДІАНА.

Стой, Аполлоне! Недвижимъ пребуди,
На моихъ лестно и нагло не буди.

ДАФНИСЪ.

О богини скорая, яже еси въ небѣ!
Съ горчайшимъ сердцемъ взываю ко тебѣ.
Услыши нынѣ въ эфезинскихъ долѣхъ,
Яже слышала Азія на полѣхъ.

---

[1]) Этого слова нѣтъ. [2]) *Яко.*

Ты Актеона отъ псовъ неизбѣжна
  Содѣяла и многимъ всегда ты надежна.
Утѣши мене, къ тебѣ прибѣгаю,
  Діано! къ тебѣ [1]) вѣру полагаю.
Тебѣ отъ чрева обѣщахся быти,
  Съ тобою вкупѣ умрети и жити.
Покры мя камнемъ и листвіемъ твоимъ,
  Пріими къ себѣ подъ покровомъ своимъ!

ДІАНА.

Вѣмъ тя мнѣ преданную а [2]) еще отъ чрева:
  Сохраню обиды тя, пречестная дѣва!
Буде чувствуяй теперь [3]), славный Аполлоне!
  Видишь ли, кто теперь дѣвѣ въ оборонѣ?
Прощайте, нимфы! Воспойте, дріады!
  Иди, Аполло, вспять на свои стады.
Почто тако нагло ты наступилъ къ Дафнидѣ
  Ради дружелюбія во прелестномъ видѣ?
Буди древо абіе, въ древо превратися [4]).
  Се, Аполлоне [5]), видя, нынѣ веселися.

АПОЛЛО.

Ахъ, немилосердая! Ахъ, злая богини!
  Нынѣ привела меня до горькія стѣни [6]).
Или бы не моглъ тебѣ я то заслужити [7]),
  Что такъ восхотѣла [8]) мя бѣдна погубити?
О благій Юпитеру, носимый орлами!
  Своими мене убій нынѣ перунами,
Звѣри люты напусти, да мя растерзаютъ,
  Да не тако очеса со сердцемъ страдаютъ!

---

[1]) *Въ тебѣ.* [2]) *И.* [3]) *Нынѣ.* [4]) *Претворися.*
[5]) *Аполло.* [6]) *Нынѣ привела мя до горькой причины.*
[7]) *Тебѣ за то услужити.*
[8]) *Захотѣла.*

О бѣдный Аполлоне! то ли ти утѣха,
  Которая привела [1]) напраснаго грѣха?
О любезная моя Дафнида прекрасна!
  Почто учинила мя на земли злосчастна?
О сердце бѣднѣйшее! до чего страдало?
  Радости малѣйшія отнюдь не видало [2]).
О любовь сладчайшая! чимъ ты наградила?
  Остатнія [3]) радости, о горе! лишила:
Видящи лице токмо, былъ бы я доволенъ,
  Очи непрестанно зря, не былъ [4]) удоволенъ.
Нынѣ лишенъ радости. О горе мнѣ, бѣдну!
  Ничто мя увеселитъ быти безсовѣтну!
О пальма честнѣйшая! слышиши ли бѣдна?
  Услыши нынѣ моя словеса послѣдня:
Хотя измѣнилася ты въ древо безгласно,
  Радостно любити тя буду ежечасно.
О лявру, достойнѣйшій хвалы превысокой!
  Будутъ почитати тя въ радости глубокой! [5])
Тобою да [6]) будутъ въ честь побѣды вѣнчанны
  Главы побѣдителемъ укорованны!
Радостенъ смѣю таковъ вѣнецъ соплетати,
  Да буду любезную въ вѣкъ напоминати;
Недостоинъ [7]) на главу его положити,
  Буду же до времени на сердцѣ носити.

ГЕСПЕРУСЪ [8]).

О какъ въ свѣтѣ велія измѣна бываетъ!
  Коимъ на свѣтѣ даромъ прелесть надѣляетъ!
Видѣсте смятеніе Аполлона нынѣ,
  Како стался уловленъ въ небесной [9]) причинѣ.
О благопотребная любви неизмѣнна!

---

[1]) *Довела до.* [2]) *Ни малыя отнюдь не пріяло.*
[3]) *Остаточной.* [4]) *Не бы.* [5]) *Премногой.* [6]) Этого слова нѣтъ.
[7]) *Недостоитъ ми.* [8]) *Эпилогъ.* [9]) *Любовной.*

Ты во днешнія времена во свѣтѣ премѣнна [1]).
Не смѣлый Аполлоне! полно въ томъ тужити,
Гдѣ несчастіемъ своимъ не возмоглъ склонити.
Дафниду ты любиши, она убѣгаетъ:
Возможно въ свое время любовь привлекаетъ.
Нынѣ съ миромъ отходи, жди у Геликона:
Оживленная тужить будетъ Аполлона.
Позлати стрѣлу твою, поднеси Купидѣ:
Узриши Дафнисъ тогда въ любезнѣйшемъ видѣ.
Пречестнѣйши зрители! все, еже смотрили,
Мы въ нашей возможности кратко изъявили.
Кратко ли вамъ видится тое [2]) наше дѣло,
Аполлону въ жалости зѣло продолжило [3]).
Аще же вамъ длительно казалося быти,
То Аполлонъ бы еще радъ былъ продолжити;
Однакоже случаи въ домѣ и на поли
Чинятъ предложеніе не по нашей воли [4]).
Елико въ семъ времени изволили зрѣти,
Мы дерзаемъ за сіе васъ благодарити.
Тако сіе дѣйствіе будемъ окончати:
Покорно благодаримъ, пора почивати [5]).

---

[1]) *Въ днешнія времена бываешь премѣнна.*

[2]) *Сіе.* [3]) *Продолжало.* [4]) Этихъ четырехъ стиховъ нѣтъ. [5]) Послѣдніе четыре стиха замѣнены слѣдующими:

Еликожe въ семъ изволили времени смотрити,
Мы дерзаемъ за сіе вамъ благодарити.
Въ чемъ же погрѣшихомъ умомъ, поправляйте,
Насъ же скудоумныхъ въ томъ не осужайте.

XVI.

ИНТЕРМЕДІЯ.

ГАЕРЪ *(сидя, бьетъ себя въ голову).*

Голова моя буйна! куда ты мнѣ кажешься дурна! Уши не какъ у людей, будто у чюдскихъ свиней; глаза какъ у рака, взираютъ нимака. Ротъ шириною въ одну сажень, а носъ на одну пядень; лобъ какъ бычачей, а волосы подобны шерсти свинячей. Брюхо — волынка: е! диконькая дѣтинка! Гдѣ сыщешь такого удальца, добраго дороднаго молодца, что бороться, и биться, и съ козами бѣситься? Вѣдь не сыщешь другова, кромѣ меня инова! Куды у меня бедра востра, да и рука видѣть толста! А ежели ударю мертваго пѣтуха, то выскочитъ изъ него требуха. А ежели ударю муху, то не будетъ въ ней и духу; а хоша какую артель комаровъ, то разгоняю всѣхъ, какъ сущихъ воровъ. Уже я и самъ дивился, что такой родился и какъ здѣсь очутился. Еще моя бабушка родная сказываетъ, будто я въ брюхѣ прошалъ молока, а у матушки отъ того болѣли бока. А еще двухъ недѣль былъ, и тутъ по улицѣ ходилъ, игралъ съ робятами въ бабки, не боялся своей приставленной мамки. Плясалъ въ короводахъ съ молодицы, а гдѣ случится, и съ красными дѣвицы многія дѣлалъ фигли, а ино придутъ, строилъ и мигли. А нынѣ уже устарѣлъ и на покой захотѣлъ: гдѣ завалиться съ молодицы или съ красными дѣвицы, и тамъ бы сталъ отдыхать, молодицъ и дѣвушекъ цѣловать. Ни-

что мнѣ тако не мило, что предо мною было. Весьма охотникъ съ молодицами гулять; которая похощетъ, могу и поплясать.

Выйдетъ СТАРУХА *и рече:*

Ахъ ты чучела дурная и рожа твоя, какъ свиная! Что хвалишися, будто чумный? Али съ ума сошелъ, безумный? Чортъ ли тебя станетъ любить? Тобѣ ли, уроду, плясать въ хороводѣ? Развѣ таскать г...о изъ заходу! Зажми ротъ свой зубами, покуль я не взяла бить кулаками, или принесу кочергу скоро и дамъ тебѣ разъ за одно слово! Что ты здѣсь повираешь? Лишь только людей въ смѣхъ претворяешь.

ГАЕРЪ *рече:*

Ха! ха! ха! Ба! ба! ба! вотъ фигура! Этака пришла дура! Меня осуждаешь, а сама ты и к.... не знаешь. Откуда ты пришла, Акулина? Вѣдь вотъ про тебя хорошая дубина! Дамъ тебѣ грудолома, такъ ты лучше сиди жь у себя дома. Кто тебя звалъ сюда въ гости? Поди, покуль не ломаны твои кости. Возьму старую чертовку, стану водить какъ медвѣдицу по дворамъ; а не станешь ходить, такъ прiударю по бедрамъ. Отойди, покуль я не сердитъ теперя. Что жь ты стоишь, глухая тетеря?

СТАРУХА *рече:*

Нѣтъ! ищо вотъ я съ тобою повидаюсь, съ кочергою поломаюсь.

(Пошла и вынесла кочергу и стала Гаера бить: Гаеръ поймалъ и согнулъ самое въ кочергу).

СТАРУХА *рече:*

Государь мой! помилуй! Тебя буду вѣкъ благодарить.

ГАЕРЪ *рече:*

Старуха! Сама ты наскочила на меня, вѣдь не звалъ я къ себѣ тебя. Полежитко ты на полу..... Да почника своихъ

боченокъ. Бодренька ты прибѣжала: знать, меня еще не знала!

Вышедъ СТАРУХИНА ДОЧЬ *и рече:*

За что, каналія, матушку ругаешь, связанну на полу безвинно валяешь? Хочешь ли, я закричу: караулъ! Что ты матушку обманулъ? Вѣдь что не другая какая, моя матушка родная.

ГАЕРЪ *рече.*

Никакъ и ты того жь желаешь, что по матушкѣ воздыхаешь? Вѣдь и тебѣ тоже будетъ, никто у меня не уйдетъ. Вѣдь я тебя не стану вязать веревкой. Я давно желалъ спать съ дѣвкой. Спасибо, голубушка, что пришла, а меня бѣднаго здѣсь нашла.

СТАРУХИНА ДОЧЬ *рече:*

Батюшко мой! вся буди воля твоя. Только бы свобожена была отъ веревокъ матушка моя, я къ тебѣ приведу много дѣвокъ. А буде и скажешь, что меня за благо принимаешь, не стану прекословить: что поволишь, то повинна говорить.

ГАЕРЪ *рече:*

Ну старуха! дочь твоя упросила, отъ сего тебя свободила. Теперъ бѣги отъ меня, и мнѣ нѣтъ дѣла до тебя; а дочка твоя пускай у меня посидитъ, а на мои фигуры поглядитъ. Я къ тебѣ ее провожу; чѣмъ знаю, тѣмъ награжу.

СТАРУХА *рече:*

Батюшка мой! пускай у тебя, только отпусти меня: я дома отдохну. И такъ учинилась предъ тобою виновна, что говорила противно.

Пріидетъ СТАРУХИНА ДОЧЬ, *стали говорить:*

Матушка государыня моя! Я дочь любимая твоя, а сей твой пріятель, который тебя на полу катаетъ, пришелъ онъ насъ посѣтить: нѣтъ ли же чѣмъ его почестить?

СТАРУХА *рече*:

А, мой другъ Аверя! попался самъ топеря. Вотъ я тебѣ дамъ разъ, будешь ты и съ дочерью знать насъ. Вѣдь теперь ты не у себя въ домѣ, все нынѣ въ моей волѣ.

ГАЕРЪ *рече*:

Бабушка дорогая! а ты мнѣ матушка родная! Воля твоя надо мною: я виновенъ предъ тобою. Не буду тебѣ противенъ, предъ тобою всегда буду винен.

СТАРУХА *рече*:

Нѣтъ! нѣтъ! не лести. Я знаю эти всѣ вѣсти. Дочь, давай ухватъ; вишь, онъ рогатъ.

Дочь вынесла ухватъ и станутъ Гаера бить.

ГАЕРЪ *рече*:

Ой! ой! ой! грабятъ! Не такъ со мною ладятъ! Бьютъ меня больно, и по бокамъ досталось довольно! Не стану старухъ изобижать, дивку какъ мать почитать. Поди, бабушка, прочь! Цѣла будетъ твоя дочь. Не бось, провожу честно, вѣдь тебѣ извѣстно.

СТАРУХА *рече*:

Прости, мой свѣтъ! Желаю тебѣ много лѣтъ.

(Пойдетъ за ширмы).

ГАЕРЪ *рече*:

Ну дѣвушка дорогая! теперь ты моя, милая! Для тебя сіе учинилъ и матушку твою свободилъ. Что ты мнѣ за сіе подаришь? Или только что отъ рѣчей благодаришь?

ДОЧЬ СТАРУХИНА *глаголетъ:*

Я вся твоя и надо мною воля твоя; только прошу домъ нашъ посѣтить: я могу чѣмъ вамъ служить.

ГАЕРЪ *рече:*

Пойдемъ, дружокъ, съ тобою, коли явиши милость со мною: желаемъ домъ вашъ видать и хощу въ немъ погулять.

Пойдутъ за ширмы съ Гаеромъ.

Сидитъ за столомъ ШЛЯХТА *и поетъ пѣснь:*

Ахъ! якъ трудно жить на свѣтѣ
Безъ друга: въ печали
Сердце все сукрушается,
Невозможно ходити.
Прискавши друга,
Того оставляю,
Другова быти
Знатъ не чаю.
Умъ мой помрачился,
Что друга лишился,
Съ кѣмъ веселился,
Въ радости явился.
Нынѣ радость
Отъ меня отступила,
Печаль же горькая
Всего сокрушила.

Выйдетъ СТАРУХА *и глаголетъ:*

Что печалишися и поеши унывно? Ужь и нынѣ стало противно. Почто напрасно тратишь словеса? Повѣждь ми: я могу утѣшить тебя.

МОЛОДКА *рече:*

Здравствуй, мой другъ! Имя вашего не знаю, только поклонъ вамъ отдаваю. Прошу, ежели служить; а я истинно одинакая, а не другая какая богатая.

ШЛЯХТА *рече:*

Милостивая моя! въ моемъ домѣ вся воля твоя. Только прошу кушанье про меня сварить, иногда случится рубашки помыть, и то я только хочу, за работу заплачу.

МОЛОДКА *рече:*

Готова хоть полъ мыть, только чтобы при васъ быть.

ШЛЯХТА *рече:*

Изволь здѣсь оставаться, а ты, старуха, ходи къ ней видаться.

(*Сидятъ за столомъ и станутъ пити*).

ШЛЯХТА *рече:*

Хотѣлъ бы я тебѣ говорить да не смѣю, чтобъ не прогнѣвить.

МОЛОДКА *рече:*

Изволь, батюшка, говорить: не могу тебѣ противна быть.

ШЛЯХТА *рече:*

Вѣдаешь ты сама, что одному спать грустно, да и тебѣ, чаю, скучно. Кому о насъ знать, какъ ляжемъ вмѣстѣ спать? Будь ты мнѣ какъ супруга; а я радуюсь, что нажилъ друга. Дарую тебѣ кольцо золотое, а еще дамъ впредь не такое, только имѣй меня въ любви, али съ другимъ никуды не ходи.

МОЛОДКА *рече:*

Хотя и согрѣшу съ тобою, только ты не брезгуй мною; а я кромѣ тебя не знаю, съ тобою въ любви быть желаю. Пойдемъ отдыхати, хоть маленько полежати.

(Выйдетъ изъ за ширмы одна молодица и сядетъ на стулъ шить рубашку.)

ГАЕРЪ *(рече):*

А здравствуй,-ста, молодушка! Какъ бишь зовутъ тебя, не знаю, только въ глаза видѣть—въ первой видаю. Знать, ты рубашку шьешь, а къ намъ не зайдешь. Уже я и самъ не облѣнился, посѣтить тебя потщился. Знать, братъ, ты уже нынѣ спѣсива да и ходить стала лѣнивва. Аль ты меня не узнала? Помнишь ли, какъ лежала? Я подарилъ тебѣ юбку, ѣлъ утебя жареную утку.

МОЛОДКА *рече:*

Что ты, батька мой, болтаешь и самъ себя не знаешь? Когда я съ тобою лежала? И въ глаза тебя мало видала!

ГАЕРЪ *рече:*

Ей молодка! ты, помнишь, въ ту пору избу топила и варила кисель, а окорокъ ветчины тутъ-же висѣлъ; сдѣлала про меня селянку, а я тебя цѣловалъ бѣлянку. Ну да что калякать? Надобно съизнова вякать. Я съ тобою пришолъ погулять и вмѣстѣ на кровати полежать. Что хощешь, бери у меня, а я не отстану отъ тебя.

МОЛОДКА *рече:*

Что ты за мною призналъ? Или и впрямь не узналъ? Вѣдь я честная жена: что тебѣ дѣла до меня? Буде тебѣ угодно, то можно сдѣлать и полюбовно: подари меня тафтою, то лягу съ тобою.

ГАЕРЪ *рече:*

Экакъ на, я тебѣ подарю и парчу, вотъ тотчасъ примчу,— и косякъ атласу; сдѣлаю на тебя прикрасу. Вѣдь мнѣ не покупать, я могу и дома достать: знаешь, что я торговый гость, ни во что принесу и жемчугу горсть. Не гляди, что платье такое: могу надѣть и золотое.

МОЛОДКА *рече:*

Да когда принесешь, то меня не найдешь.

ГАЕРЪ *рече:*

На вотъ; я какъ съ тобою полежу, то уже ни о чемъ не потужу. Да и принесу все скоро за одно слово.

МОЛОДКА *рече:*

Ну какъ ты меня обманишь, а самъ себя повеселишь?

ГАЕРЪ *рече:*

На вотъ въ закладъ—перстень мой, что я слуга твой.

МОЛОДКА *рече:*

Ну ладно, лишь бы была правда. Пойдемъ въ другой покой, тамъ еще не такой.

ГАЕРЪ *рече:*

Куда еще затѣвать? Можемъ и здѣсь лежать. Хотя и другой твой прибѣжитъ, не скоро оглядитъ.

(Лягутъ подъ одѣяломъ. Хозяинъ идетъ пьянъ и кричитъ: «Встрѣчай!»).

МОЛОДКА *рече:*

Государь мой! вставай да поскорѣй утекай; хозяинъ идетъ пьянъ, а онъ мужикъ упрямъ, обоихъ насъ заколетъ. Какъ мы можемъ спорить?

ГАЕРЪ *рече:*

Нѣтъ, дружка! давай за работу, что исполнялъ твою охоту. Видишь, я весь въ поту, зря на твою красоту. Ты думаешь взять у меня подарки? Развѣ похватаешь палки.

МОЛОДКА *рече:*

Батюшка мой! пусти! Смерть моя! Буди надо мною воля твоя. Вотъ тебѣ кольцо золотое, а впредь дамъ не такое. На твой перстень, будь то ты другъ нелестенъ. Бери, что хощешь въ домѣ, въ твоей то волѣ, только бѣги вскорѣ.

ГАЕРЪ *рече:*

Добро-ста; спасибо, прощай да опять ожидай.

ХОЗЯИНЪ *глаголетъ молодкѣ:*

Здорово, мой свѣтъ! А я пьянъ маленько, что пилъ весьма слатенько. Ляжемъ-ка спать съ тобою, а ты лежи тутъ со мною.

МОЛОДКА *рече:*

Готова, мой другъ!

(И лягутъ тутъ спать, а она не спитъ. Вышелъ Гаеръ и увидѣлъ мужа).

ГАЕРЪ.

Братъ! вставай. Купи у меня добрецо, жены твоей кольцо, также и другія вещи, покуль я не отдалъ твоей тещѣ.

МОЛОДКА *рече:*

Батюшка мой! помилуй, не съѣшь меня, побереги самъ себя! Что ты вздумалъ надо мною? Чѣмъ я виновата предъ тобою? Пожалуй, возьми себѣ, что пожелаеши, только о томъ да [1]) не объявляеши.

ГАЕРЪ *рече:*

Охо хо! захотѣлось тебѣ атласу? Дамъ я тебѣ большую ласу! Тебѣ ли меня обмануть? Нѣтъ, голубушка! Хоть ты какая будь, пусти меня въ середкѣ спать; я хочу твоего друга одаревать.

МОЛОДКА *рече:*

Государь! сотвори милость и помилуй! Пойдемъ въ другое мѣсто, пожалуй.

ГАЕРЪ *рече:*

Нѣтъ, не желаю; вездѣ мнѣ равно. А буде стараго разбужу, то уже и не такъ услужу.

МОЛОДКА *рече:*

Изволь же; да тихонько полѣзай, носъ ему не отломай.

ГАЕРЪ *рече:*

Не бойсь! не бойсь! (*Вмѣстѣ лягутъ*).

ХОЗЯИНЪ *рече:*

Ба! ба! ба! Что, братъ, за чудо? А ты пришелъ откуда? Зачѣмъ, братъ, здѣсь на кровати? Хочешь ли, какъ буду бока ломати? Спасибо, голубушка! Эдакъ ты вѣрна? Видно, что почиваешь одна!

[1]) Это слово въ рукописи пропущено.

ГАЕРЪ *рече:*

Повстанька, надѣнь очки! Что у тебя висятъ за клочки? Погляди-тко, кто я таковъ. Вѣдь я Окула Кулаковъ! Вѣдь ты меня, пьяный, затащилъ да съ собою на кровать положилъ. Помнишь ли, какъ подарилъ кольцомъ и сказалъ: «хочу знаться съ молодцомъ».

ХОЗЯИНЪ *рече:*

Нѣтъ, не знать. Ты, окута, что пришелъ тута? Эта хозяйка лукавитъ да меня не обманетъ.

ГАЕРЪ *рече:*

Постойка же; дай слѣзти, я скажу всѣ вѣсти. Вотъ тотчасъ.

(*И пойдетъ за шпалеры и станетъ смѣяться*):

Ха! ха! ха! Дуракъ! Всегда живи такъ! Вѣдь я то [1]) обираю и кольцо не даваю.

Изъ за шпалеръ ГАЕРЪ *вышелъ, глаголетъ:*

Что на свѣтѣ родился, такъ и умомъ куда пригодился! Разума довольно; не знаю, что попало, то и повираю. Люди живутъ разумно, а я всегда безумно. У иного довольно серебра и злата, того почитаютъ за брата; а у меня ничево нѣту: не знаю ни отъ кого привѣту. Весьма мнѣ хочется денжокъ, да ни полушки въ карманѣ не гремитъ. Ино ночью во снѣ видится, кабы полны денегъ карманы, а проснулся: ажно все обманы. Не знаю, какъ другіе наживаютъ; а у меня никогда не бываютъ. Развѣ ужь стать лукавить? Такъ и тутъ еще кто задавитъ. Пойду теперь, работать наймуся: авось либо разживуся.

Вышедъ къ нему ЦЫГАНЪ.

Здорово, братъ Анкудинъ! Что ты сидишь одинъ?

---

[1]) Такъ въ рукописи. Не слѣдуетъ ли читать: *те* (т. е. *тебя*)?

ГАЕРЪ *рече цыгану:*

Нѣтъ, братъ! Зовутъ меня Ералашъ, а денегъ въ карманѣ ни полушки не машь. О томъ то и воздыхаю, что, чѣмъ питаться, не знаю. Хоть бы нанялся гдѣ работать!

ЦЫГАНЪ *рече:*

Ну хощешь ли, я тебя продамъ, а денегъ тебѣ половину дамъ? Только ты сказывайся малоумной, али дуракъ какой безумной.

ГАЕРЪ *рече:*

Пожалуй, продай, только не дешево отдай, да гдѣ бы хозяинъ добренекъ и до меня миленекъ.

ЦЫГАНЪ *рече:*

Да знаеши, что я—цыганъ, давно знаю обманъ. Хоть бы кого окулаю, а все сіе знаю.

Вышелъ КУПЕЦЪ *и рече:*

Что вы за люди стоите и промежь собою говорите?

ЦЫГАНЪ *рече:*

Я шляхта небогатой, только весьма тароватой. Много крестьянъ обрѣтаю [1]), а въ глаза только въ первой сего видаю, и того хощу продать, а могу дешево отдать.

КУПЕЦЪ *рече:*

А что хощешь взять? Я могу деньги дать.

---

[1]) *Обладаю?*

ЦЫГАНЪ *рече* [1]):

Дай тридцать дукатовъ. Вѣдь можетъ служить и въ солдатахъ. И видишь, какой молодчина: будто красная дѣвчина.

КУПЕЦЪ *рече:*

Да что, братъ, онъ уже старикъ, будто деревенскій старикъ (?).

ЦЫГАНЪ *рече:*

Нѣтъ, онъ смиренъ весьма... Говорить болѣ нельзя.

КУПЕЦЪ *рече:*

Добро; вотъ тебѣ дукаты. А буде глупъ, то отдамъ его въ солдаты.

ЦЫГАНЪ *рече* [2]):

Ступай-ка, небось. Нечего божиться; тебѣ онъ пригодится.

ГАЕРЪ *цыгану говоритъ:*

Господине мой! что обѣщалъ, какъ мнѣ прежде вѣщалъ?

ЦЫГАНЪ *рече* [3]):

Добро; на вотъ тебѣ на вино грошъ, а за другими послѣ зайдешь.

ГАЕРЪ *рече:*

Явно меня обманулъ; теперь-то я воздохнулъ!

КУПЕЦЪ *рече гаеру:*

Ступай-ка, братъ, ты домой, теперь уже сталъ мой.

(*Пойдетъ за шпалеры и приведетъ купецъ въ домъ гаера къ себѣ*).

Жена лапушка! вотъ я тебѣ купилъ сидѣльца, матушка!

---

[1]) Эти слова въ рукописи пропущены.

[2]) Эти слова въ рукописи пропущены.

[3]) Также.

ЖЕНА *рече мужу*:

Что ты купилъ, Матюшка? Это эпикуръ, вѣдь онъ разгонялъ всѣхъ и куръ! Чортъ ли въ такомъ уродѣ? Пускай и тутъ онъ ходитъ на свободѣ; еще и тутъ онъ насъ испужаетъ: видишь, вѣдь онъ ничего не баетъ.

КУПЕЦЪ *рече* [1]):

Не замай. Увидимъ что въ немъ будетъ проку. Не бось, никуды не уйдетъ на свободу. Говоритка ты, дѣтинка,—экой ословинка!—чему обученъ или что въ сіе платье окрученъ?

ГАЕРЪ *рече*:

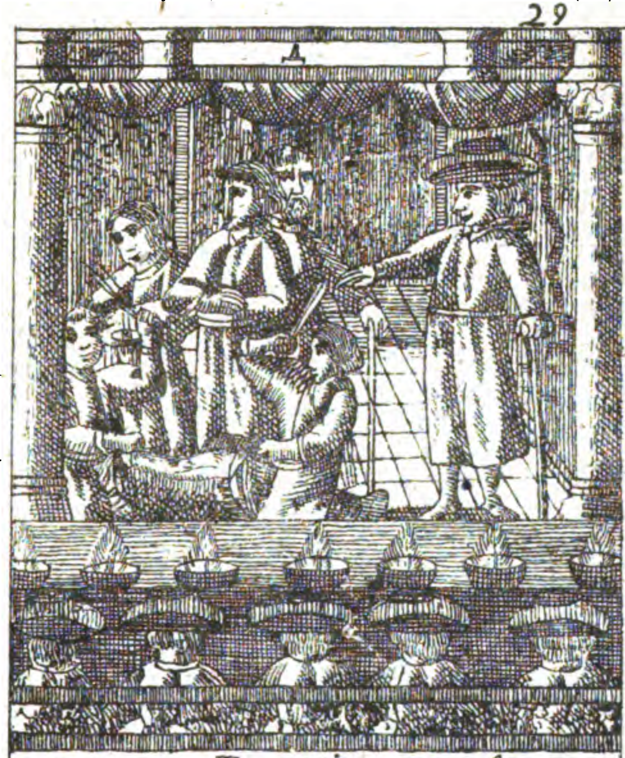
Я обученъ хлѣба и вина пить потребно, другаго не знаю; а ѣсть что ни найду, то все прибираю.

ЖЕНА *рече*:

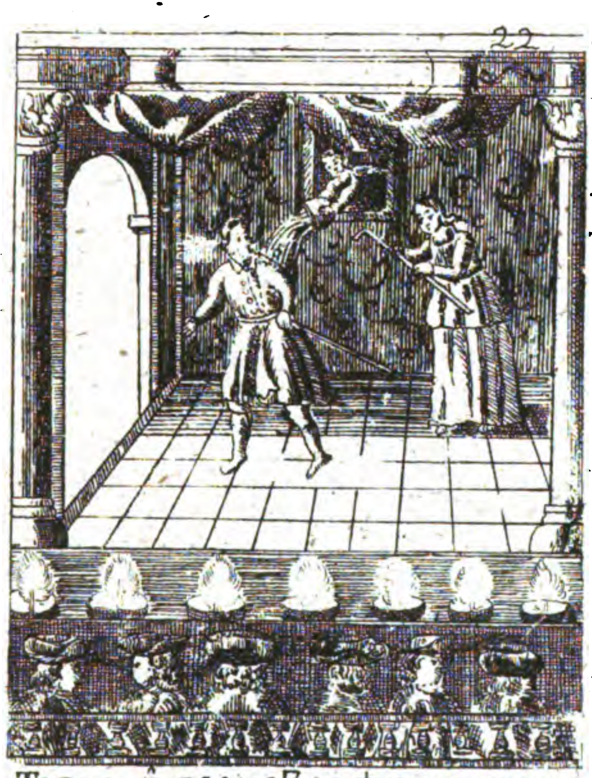
Вотъ какой проклятой, что чортъ мохнатой! Какая въ немъ прибыль есть! Лишь насъ всѣхъ объѣстъ.

---

1) Въ рукописи пропущено.

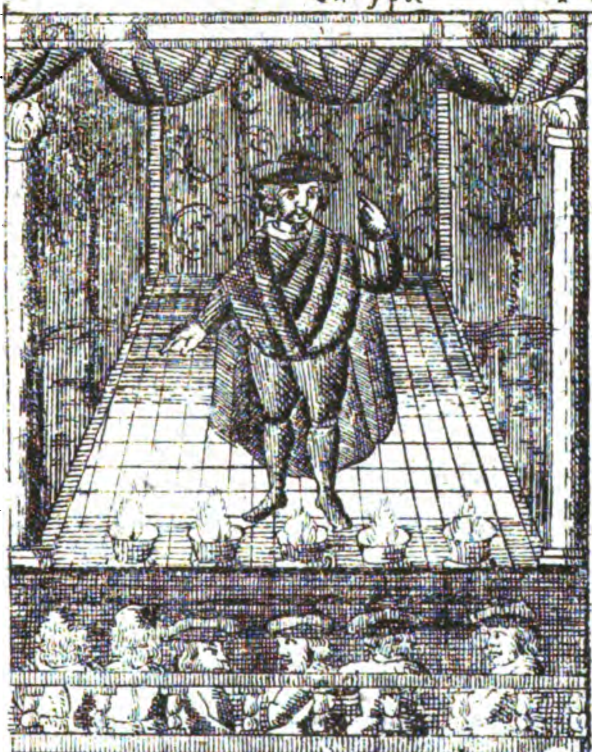

ТО ПРИХОДИТ ПРІКАЩІКЪ ІВОПРО
шаетъ пастуха и блуднаго
Малцы чтося увасъ доброгося дѣе
трудъ вашъ отстадетда добре спѣе
Пастухъ глаголетъ
Гдрю мои вин'ни есмы пред тобою
братъ сей анедрутъ усвиней сомною
симъ рожцы алъ есть ісвінкі разтнаши
сизъ невемъ стадо тдѣ потгепаше

Тогда и прелюбодѣицы руга
хѹса ему ѻваа гнаше коче
ргою ѻвааже воду лиаше
на него ѻнъже и ѿбежавъ
ѹвы глаголетъ

фигура

КОМЕДИА ПРИТЧИ ПРИЛОГЪ

Благороднїи благочестивїи
г(осу)дрие премилостивыи

Нетсию слово впамяти держится
а ноже еще что дѣломъ явится

ЗДѢ ВЕСЕЛАТСА ПОЮ̑Т ИГРАЮ̑С
ѿртаны пиютъ иторжествуютъ
единъ тоимо слуга надеатре
останетъ нотораго пришедъ
снъ старѣиши вопрошаетъ

*

ЦѢНА ЗА 2 ТОМА, 8 РУБЛЕЙ.